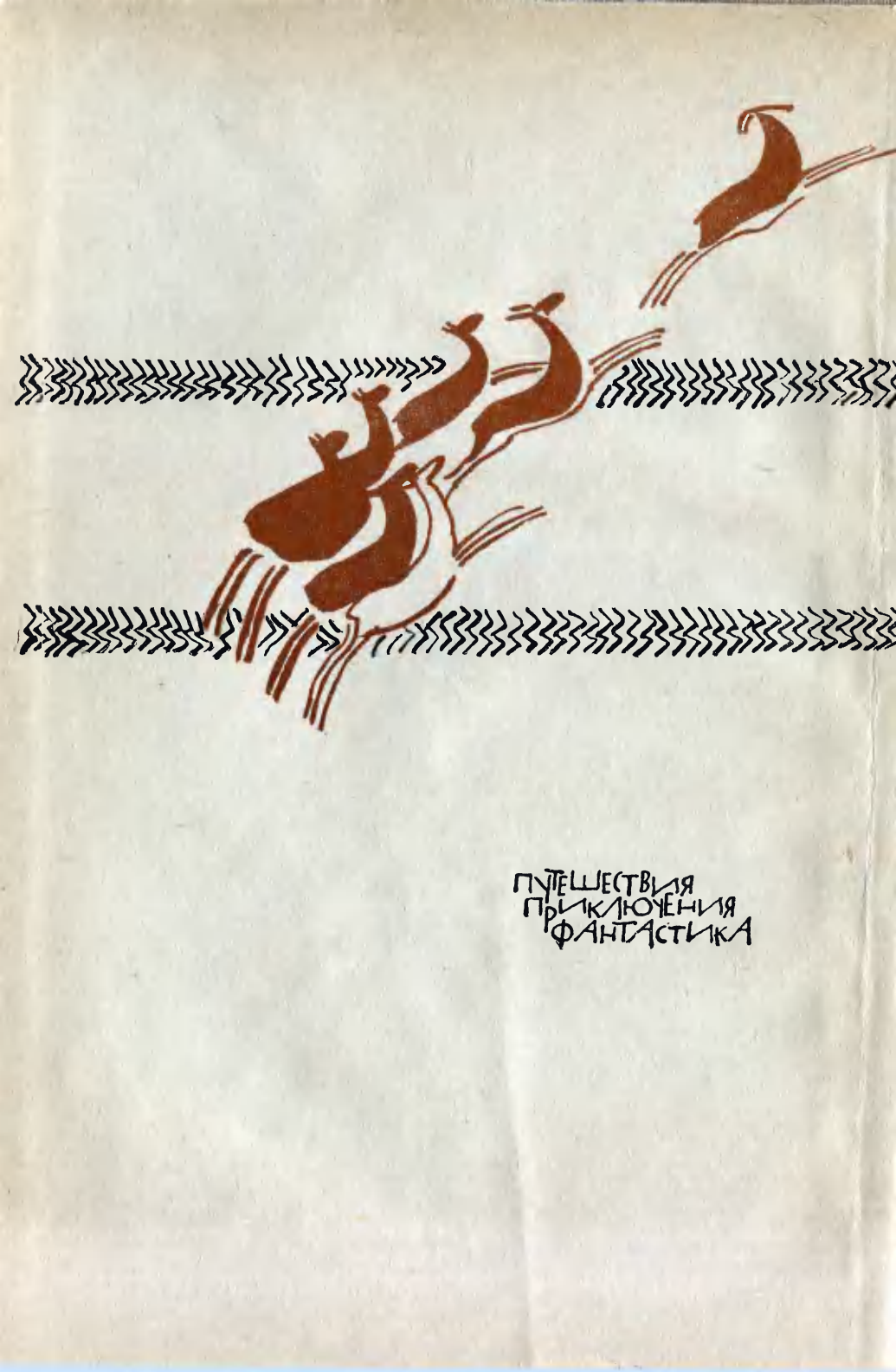
И. ЕФРЕМОВ

ДОРОГА ВЕТРОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА
1962


ПУТЕШЕСТВИЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА

И. ЕФРЕМОВ

ДОРОГА ВЕТРОВ

(ГОБИЙСКИЕ ЗАМЕТКИ)

Издание второе

91(09П)
Е—92

Художник Д. ЛИОН

Оформление книги и иллюстрации в тексте сделаны по мотивам наскальных рисунков

Иван Антонович Ефремов

ДОРОГА ВЕТРОВ

Редактор *С. Я. Проходцева*

Художественный редактор *С. С. Верховский*
Технический редактор *Э. Н. Виленская*
Корректор *Г. И. Ландратова*

Т—02230. Сдано в производство 28/XI—60 г. Подписано в печать 23/I-62 г. Формат 60×90 1/16. Печатных листов 23, вкл. 1. Условных листов 24. Издательских листов 22,78. Тираж 50 000. Цена 64 коп. Переплет 20 коп.

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15, Географгиз. Заказ № 2682.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Московского городского совнархоза. Москва, Ж-54, Валовая, 28.

Оглавление

Стр.

Предисловие 7

Кости дракона (Лууны Яс)

Глава I. Древняя суша 11
Глава II. За Тремя Прекрасными 22
Глава III. Красный лабиринт 50
Глава IV. Останец Цундж 72
Глава V. Путь на восток 101
Глава VI. «Богатый стол» 121
Глава VII. Домой 147

Память земли (Газрын Дурсгал)

Глава I. За скелетом неведомого зверя 165
Глава II. Штурм Нэмэгэту 189
Глава III. В лабиринтах ущелий 204
Глава IV. Узкая Синяя Гоби 227
Глава V. Вдоль подножия Алтая 242
Глава VI. Голубые маяки долины озер 261
Глава VII. По хангайским степям 280
Глава VIII. На дальний запад 292
Глава IX. Через разливы рек 312
Глава X. Могила Дракона . 325
Глава XI. Разгадка «Красной гряды» 339
Послесловие 360
Справка-словарь . 364

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1946—1949 годы мне пришлось руководить тремя последовательными палеонтологическими экспедициями Академии наук СССР в Монгольскую Народную Республику. Экспедиции работали в южной части республики — в полупустыне Гоби.

Природа Гобийской Монголии мало освещена даже в монгольской литературе. «Тридцать три великих Гоби» воспеваются в древних сказаниях, но скорее как символ необъятных просторов страны, чем как излюбленное место для жизни. «Лучше быть хангайским быком, чем гобийской девушкой»,— говорила старая пословица, отражая исконное стремление скотоводов к более привольной жизни в травянистых степях Хангая, изобилующих речками, родниками и ключами.

Теперь, с коренными изменениями в жизни монгольского народа, отношение к Гоби изменилось. Автомашины побеждают громадные пространства, число колодцев увеличивается с каждым годом, перекочевки упорядочены и заранее планируются. Однако и в современной монгольской литературе Гоби уделено недостаточно внимания.

В прошлом гобийская часть республики была областью преимущественно верблюдоводства. Верблюды обслуживали великие караванные пути из Центрального Китая в его западные провинции и в Россию. Эти пути пронизывали насквозь всю Монголию именно по южной, гобийской, части страны и в совокупности носили название «Ветровой дороги», или «Дороги Ветров». Другая великая караванная дорога, называвшаяся «Обходной», шла по Внутренней Монголии и выходила в Синьцзян через провинцию Ганьсу, но по ней караваны ходили реже, чем по Дороге Ветров,— трудны были многочисленные крутые перевалы.

Маршрут нашей экспедиции проходил в области Дороги Ветров — Северной Гоби — и притом в наименее населенных ее районах.

Поэтому пусть не посетует читатель на малое знакомство автора с Монгольской Народной Республикой в целом. О ее народе и экономических успехах уже написано немало хороших книг. Для меня, работавшего в пустынной Гоби, создание книги о всей Монголии было бы самонадеянной и безуспешной попыткой.

Сначала мне хотелось написать книгу о советской научной экспедиции, рассказать о самоотверженном труде коллектива ее участников. Однако обилие наблюдений в никем еще не описанных местах своеобразной и необычной географической области мира заставило меня отклониться от прежнего плана. Большое количество заметок о гобийской природе было бы недопустимо оставить втуне. После завершения экспедиции трудности работы в пустыне и различные походные приключения показались мне маловажными, обычными. Нисколько не меньшие тяготы испытывают десятки тысяч работников наших геологических партий, строители гидростанций, механизаторы, осваивающие целинные земли, и все те, кому приходится бороться с природой в открытую, без защиты прочного быта города или села.

Пусть простят мне мои товарищи, что мне не удалось в этой книге отдать должное их дружной, смелой и терпеливой работе. Описания гобийской природы, задач экспедиции, раскрытие научных достижений заняли в ней почти все место.

Настоящую книгу следует рассматривать как заметки путешественника, знакомящие читателя с интересной областью Центральной Азии, а также с некоторыми достижениями советской палеонтологической науки. Ни одного слова выдумки, ни не соответствующего действительности приукрашивания или художественного преувеличения в книге нет. Все написанное — подлинная правда.

Если после прочтения настоящей книги у читателя при словах Хонгор, Нэмэгэту, Цаган-Богдо возникнут перед глазами картины, рисующие черные пустыни Заалтайской Гоби, если читатель услышит шелест дериса на большой караванной тропе и если перед ним оживут торчащие из обрывов белые кости вымерших животных — тогда цель моей книги можно считать достигнутой.

Апрель 1955 г. *Автор*

КОСТИ ДРАКОНА
(ЛУУНЫ ЯС)

КНИГА ПЕРВАЯ

Дракон, пролетая,
приблизился к земле, упал и умер.
Кости его глубоко вошли
в землю и стали каменными.
Там, в горах Унэгету,
лежат теперь эти остатки.
Голова с туловищем упали
на полтора уртона дальше на запад,
в горах Цзосту-Ундур-Хара.
Вот каких размеров дракон!

Старая монгольская сказка.

Человек с друзьями — как широкое поле, человек без друзей — как пустая горсть.

Пословица

ГЛАВА I. ДРЕВНЯЯ СУША

В Монгольской Народной Республике, в южной ее половине, на обширнейших просторах полупустыни Гоби все напластования земной коры открыты взгляду ученого. Высокогорное плато в самом центре азиатского материка — Монголия в отдаленные времена земной истории была сушей, на которой семьдесят миллионов лет назад жили огромные ящеры — динозавры, бывшие владыки Земли. Позднее ящеры вымерли, их сменили высшие

животные — млекопитающие, которые сначала были странны, неуклюжи и сочетали в себе как бы смесь признаков самых разнообразных видов. Затем, около десяти миллионов лет назад, появились новые животные, уже совсем мало отличавшиеся от ныне живущих.

Вот этот отрезок геологической летописи нашей планеты — последний период господства ящеров и вся история млекопитающих — записан в слоях горных пород Монголии, вскрытых силами атмосферного разрушения.

В глубоких межгорных впадинах, огражденных голыми скалистыми хребтами, у подножий этих хребтов, в безводных и почти ненаселенных местностях гобийских районов Монгольской Народной Республики лежат бесценные сокровища науки. Наблюдательные, до тонкости изучившие родную природу сыны Гоби — араты-скотоводы,— давно уже знали о гигантских костях, вымытых из горных пород весенними водами и ливнями, там и сям лежащих на склонах обрывов и на дне ущелий. Народ знал, что это именно кости, а не что-либо иное, но, не будучи в силах дать истинного объяснения их появлению здесь, в наиболее мертвых и безводных участках Гоби, принужден был верить религиозным сказаниям лам о существовании драконов — священных животных неба. Так появилось и название ископаемых костей — лууны яс (кости дракона), хотя более проницательные и менее легковерные называли их просто чулутуин яс (каменные кости).

Когда окончилась Великая Отечественная война, правительство Монгольской Народной Республики обратилось к советским ученым — палеонтологам — с приглашением приехать в Монголию для изучения ископаемых животных. Академия наук СССР решила направить в Монгольскую Народную Республику специальную экспедицию.

Экспедиция проработала в Монголии 1946, 1948 и 1949 годы, открыла местонахождения исполинских динозавров и древних млекопитающих, извлекла из красноцветных отложений древней азиатской суши целые скелеты хищных, растительноядных, утконосых и панцирных динозавров, крокодилов, исполинских черепах, открыла залежи ископаемых деревьев, раскопала скелеты древнейших крупных млекопитающих.

Сейчас часть скелетов можно увидеть в Палеонтологическом музее в Москве, другие находки выставлены в музее Улан-Батора.

Работы экспедиции полностью опровергли представление о древней суше Азии как об извечной пустыне и позволили представить, какой была на самом деле Монголия шестьдесят миллионов лет назад — раскинувшаяся у морского побережья обширная, низменная страна с болотами и богатейшей растительностью.

* * *

В пути из Москвы в Улан-Батор я не переставал думать об экспедиции, стараясь представить себе высокое плоскогорье в самом центре Азиатского материка — Монголию...

Волны барханных песков Черной Гоби уходят на юг, во Внутреннюю Монголию, в Китай. К северу от песков широкий пояс каменистой полупустыни занимает южную, гобийскую, половину Монгольской Народной Республики. Там, в жарких, безводных котловинах — впадинах между хребтами — залегают красноцветные породы. Это пески, глины и песчаники, некогда отлагавшиеся в устьях рек Центральноазиатской суши, которая не покрывалась морем последние сто тридцать миллионов лет. В этих породах сохранились неприкосновенными остатки самых различных наземных животных, населявших Центральноазиатский материк от меловой эпохи до наших дней,— исторические документы великой лестницы эволюционного развития животных от неуклюжих, безмозглых ящеров до быстрых и сообразительных млекопитающих — ближайших родичей человека.

Здесь должны быть сохранены свидетельства великого вымирания гигантских ящеров — динозавров...

Найти эти документы, извлечь их из горных пород, доставить в Москву, в лабораторию Академии наук— такова задача будущей экспедиции. И не только это: необходимо изучить самые породы, восстановить по ним условия их образования, климат и характер древней азиатской суши, условия существования и гибели животных — все это нужно выполнить вместе с поисками и раскопками окаменелых костей.

Только тогда наблюдения экспедиции послужат прочной основой для науки. В лабораториях института и музея шаг за шагом будет воссоздана величественная перспектива истории жизни на Земле, уходящая далеко в бездонные глубины времени...

Первые находки костей ископаемых животных в Центральной Азии сделал наш геолог-путешественник, покойный академик В. А. Обручев. Во впадине Кульджин-Гоби, в пределах Внутренней Монголии, на склонах обрывов, в лабиринте оврагов и промоин сохранились кости титанотериев и водных носорогов, живших тридцать миллионов лет назад. Зуб носорога, доставленный в 1894 году из этого малоизвестного места В. А. Обручевым, послужил впоследствии (в 20-х годах нашего столетия) академику А. А. Борисяку отправной точкой для широких обобщений, доказавших, что огромное число животных обитало в прошлые геологические периоды на Центральноазиатской суше и дало начало животному миру всей Евразии и отчасти Африки.

Молодой Советской республике в первые годы своего существования трудно было организовать сравнительно дорогие экспедиционные исследования в Центральной Азии. Это сделали

американцы. После первой мировой войны в Америке накопилось много золота, и частные пожертвования дали возможность большой Центральноазиатской экспедиции, организованной Нью-Йоркским музеем естественной истории, проработать несколько лет во Внешней и Внутренней Монголии. Открытия, сделанные этой экспедицией: яйца динозавров, древнейшие млекопитающие, множество огромных титанотериев со странными выростами черепа и ряд скоплений остатков более мелких ископаемых животных,— все это имело крупный научный интерес и сопровождалось шумной рекламой, способствовавшей сбору денег.

Однако начатые этой экспедицией в 1922 году работы на территории Монгольской Народной Республики (Внешней Монголии по старому географическому обозначению) после 1925 года были запрещены народным правительством. Вскоре и китайское правительство запретило, со своей стороны, американской экспедиции работать во Внутренней Монголии (составляющей часть

территории Китая) по аналогичным причинам нарушения суверенитета страны. Я помню массивный том, который вышел в те годы, в желтой обложке, с глубоко оттиснутым английским заглавием между вязью монгольских письмен. Сколько раз я осторожно переворачивал вклейки великолепных фотографий, задумчиво смотрел на горделивое заглавие «Новая победа в Центральной Азии».

Сменялись изображения грозных барханов, процессий легковых автомобилей с звездными флагами, громадных верблюжьих караванов и роскошных завтраков с салфетками и бокалами на фоне пустыни... Описание работы экспедиции носило рекламный характер и занимало весь толстенный том, в котором затерялись, отступив на задний план, немногочисленные страницы, посвященные собственно научным открытиям.

Маршруты американцев прошли вдоль Великого Монгольского караванного пути. В книге часто упоминались опасности, подстерегавшие путешественников при малейшей попытке уклониться на машинах в сторону от караванной тропы. Районы, где американские исследователи нашли самые богатые скопления костей, были описаны своеобразно. Как будто бы все нужные сведения сообщались в книге, но в то же время не было никакой возможности определить точное географическое положение этих мест.

Я вспомнил, что этот недостойный ученых маневр удивил меня еще тогда, когда я совершал свои первые шаги в науке и восторгался успехами американской экспедиции.

Теперь благодаря исследованиям советских ученых в Монгольской Народной Республике стало известно, что ископаемые кости встречаются в МНР несравненно чаще в большем числе мест.

Сокровищница документов прошлой жизни в отложениях мезозоя и кайнозоя, МНР предстала теперь не случайными обрывками отдельных «удачных» находок, а как гигантское вместилище целого отрезка истории наземного животного мира. Изучение его могло быть выполнено только в результате большой, упорной и трудоемкой работы в течение ряда лет.

Четверть века неосуществленных мечтаний сделали задачу совершенно ясной, и оставалось только подсчитать, что реально мы сможем сделать нашими силами.

Теперь «зашифрованные» местонахождения американцев нам не были нужны. Мы пойдем другим путем — за четверть века развития советской науки у нас выработались свои методы! Мы изучили закономерности тех процессов, которые формируют в истории Земли страницы геологической летописи,— те пласты, слои горных пород, в которых захороняются, превращаются в камень, сами становясь частью породы, остатки древних, вымерших животных. Узнали, что большие скопления окаменелых костей образуются не случайно, а в результате совпадения совершенно определенных процессов, которые можно учесть. Узнали, что распределение этих местонахождений в пластах земной коры также подчинено определенным законам, изучением которых занимается новая отрасль геологических наук — тафономия.

Вооруженные этими знаниями, мы могли идти в гобийские просторы для систематической, планомерной работы, постепенно разгадывая одну за другой тайны природы...

Работать придется в безлюдных и безводных местах, куда нужно завезти рабочих, продукты, инструменты, необходимые для раскопок, лес, гипс, ящики, бумагу, гвозди, вату; нужны лебедки, тросы, тали: ведь средний вес каждого скелета динозавра — несколько тонн; придется наладить снабжение водой на больших расстояниях от колодцев и, наконец, вывозку десятков тонн коллекций из глубины бездорожья Гоби.

Все эти задачи могут быть решены только мощным автотранспортом. Именно он и составляет решающее звено в организации экспедиции. А от перевозок вьючным способом, верблюдами, необходимо решительно отказаться: слишком много требуется времени и слишком мало груза поднимает верблюд. Вьючных животных выгодно использовать лишь для коротких перевозок местного характера — подвоза воды, проезда в непроходимых для автомашин местах.

Для первого года работ, разведочно-ознакомительного, будет организована небольшая экспедиция, для последующих — крупная, на тяжелых грузовых машинах...

Так, медленно, но четко обрисовались окончательные формы организации палеонтологических исследований в Монгольской Народной Республике. И спокойная уверенность приходила на смену тревогам и волнениям.

* * *

...Самолет сильно качнулся с крыла на крыло, клюнул носом и продолжал стремительно лететь дальше, время от времени встряхиваясь, словно желая сбросить с себя тонкую пленку воды, облипавшую его металлическое тело. Непроглядный туман рассеивался. Рваные серые клочья медленно расползались внизу и открывали землю. Слева засияли широкие столбы солнечного света. Мокрые, вибрировавшие на концах крылья вспыхивали солнечными бликами.

А внизу по-прежнему толпились сопки, теперь безлесные, покрытые лишь подсохшей травой. Гладкие склоны походили на бока сытых верблюдов в короткой и светлой летней шерсти. Туман исчез, чистое небо ярко голубело. Самолет понемногу снижался, направляясь вдоль асфальтового шоссе.

Вот машина легла на крыло, шум и давление возникли в ушах. Направо блеснула река Тола («Зеркало») и белые домики...

— Курорт Сангино, сейчас будет Улан-Батор! — воскликнул спутник-монгол.

Еще несколько минут — и самолет покатился, вздымая пыль, по ровному участку сухой степи в кольце невысоких безлесных гор.

Удивительно чистое высокое небо излучало сухой зной. Солнце, отражаясь от беленых стен домиков, слепило глаза. Сонные коровы вяло бродили поблизости. Кругом полная тишина, приятная для ушей, натруженных ревом самолетных моторов. Едва ощутимый ветерок принес запах полыни, сильный и свежий...

Здесь, в столице Монгольской Народной Республики, нам пришлось провести месяц. Надолго запомнился мне осенний Улан-Батор, впервые увиденный в 1946 году. Спокойные, ясные дни с могучим сверканием солнца в чистейшем горном воздухе, ночи звездного изобилия с неизменным воем бесчисленных псов. Западная часть города — остаток старой Урги — лабиринт узеньких пыльных улочек, обнесенных частоколами из тонких неокоренных лиственичных бревнышек. Эти бревнышки поставлены вплотную друг к другу и отгораживают вытоптанные дворы с юртами или маленькими одноэтажными домиками — то, что по-местному называется хошаном. Такие же лиственичные частоколы и хошаны разбросаны и в других частях города, но там они рассечены, оттеснены или попросту уничтожены победным

шествием нового города и массивами красивых, преимущественно белых зданий, учрежденческих и жилых.

Университет тогда был почти закончен и гордо вздымал дугу высоких белых колонн на фоне конических вершин гор Чингильте. На гигантской площади с памятником Сухэ-Батору вырастали новые здания — государственный театр, кинотеатр, гостиница, а немного поодаль, ближе к реке Толе, росло величественное здание библиотеки. Возле, в простом и суровом еще кирпиче или выбеленных и отделанных синими панелями зданиях, обрисовывались чистые и светлые архитектурные формы.

Эти новые стройки так резко контрастировали с угрюмой изолированностью и теснотой глухих частоколов, надменностью громадных, но с низкими входами ворот бывших богатых дворов, грязью и пылью Заходыра (толкучка на базарной площади), скученностью и одиноким трудом лавочек китайских кустарей в старом городе, что самому ненаблюдательному и незнакомому со страной приезжему новая жизнь Монгольской республики говорила сама за себя, не требуя никаких дополнительных разъяснений.

В Улан-Баторе новые дома, большие и малые, белые с отделкой из любимой в Монголии яркой и чистой синей краски. На солнце эти дома кажутся радостными и легкими, но особенно хороши они, если смотреть поверх них на юг, где высится над городом зеленая, с серыми выступами скал и плоской гольцовой вершиной громада Богдо-улы («Святая»).

Гора-заповедник, последний отрог Хэнтейской (Хэнтей — «Сердитый») тайги, выдвинувшийся на юг, одинокий среди степной зоны Улан-Батора, всегда привлекает внимание жителя города. Ее облик изменчив и отражает все быстрые перемены здешней погоды.

Разные краски, угрюмые и веселые, бегут, сменяясь, от серых гранитных полей вершины через черноватую зелень высоких кедровников к светло-зеленым бархатистым безлесным склонам нижних уступов, там, где белыми камнями выложены монгольские надписи и римские цифры в честь двадцатипятилетия Народной республики.

В сентябре погода была неизменно ясной и тихой. Богдо-ула, казалось, надела золотой пояс — так ярко желтели в солнечном свете осенние лиственичные леса. И серые скалы, и хмурые темные кедровники как будто впитывали в себя оранжевые отблески, светлея и радуясь...

Но гораздо больше привлекала меня линия удаленных голых гор, правее от величественной Богдо-улы, там, где шел тракт в Южную Гоби. Туда, к этой часто застилавшейся пыльной дымкой дали, постоянно устремлялись мысли, пока шла подготовка к полевым работам и волей-неволей приходилось задерживаться в Улан-Баторе.

Дружеская встреча в монгольском Комитете наук, неизменная поддержка и помощь в советской миссии и торгпредстве ободрили нас с первых же шагов. Мы быстро подружились с немногими советскими специалистами, работавшими в университете, Комитете наук и других организациях. Гобийская часть республики была почти совсем неизвестна молодой монгольской геологии, поэтому нам старались помочь сбором всевозможных сведений о «костях дракона», старых записей и отчетов путешественников.

Сотрудники Комитета наук усердно учили нас сложной монгольской вежливости и пословицам, посмеиваясь над нашим нелепым произношением. Нас, новичков в Монголии, восхитила романтическая красочность монгольского языка. Комитет наук, по-монгольски «Шинжлех Ухааны Хурэлэн», в точном переводе назывался «Круг Мудрых Изучающих». Ученый секретарь (нарин бичгийн дарга) переводился как «начальник тонкого письма». Даже моя, весьма сухая, должность в Академии наук, где я заведовал отделом древних позвоночных Палеонтологического института, после перевода на монгольский звучала, как «лууны яс хэлтэс дарга» — «начальник отдела драконовых костей»!

День за днем мы оборудовали склад, завозили горючее, делали железные печки для палаток, чтобы работать, не боясь ночных морозов, доставали деревянные бочки для воды, кошмы, заготовляли нужные продукты.

Мы спешили, но и время летело необычайно быстро. Наконец троим из нас — Ю. А. Орлову, В. А. Громову и Я. М. Эглону — удалось отправиться в Гоби в качестве передового отряда для устройства базы. Было решено начать работу с наиболее удаленных и трудных мест в Южногобийском аймаке (областном центре). Многие советовали нам начать с Восточной Гоби, более близкой и более доступной. В ней при геологических работах последних лет было обнаружено много мест с остатками ископаемых костей.

Но мы все же направились в Южную Гоби: там, в неизученных районах, были огромные массивы красных пород — отложений древней Центральноазиатской суши. В больших впадинах между недавно поднявшимися хребтами мы надеялись открыть богатые местонахождения остатков ископаемых животных. Иными словами, в Восточной Гоби нас ждал верный успех средней руки; в неизведанных районах Южной Гоби — провал или крупный успех. Мы не могли в первой экспедиции довольствоваться средним результатом и поехали в Южную Гоби...

К началу сентября окончательно определился и состав экспедиции: три профессора-палеонтолога, два опытных препаратора и три шофера. К нам присоединились переводчик Лубсан Данзан, только что окончивший Московский университет, геолог, прикомандированный от Комитета наук МНР, а также повар и пятеро молодых рабочих.

Наши научные силы скомбинировались удачно. Директор Палеонтологического института профессор Ю. А. Орлов был наиболее крупным в СССР специалистом по ископаемым млекопитающим, профессор В. И. Громов — по позднейшим млекопитающим и по четвертичной геологии, я занимался ископаемыми пресмыкающимися и геологией древних материковых отложений.

Наши весьма опытные лаборанты, или препараторы-палеонтологи,— разносторонние специалисты, не только умеющие извлекать ископаемые кости из крепких пород, в которые они заключены. Препаратор — это искусный человек, знающий и раскопки, и монтировку скелетов вымерших животных в музее, умеющий изготовлять гипсовые реконструкции — восстанавливать недостающие части и куски — и многое другое.

Более всего сходны препараторы-палеонтологи с реставраторами у археологов и историков, а хорошие умельцы, конечно, редки и подчас важны для науки больше, чем иные научные сотрудники. Таким умельцем на все руки, вдобавок еще скульптором и резчиком по дереву был наш начальник раскопочного отряда Я. М. Эглон — самый опытный раскопщик. Другой препаратор — М. Ф. Лукьянова, единственная женщина в экспедиции, была искусным специалистом по очистке костей от породы, их закреплению и сохранению.

Наш автотранспорт состоял из трехосной трехтонки и двух полуторатонных грузовиков ГАЗ-АА. Трехтонка предназначалась для основной перевозки грузов и коллекций на базы, а также как бензиновоз в дальних маршрутах, а полуторки — как легкие машины для всевозможных разъездов.

И вот, наконец, я выехал из Улан-Батора в середине сентября, чтобы присоединиться к своим товарищам, которые отправились немного раньше и уже совершили два коротких маршрута в районе Далан-Дзадагада («Семьдесят источников») — аймачного центра Южной Гоби, выбранного нашей опорной базой для южногобийских исследований.

В Улан-Баторе установилась холодная погода. На горах вокруг города выпал снег. От Богдо-улы до низких и угрюмых гор Чингильте на севере небо было закрыто сплошным покровом белесых туч. С востока вершины гор Баин-Дзурх («Богатое сердце») отливали розовым— там солнце начало пробиваться сквозь облачный покров.

Холодный ветер врывался в кабину. Раскачиваясь и сотрясаясь, тяжело нагруженная машина ползла по бесконечному подъему. Слой снега вокруг был очень тонок, из него выступали и мелкие камни и пучки ковылька. Поэтому вместо ровной снежной белизны склоны казались пестрыми. Черная щебенка со снегом давала чистый серый тон на откосах, а трава, торчавшая из-под снега, окрашивала горы бледной желтизной.

Дорога — собственно, накат по каменистой, щебнистой почве — поднималась по сквозной долине на перевал. Все ниже ползли суровые тучи, все сильнее свистел холодный ветер, и казалось, негде укрыться от холода в пустынных равнинах Гоби в столь позднее время года.

Орлы сидели поодаль на холмах, и хмурый вид хищников гармонировал с угрюмыми низкими тучами. Кое-где важные тарбаганы цепенели пеньками от любопытства и всматривались в машину, затем поспешно бежали к норам, смешно виляя жирными задами.

Песчанки во множестве суетились на дороге, ныряли в едва заметные дырки в плотно укатанной почве от грозных, налетавших, как смерч, колес.

— Чего эта мелочь роется на самой дороге? — спросил водитель трехтонки, шофер Андросов.

— Дело простое. На дороге земля укатана, не осыпается над входом — значит нору вырыть гораздо легче. И сама нора крепче — дольше стоит и трудно разрыть...

— Вот как! Значит, это неспроста?

— В природе ничего «спроста» не бывает!

Слева от дороги, на маленькой ровной площадке перед отвесным утесом, лежал труп верблюда, застывший в необычной позе — с подогнутыми под себя ногами и высоко вытянутой вверх шеей. Череп свалился и лежал рядом, а мертвый верблюд, как мрачная статуя, казалось, стерег пустынную долину...

Вообще по дороге часто встречались верблюжьи трупы — в предшествующую зиму животные гибли от снежных заносов в горах.

Мы выбрались из долины и остановились у громадной каменной кучи — обо́, чтобы подождать отставшую полуторку. Это обо́ высотой в полтора метра было сложено из гладких, окатанных камней, поднятых сюда из речных долин проходившими здесь караванами.

Обо, если находится на перевале, всегда безошибочно указывает его высшую точку, которую не всегда точно определишь на глаз, если по сторонам пути склоны гор создают обманчивую картину подъемов и уклонов. Обо — когда-то бывшее своеобразной жертвой духу горы — стало потом указателем пути кочевникам и караванам в однообразной местности.

Впереди нас, на юге, открывался широкий скат на равнину. Облачность там рассеялась, и равнина желтела в солнечном свете, раскрывая далекий и яркий простор. Необыкновенно прозрачный воздух Монголии уводил взор за десятки километров. Там виднелась новая горная гряда, но низкая, голубая и приветливая.

Солнце осветило вершину перевала, и сразу стало теплее. Подошла полуторка, и обе машины понеслись вниз, к широкой равнине, вырвавшись из хмурых, засыпанных снегом гор.

К вечеру мы проехали два сомона, которые находились в бывших монастырях и отличались великим множеством складов. Эти склады были устроены в бесчисленных деревянных домишках — некогда отдельных кельях лам. Мы остановились на ночлег в лабиринте гранитных глыб, недалеко от центра Среднегобийского аймака Дунду-, или Мандал-Гоби («Средняя, или Возрожденная, Гоби»).

На следующий день все изменилось. Яркое, чистое небо высилось над простором широких однообразных равнин, перемежавшихся с плоскими холмами или редкими грядами невысоких скал. Солнце жгло серую и редкую траву — низкую полынь, редкий ковылек.

Горячий ветер шелестел дерисом, металлическая стенка кабины со стороны солнца сильно нагрелась. Дорога стала лучше, ровнее, мелкие речки давно исчезли, и вместо них встречались только широкие сухие русла от временных водных потоков. Машины быстро мчались, то поднимаясь, то спускаясь с пологих возвышенностей, и десятки километров дороги незаметно уходили назад.

Чем дальше к югу, тем бесплоднее становилась степь, растительность делалась реже и реже и все чаще встречались почти голые, покрытые однотонным темно-коричневым щебнем участки.

Знание — высшее богатство, родной очаг — среднее, скот — низшее.

Старая поговорка

ГЛАВА II. ЗА ТРЕМЯ ПРЕКРАСНЫМИ

Еще задолго до прихода наших машин правительство Монгольской Народной Республики оповестило гобийские областные центры (аймаки) о приезде экспедиции, предписывая оказывать всяческую помощь. В Южногобийский аймак (Далан-Дзадагад), долженствовавший быть центром наших исследований, приехал уполномоченный правительства, который в числе других дел должен был найти людей, знавших о находках костей дракона. Сам

уполномоченный видел кости дракона в детстве, а его родственники и друзья были знатоками Гоби. По его вызову старые араты прибыли из дальних мест и остановились близ Далан-Дзадагада, ожидая приезда уполномоченного, который обещал навестить их дома, т. е. в кочевых юртах.

Солнце спускалось к скалистым вершинам Гурбан-Сайхана («Трех Прекрасных»). Хребет громоздился над плоской щебнистой равниной, запирая пути к югу, сурово поблескивая отполированными ветром кручами. В небольшой промоине заросли дериса колыхались на слабом ветру бело-желтой гривой, обрамлявшей подножие маленького холма. На холме почти рядом стояли две юрты, крытые пестрой, видавшей виды кошмой. У входа ближайшей к промоине юрты, лицом к хребту, сидели три арата и покуривали длинные трубки.

— Уже поздно, почтенный Балсандорж,— сказал самый молодой из собеседников Хорло,— ваш брат Цевен напрасно надел свое новое дели: от аймака сюда полуртона, и важный начальник не поедет на ночь.

Старик Балсандорж погладил отросшую на две ладони бороду и покачал головой:

— Нет, мой Лодой Дамба никогда не обманывает никого. Он сын моего лучшего друга и мне тоже, как сын... Мы учили детей, что лучше сломать свою кость, чем свою честь!

Пожилой широколицый арат в вишневом дели — Цевен, брат старика, одобрительно усмехнулся, выбил пепел из трубки в серебряную чашечку и показал нефритовым мундштуком на восток. Оттуда быстро приближался одинокий всадник. Острые глаза степняков сразу заметили, что он в неудобном для езды европейском костюме.

— Не успел переодеться, наверно прямо с совета,—удрученно пробормотал старик.

— Какое спешное дело заставило его так торопиться? — спросил Хорло.

— Лодой Дамба приехал из Улан-Батора по поручению маршала,— негромко ответил Балсандорж,— чтобы найти людей, знающих, где лежат кости дракона... Из Советской страны прибыли ученые. Они хотят смотреть эти кости, выкопать их, изучить и объяснить нашему народу, что это такое. Вот ему и нужны два старика — я и Цевен. Мы оба водили караваны в прежние времена и знаем много мест в Гоби, видели и кости дракона...

— Кости дракона... ха! ха!.. сказки... как же могут ученые из великой Страны Советов искать несуществующее?..— откровенно расхохотался молодой арат. Старики нахмурились и поглядели друг на друга.

— Позже выросшие рога длиннее прежде выросших ушей,— тихо и ядовито произнес Цевен. Хорло вспыхнул, умолк и стал

смотреть на подъехавшего гостя — невысокого и тонкого, в отличном светло-сером костюме.

Лодой Дамба отряхнул пыль и быстро подошел к старикам, широко улыбаясь.

— Вот мы и увиделись, почтенный Балсандорж! — радостно крикнул он и почтительно поклонился старикам, поспешившим ему навстречу.

— Мы получили твое письмо и еще вчера ждали тебя... Но это ничего...— прервал старик извинения гостя.— Зато мы с Цевеном вспоминали места, где хранятся кости дракона. Цевен готов вести туда советскую экспедицию. Мы говорили об этом, когда Цевен увидел тебя, а сосед Хорло нашел смешным наш разговор...

— Вовсе нет,— запротестовал молодой арат,— я только хотел получить разъяснение. Ведь я тоже учился в школе и узнал, что драконы никогда не существовали. Это ламские сказки, и пришли эти сказки к нам из Китая. А теперь и сами китайцы не верят в драконов.

— Такие же слова говорил я Балсандоржу, приехав из школы двадцать пять лет тому назад,— задумчиво сказал Лодой Дамба,— а потом...— Он умолк, глядя на склон ближнего холма. Там, словно большой черный сарлык на ночлеге, вытягивалась закатная тень.

— И потом вы поверили? — опять не удержался Хорло.

Лодой Дамба тихо рассмеялся:

— Придется вам рассказать, иначе получится, что я, инструктор ЦК Народно-Революционной партии, стою за религиозные пережитки...

Лодой Дамба потянул вверх свои отглаженные брюки, подогнул под себя ноги и начал размеренным голосом:

— «Дракон, пролетая, приблизился к земле, упал и умер. Кости его глубоко вошли в землю и стали каменными. Сперва он ударился о землю хвостом и задними лапами, там в горах Унэгэту («Цветные горы») лежат теперь эти остатки. Голова с туловищем упали на полтора уртона дальше на запад, в горах Цзосту-Ундур-Хара («Охристо-черная высота»). Вот каких размеров дракон!»

— Так мне рассказывал Балсандорж двадцать пять лет тому назад,— продолжал Лодой Дамба.— Юрты наши стояли у Дзабхана («Разливающийся»), и до Унэгэту было совсем недалеко. Я, так же как теперь вы, Хорло, отрицал драконов. Тогда пришел отец и подтвердил, что тридцать лет назад он шел здесь с караваном, видел кости дракона. Мы с Балсандоржем оседлали коней и поехали. Скоро пошли колодезные тропы, вдали показались невысокие красные холмы. Холмов было много, они были круглые и низкие и стояли попарно. Мы долго ездили по ним, я покорно следовал за Балсандоржем, а тот вертел головой, как гриф, и вытирал потный лоб шапкой. Наконец он издал радост-

ный возглас и спрыгнул с коня. Мы подошли к ровной площадке, окруженной пятью очень низкими холмиками. Повсюду лежали гигантские кости такого размера, что не могли принадлежать никакому из живущих с нами животных. Ошибиться было невозможно, кости были такими же белыми, какими становятся у нас в степях всякие кости. Я различал бабки величиной в двадцать бараньих, страшные когти, кривые и заостренные, больше и толще длинного ножа. И дальше, за холмиками, лежали еще десятки костей. Я стоял молча. В голове моей, еще совсем недавно освободившейся от ламской науки, помутилось. Никто никогда не видел драконов. Я твердо знал, что драконы такое же порождение религиозной выдумки, как и все тысячи духов и демонов буддийского неба и ада, но передо мною лежали чудовищные кости! Некоторые казались совсем свежими, как будто мертвый дракон рухнул сюда, в эти красные бугры, всего лишь луну назад. Я осторожно поднял громадный коготь — крепкий, тяжелый и плотный — и молча прыгнул в седло. Балсандорж сжалился над моей растерянностью и рассказал, что в Гоби есть много мест, где люди встречали кости драконов. Почему-то всегда кости лежат среди бесплодных обрывов красных глин и песка. Говорят, что дракон при падении уничтожает вокруг все живое...

Рассказчик выпил поданную чашку чаю и прислушался. Глухой и протяжный шум нарастал с запада. Внезапно налетел крутящийся вихрь, захлопнул открытую дверь юрты и унесся в пыльном тумане. Следом за вихрем подул ровный и прохладный ветер. Хлопнула кошма на раскрытом тоне, и в юрте стало темно.

— Пришел ветер на ночь,— сказал Балсандорж,— сейчас зажгут светильню... Вы так хорошо говорите, Лодой Дамба, что я вижу ясно все перед собой и снова еду вместе с вами по красным буграм...

— Я был сильно поражен тогда,— отозвался Лодой Дамба,— словно с высокого перевала увидел новую страну, и накрепко все запомнил. Слушайте дальше. Мы приехали к нашим юртам ночью и еще долго сидели и разговаривали. Мой отец сказал, что Балсандорж потому много знает о костях дракона, что его млад-

ший двоюродный брат Цевен водил караваны по Большой Обходной дороге через Черную Гоби и по Дороге Ветров. Там, на северной окраине Черной Гоби, в еще более пустынных и бесплодных местах, лежит множество костей исполинских драконов. Вот туда-то и надо провести советскую экспедицию!

Балсандорж и Цевен как по команде набили трубки.

— Это очень далеко, там,— Цевен махнул рукой в направлении хребта,— пойдут ли советские люди туда?.. А если пойдут, то пройдут ли их машины?..

— Я знаю русских людей,— возразил Балсандорж,— они пройдут везде, где понадобится, но ты, уважаемый брат, не стар ли для такого пути?

— Я стар — это ничего, найдем проводника помоложе. Я расскажу ему, так расскажу, что он найдет, будто там родился! — с азартом воскликнул Цевен.

Лодой Дамба одобрительно усмехнулся...

Две недели спустя после отъезда уполномоченного наши машины, тяжело нагруженные снаряжением и горючим, медленно шли по Средней Гоби. После ночлега среди больших камней на травянистой равнине у Мандал-Гоби мы въехали в настоящую Гоби — щебнистую, черную, с редко разбросанными кустиками травы. Несколько часов покрышки однообразно скрежетали по щебню. Становилось все жарче, как будто сентябрьское солнце молодело с каждым часом.

Мы сделали остановку на обед у разрушенных глинобитных стен развалин Олдаху-хида («Найденный монастырь»). Длинный ряд разбитых белых чаш субурганов отгораживал развалины от плоских щебнистых гряд с севера. С юга прямо к стенам подходила огромная, совершенно мертвая равнина. Рыжая глина бесплодной почвы просвечивала сквозь черный мелкий щебень. Глубокие канавки — следы автомобильных колес — бороздили равнину в разных направлениях: попытки неведомых водителей пробиться через размокшую во время июльских ливней или весеннего снеготаяния глину...

Сейчас эта равнина не представляла никакой опасности — дожди давно окончились, и глина была суха на много метров вглубь.

Едва только машины остановились, как тяжелый зной обступил нас. Неподвижный воздух между стенами был буквально накален. Мы укрылись от прямого солнца в тень машин, поели и немного вздремнули. Однако долго отдыхать было некогда — мы намеревались сегодня же доехать до Далан-Дзадагада, оставалось еще сто девяносто километров.

И мы пустились по мертвой равнине, не обращая внимания на усиливающуюся жару. Потирая обожженные солнцем и палящим ветром уши, я с удовлетворением отметил огромную разницу между погодой в Улан-Баторе и здесь, в Гоби, хотя мы и отъехали

от столицы республики всего на четыреста километров прямо на юг, т. е. около четырех градусов по широте. По сторонам щебень был темным, а на самой дороге гораздо светлее — пустынный загар был стерт колесами с камня и щебень присыпан пылью, отчего вся дорога приняла светлый серый цвет. В Гоби, когда солнце высоко, чистый серый цвет кажется голубым или светло-синим. Мне не раз пришлось потом встретиться с этим явлением. И сейчас под палящим солнцем на темной щебнистой равнине вдаль вилась ярко-голубая дорога, вблизи, перед радиатором машины, казавшаяся совсем синей. Необычайного цвета путь манил воображение, суля впереди неопределенные и необыкновенные возможности...

А часы шли, солнце спускалось ниже и уходило в сторону, голубой цвет щебня дороги сменился красновато-серым. Встретились две монгольские машины ЗИС-5. Не в пример нам, местные водители бешено гнали по ухабам и ямам, машины дергало, бросало и раскачивало так, что на них жалко было смотреть. Вдобавок пошла «гребенка», и наше передвижение замедлилось.

Короткий осенний день давно окончился, а в свете фар все тянулась и тянулась изрытая ухабистая дорога, пересекавшая глинистую котловину. При торможении перед ямами вихрь густейшей пыли с жарким дыханием отработанного бензина мгновенно обгонял нас, окутывал плотным облаком, забивался в кабину и рассеивался только тогда, когда машина набирала ход.

Глухой ночью мы прибыли в аймак и подъехали к отдельно стоявшему на самом краю поселка зданию, обнесенному глинобитной сплошной стеной. Это был клуб местной милиции, отведенный под нашу базу.

Рано утром я пошел осматривать базу и аймак.

В углу двора, в старой, дырявой юрте, превращенной в кухню, уже готовился завтрак. Квадрат глухих стен обрамлял весь дом — защита от страшных гобийских ветров. Только одна узкая дверная прорезь выходила на восток. С другой стороны дома находился большой чулан, куда вел длинный и узкий проход между стеною и домом — там мы оборудовали кладовую и фотолабораторию. Благодаря этой мудро придуманной стене наша новая база выглядела даже уютно в сравнении с другими домами, стоявшими совершенно открыто.

Я вышел через дверной проем. Обе машины стояли перед входом, красная гобийская пыль прочно въелась в их колеса, капоты и крылья. Аймак — отдельные каменные дома, живописные скопища юрт, высокие мачты радиостанции, ряд магазинов, группа белых больничных зданий и стоявшая на отлете большая школа — был поставлен здесь всего несколько лет назад, а ранее находился значительно севернее — в Дельгер-Хангае («Просторный Хангай»). Поэтому юрт было во много раз больше, чем домов, но строительство продолжалось — в самом центре, неподалеку

от здания аймачного управления, уже были выложены фундаменты трех больших домов...

Аймак Далан-Дзадагад расположен на плоской щебнистой и пустынной равнине, протянувшейся далеко на запад и на восток. С севера на сотни километров простирались такие же, только, пожалуй, еще более бесплодные, равнины, местами прерывавшиеся грядами холмов и цепями невысоких скалистых гор или глинистыми впадинами — котловинами.

С юга над равниной и аймаком как бы всплывала стена крутого и высокого хребта. Массивные скалы величественно громоздились на пологом цоколе бэля. Хребет уходил косо на запад и распадался на три массива, разделенных широкими сквозными долинами. Это и был Гурбан-Сайхан («Три Прекрасных»), восточная оконечность Гобийского Алтая. Названия гор в Монголии — пережитки древнего пантеистического шаманизма, оставшегося бытовать и ассимилированного буддизмом, который сумел отлично использовать бесчисленных богов и чертей первобытного, запуганного силами природы мышления. При подобострастном отношении древних путников к горам, посылавшим то необоримые ветры, то снег и жестокую стужу, то гибельные ливни, подлинные имена гор нельзя было произносить, и они были забыты. Поэтому самые большие горы до сих пор носят «обобщенные» названия — Сайхан, Богдо, Хаирхан — прекрасный, святой, милостивый, к которым добавляется какое-нибудь отличительное прилагательное.

Ничего прекрасного не было в этих «Трех Прекрасных», надменно высившихся над распростертым у их подножия аймаком. Но величие, несомненно, чувствовалось в кручах и полированных ветрами ребрах исполинских обнаженных скал.

Я отправился с визитом к аймачному дарге и был принят любезно, но не смог хорошо побеседовать. Аймачный начальник очень плохо говорил по-русски, а наш переводчик был в отъезде. Зато в айкоме Народно-Революционной партии я имел бо́льший успех — секретари айкома владели русским языком и очень заинтересовались работой нашей экспедиции. Мне пришлось говорить целый час. Договорились о взаимопомощи в работе. Вернувшись домой, я принялся за дневники, и едва успел покончить с ними, как явились наши исследователи: Орлов, Громов и Эглон.

Шумная компания уже сильно загорелых и обветренных гобийцев сильно отличалась от бледнолицых «горожан», хотя «горожане», опаленные горячими ветрами Гоби, больше походили на краснокожих.

Орлов, Громов и Эглон похвалялись палеонтологическими открытиями. Ездивший с ними шофер Андреев, маленький, рыжий и веснушчатый, пугал наших шоферов гобийским бездорожьем. Наконец шутки утихли, и мы уселись с топографическими

картами за стол. Первые же маршруты, проделанные передовым отрядом, обнаружили два интересных местонахождения.

К северу от аймака, по старой караванной тропе, обнаружили массив-останец красноцветных меловых пород, одиноко стоящий посреди котловины и окаймленный большими сухими руслами. Это был Олгой-Улан-Цаб («Ущелье красной толстой кишки»). Исследователи долго лазили по склонам многочисленных оврагов и обрывам, находя кости динозавров, таких, какие еще не встречались на территории Центральной Азии. Наконец в обрыве одной промоины был найден скелет гигантского травоядного динозавра — зауропода. Длинный хвост, полагавшийся этой породе ящеров, был нацело уничтожен размывом. Остались только два громадных первых хвостовых позвонка, которые Эглон с трудом извлек из твердой песчаниковой плиты.

Крестец и таз уходили внутрь и в глубь обрыва, а за ними, наверное, шел и весь остальной скелет гиганта, достигавшего, судя по размерам извлеченных позвонков, примерно 25 метров в длину. Это была первая находка более или менее полных остатков зауропода во всей Центральной Азии. Однако на извлечение скелета из твердой породы ушло бы с нашими малыми силами не менее года работы. Несколько лет потребовала бы и препаровка костей в Москве, поэтому находку пришлось оставить.

Северо-восточнее, между Олгой-Улан-Цабом и даландзагадской дорогой, располагался второй отдельный массив, сложенный еще более темно-красными глинами, с меньшим количеством песчаников — Улан-Ош («Красный водопой»).

В узких промоинах красных стен Улан-Оша Громов, Эглон и Орлов нашли кости мелких попугаеклювых динозавров и обломки панциря черепах. Целая когтистая лапа небольшого динозавра была выложена на стол передо мною как доказательство хорошей сохранности материала. Я взглянул на карту. И Олгой-Улан-Цаб и Улан-Ош находились в пределах одной большой котловины, вытянутой в широтном направлении и ранее, очевидно, целиком заполненной красноцветными костеносными меловыми породами, от которых теперь остались неразмытыми лишь отдельные участки.

— Погодите-ка,— воскликнул я,— где-то тут близко Барун-Баин («Западный Богатый») — место, где ботаник Юнатов видел много костей динозавров...

— Вот оно! — Ноготь Орлова ткнул южнее синего кружка, обведенного вокруг Улан-Оша.— Тоже в этой большой впадине.

— И не только оно,— Громов нагнулся к карте, чадя вонючей трубкой,— на запад все та же котловина проходит до Баин-Дзака («Богатый саксаул»). А на Баин-Дзаке мы уже побывали. Оказалось, что это и есть знаменитое Шабарак-Усу американцев. Яйца динозавров ведь мы нашли тоже, и неплохие...

— Так, все понимаю — в этой впадине в разных ее местах уцелели низкие горизонты меловой толщи, выраженные разными фациями — пески в Баин-Дзаке, болотные глины в Улан-Оше и Барун-Баине... Но все же нет очень крупных скоплений остатков диназавров, хотя если поставить раскопки, то получим хороший материал. Но это не решает успеха экспедиции.

— Разумеется,— хмуро сказал Орлов,— мы должны доказать повсеместное обилие и разнообразие ископаемых позвоночных и распространение материковых отложений... Фу! — яростно отмахнулся он от трубки Громова.

— Хорош табачок! — невозмутимо отозвался Громов, окутываясь дымом.

Встреченный одобрительными восклицаниями, в комнату вошел крепкий пожилой монгол в нарядном, вишневого цвета дели. Это был Цевен, проводник, направленный аймаком в нашу экспедицию. Он отлично умел проводить машину по бездорожью и обладал широкими и разнообразными знаниями всего, что относилось к природе Гоби. За эти познания и отличную работу проводник Цевен был прозван нами «академиком».

После угощения Цевен вытащил длинную трубку, набил ее пылевидным табаком — дунзой — и затянулся. Начался неторопливый разговор о дальнейших планах поездок. Мы стеснились на конце длинного стола из неровных досок. Ветер, врываясь сквозь щели крыши, слегка колебал пламя свечей. Лысеющие головы Громова и Орлова, светлая и темная, наклонились к картам. Данзан, хмурясь и торопясь, переводил речь Цевена и наши вопросы.

— Мой друг, старик Балсандорж-гуа, и я знали, что вы приедете. Мы ездили туда и сюда, спрашивали многих аратов, молодых и старых, всех, кто знает, где лежат кости дракона. Два места я вам показал, одно вы сами нашли, одно, говорите, нашел ботаник Юнатов... Но это еще не все. Вы правильно сказали, что большого богатства костей здесь нет. Самое большое богатство там,— старик махнул рукой на юго-запад,— за Гурбан-Сайханом... Нэмэгэту («Защищающий от ветра») — вот где много больших костей. Больше вы нигде в Гоби не найдете. И никто там еще не был...

Цевен умолк и стал выколачивать трубку в маленькую серебряную чашку.

— Дорога туда только до Ноян сомона,— сказал я, следя за картой,— дальше нет дороги. Чтобы прошли машины, особенно необходим знающий проводник. Ехать далеко, всякая поломка машины будет опасна не только для плана экспедиции, но и для людей.

— Я не могу поехать с вами,— ответил Цевен, обменявшись с Данзаном быстрыми непонятными фразами,— хозяйство больше нельзя оставлять! Вместо меня поедет заведующий потребительской кооперацией Цедендамба, я ему все рассказал. Цедендамба сам родом из Северэй («Сжатый, стянутый») сомона и те места знает.

— Знает-то знает,— ответил я, от огорчения затягиваясь поглубже из огромной самокрутки,— но вы знаете, как и где проходят машины. А от незнакомого с машинами проводника иногда бывает хуже, чем совсем без него... Но хозяйство — дело серьезное, ничего не скажешь. Вот, если бы были у вас колхозы...

Цевен широко улыбнулся, встал из-за стола и проговорил что-то.

— Он сказал, был бы колхоз, тогда он был бы с нами в экспедиции все время, пока был нужен, и за скот был бы спокоен. А теперь очень хочет помочь, ему понравились вы, но никак не может...— перебил Данзан, улыбнулся и закончил: — Говорит, что скоро они сделают колхозы, жаль только, что нам завтра надо ехать!

Все рассмеялись.

— Пока он не ушел, надо спросить его про олгой-хорхоя! — воскликнул Эглон.

Ян Мартынович подразумевал странное животное монгольских легенд. Среди жителей Гоби издавна распространено предание о большом и толстом черве (олгой — толстая кишка, хорхой — червяк) свыше полуметра длины, живущем в недоступных песчаных местах Гобийской пустыни. Рассказы об этом животном совпадают. Олгой-хорхой известен, как очень страшное существо, обладающее непонятной убийственной силой, способной поразить насмерть прикоснувшегося к нему человека.

Никто из ученых-исследователей не видел необычного червя, но легенда о нем так распространена и так единообразна, что нужно думать, в ее основе действительно есть какое-то чрезвычайно редкое вымирающее животное, вероятно пережиток древних времен, уцелевший теперь в самых пустынных уголках Центральной Азии. Я использовал легенду об олгой-хорхое в одном из своих фантастических рассказов. Про олгой-хорхоя слышал и начальник американской экспедиции Эндрьюс.

Данзан заговорил с Цевеном несколько смущенно, как будто опасаясь насмешек со стороны остроумного старика за наивный вопрос о легендарном животном. К общему удивлению, Цевен

объявил, что много слышал об этом гигантском червяке убивающем наповал, но не видал его. В четырех уртонах на юго-восток от аймака есть местность Халдзан-дзахе («Лысый край»), где на барханных песках живет олгой-хорхой. Но его можно видеть только в самую жару, в июне — июле, позднее он зарывается в землю и спит.

Посыпались шутки об этих непонятных свойствах хорхоя. Цевен рассердился и, сурово нахмурившись, сказал несколько слов Данзану.

— Он говорит,— перевел молодой геолог,— они смеются только потому, что ничего не знают и не понимают. Олгой-хорхой — это страшная вещь!..

Цевен пошел домой. Мы поспешили проводить арата до выхода со двора и тем оказать ему почет по-монгольски. Проводник был польщен, когда все три профессора вышли за ним следом.

В углу двора сквозь дыры старой юрты светился огонь. Это повар Никитин, или танковый кашевар, как он именовал себя после недавней демобилизации, заготовлял лепешки в далекий поход. Запаса хлеба, привезенного из Улан-Батора, не могло хватить надолго, а выпекать лепешки в походе было хлопотно.

Мы прошли в узкий дверной проем, простились с Цевеном и зашагали в темноте мимо стоявших в ряд перед оградой трех наших машин — скромной автоколонны первой экспедиции. Темные, высокие тенты придавали им вид массивных глыб.

Еще несколько шагов — и мы очутились на краю щебнистой равнины, пустой, холодной и темной. Жестко скрежетал под ногами остроугольный щебень. Звездное небо, холодное, низкое и яркое, с юга затенялось стеной хребта. Ближайший к аймаку массив Цзун-Сайхан («Восточный прекрасный») громоздился в неуловимом свете звезд. Дальше Дунду-Сайхан — средний — уже расплывался в темноте, сливаясь с чернотой бэля.

Мы долго смотрели на горную стену, загородившую от нас таинственную, неисследованную страну с большими котловинами и острыми хребтами, далеко протянувшимися на юг и запад.

Точно повинуясь какой-то команде, дружно залаяли многочисленные псы. Залаяли с тем характерным, тоскливым подвыванием, которое отличает монгольских собак.

— Ночи стали заметно холоднее,— заговорил, застегивая ворот ватника, Громов,— даже странно: такая обжигающая жара днем и свирепый холод ночью!

— Ну, не так уж свиреп, просто вы привыкли к жаре,— отозвался я,— а я вот, наоборот, в Улан-Баторе привык к холоду. В горах вокруг города снег, ночью мороз — и так до перевала семидесятого километра...

— Очень меня беспокоит,— вмешался профессор Орлов,— успеем ли мы сделать что-либо серьезное? Может, надо было все

время употребить на обследование мест, о которых есть уже вполне определенные сведения...

— Мы будем и на востоке, как планировали,— возразил я,— а свидетельствам аратов я верю. Разные показания сходятся, да и к нам, гостям из Советского Союза,— явное доброжелательство...

«Настоящие стойкие морозы в Гоби наступают с ноября. Значит, у нас есть месяц с неделей. Это без всякого запаса... Должно хватить на большой объезд, только бы не подвели машины»,— думал я, подходя к полуторке и касаясь рукой холодной фары.

Громов спрятался от ветра за бортом машины и стал вытаскивать табак, но Орлов заявил, что он совершенно замерз, и мы вернулись в дом. В низком помещении было теплей. Складные койки занимали почти все свободное место. Сонная тишина царила в доме, только Данзан копошился над картами, медленно перебирая листы тонкой, смуглой рукой. За другим концом стола Андросов морщил курносый нос. Попытка починить «своими силами» сломанный бензоуказатель не удалась. Шум ветра, разгуливавшего на темном просторе снаружи, заметно усиливался, огонь свечой метался от струек воздуха, неведомыми путями влетавших в помещение. Крупные пятна света бегали по потолку, затянутому белой бязью. Легкая ткань как будто струилась. Внезапно на пороге возник повар. На его круглом, открытом, дочерна загоревшем лице сияла всегдашняя приветливая улыбка:

— Научная сила чай пить хочет?

Наш веселый повар называл всех ученых экспедиции «научной силой». Название это закрепилось на все последующие годы работы.

Места для чаепития сразу не нашлось. Клубный стол добрых шести метров длины был нацело занят картами. Данзан прикрепил кнопками аккуратно подогнутые и подобранные планшеты подлежавшего изучению района Гоби. Получилась бумажная лента, своими размерами внушавшая некоторые размышления. Но наш геолог-переводчик оставался совершенно спокойным. Его узкое лицо с очень темной кожей бесстрастно повернулось к нам, тем-

ные глаза смотрели непроницаемо, а необыкновенно изящная тонкая рука задумчиво ворошила кипу карт.

Громов по всегдашней привычке высоко взвел брови над круглыми стеклами очков и пронзительным птичьим взглядом уставился на полосу планшетов.

— Это нам столько ехать?! Му байна! (плохо).— Профессор старался говорить по-монгольски, нещадно коверкая слова и произношение.

— Посмотрите, Иван Антонович,— позвал меня Данзан,— я начертил маршрут, как вы сказали...

Красная линия пересекла несколько планшетов карты, постепенно изгибаясь к северу и назад, на восток. Получилась гигантская петля в полторы тысячи километров длины, огибавшая хребет Нэмэгэту с юга, запада и севера и подходившая к впадине Ширэгин-Гашун («Столовый горький»), где в 1932 году географ Б. М. Чудинов нашел множество костей огромных динозавров. Эту впадину мы нанесли на карту наугад, без точных данных.

Что ожидало нас там впереди, за Тремя Прекрасными, какие испытания скрывала за собой эта линия маршрута, отражавшая сотни и тысячи километров реальной пустынной земли?

* * *

Широкая дверь кабины защелкнулась, хрипнула передача, машина двинулась. Я помахал рукой остававшимся на базе, чувствуя вину за огорчение, выразившееся на всех трех лицах. Лукьянову и двух рабочих пришлось оставить, поручив им «заведование» и охрану базы. Каждый лишний человек в таком долгом маршруте — это около десяти пудов груза, вместе с его продовольствием, запасом воды, посудой и постелью. Резерва в полтонны не было, тем более, что на обратном пути мы рассчитывали везти тяжелые коллекции ископаемых костей.

Три машины направились по хорошему автомобильному накату на запад от аймака. Впереди полуторка с Орловым в кабине, наверху проводник, Данзан и Эглон. Водитель — стремительный, бесшабашный и грубоватый Андреев. Вторая полуторка с продуктами, поваром и двумя рабочими, с водителем Прониным, осторожным и чувствительным любителем природы, впоследствии ставшим превосходным «охотником за черепами».

Замыкали колонну мы с Андросовым на трехтонке, до отказа загруженной бензином, с двумя рабочими, ворчавшими на «ссылку», так как в машине у грозного Андросова не покуришь. Старший шофер не баловал нашу рабочую молодежь, называл их «боярами» за их необъятные штаны с множеством складок по местной, пришедшей из Забайкалья моде и при случае отчитывал нерасторопных.

Все наши рабочие были допризывниками — восемнадцатилетней молодежью из Алтан-Булака и соседних поселков севера республики.

С нами ехал Володя Иванов — высокий, белобрысый и добродушный парень, прозванный «батарейцем» за огромный рост и силу, по-мальчишечьи еще неуклюжий, восторженный и легковерный. Кроме Иванова, все другие были смешанного русско-китайского происхождения. Небольшого роста, подвижные и ловкие, они были больше похожи на китайцев, чем на русских, хотя говорили по-русски, как природные русаки, и все носили русские имена и фамилии. Среди них Илья Жилкин выделялся хорошими музыкальными способностями, знал множество песен и не расставался с гитарой. Павлик Чуваев — самый способный и самый сердитый — стал постоянным помощником Эглона, обнаружив выдающиеся способности в раскопочном деле. Наш требовательный, презиравший лентяев Ян привязался к Павлику, прозванному «ассистентом» не без зависти со стороны остальных: маленького и старательного Климова — красивого и тихого малого, и, особенно, Вани Сизова, отчаянно соперничавшего с Павликом на раскопках и сейчас составлявшего компанию «батарейцу» на неудобной бензиновозной машине.

Равнина к западу и северо-западу от аймака была удивительно ровная и твердая. Здесь можно было ехать не только по накатанной дороге, но в любом направлении, так как щебень был повсюду, а редкие кустики растительности не были серьезным препятствием для автомобильных колес. Именно это место назвали американцы «стомильным теннисным кортом», когда проехали через него к лучшему из своих местонахождений — Баин-Дзаку (Шабарак-Усу) двадцать три года назад. Наш путь лежал не туда. Скоро машины повернули налево и стали приближаться к громадному бэлю Гурбан-Сайхана.

Щебень становился все крупнее, мы въезжали в зону горных конусов выноса. Обширная котловина у подножия хребта, простиравшаяся на сотню километров на север, была заполнена рыхлыми отложениями, прикрытыми щебневым панцирем. Это совсем не походило на беспредельную равнину, которую я проехал недавно в районе Холод сомона («Лосось»), на пути в Далан-Дзадагад.

Там была типичная хаммада — каменистая пустыня, но хаммада ископаемая, уже заросшая и задернованная. Только тонкий слой элювиальной дресвы прикрывал каменные гряды или просто скалистое основание, выступавшее в дне котловины, но растительность указывала, что в настоящий момент климат сделался более влажным, чем во время образования хаммады, в период максимального высыхания.

Такие же заросшие, задернованные хаммады с еще более густой растительностью я наблюдал и в восьмидесяти километрах

севернее Дунду-Гоби, что указывало на прежнее, более обширное и более северное распространение пустынь Монголии.

К югу за хаммадами лежали уже настоящие гоби — плоские впадины, засыпанные щебнем, с очень редкой травой. Я видел там огромные ямы выдувания до 6 метров в глубину.

Но и здесь общий тон Гоби от серого щебня казался голубым, и дорога стелилась синей лентой.

Круче и круче становился бэль, мы едва ползли, но тут пятнадцатикилометровый подъем внезапно окончился, и мы въехали на песок сухого русла.

Еще небольшой подъем, поворот — и мы попали в глубокое скалистое ущелье. Темно-серые утесы и обрывы нависли над машинами. Правее, по спуску сухого русла, из грубого песка возникал небольшой родник, дальше становившийся заметным ручейком. Свежая зелень, показавшаяся необычайно яркой, ютилась по сторонам родника у подножия грозных скал. Мы остановились остудить моторы и запастись чистейшей свежей водой. Орлов забрался на низкий обрыв левой стороны ущелья и водрузил там маленькое обо. Его четкий профиль с орлиным носом, высоким лбом и тяжелым, выступающим подбородком картинно обрисовался на грани горы и неба. Профессор очень полюбил этот монгольский обычай и повсюду немедленно воздвигал обо, тем самым пытаясь увековечить места, посещенные экспедицией.

Громов стал было карабкаться на отвесную трехсотметровую стену, но я с трудом отговорил его, пообещав стащить вниз за ногу. Громов поднял очки на вспотевший лоб, посмотрел на меня с обычной искрой насмешки в бесстрашных светлых глазах, понял, что я не шучу, и сдался.

— Крепкие метаморфические кварциты,— сказал он, ударяя молотком по свежему излому скалы.

Мельчайшие осколки камня с силой брызнули вместе с искрами от резкого удара. Я поспешно прикрыл глаза рукой...

— Мы, собственно, только сейчас вступили в сквозную долину,— продолжал Громов, справившись с непокорным образцом,— видите, этот каньон, несомненно, эпигенетический участок!

— Правильно.— Я показал вперед в глубину ущелья: — видите висячие долинки? Здесь, безусловно, очень молодые сбросы...

— Висячие долины я и раньше видел, у первого поворота,— усмехнулся Громов.

— Поехали, Иван Антонович,— крикнул мне Андросов,— все готово!

Гулким эхом разнесся по ущелью шум заведенных моторов. Большая птица взлетела откуда-то с края нависших круч и взвилась в высокое небо. Галька и песок сухого русла были плотно укатаны проходившими здесь машинами, и, несмотря на подъем,

мы шли легко. Ущелье понизилось и сузилось, склоны вверху разошлись широко и полого. Стало светлее. Дорога петляла между выступами скал. Наконец мы выбрались со дна ущелья, и дорога повела нас по широким косогорам, покрытым низкой ровной травой альпийской зоны, сейчас уже пожелтевшей. Тормозя на опасных разворотах, машины теряли скорость и медленно лезли на подъем. Два обо из светлых камней возвестили вершину перевала.

Мы пересекли широкое русло, спадавшее на другую сторону хребта, вышли на крутой склон долины и очутились на широкой и ровной желтой плоскости, скатывавшейся далеко на юг. После тесных и темных ущелий здесь показалось необычайно светло и просторно. Залитая солнцем гладкая желтая равнина, чистое голубое небо, поодаль две полосы легких облаков... Несколько юрт стояло справа, а внизу вдали едва виднелись нерезкими белыми пятнами домики Баин-Далай («Богатый необозримый») сомона, до которого было еще не менее 25 километров, и только горный воздух Монголии мог позволить нам различить маленькие строения простым глазом. Я застегнул ватник — холодный ветерок остро чувствовался на разгоряченном от жара кабины теле. Мы перевалили Гурбан-Сайхан и сейчас находились в той самой таинственной стране, за стеной Трех Прекрасных.

На этом скате мы пообедали холодной бараниной и чаем, предусмотрительно запасенным Андросовым в чистой жестянке, и пошли на спуск.

Превосходная дорога, ровная и прямая, позволила набрать большую скорость. Машина, плавно покачиваясь, неслась вниз, а я предался размышлениям. Думать было над чем. В одном и том же хребте находились две различные формации гор. Северный склон Гурбан-Сайхана сразу же над высоким бэлем состоял из гряды очень молодой, пересеченной огромными сбросами с крутыми склонами и острыми зубчатыми вершинами. Висячие долины свидетельствовали, что это поднятие было геологически совсем недавним, и водные потоки, спадая с поднявшихся круч, еще не успели выработать нормальный спад своих русел, нормальную кривую эрозии, как говорят геологи. Более того, эти висячие долины говорили о том, что хребет продолжает расти и делаться все выше.

Южная сторона Гурбан-Сайхана была образована плоскими горами с округлыми сглаженными формами и пологими склонами. Эта гряда округлых, похожих на хангайские, гор была вплотную прижата к острой северной гряде, однако водораздел находился на южной гряде. Все речки, вернее временные потоки, спадали на север с южной гряды, прорезая высокую северную гряду глубокими ущельями. Значит, когда-то, несколько десятков тысяч лет назад, а может быть и еще меньше, здешние равнины пересекала гряда округлых, старых, как в южном Хангае («Сытый,

обильный»), гор. Потом северная сторона этой гряды начала постепенно подниматься, а стекавшие с вершины старой гряды речки прорезывали новое поднятие насквозь своими долинами. Наконец новая горная цепь стала выше старой, а истоки речек по-прежнему остались на старой гряде, потому что новая уже оказалась пропиленной глубокими ущельями. Понятно, что и высшая перевальная точка находилась на старой гряде. Мы добрались до нее по дну сквозной долины.

Короткий осенний день кончался. Мы приблизились к сомону, но делать там нам было нечего, и мы решили заночевать в разрушенном монастыре Цаган-Дерисуни-хурал («Монастырь белого дериса»), где была устроена станция для проходящих автомобилей.

Андросов заметно устал после трудного пересечения перевала, и я сменил его за рулем, пока шла хорошая дорога. Она незаметно поднималась к зубчатым черным горам за широкой желто-серой равниной. Щебень стал мелким, редкие пучки сухого ковылька золотились пятнышками в низких лучах солнца. Машина шла прямо на запад. Пришлось поднять лобовое стекло, чтобы сколько-нибудь видеть дорогу.

Солнце ударяло прямо в хмурые зубцы Гурбан-Сайхана, оставшиеся позади и медленно уходившие за увалистые светлые вершины южного склона. Незаметно все большее количество песка затопляло дорогу. Машина содрогалась и подпрыгивала на рытвинах, засыпанных песком. Песку все прибывало, уже порядочные бугры громоздились по сторонам дороги, поросшие толстой белесой колючкой. Теперь стало видно, что автомобильный накат шел по старинной верблюжьей караванной тропе. Ноги тысяч верблюдов глубоко утоптали песок, и дорога стала канавой, словно прорытой посреди песчаных бугров. Недавние бури нанесли в эту канаву мелкий, очень рыхлый песок. Легкие полуторки проскочили по краю канавы, а наша тяжелая машина — около семи тонн общего веса с грузом — глубоко зарылась и пропахивала себе путь, как танк.

Солнце скрылось за ближними холмами. Вечерние облака, как пластины литого золота, повисли над огненным озером дали. Чеканный черный силуэт лошади вырисовывался на холме. Повернув голову, животное всматривалось в приближающуюся машину. Затем огненное озеро померкло, и в него как бы перелились краски облаков, которые сделались серо-фиолетовыми. Подбежало еще несколько коней, и их силуэты стали еще чернее...

В сумерках мы въехали в странное и мрачное место — каменистые острые холмы, пересеченные множеством сухих русел. Черные камни, красные пески русел и белесый дерис были видны лишь короткое время, затем все слилось и исчезло в наступающей ночи. Вспыхнули фары и сразу пробили яркую дорогу в сте-

не сгущающегося мрака. Накат пересекал сухие русла по самым различным направлениям.

Русла то узкие и глубокие, то мелкие и широкие, но зато с множеством дополнительных промоин и канавок, до крайности задерживали нас и терзали машину. На страшных перекосах в коробке скоростей раздавался скрежет, а кузов скрипел и трещал, заглушая унылый вой шестерен, когда все четырнадцать полных бензина бочек наваливались то на один, то на другой борт. При медленном движении машины клубившаяся позади пыль нагоняла нас и летела вперед, золотясь в свете фар плотными, вздымавшимися вверх клубами. В занесенной пылью и жарким дымом выхлопной трубы кабине стало трудно дышать, а сухие русла все снова и снова возникали темными полосами перед нами. Внезапно из тьмы встали желтые стены каких-то разрушенных зданий. На краю дороги появился, подняв руку, Эглон. Мы взяли его на подножку и, повинуясь его указаниям, наконец выехали к автомобильной станции. Две большие чистые юрты стояли в глинобитной ограде на высоких круглых платформах из дерева и глины.

В левой юрте в большом котле уже кипел чай. Приветливый, хорошо одетый заведующий станцией зажег светильню — простой кусок тряпки в бараньем сале, которое, оказывается, горит ровно и без копоти. В большой железной печке метался слабый огонек аргала, снаружи все сильнее шумел холодный ветер, но в просторной и чистой юрте было тепло. Однако мы решили для закалки спать во дворе у стены, защищавшей от ветра, где рос высокий дерис. Чудесное звездное небо Монголии раскинулось над нами, справа поднималась высокая стена разрушенного главного храма, слева обрисовывалась зубчатая стена хребта Цзолэн («Приносящий счастье»). Ветер переваливался через глинобитную стену, и колышущийся дерис шуршал о брезент складной койки, чуть слышно позванивал о металл ножек.

Ясное и необыкновенно тихое утро приветствовало меня, когда я выскочил из спального мешка и, трясясь от озноба, поспешно оделся. Легкий налет инея увлажнил края мешка. Нужно было искусно балансировать, чтобы не наколоть босые ноги о жесткую щетку дериса или об острый щебень.

Разрушенный монастырь Цаган-Дерисуни отличался от тех деревянных монастырей, которые я видел в Средней Гоби и в Центральном аймаке, а также от глинобитных развалин Олдахухида, построенного китайскими архитекторами. Здесь высокие, сложенные из синих кирпичей стены были наклонены внутрь, и на всех развалинах лежал отпечаток тибетского стиля. Характерно, что монастырь стоял среди угрюмых черных холмов, у подножия хребта Цзолэн, где темные голые скалы то лезли толпой друг на друга, как каменные волны, то выдавались отстрыми пиками, то скалились колоссальными челюстями, то поднимали

зазубренные гребни. Это место вызывало тревожное ощущение и производило впечатление замкнутости и угрозы. Монастырь был поставлен в таком месте не случайно — все способствовало возникновению безотчетного страха в душе простодушного сына степей, приближавшегося к такому монастырю.

Но сейчас только ряды желтых стен напоминали о бывшем здесь очаге мрачной религии. Чистые юрты посреди выметенного двора, уцелевшие башенка и маленькая кухня служили фоном для наших выстроившихся в ряд машин. Чай уже был готов, и приветливо улыбавшийся заведующий привязывал распахнутую дверь юрты...

За монастырем снова начались такие же русла, как и вчера, и мы «заковырялись» на них, по образному выражению Пронина. Хребет Цзолэн отошел вкось направо, а за ним показалась голубая зубчатая дуга хребта Сэвэрэй, стоявшего у начала огромной котловины Нэмэгэту, куда и устремлялись мы в поисках «драконовых костей». Широкий дол черного щебня спустился в низину с громадными кочками, поросшими дерисом, между которыми вилась дорога. Отсюда мы поднялись на небольшой гранитный хребет, по гребню которого шел автомобильный накат, в то время как по обе стороны машины вниз спадали светло-серые склоны, усыпанные гранитной дресвой.

День был безветренный, и жара усиливалась с каждым часом. Воздух струился над раскаленными камнями. Спустившись с гранитов, мы завидели наши полуторки, стоявшие рядом на невзрачной белесой дресве. Оба шофера и повар валялись в позах полного изнеможения прямо на земле рядом с машинами.

Тряска и жара сильно утомили людей. На ногах оставался только Ян Мартынович. Выставив круглый животик и вытянув шею, он расхаживал вокруг медленными широкими шагами. Козырек белой фуражки и длинный нос устремлялись вперед в поисках добычи — великий коллекционер, наш славный латыш и тут высматривал то ли интересных насекомых, то ли камни или растения. Данзан и Цедендамба меланхолически восседали, поджав под себя ноги, и вяло переговаривались. Громов уткнулся в записную книжку и что-то рисовал в ней, грызя мундштук трубки и широко раскинув ноги в тяжелых горных ботинках. Орлов расстелил ватник и улегся навзничь, загораживаясь от солнца собственными высоко поднятыми коленями. Его высокие кирзовые сапоги, пропитавшиеся гобийской пылью, казались на солнце совсем красными. Рядом, спрятав лицо в согнутый локоть, улегся Пронин.

Я решил последовать их примеру и опустился на землю, точнее на остроугольные камешки, но тут же с проклятьем вскочил на ноги. В ладонь, которой я уперся в землю, впилось несколько твердых колючек, похожих на крохотные водяные орехи с торчащими во все стороны шипами.

Товарищи, уже испробовавшие это свойство гобийской земли, разразились сочувственными восклицаниями. Проводник Цедендамба, крупный, здоровенный, похожий на кузнеца человек, рассмеялся, размахивая могучими руками, совсем не типичными для аратов. Даже Пронин, казалось уснувший, вдруг поднял с руки голову и сверкнул синеватыми белками больших карих глаз в широкой и застенчивой улыбке. Я скоро научился ложиться на гобийскую почву, как четвероногое, опускаясь поочередно сначала на колени, на локти и потом уже вытягиваясь на земле.

Дорога дальше пошла по узким долинам среди мелкосопочника. Пестрые конические холмы с темными вершинками были испятнаны серым, зеленоватым и бурым, и горы производили впечатление заплесневевшей, разрушенной и обветшавшей земли. Ничего не росло на этой рыхлой бесплодной почве, только у самого водостока долинок возвышались круглые кочки, плотно поросшие гобийским миндалем— кустами с необыкновенно темной зеленью и адскими шипами.

Грядки голого камня, глин с солевыми выцветами и песком чередовались на дороге. Машины шли медленно и тяжело. Зной и духота, едкая пыль царили в этих заплесневелых горах.

Перегревшийся мотор тянул плохо, наполнял жаром кабину, палимую сверху беспощадным солнцем. Пот тек по лицу, заливая глаза. В середине дня, когда солнце высоко, мелкие ямки и ухабы, как и вообще все неровности в Гоби, становятся плохо видимыми. И сейчас пыльная дорога не различалась среди занесенных пылью и песком подножий холмов, между которыми она причудливо извивалась, то огибая их по склонам, то пересекая прямо через вершинки, то спускаясь по дну мелких русел.

По мере приближения к Ноян сомону местность становилась все более примечательной. Большие сухие русла врезывались в ущелья среди совершенно голых гор, не прикрытых даже дресвой разрушения. Камень был обдут ветрами и сглажен, конусы и куполы толпились беспорядочно и тесно, желтые шлейфы надутых песков всползали на склоны из большой равнины к северу от горного массива. Автомобильный накат с удивительной отвагой проникал через узкие щели в сплошном камне. Машины бросало и кренило на торчащих ребрах гранитных плит и скатах глыб. Взобравшись на один из таких перевалов, мы увидели крутой спуск в промоину, сплошь заваленную остроугольными глыбами. Тут даже наши видавшие виды экспедиционные шоферы стали качать головами. Но шедший впереди Пронин вновь уселся в кабину, и его полуторка буквально сползла в страшную щель. Андросов смешно вытаращился и озорно поглядывал сбоку на меня с видом преувеличенного испуга. Колеса поползли, упираясь в борта промоины, острые камни скрежетали, оседая под тяжестью машины, но резина с честью выдержала это испытание.

Еще один перевал, и мы опять очутились на голом камне. Удивительный массив плотных кварц-порфиров густого красного цвета находился налево от нас, на уровне перевального гребня. Поверхность красного порфира выступала особенно резко на ярко-голубом небе. Прямо на гребне обрисовалась наша громадная трехоска. Дверцы кабины были распахнуты и казались широкими крыльями, раскинутыми для взлета. Массивная стальная балка буфера сильно выдавалась вперед, ее грани и углы блестели, отполированные ветром и песком. С приклепанных к балке круто загнутых крючьев свисала тяжелая цепь... Дикий хаос голых красных скал, а над ним — поднятая в самое небо могучая машина показалась мне символом человеческой мощи.

Внизу, в окаймлявшем массив сухом русле, толстые черные жилы основных пород рассекали красный порфир. По ущелью вскрывались породы палеозойского возраста — темные, почти черные песчаники и углистые сланцы, рассеченные висячими долинками и превращенные в крутые куполовидные холмы. На вершинах этих холмов была отчетливо видна желто-красная кора выветривания, достигавшая до пятидесяти метров толщины, или, как говорят геологи, мощности. Это означало, что темные породы палеозоя долгое время находились на поверхности древней азиатской суши. Атмосферные процессы, солнце и температурные воздействия проникли глубоко в скалистую толщу, изменив прежний вид пород. Лишь два года спустя мы узнали, что это выветривание происходило в нижнемеловую эпоху, т. е. около семидесяти пяти миллионов лет назад.

Едва только мы выехали из ущелья и повернули направо, впереди внезапно открылся Ноян сомон — немного юрт, склады, клуб и большая школа. Сомон оказался в это время полон народу. Немедленно машины окружила плотная толпа. Дети выскочили из школы и также подбежали к нам.

Ноян сомон стоит в необычайно живописной местности — на небольшой плоскости, окруженной, словно часовыми, скалистыми черными вершинами. Пирамидальные останцы, необыкновенные гребнистые своды, пильчато-иззубренные вершины торчали над сомоном, а поодаль виднелись столь правильной формы конусы, что мы сразу же заподозрили в них потухшие вулканы. Мы были приглашены в юрту к сомонному начальнику — дарге, которому объяснили цель нашей экспедиции. Здесь собралась группа местной интеллигенции, среди которой оказался московский студент-юрист (конечно тоже монгол), присланный для практики в качестве помощника прокурора.

В ту пору, в первую экспедицию, Ноян сомон — самый южный и удаленный из сомонов Южногобийского аймака, показался нам краем Монголии и чуть ли не краем света.

Сошлись старики. Данзан и Цедендамба долго совещались с ними, но проводника, хорошо знающего Нэмэгэту, не нашлось.

Цедендамба предложил найти его непосредственно в Нэмэгэтинской котловине, для того чтобы вернее и скорее разыскать наиболее богатое «костями дракона» место.

В сомоне было тесно, и мы решили проехать дальше, чтобы заночевать на свободе и в покое от любопытных, которых, конечно, было множество, в том числе и девушек, отпускавших какие-то непонятные нам шутки и смущавших этим скромного Данзана. Еще тридцать километров автомобильного наката оставалось нам проехать — дальше шло неведомое бездорожье.

Погода резко изменилась еще перед въездом в сомон. Хмурые тучи повисли над черными конусами гор, засвистел холодный ветер. Мы обогнули продолговатую черную гору, гребнистую, как спину чудовища, и пошли на запад под вихрем неожиданно налетевшего снега. Этот внезапный переход от дневной жары к вечернему снегу поразил меня, и я с недоумением всматривался в летящие навстречу машине и крутящиеся повсюду снежинки. Вызывающе мрачным и темным стало все кругом, густой черный цвет гор еще более усиливал ощущение одиночества и угрюмости.

Но не успели мы проехать несколько километров, как снег перестал идти и на безоблачном небе снова засияло солнце, а снежная белизна на земле просуществовала не более четверти часа, бесследно испарившись.

Необыкновенно величественной показалась мне гора с юга — мрачная и тяжелая, почти кубическая глыба из исполинских пластов, которые наваливались, плющились, громоздились друг на друга и, казалось, лезли к нему в слепом старании подняться выше. Рядом стояли еще две такие же глыбы какой-то очень грубой титанической формы, словно обрубленные топором. Эти горы назывались «Три Чиновника». Удивительно чистое после снега голубое небо бросало яркий свет на обнаженные остроребрые скалы, покрытые блестящей черной корой пустынного загара, как будто облитые свежей смолой и отблескивавшие в лучах солнца тысячами черных зеркал. От этих зеркал отражалась дымка жемчужного света, окутавшая срезанные вершины. Снизу горы обрамлялись тускло-черным фоном задернованных осыпей. Никаких признаков жизни, даже заметной растительности не было видно вокруг.

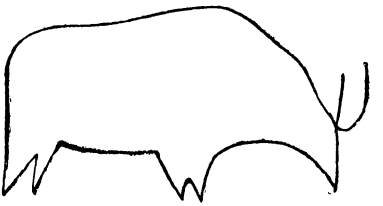
Мы поднялись на небольшой перевал. Впереди расстилалась волнистая равнина — размытая центральная часть складки, обрамленная с юга горами «Три Чиновника», с севера — хребтом Хана-Хере («Стена, гребень»). Равнина полого поднималась к западу. Там стоял огромный вулканический конус — гора Ноян-Богдо («Святой князь»).

С восточной стороны гора казалась срезанной по вершине и немного вкось по северному склону. По-видимому, там находился кратер. Когда мы подъехали к Ноян-Богдо с юга, приблизившись

вплотную к ее подошве, то отсюда гора показалась совершенно правильным конусом с красиво закругленной верхушкой. Громов, Данзан и я поднялись по склону.

— Сколько базальтов кругом — с довольной улыбкой оглянулся Громов.

— Это долериты, Иван Антонович? — спросил Данзан и, получив утвердительный ответ, задумался. Выяснилось, что геолог давно лелеет мечту написать большую работу о базальтах Монголии.



— В нашей стране так много базальтов. Настоящие вулканы возвышаются в плоских степях Дариганги («Крутой обрыв») в Восточной Гоби. В Хентее обнаружены недавно действовавшие вулканы. Огромные базальтовые поля простираются в долине озер, около Орок-нура и в Арахангае («Северный Хангай») — следы сильной вулканической деятельности. И здесь, взгляните! — Данзан повел рукой, обводя все скопище черных холмов и гребней.

Ноян-Богдо, как и другие замеченные здесь вулканические конуса, располагалась вдоль оси гигантской складки, в которую были смяты пласты горных пород. Конусы сидели не на самой оси, а смещались к северу от наклона складки. Все выходившие здесь породы были совершенно открыты на поверхности — стопроцентная обнаженность, как выразился бы геолог. Земля как бы сама выставляла свои недра напоказ внимательному взгляду ученого, и подробное изучение местности сулило самые интересные открытия.

За вулканом Ноян-Богдо предстояло свернуть с автомобильного наката на полное бездорожье. Мы перебрались через небольшой хребет песчаниковых скал, похожих на ряды чьих-то смуглых скуластых лиц, и приблизились к хребту Хана-Хере, удивительно походившему на чудовищную стену, сложенную из исполинских глыб.

Несомненно, здесь проходил огромный и очень недавний сброс, который поднял эту стену над узкой долиной, а силы разрушения еще не успели расчленить хребет на ряд отдельных вершин, разрезав его поперечными долинами и ущельями. Разрущающие силы выветривания проявили себя еще только на гребне хребта — там размытая поверхность песчаников образовала

бесчисленные зубцы, торчащие в небо гигантские пальцы, башенки, головы.

Казалось, что с высоты стены на нас заглядывают, кривясь, какие-то рожи. Иногда клювы хищных птиц выступали с края исполинской стены, а вдали, уже окутанное синей вечерней дымкой, продолжение хребта, очень похожее на спину чудовищного крокодила, покрытую загнутыми назад шипами. При всем том Хана-Хере не был покрыт такой блестящей черной коркой, как скалы «Трех Чиновников». Подтвердился рассказ проводника Цедендамбы о существовании в этом хребте гигантских зеркал скольжения, «отражавших всадника с конем».

Отвесный обрыв хребта во всю свою длину, вплоть до утопавших в синей дымке вечера дальних концов, казался матовым и серовато-желтым. Только в защищенных от прямого удара ветров изломах скалистых круч бурые, почти черные полированные поверхности двухметровых зеркал скольжения четко выделялись на изрытых стенах песчаников. Странно было смотреть на собственное отражение в этом горном зеркале. Блестящая, с красными бликами вечернего солнца поверхность уходила бесконечно далеко в глубь каменного массива, а отражение как бы выступало вперед четким, бестелесным призраком. Сразу же приходили на память уральские горные сказы о тайных горных проходах, теремах «хозяек», открывавшихся только немногим людям. Несколько минут я стоял забывшись перед призрачной дверью внутрь скал, поддаваясь странной тяге к таинственному коридору. Он вел, казалось, не только в глубину каменных масс земной коры, но и в бездны прошедших времен невообразимой длительности. Затаив дыхание, будто заглянув в запретное, я представил себе изменения лика Земли в ее геологической истории, записанной в слоях горных пород, но не в более древней астрономической, свидетельства которой скрыты в недоступных еще для нас глубинах планеты.

Слои осадочных пород, начавшие отлагаться со времени образования жидкой воды — Мирового океана, много раз подвергались необратимым изменениям. Незначительных молекулярных изменений вещества в глубинах земли было достаточно для крупных, на наш человеческий масштаб, колебаний земной коры. Опущенные на несколько километров вглубь, осадочные породы— песчаники, глины, известняки — от давления и нагрева превращались в кристаллические породы, по составу подобные гранитам, но сохранившие слоистость. Эти породы — гнейсы и метаморфические («превращенные») сланцы — слагают наиболее древний цоколь земной коры. Слои в них измяты, гофрированы и перекручены сильнейшим образом, свидетельствуя о передвижениях текучих масс. Свилеватость перемешанных в расплавленных стеклах красок является хорошей моделью расположения слоев в этих древних породах.

Отдельные участки земной коры то опускались, то вновь поднимались. В их чередовании моря и океаны перемещались по поверхности планеты. Атмосферные воды, падавшие на материки от испарения океанов, сливались в ручейки и реки, размывавшие поверхность материков и отлагавшие продукты разрушения в морях. И снова моря становились материками, и новые слои песков, глин, известняков накладывались за сотни тысячелетий на поверхности прежней суши.

А под древним гнейсовым цоколем земной коры то там, то здесь образовывались скопления радиоактивных элементов. Большие участки разогревались, расплавлялись, смесь расплавленных пород — магма — устремлялась вверх по трещинам и разломам. Так создавались вулканические очаги, громадные массивы застывших изверженных пород или обширные покровы излившихся лав. Помимо процессов, происходивших внутри Земли, так сказать, домашних, внутренних, на формирование земной поверхности влияли космические внеземные изменения. Затормаживаясь солнечным и лунным притяжением, Земля постепенно замедляла свое вращение. Пятичасовые сутки древнейших, догеологических периодов земной истории удлинялись и достигли современной продолжительности — 24 часов. Еще неведомые нам причины меняли положение планеты относительно полюсов и экватора, соответственно перемещая и климатические пояса.

Солнце за миллионы веков тоже изменялось, пульсировало, то разогреваясь сильнее, то слегка ослабляя силу отдачи энергии в пространство. Характер излучения, разумеется, не оставался постоянным. Иногда преобладали ультрафиолетовые и фиолетовые лучи, иногда становилось сильнее излучение красной части спектра. Это немедленно отражалось на освещении и нагреве земной поверхности, так как атмосфера наиболее сильно задерживала лучи фиолетовой стороны спектра. Проницаемость атмосферы тоже не была всегда одинаковой, так как в разные геологические эпохи она обладала разным составом. Около трехсот миллионов лет тому назад в атмосфере было больше углекислоты, чем в настоящее время. Периоды разогрева солнца повышали испарение воды, атмосфера насыщалась ее парами и начинала задерживать лучи тепловой, красной части спектра. Наступал период охлаждения, совпадавший с повышенной влажностью атмосферы, что приводило к накоплению гигантских масс льда в полярных областях, и наступали периоды оледенения, несколько раз повторявшиеся в истории Земли, вплоть до четвертичного, в конце которого мы живем.

В сумме всех земных и космических перемен условия для жизни на поверхности нашей планеты все время подвергались неповторимым переменам, и сама жизнь следовала им бесчисленной чередой разнообразных форм. Стоя перед странным горным зер-

калом в центре азиатского материка, я представил себе несколько картин прошлого Земли.

...Темные, почти пресные воды громадного океана, скрывшего на своем дне продукты разрушения необитаемых голых материков, плескались на месте Азии в протерозойскую эру. Тогда жизнь еще не выходила из моря на сушу — она ютилась в теплых и тихих заливах в своих простейших формах.

Плоскими и безжизненными оставались материки начала палеозойской эры, но в устьях рек уже зеленели первые пятна наземной растительности, а мхи и лишайники местами прикрывали первозданную голизну камня. Материки поднимались все выше в силурийский и девонский периоды, но здесь, в Азии, катились волны теплого неглубокого моря, переполненного водорослями и морскими животными. Гигантские пустыни дышали зноем на соседних материках, а в низменных прибрежных областях уже торчали громадными щетками первые безлистные леса. Море стало соленым. В чистой атмосфере солнце сияло, как в настоящее время в горах. Необозримые моря раскидывали свои сверкающие голубые дали. Еще более низкими стали материки в каменноугольную эпоху. Почти стерлась грань между мелким морем и низменной заболоченной сушей. Исполинские пространства мрачных болот поросли густыми лесами. По всей земле началось накопление колоссальных запасов древесины, превращенной в уголь, и земная атмосфера потеряла значительную часть своей углекислоты.

Конец каменноугольной эпохи ознаменовался поднятием материков, совпавшим с разогреванием солнца, усиленное излучение которого насытило атмосферу водяными парами. Тысячелетия пасмурных дней привели к тому, что на поднимавшихся плоскими горбами участках земной коры стал накапливаться лед. Началось великое оледенение, центры которого, соответственно положению полюсов того времени, находились недалеко от современного нам экватора. К концу палеозойской эры — в пермском периоде — оледенение исчезло, хотя поднятие материков продолжалось. Снова в прозрачной атмосфере сверкало солнце, сжигавшее высокие плоскогорья материков, походивших по своему рельефу на современную Африку. В лагунах и отгороженных барьерными рифами каналах отступивших морей выпаривались чудовищные массы соли и магнезиальных осадков — доломитов. На севере современного Азиатского материка продолжали существовать огромные низменные пространства, поросшие заболоченными лесами. Здесь продолжали отлагаться угли.

Высокие материки с окаймлявшими их глубокими океанами оставались и в начале мезозойской эры — в триасовую эпоху, от которой для той области Азии, где в настоящий момент находился я, не осталось геологических свидетельств. Здесь широко распространены отложения двух других периодов мезозойской эры—

юрского и мелового, во время которых опять произошло опускание материков, частично затопленных мелководными морями. Жаркий и влажный климат способствовал развитию растительности на суше и богатству животной жизни в прогреваемых солнцем соленых морях или прибрежных болотах. Именно тогда появились гигантские ящеры — динозавры, за остатками которых мы пробирались сейчас в котловину Нэмэгэту... Эта мысль вернула меня к действительности. Нужно было ехать дальше, чтобы приискать удобное место для ночлега.

История хребта Хана-Хере стала ясной. Уцелевшие зеркала скольжения, еще не разрушенные выветриванием, свежая поверхность скал, не покрывшихся «загаром пустыни», прямая, как ножом срезанная стена хребта,— все говорило об очень молодом поднятии, крупном сбросе, происшедшем в совсем недавнее время, вероятно, в раннеисторические времена — несколько тысячелетий тому назад... Южные ступени хребта — исполинские «Три Чиновника» в их черной броне поднялись раньше, разрезав и отгородив с юга равнину Нэмэгэту, когда-то простиравшуюся до самой границы Китая и еще дальше на юг...

Равнина, тянувшаяся вдоль стены, кончилась. Вплотную подступили крутые обрывы. Нужно было спускаться в сухое русло — единственный путь через хребет.

Полуторки пошли довольно легко, но трехоска тяжело огрузла в песке, заполнявшем русло, и двигалась медленно, оставляя за собой две глубокие борозды. Рев мотора гулко отражался от черных скал, низкими уступами теснившихся к бортам русла. Черные полосы углистых сланцев и пачек угля прорезали серые склоны сумеречной долины. Мотор перегрелся, в кабине стало жарко, душный запах горящего масла насытил воздух.

Андросов с трудом выворачивал руль, направляя машину то на середину русла, где кустики караганы росли гуще, то пытаясь найти дорогу потверже у самого края скал.

Так мы двигались вниз по руслу около часа, пока не погасли верхушки угрюмых зубцов Хана-Хере. В левом берегу русла, наконец, нашли широкую долину с твердой почвой, на метр возвышавшейся над песками сухого русла. Эта элементарная предосторожность была не лишней в Гоби, где внезапные ливни порождают в сухих руслах потоки, способные перевернуть тяжелую машину.

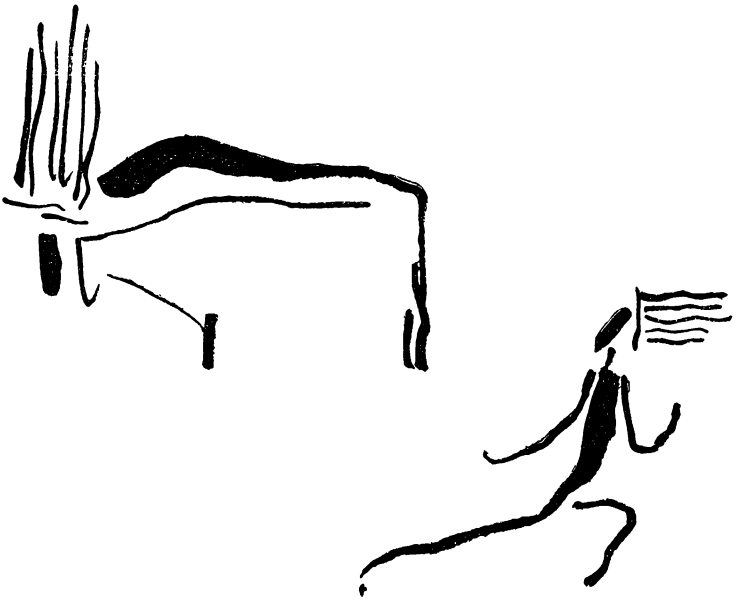
Едва лишь остановились моторы, как в безмолвии мертвой долины стал слышен шорох ветра по сухой и жесткой траве. Вместе с темнотой подступал знобящий холод. Повар разжег костер, и веселое пламя широко осветило высокие щетки белесого дериса. Проводник Цедендамба, взобравшись на холм, молча всматривался в зубцы гор, еще четкие на светлом небе. Вернувшись, он протянул мне человеческий череп. Я всмотрелся в костяные черты, не скрывавшие свой монгольский характер,

перевернул и посмотрел на зубы. Не больше двадцати лет... Как погиб здесь этот неведомый — от болезни или от жажды в пути?

Подошел согнувшийся от холода Орлов. Неуемная любознательность ученого светилась в его глубоко запавших глазах. Мы стали удивляться поразительной безжизненности местности. Не то что зверя — ни птицы, ни ящерицы, ни насекомого. Ни признаков воды. Редкая сухая трава, клочками и пятнами, как на облезлой шкуре...

Мы стали расспрашивать Данзана, но молодой монгол, будучи родом из Хангая, совсем не знал гобийских мест. Цедендамба не понял наших впечатлений. Проводнику казалось, что это место такое же, как и многие другие в Гоби,— не лучше, но и не хуже. Позднее мы сами убедились в этом.

Допоздна толковали геологи о громадной толще песчаников, углистых сланцев и конгломератов с прослоями углей, слагавшей «Трех Чиновников» и Хана-Хере. Толща достигала громадной мощности — не менее четырех-пяти километров — и пронизывалась пластовыми интрузиями и вулканическими конусами порфиритов и базальтов... Мы еще очень мало знали Монголию и решили условно отнести толщу к юрскому периоду по сходству с такими же толщами, описанными прежде в северных районах МНР. Это заключение оказалось неверным, и нам же самим пришлось его исправить при работах следующих лет.



Хурхурогийн-хурэ («Монастырь водопада»)
спрятался высоко в горах,
и его стены не отличались
от откосов и обрывов крутых скал.
Но нашедший путь проникнет
в хранилище тайных книг —
источник древней мудрости...

Предание

ГЛАВА III. КРАСНЫЙ ЛАБИРИНТ

Утро опять одарило нас блеском ясного неба и легким морозцем. Уклон сухого русла стал заметнее, плотнее сделался песок, машины пошли легче. Стены скал по берегам русла стали высокими, долина превратилась в ущелье. Размытая поверхность скал образовала скопище притупленных столбов и конусов — причудливые фигуры выветривания, собранные толпой под сиянием яркого неба. Внизу, у самого песка русла, в трещинах скал росли большие хайлясы — пустынные вязы. Деревья с сильно гнутыми

стволами и широкими кронами, на которых почти не осталось листьев в это позднее время года, были одинаковой высоты и лепились к утесам правильными промежутками. Это создавало странное впечатление посаженной здесь, в недоступном ущелье, аллеи, которая резко контрастировала с дикими формами гор. Внезапно за поворотом стены ущелья понизились и широко разошлись в стороны. Впереди в слабой дымке дали встала крутая, серая и зазубренная стена другого хребта — центральная часть хребта Нэмэгэту — массив Гильбэнту («Сверкающий»).

Мы подошли к выходу из ущелья в таинственную котловину Нэмэгэту, не посещенную ни одним геологом. Только Потанин и спутники Козлова пересекли котловину по старой караванной тропе, но не оставили никаких примечательных описаний этой местности.

Узкая струйка сверкающей чистой воды змеилась по песку сухого русла. Она внезапно возникала где-то под скалой у правого склона, пробегала наискось, отмечая свой путь свежей зеленью низкой травки, около ста метров и исчезала в рыжей глинистой почве с выцветами соли, за которой вниз, в котловину, насколько хватал глаз, тянулся тот же бесплодный и мертвый серый песок.

Мы напились холодной, вкусной воды, налили бочки, долили радиаторы. Теперь до хорошей воды могло быть очень далеко или же колодцы могли оказаться недоступными для машин — поэтому нельзя было пренебрегать ни одним лишним литром запаса. Форсируя моторы, мы поднялись на крутой склон долины и выбрались на бэль северного склона хребта Хана-Хере, образовавшего южный борт котловины Нэмэгэту. Грозный рев машин, впервые проникших в котловину, пронесся по безжизненным кочковатым пескам, рытвинам и увенчанным шапками темно-зеленых колючек буграм далеко, к центру впадины, занятому барханами движущихся песков и зарослями векового саксаула. Второй массив, еще более высокий, зубчатый и угрюмый, показался левее, т. е. западнее Гильбэнту. Это был Нэмэгэту, у подножия которого где-то находилось большое кладбище «костей дракона».

Обширные желтые и красноватые пятна гобийских отложений ясно виднелись сквозь туманную дымку в размывах и обрывах у подошвы Гильбэнту и Нэмэгэту. Еще далеко было до полудня, но котловина встретила нас тяжелым зноем. Не верилось, что вчера в лобовые стекла наших машин бил снег. Однако в тени за машиной в моменты остановок чувствовался холод, не позволявший снимать ватник. В чистом осеннем воздухе котловина просматривалась на большое расстояние. Бэль, по которому мы ехали, полого спускался к центру котловины. Там неправильными пятнами желтели бугристые пески с порослью древних саксаулов, на расстоянии казавшихся едва различимой темной щетинкой.

Весь хребет Нэмэгэту был перед нами: далеко на западе голубело ровное плато Алтан-улы («Золотая гора»), западной оконечности хребта. Широкое понижение отделяло от Алтан-улы невысокий гребень, а из-за него кулисообразно выдвигалась, простираясь к востоку до середины длины всей котловины и господствуя над ней, грубо зазубренная, крутая, но более ровная, по очертаниям похожая на опрокинутую лодку Гильбэнту. Там, где сходились борта котловины, далеко на востоке высокой пильчатой дугой высился массив Сэвэрэй и светло-голубой полоской чуть виднелся Цзолэн.

Все эти части хребта замыкали горизонт с севера и возвышались над котловиной на высоких бэлях, сплошь покрытых черным щебнем и задернутых дымкой струящегося воздуха от сильного солнечного нагрева.

Цедендамба направил машины вдоль южного края котловины по бэлю северной гряды хребта Тосту-нуру («Маслянистый»), не спускаясь к желтым полям песков на дне котловины.

Бесчисленные мелкие сухие русла и промоины пересекали наш путь. Местами уступая им, мы поворачивали вниз, в котловину, и выезжали на длинные гряды, тянувшиеся почти по дну котловины. Эти высокие гряды были покрыты красным мелким щебнем и галькой и хорошо держали машины, позволяя ускорять ход.

Мы вплотную приблизились к величественной горе с метким названием Хугшо («Памятник») — огромной пирамидой выдвинувшейся в котловину. Между геологами — Громовым и мною — разгорелся спор, вулкан ли это. Я отрицал утверждение Громова, ссылаясь на усложненный второстепенными отрогами нехарактерный для вулкана цоколь горы. Два года спустя выяснилось, что я был неправ — с высот Нэмэгэту мы усмотрели в трубу теодолита явственный кратер на западном склоне Хугшо. Скалистые длинные гряды черных пород тянулись параллельно друг другу вдоль южного края котловины, похожие на исполинские ребра самой матери-Земли. Это были все те же песчаники, конгломераты и углистые сланцы с базальтами и порфиритами, покрытые сплошным пустынным загаром.

На небольшой остановке мы не растянулись, как обычно, на земле около машин, а медленно бродили вокруг, разминаясь. Холодный ветер мешал нашему отдыху. Орлов первый обратил внимание на блестящие мелкие камешки, изредка попадавшиеся среди черного щебня и очень ярко светившиеся на темной почве. Это были мелкие халцедоны, отполированные песком и ветром и похожие на кусочки льда, крупные слезы или жемчужины — в зависимости от поэтических вкусов собирателя. Все устремились искать красивые камешки. Это занятие увлекало, как сбор грибов, и сделалось нашим главным развлечением во время странствования по Монголии.

Но тогда мы еще не вошли во вкус. Больший энтузиазм вызвала находка профессором Громовым первобытного кремневого орудия — маленького скребка из стекловатого, прозрачного халцедона, такого же, как и те, что мы собирали между щебнем.

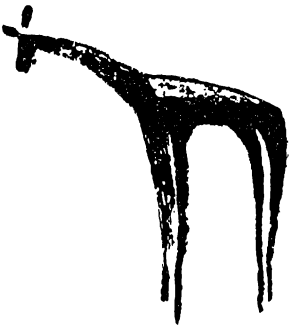
Короткий осенний день подходил к концу, когда мы подъехали к подошве скал на южном краю котловины. Огромная сквозная долина прорезала хребет, раздвинув горные гряды и разделив их плоским промежутком изрытой и рыхлой поверхности бэля. Мы въехали в небольшое сухое русло, обрамленное низкими серыми скалами. Проводник остановил машины, а сам отправился пешком вверх по руслу, и мы вслед за ним. Запах мочи и навоза возвестил о том, что поблизости стоянка скота и юрта, подъезжать к которой на машинах проводник не стал, чтобы не распугать скотину. Из юрты выскочили две женщины и девочка, сообщившие, что хозяин будет к вечеру.

Мы вернулись к машинам и стали устраиваться на ночлег. Объектов для исследования на этом унылом бэле не было. Мы с Громовым отправились к горам, осмотрели геологическое строение первой цепи и, не найдя ничего интересного, засветло вернулись в лагерь.

Эглон с таинственным видом отозвал меня в сторону. Как-то, уже давно, мы говорили, что каждой машине надо присвоить название — это будет гораздо удобнее в экспедиционном обиходе. Сейчас настал для этого удобный момент. Тайком от шоферов Эглон и Данзан подобрались к машинам и написали на потемневших от монгольского солнца бортах крупными буквами по-русски и по-старомонгольски имена машин. Полуторка осторожного Пронина была названа «Дзереном» — сам водитель был чем-то похож на этого изящного, быстрого и пугливого зверя. Полуторка Андреева, в соответствии с не всегда разумной бесшабашностью и быстротой водителя, украсилась надписью «Смерч». И, конечно, могучая трехтонка получила имя «Дракона».

Шоферы, занятые устройством ночлега, сразу ничего не заметили. Стемнело, мы расставили койки, приготовили все к завтрашнему утру, а тут появился и хозяин юрты — Ансалмоо — пожилой, остроглазый и худой, с резким носом гобийца и жидкой бородкой. Подбросили саксаула в костер и при его свете быстро закончили переговоры. Ансалмоо брался подвести наши машины вплотную к месту, где находились «кости дракона». Это было очень важно для нас, так как, хотя мы отчетливо видели всю полосу распространения мезозойских красноцветов вдоль Нэмэгэту и отметили зоны наиболее сильных размывов, где легче всего обнаружить кости и изучить отложения, поиски доступного машинам пути через пески и пухлые глины, через промоины и саксауловые заросли дна котловины могли бы отнять много времени и, главное, повести к огромному расходу бензина.

Все быстро улеглись на койках вокруг машин, не расставляя палаток. Где-то вдали, в котловине, глухо и грозно шумел ветер, но в глубокой промоине сухого русла было затишье. Мохнатые козы затопали около коек; слабый красный свет угасавшего костра выделял из темноты высокий борт машины, громоздившийся надо мной; небрежно свисавшие завязки тента едва колыхались от неощутимого ветра. Сон не шел ко мне сразу — завтра должно выясниться многое, в том числе и самый успех экспедиции. Правилен ли был расчет, приведший нас сюда, в неисследованную область Центральной Гоби?



— Не спите? — окликнул меня Громов.— Я вот все думаю, что ждет нас завтра...

— То что здесь находятся огромные массивы континентального мезозоя,— отозвался я,— в этом мы уже убедились. Значит, верно уже хотя бы то, что здесь все структурные единицы крупнее...

— И местонахождения, если они есть, тоже больше...— не то вопросительно, не то утвердительно сказал Громов.

— Дадут когда-нибудь эти окаянные геологи спать? — раздался недовольный голос Орлова.

— Будто бы так сразу и уснете? — преувеличенно изумился Эглон откуда-то из-за другой машины.

В самом деле, нельзя было мешать спать шоферам перед трудным завтрашним днем, и мы затихли, а затем как-то незаметно заснули.

* * *

Свежий запах полыни, резкий ветер, поразительно чистый прозрачный воздух встретили нас, едва мы выбрались из сухого русла на склон бэля.

Раскачиваясь и судорожно колотясь на бесчисленных промоинах и кочках, машины направились поперек впадины. Передовым, как обычно, пошел «Смерч» с новым проводником. С нашей задней машины было видно, как «Смерч» вертелся и вилял в поисках более легкого пути. Дымок пыли за ним сразу же срывался ветром и уносился вдаль, растворясь в воздухе. Воздух сердито гудел в ветровых щитках.

Андросов округлил свои раскосые глаза, стараясь одной рукой плотнее застегнуть ватник, и повернулся ко мне:

— Что это такое — «дракон», Иван Антонович? — спросил он нарочито небрежным тоном.

Я объяснил, но старший шофер остался неудовлетворенным.

— Драконами раньше плохих людей звали, сволочь разную, городовых,— буркнул он, еще сильнее морща нос.

Я сообразил и расхохотался.

— Вам название вашей машины не нравится, вот в чем дело! Ничего, дракон славный и могучий зверь, по старым монгольским и китайским поверьям...

— Какой же я дракон,— бурчал Андросов,— профессора, а забавляются пустяками.

К величайшему негодованию Андросова очень скоро вся экспедиция называла его и меня, как едущих на «Драконе», драконами.

По мере спуска в котловину противоположный ее склон отступал и выполаживался. Крутизна предстоящего подъема — это обычный оптический обман для всех, кто находится в начале спуска. Но по мере того как уплощался и понижался бэль, хребет вырастал и все расширялись красновато-желтые пятна размытых мезозойских пород, все резче выступавших под чугунно-серой стеной хребта. Теперь это были уже не плоские пятна — в них четко обозначались крутые обрывы, ущелья, овраги, круглые останцы....

На дне котловины, спустившись с бэля на добрые триста метров, мы попали в древний саксаульник. Толстые, неимоверно перекрученные стволы почти лежали на песке и, круто перегибаясь, поднимали вверх частые безлистые ветки. Деревья более правильной формы сильно ветвились и росли раскидистыми кустами до трех, редко четырех метров высоты. Повсюду встречались мертвые стволы засохших деревьев. Лишенные тонких ветвей, они угрюмо рогатились самыми разнообразными видами вил и рогов или покорно лежали на песке, отличаясь от живых деревьев своим чисто-серым цветом. Даже толстые стволы выворачивались из земли и отламывались от корня от сильного пинка ноги. Мы оценили это свойство саксаула, так как кругом был голый песок, не покрытый никакой другой растительностью, и машины стали «садиться» — зарываться в песок по заднюю ось. Своевременно подброшенный ствол саксаула подвигал машину вперед на добрых два метра.

Несмотря на холодный ветер, мы изрядно взмокли, пока пересекли полосу песка на дне котловины Нэмэгэту. Подъем на противоположный склон тоже был тяжелым — черный щебнистый панцирь лежал на песке, и машины при подъеме сильно бороздили почву. Резина газовских покрышек, черная, с большой примесью сажи, размягчалась при буксовке и снашивалась буквально на глазах. Еще большую опасность представляли мелкие щепки дробимого колесами саксаула — хрупкие, но очень твердые, они втыкались в резину протектора и постепенно вдавливались вглубь. Пришлось установить правило — на каждой остановке тщательно осматривать покрышки и извлекать с помощью отвертки или клещей все кусочки саксаула и колючки. Теперь мы почти уничтожили проколы, вначале очень задерживавшие нас в пути по гобийскому бездорожью.

Твердые гребни мелких гряд позволяли двигаться свободно. К нашему несчастью, гряды шли параллельно одна другой, вкось направлению нашего пути, и мы снова и снова бороздили песок во впадинах между ними. От солнечного нагрева на обширных полях черного щебня воздух замутнел и заструился перед нами, скрадывая резкость контуров.

Несколько километров мы поднимались со дна котловины, пока, наконец, выбрались на плато с крупным щебнем. Под его чернотой просвечивала красная рыхлая почва. Далеко впереди виднелась глубокая промоина, а за ней в мареве нагретого воздуха появился город. Красные, оранжевые и желтые стены, углы домов и кубы, башни, узкие и высокие, низкие и широкие; купола, арки, ворота; ущелья улиц, просторы площадей — все это, то ветхое, полуразрушенное, то совершенно целое, простиралось с поразительной реальностью на десятки километров к скалам хребта и вдоль него — на восток и запад.

Трудно было отделаться от видения, и я поднес к глазам бинокль. В голубоватом призрачном мире стекла заструились и задрожали воздушные потоки, но за их неверным течением отчетливее выступили контуры красных стен. И город исчез — сложнейший лабиринт ущелий и оврагов предстал передо мною, их обрывы были размыты самым причудливым образом; действительно получались башни, шатры и ряды колонн. Товарищи притихли и только приглушенными голосами взывали друг к другу, прося передать бинокли.

Особенная, тревожная радость исследователя овладела мной. Широко раскинулась там, впереди, огромная площадь размывов — ведь в каждом обрыве, каждой башенке могли таиться невиданные еще сокровища науки. Этот громадный призрачный город был в самом деле полон тайны: сколько загадок науки тысячелетиями скрывалось в его лабиринтах... И как много сил и времени нужно на полное обследование! Хотелось бы сразу же, сию минуту мчаться на машинах прямо в глубину красных ущелий,

бежать вверх и вниз по обрывам, жадными внимательными глазами обшаривая каждый метр склона, каждую гальку на дне промоины....

Увы, для систематической работы нужно терпение!

Нехотя расстались мы с чудесным видением. Машины повернули налево по плато и спустились в углубление. Город исчез из виду, и тяжелый песок опять замедлил наш путь. Наконец мы перебрались через низкий увал и попали в небольшую котловинку, обрамленную с востока узким руслом. За руслом поднималась высокая платообразная гряда, а в центре котловины стоял овальный останец красноцветных пород высотой не больше десяти метров, с плоской верхушкой. Орлов, Громов, Эглон и Данзан уже поджидали меня, окружив нового проводника.

— Все. Приехали! — крикнул мне Орлов и поджал губы, что означало у него сильнейшее волнение.

— Неужели здесь? — усомнился я.— Тут и обрывов-то нет...

— Ансалмоо говорит, что кости лежат и там дальше! — махнул рукой на восток Данзан.— Но машины дальше идти не могут...

— Эй! — завопил Эглон.

Нетерпеливый латыш потихоньку отделился от группы и устремился к склону останца. Размахивая неразлучным ледорубом, Эглон указывал на склон останца. Мы побежали к обрыву. Прямо над нами из желтого глинистого песка торчала огромная кость. Эглон и я быстро добрались до нее, обкопали и вытащили конец. Разрушенный выветриванием, он не мог послужить для определения. Налицо огромные кости, но какие животные захоронены тут — исполинские пресмыкающиеся (динозавры) или громадные древние млекопитающие? В поисках доказательств мы рассыпались вдоль подножия останца, затем спустились в сухое русло. И тут повсюду из подмывов песчаника торчали кости, крупные и мелкие, белые или светло-серого, стального цвета, отлично сохранившиеся. Рабочие принесли кирки, Орлов с Эглоном принялись вырубать из песчаника большую кость. На дне ущельица солнце изрядно грело, мы обливались пóтом, стараясь скорее получить доказательство и установить, с какими животными нам придется иметь дело на этом кладбище, которое, судя по виденному нами лабиринту красного «города», должно быть необычайно велико.

— Где вы там? — позвал сверху Громов.— Эх вы, палеонтологи! Кто это говорил — млекопитающие? А это что?

Профессор шумно скатился по крутому уступу и протянул нам... превосходно сохранившуюся, будто вытащенную из супа фалангу — костную основу когтя хищного динозавра.

— Вот и вопрос решен! — в один голос воскликнули мы.— Там, где есть динозавры, нет млекопитающих.

Действительно, в эпоху жизни динозавров крупные млекопитающие еще не появились на Земле.

— А я и раньше знал, что здесь динозавры,— похвастался Громов,— у меня есть примета.

— Ну, и дурни,— спохватился я,— зубы!..

— Ну, конечно же, зубы,— отозвался Орлов.

Волнение заставило нас позабыть основную примету, по которой можно сразу отличить кладбище ископаемых млекопитающих от местонахождения пресмыкающихся. Самой прочной частью скелета млекопитающих являются зубы, построенные из сложных складок толстой эмали, в противоположность зубам пресмыкающихся. У этих ящеров, как бы они велики ни были, зубы всегда просто устроены — в виде костного конуса, покрытого тонкой эмалью. Такие зубы на поверхности разрушаются очень быстро. У млекопитающих зубы при вымывании ископаемых скелетов на поверхность «переживают» все остальные кости. Поэтому на кладбище млекопитающих мы найдем на поверхности главным образом зубы, а пресмыкающихся — кости и только в редких случаях ничтожные обломки зубов. Палеонтолог, даже еще не приступая к раскопкам, уже по составу обломков костей, валяющихся на поверхности, «начерно» знает: с ящерами или со зверями имеет он дело, а следовательно — с мезозойскими или с кайнозойскими отложениями...

Нужно было приступать к настоящему, тщательному осмотру местонахождения.

Вернувшись к машинам, мы решили позавтракать, так как с утра, торопясь доехать, не поели. Затем распределили участки, чтобы не ходить по пятам друг за другом. Эглон и Орлов пошли немного наискось от останца — на северо-восток, Громов и Данзан — прямо вверх по промоине на север, а я взял направление на восток через высокий увал, загораживающий, по-видимому, красный лабиринт. Машины с людьми пока оставались на месте: потом, когда мы осмотрим местность и найдем наиболее подходящее для раскопок место, мы попробуем подобраться к нему поближе, чтобы не таскать на себе грузы...

Ветер подгонял меня в спину, все больше свирепея и продувая даже ватник. Однако шел я тяжело — на длинном подъеме как-то особенно чувствовалась высота, которая здесь, на бэле Нэмэгэту, достигала примерно тысячи семисот метров. Повар Никитин прошел правее меня, обогнал и скрылся за гребнем. Наш веселый повар оказался одним из самых страстных охотников за костями, хотя его малоподвижная профессия никак не давала бедняге развернуться. Перевалив через один увал, я увидел впереди еще такой же, только усыпанный более крупными многогранниками. Щебень с грохотом осыпался под ногами на спуске. Склон внезапно закончился отвесной стеной. На пятнадцать метров ниже находилось дно сухого русла, разделявшего два параллельных увала. Я заметался на сыпком краю обрыва в поисках безопасного спуска, но такого не нашлось. Левее оказа-

лась узкая боковая промоина, в которую я и спустился, вернее, свалился. Но падение затормозилось о стенки, песок внизу смягчил удар. Только взобравшись на вторую гряду, я увидел, что в полукилометре ниже по руслу склоны были гораздо положе. Но уж так бывает всегда, когда торопишься пересечь горную местность прямиком по намеченному направлению!

Странен и необычен был ландшафт, раскинувшийся передо мной. Я находился на уровне поверхности бэля, сплошь покрытой панцирем черного щебня и крупных черных камней, обточенных ветрами и песком в виде пирамид с острыми ребрами, так называемых пустынных многогранников. Бесчисленные промоины и ущелья вскрывали породы, из которых состоял бэль, поэтому по черному фону змеились красные, оранжевые, желтые и серовато-желтые ущелья с отвесными стенами, а на дне ущелий лежали серые, голубоватые в дневном свете пески сухих русел. Растительности почти не было, не было никаких признаков животной жизни. Желтые и красные башни и колонны чередовались в рядах обрывов, уходивших на много километров на восток, к Гильбэнту.

Ветер назойливо шумел по давно обдутой до последней песчинки поверхности плато. Воздух был чист, и ясное, без единого облачка, небо еще сильнее подчеркивало безжизненное одиночество лабиринта, огражденного совершенно голыми серыми скалистыми кручами Нэмэгэту.

Слабый крик нарушил молчание, казавшееся вечным. Я увидел маленькую фигурку, карабкавшуюся на гребень около угла котловины, намеченного мною для спуска. Это был повар. На плече Никитин тащил какой-то черный, несомненно тяжелый предмет. Я ускорил шаги, и через несколько минут повар с торжеством опустил на землю передо мной двухпудовый кусок бедра громадного динозавра. Энтузиаст едва переводил дух и от подъема и от веса своей находки. Всегдашняя улыбка сменилась буквально сиянием.

— Там много костей лежит,— показал он на промоину,— я как увидел, так сразу схватил эту и поволок к машинам. Какая громадина! Вот так кость...

— Вот что, Иван Николаевич,— серьезно начал я,— если вы хотите сделаться настоящим палеонтологом, то сразу и навсегда запомните такое правило... Да что там правило — закон! Если найдете что-нибудь, то никогда нельзя ничего трогать и, тем более, хватать отдельные куски. Сначала надо зарисовать, занумеровать, потом принять меры, чтобы не рассыпалось, и лишь после всего этого брать, тут же упаковывая... А так делать не годится — схватил первое попавшееся и понес...

Смущенный повар вытер пот и безропотно взвалил на плечо тяжелую кость.

— Пойдемте, посмотрим, и я положу ее на место...

Мы спустились в ущельице с большим трудом. Как вынес отсюда повар свою добычу, карабкаясь по отвесной стене?

Плита — слой твердого песчаника — образовала в более податливых разрушению глинистых породах широкий уступ. На этом уступе лежало множество костей — широкие дуги громадного таза, толстые, как поленья, обломки костей конечностей, хищно изогнутые когтевые фаланги... Да, здесь была вымыта из породы задняя половина скелета громадного ящера. Но напрасно Никитин нес обратно громоздкую кость. Скелет весь рассыпался и был непоправимо испорчен выветриванием. Солнце, мороз, вода и ветер уже сильно разрушили лежавшие на поверхности кости. Вся плита была усеяна продолговатыми кусочками характерного светло-серого цвета, на которые, как на щепки, распадается ископаемая кость при выветривании.

Уступ песчаника выдвигался над узкой промоиной, круто спадавшей к дну котловины. Водоток промоины был усеян обломками костей, замытых весенними потоками в глину, теперь затвердевшую, как цемент.

Мы с Никитиным быстро спустились в котловину. Внизу стена западного увала оказалась состоящей из целого ряда выступов, кулисообразно заслонявших один другого до самого южного предела котловины, где высился похожий на нос броненосца конечный выступ вала. Та же плита твердого песчаника проходила посредине высоты обрыва, образуя ступень на двадцати метрах высоты над котловиной. Мы забрались на нее и пошли, огибая выступы. За третьим выступом бросилась в глаза груда ребер исполинского динозавра. Смещенные с лежавшего под ними позвоночника, ребра громоздились, как куча хвороста. В склон уходили большие лопатки, а из плиты торчали высокие отростки гигантских позвонков. Дальше в промоине рассыпавшаяся хищная лапа еще топырила свои чудовищные когти. На следующем выступе в отломе песчаника выделялась белая челюсть с кинжалообразными черными зубами, эмаль которых блестела, как у живого зверя, будто пробужденного от сна, длившегося семьдесят миллионов лет. В дне промоины и выносах в котловине белели и серели разломанные кости — позвонки, куски черепа, кости громадных лап.

Забыв обо всем на свете, я носился вверх и вниз по крутым осыпавшимся склонам, наклонялся над темными оврагами, заглядывал под выступы плит. И повсюду, почти на каждом выступе, в каждой промоине, я видел новые и новые кости или части целых скелетов, а до конца котловины оказалось двадцать два таких выступа. Несметные научные сокровища были разрушены, уничтожены здесь тысячелетиями выветривания и размыва, пока они предстали перед взором ученого.

Но, конечно, еще большее количество остатков ископаемых ящеров скрывалось в глубине этих обрывов. Разрушенные ске-

леты не представляли большой научной ценности. Нужно извлечь совершенно целые кости из их коренного залегания в породе... Но так или иначе, нам удалось наткнуться на очень богатое место...

Я овладел собой, посмотрел на часы и превратился вновь в начальника экспедиции. Послав Никитина, как более «быстроходного», вперед себя к машинам, чтобы там успели собраться и подготовиться к переезду, я начал карабкаться на увал. За стеной увала было тихо и жарко, на гребне же ветер ударил в меня, как показалось, с особенной силой, холодя влажную от пота спину. Подниматься против сильного ветра было трудно, и я шел медленно. До машин оказалось довольно далеко.

«Что-то открыли Громов, Орлов, Эглон,— думал я, шагая по черным остроугольным камням,— ведь мною осмотрен только самый край юго-западной оконечности лабиринта. Сегодняшний день запомнится навсегда — по-видимому, мы нашли громадное кладбище динозавров»...

Я взобрался на последний холм и увидел маленький желтый останец и три стоявшие близ него машины. Люди окружили повара, а тот, неистово жестикулируя, показывал в мою сторону.

Очки Эглона уставились на меня.

— Ну, мы тоже нашли очень много костей в другой котловинке,— сказал латыш,— куда же поедем?

Из разговора выяснилось явное преимущество моей котловины, которая тут же получила название «Главной», так и оставшейся за ней, несмотря на то, что в последующие годы мы вели раскопки в других местах красного лабиринта.

Останец, к которому мы подъехали, получил имя «Первого», новой котловине, открытой Эглоном и Громовым, дали имя «Северо-Западной».

Я пересел на «Смерч», и мы поехали назад, в объезд крутобережных русел, отделявших останец «Первый» от «Главной» котловины. На гребне первой же продольной гряды проводник остановил машину и объявил, что отсюда ему удобнее пойти домой. Я предложил Ансалмоо переночевать с нами. Завтра, когда разгрузим машины, его можно будет отвезти назад. Проводник покачал головой.

— Там внизу, в саксаульнике, стоит юрта,— сказал он.— Меньше полуртона — я к ночи дойду! Возьму лошадь и поеду прямо. Машины так не ходят...

Независимый гобиец поразил нас простотой обращения и полным безразличием к суровым условиям пустыни. Повязанный белым платком, он стоял, высоко подняв голову, на худом, горбоносом лице играла слабая снисходительная усмешка. Мы не знали, как отблагодарить этого человека, оказавшего большую помощь нашей экспедиции. Теперь, когда мы видели, что представляет собою Нэмэгэтинская котловина, стало ясно: мы могли дол-

го блуждать по ней в поисках доступного для машин пути к красному лабиринту. В следующем году выяснилось еще одно важное обстоятельство: костеносные породы здесь залегали только в юго-западном углу лабиринта, а вся его обширная восточная часть не содержала крупных скоплений ископаемых остатков. Без Ансалмоо мы могли бы подойти с восточной стороны и получить превратное впечатление о местонахождении, а стало быть, и успех экспедиции был бы иным. От платы, сверх условленной, проводник отказался. Но нам удалось все же уговорить его заночевать, выспросить, в чем он нуждается, и сделать ему хороший подарок.

Около десяти километров прошли мы в направлении на юго-восток, прежде чем смогли приблизиться к краю черного плато, спускавшемуся непосредственно в систему сухих русел «красного города». Склон плато был покрыт слабо заросшим песком. Пески с порослью саксаула и эфедры покрывали внизу дно впадины, изборожденное сухими руслами с галькой. Саксаул обещал обильное и хорошее топливо. Из расспросов проводника выяснилось, что колодец находится неподалеку, в пятнадцати километрах вниз, в Нэмэгэтинской котловине. Договорились, что проводник завтра проведет туда нашу полуторку. Пока еще мы располагали двухдневным запасом воды, но раскопки и гипсование костей сразу потребуют увеличенного ее расхода, который мы рассчитывали покрыть, используя опорожненные бензобочки для такой «технической» воды. Подошли остальные две машины, и вся экспедиция выстроилась в ряд на краю намеченного нами для спуска склона.

— Шоферы,— обратился я к водителям,— смотрите: спуститься-то можно, а выберемся ли назад? Особенно ваш «Дракон», Василий Иванович?

— Если порожняком, то поднимемся,— ответил Андросов.

— Порожние не будем. Наоборот, думаю, что загрузимся до предела.

— Тогда не вылезем. Придется объехать там,— Андросов показал направо, где поодаль понижался высокий склон, погружаясь в бугристые пески с чащей саксаула.

Я взвесил мысленно возможности их преодоления, рассчитал, что в поездках за водой пустая полуторка легко поднимется напрямик, и сел в кабину «Смерча». Заскрипели тормоза. Андреев направил машину, где песок был поглубже, чтобы обезопасить крутой спуск.

Близко, вплотную к машинам, придвинулись отвесные стены с причудливыми выступами. Я жадно всматривался в них, ища кости, но ничего не заметил. Извилистый водоток, подмывавший стены, заставлял проделывать очень крутые пируэты. Наконец с большим облегчением я увидел, как слева всплыл над нами желтый высокий мыс, похожий на нос броненосца — конец

западного увала Главной котловины. Он заслонялся с юга овальным холмом, поэтому мы не могли его увидеть издалека. Еще один крутой изгиб русла вокруг этого холма, и мы оказались в Главной котловине. Тотчас же я послал две пули в обрыв, и громовое эхо возвестило товарищам, ждавшим на распутье у трех притоков, что они могут идти по нашему следу.

Я отчетливо представил себе, как будет браниться Андросов, выписывая все наши повороты своим длинным «Драконом».

Нужно было выбрать место для лагеря. Дно котловины оказалось изборожденным поперечными промоинами, разделившими всю площадь между руслом и костеносной стеной на ряд параллельных неширокие грядок.

Извилистым путем по грядкам мы добрались до третьего выступа, считая от северного конца котловины. Нашлась широкая грядка, лучше защищенная от ветра, и глубокая промоина в стене, для укрытия кухни. Мы начали выгружаться. Солнце уже заходило, все проголодались, а надо еще успеть приготовить обед и устроить лагерь.

Подошел «Дзерен», из него вылезли повар и Громов. «Дракон» остановился поодаль. Озлобившийся и вспотевший от трудной дороги Андросов присоединился к нам. Поискав подъезд, мы с ним поставили «Дракона» в уютную долинку между пятым и шестым выступами. Здесь бензин при любом ветре находился в безопасности от искр, которые могли долетать из лагеря.

И вот на черной щебенке с редкими сухими кустиками караганы выросло временное жилье одиннадцати человек. Две палатки, фанерные щиты для кухни, стены ящиков с продуктами, гипсом, гвоздями и другим снаряжением, тюки с бумагой и ватой, деревянные бочонки с водой, доски для монолитов — все это придало неестественно жилой вид мрачному углу безжизненной котловины. Мы рассчитывали пробыть тут несколько дней и поэтому устраивались с удобствами. Поставили железные печки в обеих палатках, прикрепили проволочные подсвечники к палаточным шестам.

После сытного обеда, вернее ужина, в палатке показалось жарко. Я набросил ватник и вышел. Последние проблески зари потухли, в свете ярких звезд непроницаемая стена Нэмэгэту торчала вверх грубыми зазубринами и внизу неразличимо сливалась с поверхностью плато. Посреди котловины, точно слоны, зловеще темнели два останца. Один, в самом центре, получил наименование «Центрального», другой — ближе к юго-восточному краю — назвали «Большим».

Я прошел до конца грядки и остановился над подмывом сухого русла. Красный огонь костра багрово отсвечивал на окружавших скалах. Верхняя часть обрыва тонула в густой тьме. В третьей, считая от «кухни», промоине неясно громоздился «Дракон». Андросов что-то делал в кабине, и ее стеклянный домик странно

светился среди диких скал. Еще слабее просвечивали палатки, сделанные из темной материи, но эти тусклые огоньки вместе с дымом, поднимавшимся из двух железных труб, создавали впечатление уюта и жизни здесь, в затерянной котловине, на краю огромного лабиринта безводных ущелий и безмолвия широкого простора впадины Нэмэгэту.

Лишь путешественник, подолгу остающийся наедине с пустыней, может по-настоящему оценить эти крохи человеческой жизни, жилья, работы, только что возникшие у подножия желтых стен.

Андросов зачем-то зажег сильные фары «Дракона». Два снопа света пронеслись над котловиной, задели обрыв «Центрального» останца и, потускнев, легли на дальние склоны восточного лабиринта. Электрический свет впервые от сотворения мира загорелся тут, и я подумал, что при будущих больших раскопках мы, пожалуй, устроим здесь переносную электростанцию. Фары потухли, мрак как-то особенно уплотнился, стало очень холодно... Я вернулся в палатку.

Перед сном Громову и мне пришлось порядком помучиться, как не раз уже в этом пути, после высоких перевалов или большой ходьбы по горам. За многолетние путешествия в трудных условиях, требовавших громадного физического напряжения, у обоих сердца были изношены. Мы всегда задыхались здесь, на высоте, едва только вытягивались на постели. С завидной безмятежностью спали Орлов и Эглон, а поближе к входу, за печной трубой, свернулся наглухо закупоренный в мешок и два полушубка наш зябкий Данзан...

Пять последующих дней прошли в беспрерывном лазании по обрывам и в раскопках костей... После того как мы с Орловым горевали над рассыпавшимся скелетом гигантского двуногого хищного ящера — тираннозавра, нам удалось обнаружить, что некоторые кости уцелели в необрушенной стенке обрыва. Песчаник с прослойками конгломерата оказался довольно твердым, но мы упорно долбили его. Открылся почти полный череп, позвонки, челюсть и зубы громадного хищника с белыми костями замечательной сохранности. Этот череп сейчас украшает зал Палеонтологического музея Академии наук. Но никто из посетителей музея и не подозревает, какого труда стоила добыча этого черепа первооткрывателям Нэмэгэту.

Обрубленная со всех сторон глыба серого грубого песчаника нависала над нашими головами на семиметровом обрыве. Глыба была так тяжела, что соединенные усилия всего нашего отряда не могли бы удержать ее от падения, означавшего гибель ценной находки. Осторожно отбивая маленькими кусочками породу, мы отняли группу громадных шейных позвонков хищника, левую челюсть и два ребра. Вес глыбы уменьшился до полутонны, но все же тяжесть осталась опасно большой.

Эглон, опираясь на наши плечи и подтягиваемый вверх с уступа обрыва на руках, сумел залить открытые кости черепа гипсом, обмотал глыбу травой и тряпками. Теперь на эту мягкую оболочку можно было накрутить веревки, закрепить их за вбитые вверху ломы и подрубить породу под глыбой. Отделенная от скалы тяжесть была тихо спущена прямо на мягкую подстилку на дне крепкого ящика, установленного в специально вырубленной в глубине промоины выемке. Из соседней промоины была извлечена полная челюсть травоядного динозавра с утиным носом — зауролофа, в которой превосходно сохранились все ее пятьсот зубов.

Побывали мы и в Северо-Западной котловине, где выдолбили из трехметровой отвалившейся плиты конгломерата таз, позвонки и задние лапы маленького хищного динозавра. Эглон и Громов показали мне изогнутый горбом позвоночник крупного ящера, который выходил из песка в дне одного из многочисленных мелких оврагов. Вопреки скептицизму Громова, мы с Эглоном пришли к заключению, что ниже в песке должен залегать скелет. Однако на то, чтобы выкопать его, не было ни времени, ни сил. Отметив «горбатый позвоночник» на плане обследованной части лабиринта, мы оставили его в покое. Находки все учащались. Громов, лазавший по обнажениям с утра до темноты, нашел на крутом обрыве целую маленькую черепаху. Отважный профессор свихнул ногу, но расчистил находку и, отчаянно хромая, привел сюда Эглона, который заключил черепаху в гипсовый футляр.

Повар Никитин выбыл из числа «охотников за костями»: надо было кормить вечно голодную компанию. Едва брезжил рассвет, как в холодных сумерках поздней осени загорался огонек кухонного костра, спрятанного в глубине овражка. Слышно было, как закоченевший повар кряхтел и разминался и, отогревшись, начинал возню. Тянуло аппетитным дымком жарившихся оладий. Через полчаса повар устраивал побудку: «Научная сила, кончай ночевать!» В соседней палатке слышалось: «Эй вы, драконы, дзерены, пироги поспели!» — и лагерь пробуждался.

Зато Андросов, сначала относившийся к общему палеонтологическому воодушевлению недоверчиво и с оттенком презрения, поработав на раскопках, неожиданно пристрастился к поискам ископаемых. Старший шофер был индивидуалистом и ходил всегда в одиночку. Удачливость его была анекдотична. Однажды вечером, греясь у печки в палатке, мы подводили итоги находкам, и я посетовал, что до сих пор никто не нашел самых больших ящеров — зауропод. Бедренная кость такого ящера почти в четверть тонны весом была бы хороша для музея...

Заинтересованный Андросов попросил подробно описать вид такой кости, забавно сморщил свой короткий нос и затем, лукаво прищурившись, объявил:

— Завтра найду!

Все присутствовавшие подшучивали над Андросовым, но он был невозмутим. На следующий день мы — Орлов, Громов, Данзан и я — отправились на исследование северной части лабиринта, поближе к хребту.

Эглон оставался в Главной котловине и бродил с рабочими от находки к находке, гипсуя, проклеивая, упаковывая. Я пошел в сопровождении Пронина, который внезапно наткнулся на скелет черепахи в ярко-желтых косослоистых песках наверху невысоких склонов Северо-Западной котловины. Мы раскопали мелкие белые косточки с острыми когтевыми фалангами — переднюю лапу черепахи. Действуя раскопочными ножами, мы расчистили в глубине обрыва еще лапу и часть панциря, четко выделявшиеся на оранжевом песке. Приятно было смотреть на увлеченного работой Пронина — искусные пальцы механика любовно очищали, метили, заворачивали в бумагу хрупкие кости. Пронин работал так, как будто всю жизнь только и занимался выемкой ископаемых костей, и я подумал, как много значит интерес к работе. Для человека с живой душой, интересующегося работой, легко научиться любым производственным навыкам и стать мастером разных дел, в то время как равнодушные люди часто оказываются тупыми учениками и, обучившись чему-нибудь, считают это великим достижением.

Уложив находку в рюкзак, мы прошли до конца котловинки — «тупика» из обвалившихся громадных глыб конгломерата, в котором днем раньше сделали несколько интересных находок — остатков мелких хищных динозавров. В подмыве узкой перемычки между двумя расширениями ущельица мы заметили торчавшие из глинистого песчаника черные зубы — ножевидные, с пильчатой нарезкой по краю: они принадлежали хищному ящеру. Отсюда мы добыли передний конец челюсти и направились к востоку, поперек больших оврагов. Скоро мы спустились в глубокое ущелье — каньон, шедшее прямо от подножия хребта. Таких ущелий здесь было три, параллельных одно другому и разделенных высокими платообразными грядами. С запада

на восток стены ущелий становились все выше, а водотоки — шире. Мы назвали каньоны — «Малым», «Средним» и «Большим» и принялись изучать их обрывы снизу, передвигаясь по дну ущелий. Странные формы выветривания выступали в крутых желтых стенах. В каждом ущелье они были свои, повторявшиеся без конца на большом расстоянии, что создавало почти тревожное впечатление архитектурной цельности, осмысленно устроенной человеком. В Среднем каньоне преобладали громадные столбы, сужавшиеся кверху и выстроившиеся, как ряды высоких бочек, по пятнадцать метров высоты. В Малом ущелье стены были изукрашены точеными столбиками со вздутиями и перехватами в ложнорусском стиле.

В Большом каньоне поражали правильностью и сложностью своей отделки бесконечные ряды индийских колонн, уходившие в теневую глубину ущелья, а за следующим, залитым солнцем поворотом вся стена казалась усаженной как бы большими песочными часами, впадинки между которыми создали на ней сетку из теневых черных треугольников.

Пробираясь по дну Среднего каньона, я заметил глыбу конгломерата, упавшую сверху и расколовшуюся на несколько частей. В глыбе оказался скелет гигантской черепахи, почти в метр длины, какого-то нового вида. Я призвал на помощь Эглона с его рабочей бригадой, состоявшей из батарейца, Ильи и Павлика. Скоро Павлик, умело распоряжаясь, заворачивал куски панциря в несколько слоев оберточной бумаги, а Жилкин и Иванов подбирали мельчайшие кусочки костей на дне сухого русла. Я наблюдал за всей компанией с высоты обрыва. Сердито хмуря тонкие брови и сверкая раскосыми глазами, Павлик заставил товарищей собрать все кусочки до последнего. Только с большим трудом удалось им вынести находку в заплечных мешках, карабкаясь на отвесные кручи.

Горы словно разгневались на нас за потревоженное кладбище драконов, огромные размеры которого с каждым днем становились все яснее для нас.

Начали бушевать страшнейшие ветры. Днем и ночью дули они без перерыва, острыми иглами кололи лицо песком на раскопках, рвали и трепали палатки, ночью не давали топить печки. Пришлось оборудовать у печных труб дополнительные выходные колена.

Особенно неистовствовал ветер на раскопках. Заметая глаза песком, он невыносимо мешал работать. Каждый взмах лопаты, каждый удар кирки или молотка отзывался горстью песка или кусочков камня, с силой брошенных в лицо. Защитные очки из-за плохого качества стекол не позволяли делать в них тонкую работу, и их приходилось снимать.

Наши молодые рабочие безропотно переносили все невзгоды и старались изо всех сил. С рассвета до ранней осенней ночи мо-

лодежь долбила кирками неуступчивые песчаники древнего кладбища ящеров, рылась, размешивала гипс, пилила доски. Уставшие донельзя, после ужина ребята забирались в свою палатку и мгновенно засыпали. Вечернее пение, шутки и музыка временно прекратились. Из-за ночного холода все койки в палатке рабочих были сдвинуты вместе и завалены грудой теплой одежды — ватниками, кошмами, козьими дохами. Палатка, занесенная песком и пылью, закопченная дымом, превратилась в мрачную берлогу, но у меня не хватало духу заставить героически трудившихся, измученных ребят навести порядок. Скрепя сердце я примирился с этим до окончания раскопок.

В нашей палатке было пять человек: Орлов, Громов, Данзан, Эглон и я. Каждый облюбовал себе место, которое затем при всех переездах соблюдалось свято. Койка Громова стояла у боковой стенки напротив моей, и мы вели через койку Орлова жаркие геологические споры. Больше всего споров вызывало происхождение каменного панциря гобийских пустынь. Я твердо отстаивал взгляд, что панцирь образован щебнем, как продуктом разрушения горных массивов, окаймляющих гобийские впадины.

Громов утверждал, что панцирь состоит из щебня только в отдельных случаях, а в основном обязан размыву меловых и третичных конгломератов и поэтому представлен галькой. «Галька» и «щебень» доставили немало веселых минут нашим товарищам, с интересом следивших за спорами и «подбавлявших жару». Не обошлось без намеков на тугодумие геологов, занимающихся палеозоем (моя геологическая специальность), на что я ответствовал о сходстве мышления четвертичников с неандертальским (первобытным) человеком.

Сегодня спор был прерван появлением Андросова в дохе, проползшего на коленях в полузастегнутое отверстие входа.

Шофер посмотрел на меня с победной усмешкой и выждал, пока все умолкли.

— Нашел вот такую костищу,— Андросов отмерил ребром ладони по койке чуть не всю ее длину.

— Вот,— воскликнул Орлов,— у кого надо учиться искать кости!

— Ладно, завтра посмотрим,— нехотя пробурчал Эглон, ревнивый к находкам, принявший неслыханный успех Андросова как личное для себя оскорбление.

Мы вставали с каждым днем все раньше. Дни летели с удивительной быстротой. Мы делали находку за находкой, и возрастала неуемная жадность палеонтолога, старающегося забрать все, что по силам и не по силам

Завтра наступал октябрь. Хотя мы открыли громаднейшее местонахождение, но прошли еще только половину западного маршрута. Впереди был Ширэгин-Гашун, а затем перебазировка в Восточную Гоби. Кроме того, я мечтал посетить район горы

Арца-Богдо («Можжевеловая Святая»), чтобы проверить исследования американской экспедиции. День, два — самое большое, и нужно кончать...

Порывы ветра, трепавшего палатку, становились злее. Мы надежно завалили ее полы камнями со всех сторон, и песок не проникал к нам со стороны ветра. Только около входа крутился туман песчаной пыли. Пламя умирало в печке, от холода начали стынуть руки. Данзан, необычно для стойких к холоду монголов, зяб так же, как и Орлов. Оба они скрылись с головами в спальных мешках, откуда показывались по утрам только после того, как затапливалась печка или солнце слегка обогревало палатку. Громов поднял очки на лоб, втянул голову в плечи и что-то писал в полевой книжке. На койке, стоявшей у самого заднего полотнища, беспечно высунулся из мешка храпящий Эглон. Пятидесятивосьмилетний латыш не боялся ни холода, ни жары и по здоровью был, пожалуй, из всех нас, молодых и старых, самым крепким.

Странный шелестящий шорох раздался снаружи. Громов поднял голову, прислушиваясь.

— Подбросьте дров, снег идет,— вдруг глухо сказал из мешка Орлов.

— Как вы услыхали в мешке? — спросил я, просунув два толстых куска саксаула в печь.

Орлов пробормотал что-то невнятное. Я расстегнул вход и высунул голову. Лицо сразу же обожгла холодная и сухая снежная пыль. Клинышки и полоски снега, наметенного за бугорками, испестрили черноту щебня...

Наутро вода замерзла даже в бочках. Неработавшие «Дракон» и «Дзерен» все время стояли без воды, а со «Смерча» вода сливалась каждую ночь, так как давно уже были ночные заморозки. Поэтому мороз не причинил нам вреда, а снег испарился через час после солнечного восхода. Но все же он напомнил нам о необходимости продолжать путь...

Эглон в сопровождении неизменного «ассистента» Павлика и «батарейца» Иванова и я под предводительством Андросова направились смотреть громадную кость. Андросов повел нас на другую сторону высокого увала, обрамлявшего котловину с запада. Мы взобрались на гребень и стали спускаться по его крутому западному склону. Выступы плит песчаника казались удобными естественными ступенями, но на самом деле были опасны, так как состояли из ломкого камня. Я шел за Андросовым и был уже на середине склона, когда услыхал сзади шум катящихся камней.

Обернувшись, я оцепенел от неожиданности: Эглон летел, широко расставив руки, вниз головой по склону. В нескольких метрах ниже склон обрывался отвесной стеной в сухое русло, и у меня мелькнула мысль о гибели старого товарища. Но Эглон

задержался на ничтожном выступе песчаника в двух метрах от бровки обрыва и поднялся невредимым, даже не разбив очков. Правда, ушибленная рука потом долго у него болела, но не помешала работать так же энергично, как и раньше.

Напуганные происшествием, мы стали подвигаться осторожнее.

Спустились на самый край обрыва, нависший над руслом. Здесь, наискось уходя в песчаник нижним концом, лежала огромная белая кость, расколотая на четыре куска. Одного взгляда на нее было достаточно, чтобы признать бедро зауропода, то самое, о котором мечтали мы позавчера. Оно было больше, чем бедро скелета громадного диплодока, слепок которого стоит в нашем Палеонтологическом музее. Самоуверенность Андросова оправдалась...

С большим трудом мы вытащили куски кости на гребень, откуда их должны были донести на руках до лагеря рабочие. Я прошел немного дальше по бровке обрыва и обнаружил в песчанике две бедренные кости утконосого динозавра, а Эглон нашел третью. Мы решили отложить их выемку на следующий день, а сегодня проехать на «Дзерене» вдоль края плато бэля за останец «Первый», чтобы взять несколько находок Эглона. Громов с Данзаном поехали на «водяной» машине к колодцу, чтобы осмотреть красные отложения ниже бэля. В Северо-Западной котловине ветер был еще сильнее, чем у нас в Главной. Помогая Эглону, я рубил большим зубилом песчаник, оконтуривая кости, а Орлов заворачивал пакеты, яростно борясь с ветром, рвавшим из рук бумагу.

Мы провозились в котловине до сумерек, едва-едва успев окончить работу, и быстро понеслись назад. Съехали вниз в сухое русло по следу «Смерча», но этот след вел поперек русла, и мы попали куда-то в восточную часть лабиринта. Как выяснилось потом, сюда приехали Громов и Данзан на обратном пути от колодца.

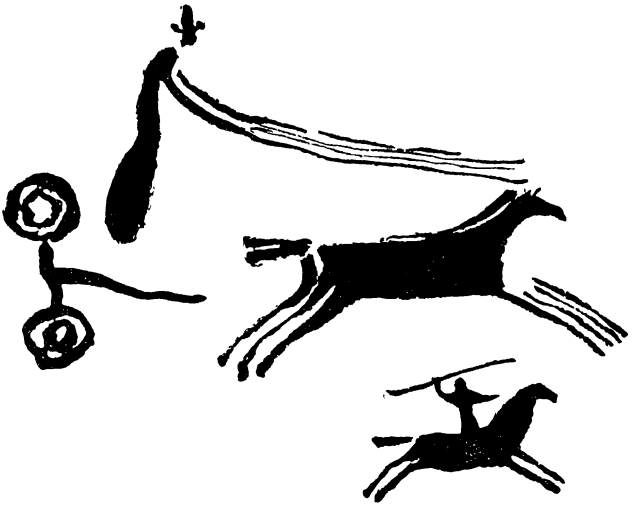
Стемнело. Мы попытались найти нужное русло, но без успеха. Я распорядился вернуться знакомой дорогой назад, выбраться наверх, на плато, и оставить там машину до утра. Сами же мы пешком напрямик должны были быстро пройти к лагерю. Однако, пока возвращались, наступила полная темнота осенней безлунной ночи. Тут-то, как говорят буряты, и «получилась беда».

Ориентироваться в лабиринте обрывов и ущелий оказалось невероятно трудно, хотя мы и знали точно направление к лагерю. На черном плато не было видно почвы на расстоянии шага. Внезапно Орлов и Пронин покатились с пятидесятиметрового обрыва в черную пропасть ущелья и лишь случайно удержались на краю, вцепившись в какие-то кустики. Это деморализовало всех. Теперь мы двигались, приготовившись ко всему. Особенно было неприятно спускаться ощупью с крутых и высоких обрывов, судорожно

нащупывая под собой опору, или искать пути, упершись в отвес противоположной стены ущелья...

В лагере вспыхнул свет — Андросов зажег фары «Дракона», донеслись выстрелы. Там явно беспокоились о нас и показывали направление, но оно было и так нам известно. Нужны были фонари. Мы пытались искать путь при мгновенной вспышке спички, сразу гаснувшей на свирепом ветру. Я оступился в промоину и ободрал бок. Позади раздался тупой удар падающего тела и болезненное ворчание. Мы перешли уже третье ущелье, и до лагеря оставалось километра два — по нашим темпам не меньше чем полтора часа пути. Бесчисленные ямы и промоины измотали нас окончательно. Тут подоспела подмога: «батареец», а за ним Андросов прибыли на наши голоса с фонарями. Много ли света от простого карманного фонарика с батарейкой? Однако этот свет сослужил прямо-таки неоценимую службу — мы перестали падать, страх миновал. Быстро был преодолен самый крутой спуск, и через полчаса мы были в лагере, но потом еще долго переживали случившееся.

К часу дня второго октября мы погрузили все тщательно упакованные коллекции и убрали лагерь. Больше двух с половиной тонн интереснейших находок мы увозили из этой безвестной котловины. Но ценнее всех находок было само открытие этого громадного кладбища динозавров: теперь, после тщательного обследования части красного лабиринта, мы знали, что множество скелетов залегает здесь в глубине обрывов с очень хорошей сохранностью костей, внешне напоминавших современные кости, выбеленные для анатомических кабинетов.



Что такое три далеких?
Солнце спящему далеко,
дом далек коням усталым,
новый год далек для бедных.

Загадка

ГЛАВА IV. ОСТАНЕЦ ЦУНДЖ

Три мотора опять наполнили громом Главную котловину. Орлов, складывавший на месте лагеря обо из позвонков динозавра, заторопился в машину. Предстоял подъем на крутой песчаный склон. Полуторки были тяжело загружены, а «Дракон» по-прежнему нес бремя бензовоза. Неистово заревел мотор «Смерча». Андреев, недолго думая, кинулся на штурм склона. Мы следили, как ползла наверх его машина, все круче задирая нос, и ход ее становился все медленнее, несмотря на отчаянную

«газовку». Мотор сдавал, угрожая заглохнуть. Затаив дыхание, мы смотрели вверх.

Машина едва двигалась, но и до бровки было совсем близко. Еще немного — и передние колеса перевалили. Машина вылезла! Торжествующий Андреев выскочил из кабины и призывно замахал руками.

— Ладно, что обошлось,— проворчал Пронин,— я так не пойду, очень круто. Ведь у него передние подшипники в моторе с минуту были совсем без масла. Еще чуть и подплавил бы...

Шофер сел в кабину. «Дзерен» медленно пошел наискось по склону и вылез легче, чем «Смерч», но с опасным креном — под обрыв.

— Хрен редьки не слаще,— мрачно сморщился Андросов.— Поехали!

С лязгом включился понизитель. «Дракон» устремил свой тупой нос в песчаный склон и... зарылся по ось.

Вторая и третья попытки оказались безрезультатными — мы достигли едва трети высоты склона. Сверху сбежали все на подмогу, но Андросов махнул рукой и повернул «Дракона» вниз по руслу.

Около пяти километров проехали мы вдоль склона, пока он понизился, и мы нашли подходящую ложбину. Пришлось подкладывать доски, чтобы тяжелый «Дракон» вышел из рыхлого песка, пересек саксаульник и выбрался, наконец, на плато бэля. Каждая машина везла с собою по две толстые доски на раме под кузовом. Это простое приспособление давало возможность преодолевать очень трудные препятствия...

Полуторки ждали нас на месте подъема. Мы с Андросовым порядочно запарились и объявили перекур.

Попыхивая «козьей ножкой», я рассматривал красный лабиринт Нэмэгэту, снова расстилавшийся передо мной, как на ладони. Но теперь его тайна была раскрыта. Правда, еще тысячи обрывов остались неосмотренными — далеко к самому подножию хребта и на восток шли одна за другой желто-красные стены. А вдали едва просвечивал сквозь туманную дымку и совсем неизведанный остров желтых пород у подножия Гильбэнту. На западе у Алтан-улы — еще один. Монголы рассказывали, что там и там встречались кости. Как много нужно осмотреть! В будущем предстоит огромная работа, прежде чем определишь наиболее выгодное для раскопок место. Да и кто знает — может быть, у Гильбэнту или Алтан-улы выходят другие горизонты, с другой фауной?

— Вот это местонахождение! — Орлов торжествующе показал на лабиринт.

— Первый раз я в такой стране,— шутливо развел руками Громов.— К обнажениям здесь геологу приходится не вверх лезть, а спускаться вниз, точно в преисподнюю.

Данзан, Орлов и я дружно расхохотались. Действительно, в гобийских межгорных впадинах все вскрытия красноцветных пород образовались за счет глубокого размыва бэлей — этих постаментов горных хребтов. Силы размыва — ливни, снеговые потоки — промыли в бэлях глубокие лабиринты оврагов и ущелий, куда с поверхности бэля нужно было спускаться, подчас рискуя рухнуть вниз с крутых и рыхлых стен. А кругом простиралось черное щебнистое плоскогорье бэля, в котором эти размывы зияли, как глубокие красные раны.

Машины пошли вдоль края Нэмэгэтинской впадины по бэлю, держа курс прямо на запад. Весь остаток дня справа тянулись желтые обрывы, прерывавшиеся громадными конусами выносов. Низкий саксаул дробился под колесами; два раза останавливались менять баллоны то на одной, то на другой машине. Миновали островок странных пород — туфовые песчаники, покрытые пузырчатой коркой железистого натека со стволами окаменелых деревьев, местами обожженные лавой, следов которой поблизости не нашли.

Утесы туфовидного песчаника были усажены удивительными щетками из тупозакругленных песчаниковых сосулек. Конечно, это были не сосульки, а не поддавшиеся выветриванию участки плотно цементированной породы. В песчаниках оказалось множество мелких халцедонов — свидетелей размыва базальтового покрова, некогда простиравшегося здесь. От халцедонов большая площадь песка перед утесами приняла красивый жемчужно-серый цвет.

К третичным отложениям относились видневшиеся в стороне обрывы серых песков, прикрытых крепкими белыми мергелями с толстым слоем из мелких, тоже белых, известковистых конкреций. Конкреции ссыпались вниз широкими осыпями, белевшими издали, точно снежные холмы.

Сильно песчаная, всхолмленная поверхность бэля тяжело давалась нашим машинам. Колеса грузли, моторы грелись. Хорошо было иногда выбраться на гладкую, без травинки гряду или холм, усыпанные черным полированным, сверкающим, как битое черное стекло, щебнем.

Пески сменялись щебнистой степью с кустиками баглура и надутыми за ними бугорками песку. Здесь машины шли легче. Далеко впереди, у подножия западной оконечности Алтан-улы, виднелось большое красноватое светлое поле — новый лабиринт обрывов. Там находилось Цаган-Хушу («Белая Морда»), где, по сообщениям аратов, также попадались кости дракона. Алтан-ула манила своими неразгаданными тайнами, но наш путь шел к северу, через хребет Нэмэгэту. Изучение Цаган-Хушу придется пока отложить. Теперь мы не сомневались, что экспедиция будет продолжаться — одного Нэмэгэту хватит на несколько лет серьезной работы.

Стало смеркаться. Сухие русла и промоины встречались реже, черный щебень уплотнился, все чаще попадались крупные камни.

Мы остановились на ночлег. Я спал прямо под чудесным звездным небом, так как поставили только одну палатку без печки. Из-за холода все вскочили рано. Ветер, казавшийся очень плотным, дул прямо в лоб из ущелья — той сквозной долины, куда лежал наш путь. Алтан-ула прямой и отвесной темно-зеленой стеной высилась налево от нас. Нэмэгэту отошло вдаль, и его хмурые зубцы золотились в утреннем солнце почти на одном расстоянии с Гильбэнту.

Снизу из котловины подошла старая караванная тропа, по которой поднялись на перевал. За перевалом, под спуск, машины пошли легче, хотя все ближе и ближе становилась голая темно-серая стена хребта. Тропа исчезла в сухом русле, скалистые откосы сжали долину с обеих сторон. Большое стадо лохматых коз плотно сгрудилось вблизи колодца. Две монголки — молодая и старая — поили нетерпеливо рвавшихся к воде животных. При появлении наших машин началось паническое бегство стада в гору. Пришлось извлекать из колодца одну козу, свалившуюся туда в спешке. Набрать воды нам не удалось, потому что колодец оказался почти вычерпанным, и не стоило терять несколько часов, пока он наполнится. Впереди, по сведениям проводника, были еще колодцы.

— Куда ехать? — спросил я Цедендамбу, окончившего разговор с аратами.

— Туда,— показал он вперед, на скалу, перегораживавшую ущелье.

— Значит, там есть ход,— вмешался Андросов,— только не было бы узко...

— Там большая тропа, очень узко не будет,— возразил Данзан.

Мы двинулись. Песок в русле был тверд, уклон заметен, и машины шли быстро. Гигантские чугунно-серые стены нависли над нами. Эхо моторов грохотало далеко вверху. Борты автомобилей едва не задевали утесов. Иногда русло перегораживалось огромными камнями или завалами из крупных глыб. Приходилось устремляться в узенькую стежку между стеной и завалом. Вверху, на недоступной высоте, чернели отверстия пещер — здесь, в твердых породах осевой части хребта, пещеры были, несомненно, древними. Кто знает, какие загадки распространения и жизни доисторических людей могли бы быть разрешены при их исследовании?

Внезапно ущелье расширилось, на бугре посредине его оказались две юрты. Несколько верблюдов, флегматично стоявших около юрты, в ужасе бросились в боковой распадок. Собаки, поджав хвосты, улепетывали вниз по руслу. Четыре женщины, возраста которых мы издалека не определили, кинулись вверх по

склону, подхватив тяжелые полы меховых дэли. За минуту все живое разбежалось, и нам оставалось только проехать мимо, предоставив хозяевам самим разобраться в происшедшем. Я покачал головой.

— Первый раз в жизни видят машину! — улыбнулся Андросов.

Ущелье опять сузилось, отвесные обрывы, острые, как ножи, скалистые ребра, узкие щели проходили мимо идущих машин. Темно-серые, почти черные и коричнево-шоколадные породы представляли собою древнепалеозойскую метаморфическую толщу, возможно девонского или силурийского возраста. Разнокалиберные жилы кварца змеились белыми молниями на темных кручах. Расслоенные и перемятые сланцы рассыпались в мелкую крошку, струившуюся по дну бесчисленных крутых долинок, избороздивших грозные утесы по триста-четыреста метров высотой.

Каждое небольшое расширение ущелья было занято холмом из огромных камней, разделявших развилку русла. На холмах рос высокий дерис и зеленела свежая и густая трава. Очевидно, подземный поток русла залегал совсем неглубоко, и добыча воды здесь не составляла проблемы. На одном из холмов бегали шесть куликов — первая «дичь», встретившаяся за все время странствования в Нэмэгэту. Немудрено, что ярые охотники — повар и Андросов — схватили дробовики и стали ползком подкрадываться к птицам. «Батареец» Иванов долго наблюдал за охотниками, поднял камень, обогнул холм слева и лениво швырнул его в птиц, деловито шагавших в сторону от скрытых за травой стрелков.

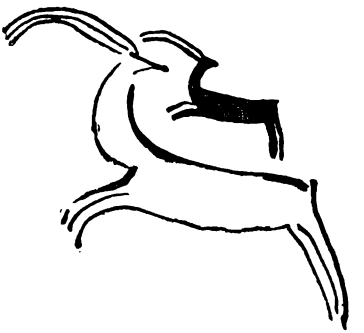
Так кулики и убежали, а вернувшиеся ни с чем охотники были вконец опозорены «батарейцем», протянувшим им убитую камнем птицу...

Темные породы сменились более светлыми серо-желтыми, стены были усеяны множеством мелких пещерок. Через двести метров стены начали расходиться и понижаться, в обрывах появились рыхлые желтые конгломераты — мы вышли по ту сторону хребта Нэмэгэту. Отсюда, с высоты трехсот метров, над пониженной центральной частью огромной, пожалуй больше Нэмэгэтинской, впадины было видно очень далеко.

Противоположная сторона ее тонула в серой пыльной дымке, вверху становившейся голубой и застилавшей ряд округлых вершин гор Ихэ-Баян-ула («Большая Богатая гора»). Еще выше, прямо против устья ущелья, висела в воздухе голубая полоска, утолщавшаяся к левому концу. Так впервые предстала перед нами Ихэ-Богдо («Великая Святая») — высочайшая вершина Гобийского Алтая, почти в четыре тысячи метров высоты.

Но сейчас нам было не до нее — русло растекалось на десятки проток, веером расходившихся по конусу выноса, и дорога стала невыносимой. Мы пересекали наискось бесчисленные рытвины, заваленные громадными камнями, направляясь на северо-восток.

С тревогой следил я за тем, как мотало и бросало полуторки, шедшие впереди, слушал угрожающий скрежет в своей машине. Нашего длинного «Дракона» корежило особенно ужасно. Все доски кузова скрипели и трещали, визжали тяги и глухо ударяли в платформу баллоны. Я несколько раз останавливал отряд для поисков лучшей дороги, но Цедендамба уверял, что лучше проехать нельзя. Мы тогда еще очень плохо знали Гоби, верили проводнику, боялись и шагу сделать без него. Много позже я сам научился проводить автомобиль по Гоби и тогда понял, что внизу, в котловине, дорога была значительно лучше, а проводник ломился напрямик через сильно размытую поверхность бэля.



Около двадцати пяти километров такого пути и... лопнул коренной лист передней рессоры «Дракона». Мы остановились, чтобы улучшить амортизацию куском резины. Внезапно впереди показались три серые тени — они медленно шли гуськом по одному из поперечных сухих русел и также неторопливо скрылись за бугром. Я впервые видел куланов — диких ослов Центральной Азии, но успел рассмотреть только их светлую шерсть и головы, казавшиеся громадными из-за длинных ушей. Впереди нас, внизу и позади расстилалось сплошное море песчаных бугров, поросших саксаулом. Справа, совсем близко, высилась стена Нэмэгэту, еще более крутая, чем на южной стороне.

В четыре часа мы повернули налево, вниз, ко дну котловины. Выбрались на длинный увал, проходивший по длинной оси котловины, точно так же, как и в котловине Нэмэгэту. Поверхность увала была покрыта панцирем из мелкой гальки и почти лишена растительности. Глубокие русла разбивали гряду на цепь длинных холмов. Серые рыхлые конгломераты вскрывались в обрывах русел, дремучие нетронутые саксаульники заполняли широкие распадки. Машины отлично шли по гребню увала, но всякое пересечение русла сопровождалось «посадкой». Тогда извлекались доски, им в подмогу шли стволы саксаула, камни, кустики

караганы. С ревом машина устремлялась на второй скорости на пересечение рыхлого песка, сзади бежало шесть человек, толкая ее в задний борт, а другие четверо перебрасывали доски, выдирая их из песка после прохода машины. Так перебирались все машины, и мы ехали несколько километров до следующего русла, а там начиналось все сначала.

Перебравшись через очередное русло, мы остановились на противоположном берегу его уже в полной темноте. Молодая луна слабо освещала рогатые ветки саксаула, здесь особенно высокого и частого. День был теплым, особенно когда мы перешли в новую котловину. Вечер тоже не принес холода, обычного в Нэмэгэту.

Мы расставили койки около машин и наломали саксаул, из которого сложили громадный костер в честь окончания работ в Нэмэгэту и прибытия в новые неизведанные места. Пламя далеко освещало мертвую безотрадную равнину, со всех сторон замкнутую горными массивами. Горы были невидимы, свет не мог достичь их склонов. Казалось, что окружавшая нас усыпанная галькой и щебнем равнина совершенно необъятна, и мы, ничтожная кучка людей, приютившихся у костра, беззащитны против ее первобытной мощи.

Все же мы шли уже обратно, на восток, подвигаясь к базе. Цедендамба объявил, что до пресловутого Ширэгин-Гашуна осталось не больше одного уртона (тридцать — тридцать пять километров). Теперь, когда найдена была легкая дорога по гребню гряды, это расстояние было пустяком, и задача Чудинова должна была разрешиться завтрашним днем.

В 1932 году географ Б. М. Чудинов пересек Монголию с севера на юг по меридиану и последний отрезок пути прошел на верблюдах зимой от Орок-нура до Далан-Дзадагада по старой караванной тропе в Хуху-Хото («Голубой город») в не посещенных исследователями местах. Где-то между Бага-Богдо («Малая Святая») и Гильбэнту Чудинов обнаружил глубокую впадину, которую он считал самой низкой впадиной Монгольской Гоби. Ученый был неправ — в Заалтайской Гоби есть значительно более глубокие впадины. Но, конечно, не проверка глубины Ширэгин-Гашуна заставила нас проделать весь этот путь. Чудинов описывал кладбище динозавров, залегавшее на дне впадины: огромные древние пещеры в красных обрывах, окаймляющих впадину; картинно рассказывал, как повсюду торчали лапы и оскаленные челюсти, как верблюды проваливались в ямы от разрушенных огромных костей, как караван шел чуть не целый день по костям динозавров... Наконец он привез несколько обломков костей, несомненно, принадлежавших динозаврам. Не было оснований не верить энтузиасту, тем более, что пятью годами позже монгольский Комитет наук послал специальный отряд для проверки данных Чудинова. Начальник отряда подтвердил все сообщенное географом. Однако еще в Улан-Баторе, когда я зна-

комился с отчетом этого отряда в архиве Комитета наук, меня удивило расхождение с данными Чудинова. У него кости указывались в дне впадины, у сотрудника Комитета наук — в обрывах Цзун- и Барун-Ширэ («Восточный и Западный стол»), окаймлявших впадину с юга. Никакая палеонтологическая экспедиция не могла оставить без внимания такое большое местонахождение, и мы стремились добраться до него во что бы то ни стало, хотя отчет отряда Комитета наук и давал понять, что путь к месту впадины будет не из легких. Для ориентировки, поскольку впадина не была показана на картах, Чудинов сообщил надежный указатель — останец красных пород по имени Цундж («Одинокий»), совершенно точно напоминающий сфинкса и сиротливо стоящий на открытой равнине к северу от впадины. Фотография останца Цундж была со мной, и я надеялся на этот хороший ориентир. Чудинов указывал три колодца во впадине; кроме того, грунтовые воды должны были залегать здесь неглубоко, так что мы не опасались погибнуть от жажды. Однако самое название Ширэгин-Гашун (Горькое плато). не обещало хорошей воды. При свете костра я еще раз пересмотрел записки Чудинова и Комитета наук и заснул с ощущением хорошо проведенного дня.

Четвертое октября оказалось очень теплым. Ветер дул непривычно слабо. По тем же холмам, ставшим более пологими и низкими, мы быстро добрались до Ширэгин-Гашуна. В половине двенадцатого машины стояли уже на краю уступа Барун-Ширэ.

Широкая впадина расстилалась в сорока метрах ниже, полого и постепенно углубляясь к своему центру, занятому пространством темно-красных, без единой травинки, глин. Заросли могучих старых саксаулов протягивались полосами вдоль громадных кочек песка — заросших барханов, покрытых тамариском и колючкой. Мягкие светлые откосы свеженадутого песка прикрывали подножия обрывов, поворачивавших далеко к северу под прямым углом к тому, на котором мы стояли. Далеко за впадиной голубели три горных массива — три стража Орокнурской пустынной степи: слева уже знакомая Ихэ-Богдо, в центре выгнутая пологой аркой Бага-Богдо и направо едва выступала острым пиком из-за более близкого хребта Баян-Боро-нуру («Богатый Дождями хребет»), третья — Арца-Богдо. Сзади, совсем близкие и угрюмые, стояли на своих высоких, изборожденных веерами серых русел бэлях Нэмэгэту, Гильбэнту и Сэвэрэй.

Такое же отсутствие жизни, как в лабиринтах Нэмэгэту... Молчание, неподвижность камня, песка, пространства с остановившимся временем. Застывшие в неподвижном воздухе безлистные ветви саксаула...

Но впадина была велика, и нужно было определить место, откуда начинать поиски Чудиновского кладбища и колодцев. Маленькое обо из кусков песчаника привлекло мое внимание. Оно было сложено, видимо, недавно, отличаясь от древних обо

караванных дорог свежестью кусков камня с зияющими, не заполненными землей щелями, отсутствием птичьего помета на верхушке. Не сложено ли оно отрядом Комитета наук? Я достал копию отчета и компас. Азимуты на окружающие горы, упомянутые в отчете, разошлись со взятыми мною на один-три градуса, иными словами (при учете неизбежной ошибки взятия отсчетов с руки в два-три градуса) совпали совершенно. Мы находились на месте лагеря отряда Комитета наук и могли тут же начинать поиски. Но почему-то Цзун-Ширэ находился на западе, а обрыв Барун-Ширэ, на котором мы стояли, располагался к востоку от первого... Здесь, не в пример другим местностям Монголии, восток и запад были обозначены с ориентировкой на север, а не на юг, как обычно. Поэтому «барун», т. е. «правый», обычный синоним запада, находящегося направо от человека, стоявшего лицом к югу, здесь, в Ширэгин-Гашуне, обозначал восток, а «левый» — «цзун» стал названием западной возвышенности. Оставалось лишь предположить, что эти названия даны путниками какой-то другой народности, ориентировавшейся на север, а не на юг, не так, как древние народы.

Я долго шарил биноклем по унылым скатам — пыльно-желтым и грязно-серым равнинам, полого поднимавшимся за северными обрывами. И вдруг совершенно ясно, так, что мне показалось, будто я смотрю на знакомую фотографию, я увидел сфинкса. Наклонив вперед большую темную голову, он лежал на равнине, вытянув передние лапы, в классической позе. Не могло быть сомнения — это останец Цундж. Когда я отнял бинокль от глаз и стал прицеливаться на останец компасом, он оказался видимым и простым глазом — маленькое желтое с черным пятно на монотонной желто-серой плоскости.

Я сообщил о находке товарищам и записал под аккомпанемент их одобрительных восклицаний азимут СЗ 330°. Теперь стало несомненным, что мы находимся в том самом месте, о котором давно мечтали, слушая рассказы Чудинова и представляя себе гигантское кладбище динозавров.

Осталось только изучить его, сделать пробные раскопки и наметить план будущих работ. Веселые, устремились мы врассыпную по склонам, не обращая внимания на их крутизну — за время исследования Нэмэгэту выработалась привычка ходить по обрывам гобийских красноцветов вскачь, уподобляясь горным козлам — янгерам.

Но когда через три часа мы сошлись снова у машин, унылое недоумение на лице каждого «охотника» без слов свидетельствовало о полной неудаче. Нашлись обломки костей динозавров, щитки черепах, куски стволиков окаменелой древесины. Сборы были достаточны для установления возраста слоев Ширэгин-Гашуна, но даже отдаленно не напоминали богатого кладбища ящеров. Не задерживаясь для еды, мы разгрузили «Дзерена»

и поехали на пустой машине вниз, во впадину, через саксаульники и пески к уступу Цзун-Ширэ.

До вечера все пятеро исследователей — Орлов, Громов, Эглон, Данзан и я — ходили по этому длиннейшему обрыву (около десяти километров). Сорокаметровый уступ был изрезан оврагами и промоинами — башни, сфинксы, драконы, бюсты разных людей глядели с презрением на нас, медленно пробирающихся по пескам у подножия красных стен. Жара и безветрие, удивлявшие еще с утра, здесь, во впадине, стали нестерпимыми. После холодных ветров, снега и морозных ночей в Нэмэгэту и студеного, в вечной тени, перевального ущелья мы не расставались с ватниками и ватными штанами. Подобная одежда в духоте Ширэгин-Гашуна заставила нас обливаться пóтом и была сброшена после первого часа ходьбы по обрывам.

Я увидел вдали белое пятно, двигавшееся мне навстречу, и остановился в недоумении. Это оказался Эглон, уныло шагавший в одном нижнем белье. Ватные штаны неуклюже висели на ледорубе на его плече. Очки жалобно перекосились, обильный пот струился по его лицу и шее, нос грустно смотрел под ноги. Исследователь сетовал на отсутствие интересных находок.

Породы здесь в общем походили на те, какие попадались в Нэмэгэту; слои красных глин, песчаников и песков, переслоенные голубоватыми конгломератами. Но лишь редкие обломки, еще более жалкие, чем в Барун-Ширэ, встретились нам за все время исследования Цзун-Ширэ. Ясно было одно — в обрывах, вопреки сообщению отряда Комитета наук, никакого сколько-нибудь стоящего местонахождения нет и не было.

Приехали в лагерь без приключений, уже в сумерках. За время нашего отсутствия проводник Цедендамба ездил на «Смерче» и отыскал колодец с отвратительной на вкус водой в трех километрах к западу. Чай, по общему признанию, был ничем другим, как подогретой верблюжьей мочой с примесью гипосульфита и глауберовой соли. Худшей, чем в Ширэгин-Гашуне, воды мне не встречалось за все время работы в Гоби и в последующие годы.

Чтобы покончить с общим унынием, выдали по шкалику спирта, и после обеда настроение улучшилось. Мы стали обсуждать план дальнейших исследований.

— Место найдено совершенно точно,— говорил Громов.— Совпали указания Чудинова и комитетского отряда: налицо сфинкс и колодец, азимуты правильны. Наконец, и проводник тоже знает это место, как Ширэгин-Гашун. И в то же время основного — местонахождения динозавров — здесь нет. Что начальник отряда Комитета напутал, это ясно — обрывы не содержат ничего похожего на то громадное количество костей, о котором написано в отчете. Но Чудинов с самого начала говорил и писал о другом месте — где-то на дне котловины. Надо обследовать дно котловины!

— Совершенно верно,— согласился я,— но наши возможности ограничены; машина, даже пустая, не пройдет через центральную часть впадины — там пухлые глины. А для того чтобы обогнуть котловину с севера, туда к Бага-Богдо, у нас нет времени. Попробуем завтра пройти вдоль Цзун-Ширэ в северную часть...

Так и решили. Необычайное безветрие продолжалось и следующий день. Опять стояла жара, для пятого октября невероятная. Я подумал, какая чудовищная жара должна была стоять здесь, в глубокой впадине, закрытой со всех сторон горами, летом. Проводник подтвердил мои догадки, я даже обрадовался, что в этом месте с гнусной водой и адской жарой не оказалось большого, достойного крупных раскопок местонахождения.

Опять «Дзерен» повез исследователей в глубь Ширэгин-Гашунской впадины. Я остался в лагере, чтобы привести в порядок записи по Нэмэгэту. В те дни поиски и раскопки велись с рассвета до ночи, ночью еще писались этикетки и совершенно не было времени на обработку сделанных наспех заметок...

Солнце палило нещадно, палатка превратилась в духовую печь. Я забрался под «Дракона», и в тени, под уютным навесом из карданов, крестовин, тяг и трубок, проработал весь день, временами прерывая записи для совещаний с Андросовым по автомобильным делам.

Исследователи вернулись менее унылые, чем вчера, издеваясь над Прониным. Водитель «Дзерена» — очень искусный, умелый и находчивый, до сих пор благодаря тяжелой военной школе победоносно справлявшийся со всеми затруднениями, впервые безнадежно завяз в пухлых глинах центра впадины. Лишь с большими усилиями удалось высвободить машину. Проехав около пятнадцати километров вдоль обрывов, исследователи выбрались на относительно твердую саксаульную равнину. Позади нее стояло несколько небольших холмов-останцев с костями гигантских динозавров примерно таких же, как и в Нэмэгэту. На одном из останцев, несомненно, лежал целый скелет, теперь сильно разрушенный и разнесенный. Подтвердилось, что в Ширэгин-Гашуне действительно есть местонахождение динозавров, но небольшое. Если бы мы попали сюда в самом начале нашей работы, то, пожалуй, нашли бы его заслуживающим разработки. Теперь же Ширэгин-Гашун не шел ни в какое сравнение с Нэмэгэту, доступен был значительно труднее и содержал материал гораздо худшей сохранности. Очевидным стало сильное преувеличение, допущенное увлекшимся географом, но после открытия Нэмэгэту это не было катастрофой. С легким сердцем мы «закрыли» это воображаемое кладбище.

Шестого октября мы спустились с уступа Барун-Ширэ и направились на восток, рассчитывая обогнуть массив Сэвэрэй и выйти на автомобильную дорогу в Ноян сомон. Здесь котловина, названная нами Занэмэгэтинской, сильно сужалась. При господ-

ствующих в Гоби западных ветрах и широком растворе котловины на запад в узкой восточной части нужно было ожидать накопления песков.

Так оно и оказалось. Сплошные бугристые пески начались в десяти километрах от Барун-Ширэ. Около тридцати километров мы пробивались через пески, держась сухого русла, поднимавшегося на маленький перевал между двумя коническими черными горками. Машины едва шли, постоянно зарываясь, и вылезали только по доскам. «Дракон» буквально пахал песок, так как если небольшие, поросшие колючками кочки еще кое-как поддерживали полуторки, то ничего не значили для семи тонн «Дракона».

Я требовал от проводника вести нас другим путем, но Цедендамба уверял, что другой дороги нет и нужно во что бы то ни стало пробиваться здесь. Проделывать назад весь тяжелейший путь через Нэмэгэту было невозможно, но и ехать тут было губительно для машин. В отчаянии мы с Андросовым решили пробиться к горам и там искать пути. Для машины легче идти по большим подъемам, но по твердой почве, чем по песку. Семисантиметровой толщины доски, поддерживавшие нас в песке, изломались в щепки, пока мы поднялись к черному каменистому склону первого холма. Склон оказался крутым, и подъем был очень тяжел для нашей груженой машины. Мы решили взобраться сначала на холм и осмотреть путь. Безотрадная картина представилась нам с вершины. Не по-осеннему жаркое солнце погружало свои лучи в широкие впадины между коническими черными холмами, то острых, с крутыми склонами, то широко расползшихся между долинками.

Подножие каждого холма тонуло в рыхлом песке, казавшемся ярко-желтым от окружавших черных пород. Сложные желтые узоры извивались между мрачными заостренными вершинами, образовавшими полукруг и дугой охватившими плоскогорье, поросшее светло-золотым на солнце дерисом. До плоскогорья было не меньше пятнадцати километров, и наш «Дракон» безнадежно засел бы в первой же ложбине, заполненной песком, всплески которого заходили высоко на склоны. Проводник был прав — дороги не было в этих мрачных холмах, к которым так подходило их название Чоноин-шорголга («Волчья колыбель»). Да, холмы надежно охраняли дерисовое плоскогорье.

Мы проделали обратно весь мучительный путь, подошли к сухому руслу. Взволнованный проводник, на серьезном лице которого ясно читались тревога и огорчение, что-то усиленно доказывал Данзану. Тот начал уверять меня, что все напрасно — дороги там нет. Я ответил Цедендамбе, что он прав. Славный проводник успокоился и просиял.

В безветрии и духоте гнетущее молчание долины нарушалось моторами, ревевшими в попытках вырваться из цепких объятий песка. Словно невидимая могучая лапа схватывала машину за

задний мост, удерживая ее и заставляя тяжело оседать в сыпучий песок. Мы были с ног до головы в песке, с силой отбрасываемом колесами. Песок лип на потные лица, хрустел на зубах. Распаренные, в одних майках, мы толкали машины, таскали кустики полыни, ломали ногти, выкапывая в колее машины глубоко зарытую туда давлением доску. Мотор ревел, машина дергалась, мы напрягали все силы, подталкивая ее оседавший бок, доски обугливались под буксующей резиной. Близился вечер. Как-то незаметно песок стал мельче, или же растительность гуще, или появился щебнистый панцирь — почему-то не запомнилось, что именно, должно быть от усталости. Незаметно мы стали продвигаться быстрее, машины не садились, унылый вой низших передач смолк, и мы пошли на третьей передаче. И было пора — перегревшиеся моторы «выпили» всю воду, из-за скверного качества взятую в небольшом количестве, а доски все до последней были превращены в растопку для костра.

Полуторки, легче «Дракона» нырявшие по промоинам, начали заметно обгонять, набирая ход.

— Опять они лезут в гору, смотрите, Иван Антонович! — завопил Андросов, еще не опомнившийся после песков.

Действительно, черные жуки, неуклюже нырявшие впереди, сильно забрали вправо, на бэль Сэвэрэя. Опять Цедендамба хотел пересечь борт котловины напрямик, забывая про горький опыт. Я разозлился, достал из кузова винтовку и двумя выстрелами дал сигнал остановки. Полуторки стали. Над тентами появились ряды голов, смотревших в нашу сторону. Машины были загружены так, что из ящиков с коллекциями, немного отодвинутых от переднего борта, получалась скамья. На скамью стелили кошмы, в теплые дни добавлялись полушубки, и три-четыре человека с удобством ехали наверху, упираясь спинами в мягкие вещи — палатки и постели, забитые в машину под свод тента доверху. Чтобы тяжелые ящики не раздавили ноги сидящим на спусках, между бортом и ящиками заклинивались толстые чурки. Как только что-нибудь случалось позади, сидящие вставали, высовывали головы над тентом и старались рассмотреть, в чем дело. Этот очень характерный ряд голов приветствовал наше появление и теперь.

— Данзан, спросите у Цедендамбы, какого черта он опять жмется к горам? — сердито закричал я переводчику.

Молодой монгол улыбнулся и показал вперед и влево от машин. Мы остановились на верхушке небольшой возвышенности. Слева подступали и тянулись грозной цепью, насколько хватал глаз, заполняя всю котловину, гигантские песчаные барханы... «Пески Хонгорин-Элисун!» — сразу сообразил я, поняв, отчего «жмется» к горам проводник. Все же я уговорился с Цедендамбой ехать поближе к пескам, где промоины и сухие русла не были столь обрывистыми. Правда, это преимущество, как и все вооб-

ще в жизни, имело свою оборотную сторону — пески, заполнявшие русла, были тем рыхлее, чем дальше отходили русла вниз от крутого уклона бэля. Поэтому мы старались выбрать нечто среднее и, действительно, поехали сравнительно быстро, борясь с кочками, промоинами и сухими руслами.

А слева все шли огромные барханы — на западе более низкие и какой-то правильной граненой формы, воспроизводящие облик египетских пирамид. В середине цепи барханы превращались в настоящие горы песка по сто, сто двадцать метров высоты. Солнце село уже совсем низко, горы потемнели. По центру протянувшейся почти точно с запада на восток котловины, словно по трубе проекционного аппарата, прямо на цепь барханов лился яркий косой свет. В этом свете пески казались удивительно белыми перед темно-фиолетовой линией гор. Серпы черных теней разделяли гигантские холмы песка, как циркулем очерчивая каждый острый, геометрически правильный полумесяц вершины бархана. Солнце спустилось еще ниже, долина потухла, пески начали сереть и в сумерках приняли страшный свинцовый оттенок...

Мы остановились у колодца Хонгор-худук, в тридцати километрах от Сэвэрэй сомона, у двух тощих хайлясов и поставили койки в сухое русло, на всякий случай, для защиты от ветра. Но ветра не было, как и во все предыдущие дни нашего пребывания в Занэмэгэтинской котловине.

В тихую звездную ночь мы долго обсуждали итоги геологических наблюдений в Центральной Монголии и пришли к заключению, что красноцветные костеносные отложения не были связаны с хребтом Нэмэгэту или с соседними хребтами во время своего образования. Все эти хребты — Нэмэгэту, Хана-Хере, Гурбан-Сайхан — очень молодые образования, острые пильчатые цепи, поднятые совсем недавно и продолжающие подниматься в настоящее время, в процессе развития гигантских сводовых поднятий азиатского материка. Поэтому-то хребты как бы протыкают красноцветные меловые отложения, горизонтально лежащие пласты которых на границе с хребтами смяты в складки, разорваны и отогнуты, разбиты небольшими надвигами и сбросами. Некогда местонахождения Нэмэгэту и Ширэгин-Гашуна были отложены в едином бассейне, затем рассеченном хребтом Нэмэгэту.

Оставалась неясной история древних участков современных хребтов — тех сглаженных и округленных гор, большей частью захваченных бэлями, которые являются истинными водоразделами. Еще очень малый запас наблюдений был накоплен за короткий срок путешествия...

— Что значит хонгор, хонгорин? — спросил я Данзана на следующее утро, едва он, будто отогревшаяся ящерица, высунул свою черную голову из спального мешка.

— Хонгор — это такой цвет, розовато-желтый... нет — светло-рыжий, вот такой,— молодой монгол протянул руку по нап-

равлению к пескам. В утреннем свете барханы казались совсем желтыми, слабо-апельсинового оттенка, с такими же резкими черными тенями, как и на закате.

От колодца мы проехали обширный саксаульник и стали подниматься к восточному концу Сэвэрэя. Перевальная точка оказалась низкой — всего на четверть километра мы поднялись от колодца Хонгор. Передовой «Смерч» остановился. Данзан подбежал к подошедшему сзади «Дракону».

— Иван Антонович,— начал он с характерным для монгола свистящим «в» и хлещущим «ч»,— сомон там, направо, на южном склоне Сэвэрэя, перекочевал в разрушенный монастырь Цаган-Субурга. А нам можно ехать прямо. Проводник спрашивает — будем ехать в сомон?

— Нет, не нужно, там нечего делать,— ответил я.

Данзан, как будто неудовлетворенный ответом, медлил.

— Что вам мешает? — усмехнулся я, заметив нерешительность молодого геолога.

— Цедендамба говорит — здесь его юрта, жена живет... Если не поедем в сомон, то только три километра в сторону... Можно ему заехать?

— Как же так? Жена здесь, вон куда забралась, а он сам работает и живет в аймаке? Для чего это?

— А скот куда девать? В аймаке нечем кормить...

— Продать, раз уж посвятил себя государственной службе!

— Без скота гобиец не человек, так. Устанет на службе, уйдет в степь, здороветь будет, тихо жить. Тут, в Гоби, многие еще по-старинному живут...

— Ну ладно, мы все туда поедем. Только скажите сейчас же, что едем не в гости, никаких чтобы угощений. Около юрты остановимся и будем чай варить, два-три часа в его распоряжении...

Юрта Цедендамбы оказалась в небольшом овраге. Полынь серебрилась на солнце вокруг желтых песков. На шум машины из юрты выскочила молодая монголка, но Цедендамба уже спрыгнул с передовой полуторки. Увидев его знакомую высокую фигуру, женщина радостно метнулась к нему, но смутилась и только протянула ему маленькую руку. Так, взявшись за руки, не обменявшись ни словом, они скрылись в юрте. Скот был на пастбище, но я все же распорядился отвести машины подальше. Водой мы запаслись еще под перевалом из колодца, пробитого в розовых гранитах, и теперь наслаждались чудесным чаем после ширэгингашунской мерзости.

Неизвестно откуда появились дети — большой, в отца, мальчик и остроглазая хорошенькая девочка. С милой монгольской сдержанностью они медленно подошли к костру. Из-за холма нас окликнул старик и вступил в оживленный разговор с Данзаном.

Мы долго пили чай с холодной бараниной, накормив всех: и Цедендамбу с женой, и старика, и ребят. Дети перестали нас

стесняться, со смехом спрашивали отца о чем-то, восторженно ойкали и конфузились. Все мы с удовольствием наблюдали за приятной дружной семьей аратов. Для них каменистая Гоби не была пустой и унылой, однообразной, как для многих из нас. Нет — это был родной дом, просторный, привычный и приветливый.

Жаль было нарушать короткое свидание отца с семьей и ехать дальше. Я усиленно советовал Цедендамбе перевезти своих в аймак, а скот устроить в другие хозяйства. Впоследствии арат так и сделал. Спустя год мы были в гостях в его юрте в Далан-Дзадагаде.

После полудня начался ветер. Мы покатились навстречу ему вниз с бэля Сэвэрэя по ровной и твердой щебнистой равнине, совершенно черной. Полированный щебень, как обычно, на солнце сверкал миллионами огоньков. Кое-где, редкие и беспомощные, трепетали на ветру седые, сухие кустики. Давно забытая скорость — пятьдесят километров в час — казалась огромной. Приятно было увидеть, наконец, подошедший слева старый автомобильный след. Несколько проходивших машин оставили здесь два параллельных, неглубоких, местами совершенно стертых желобка, нисколько не облегчавших нашего передвижения. Но это означало, что вся остальная часть пути заведомо проходима для машин. Слева тянулся близкий Цзолэн. Внезапно дорога неприятно изменилась — та же щебнистая равнина покрылась мелкими твердыми кочками из кустиков баглура с надутыми около них кучками плотно слежавшегося песка. Началась страшная тряска. Полуторки шли еще довольно сносно, хотя нам было видно (машины рассыпались по равнине и шли почти в ряд), как сильно подскакивали и вибрировали их передние колеса.

Для трехоски с ее семисоткилограммовым передним мостом никакая амортизация не могла быть достаточной. Машину стало бить так сильно, что пришлось снизить ход до десяти километров в час. Тут мы с Андросовым впервые пожалели, что у нас не двухосная машина. Полуторки с их легкими передками оставили «Дракона» далеко позади.

Утерянный было автомобильный след вынырнул откуда-то вновь и сделался настоящей дорогой, хотя и старой, отчасти заросшей. Дорога в каменистой Гоби получается очень просто: когда несколько десятков машин пройдут по следу, растительность выбивается, кочки исчезают и дорога готова. Сохраняется такая дорога, за исключением мест, проходящих по сухим руслам или глинистым котловинам, очень долго. Подобно старым караванным тропам, старая автодорога может быть замечена на равнине издалека: колеса машин, так же как и ноги верблюдов, уничтожая местную растительность, разносят по дороге семена принесенных издали растений. По сероватой, стальной поверхности полынной степи дорога стелется светло-желтой полосой ковылька

или дериса (дерис чаще всего — для верблюжьих троп) или выделяется блеклой зеленью карликовой караганы. Если степь ковыльковая, то соотношение цветов дороги и местности может быть обратным. Дорога заросла уже засохшей редкой солянкой. Оказалось, что сомон ранее находился значительно восточнее и ближе к хребту Цзолэн, куда и вела дорога.

Большое сухое русло постепенно мелело и, наконец, растеклось многочисленными промоинами по обширному саксаульнику, занявшему середину межгорной впадины. В саксаульнике мы остановились, чтобы набрать возможно больше дров и привезти их на базу в аймак. Это был последний саксаульник. Больше до самого аймака по дороге нам ничего бы не встретилось.

Через полчаса мы вышли на автомобильную дорогу из аймака в Ноян сомон, замкнув тысячекилометровое кольцо маршрута. С легким сердцем ехали мы домой — удаленный аймак казался теперь домом. Открыто было огромное местонахождение, да что там — целая система их, с ранее неизвестной в Центральной Азии фауной гигантских динозавров. Конечно, еще очень много нужно сделать, прежде чем Нэмэгэту войдет в золотой фонд науки, но находкой его была уже оправдана первая, разведочная экспедиция.

Перед автостанцией опять поразил нас мрачный мелкосопочник. Между черными холмами заросли дериса казались поясами слоновой кости, иной раз бока холмов украшались яркими, апельсинового цвета пятнами — остатками коры выветривания.

И опять, как две недели назад, три машины выстроились во дворе, обнесенном глинобитными стенами. На этот раз мы не рискнули спать во дворе, а с наслаждением прислушивались к сердитому реву ветра за стенами юрты, улегшись полукругом, ногами к мерцавшей теплым огоньком печке...

Восьмое октября запомнилось мне очень холодным утром. Мы задержались с выездом, разогревая машины. Вдобавок, Андросов сильно обжег себе руку. Но на более легкой дороге, я мог заменить его. Пески перед Хонгор-Обо сомоном теперь были на спуске, а не на подъеме, мы преодолели их без труда. Зато подъем на Гурбан-Сайхан начинался от самого Баин-Далай сомона (Хонгор-Оба сомона) и казался бесконечным. Хорошая дорога не требовала усилий от водителя, и я меланхолически сидел за рулем, час за часом созерцая все ту же светло-желтую ровную поверхность, плавно поднимавшуюся к зубцам Дундусайхана.

Машина лезла все выше по крутым косогорам, сухим и желтым в холодном солнце. Порывы ветра врывались в кабину, низко стелили стебли каемчатых порослей дериса по бережкам промоин. Вот и перевал со знакомыми двумя обо.

Едва мы спустились на равнину, впереди показался аймак. Линия дрожащего воздуха, похожего на воду, приподнимала от земли группу белых домов в центре Далан-Дзадагада. Отчетливо

виднелась мачта радиостанции, отдельно стоявшее здание больницы... будто бы аймак стоял на высоком холме. Но мы твердо знали, что аймак стоит во впадине и отсюда виден быть не может. Странный мираж, оптический фокус поднял над горизонтом его отражение, и мы с удивлением наблюдали «чудо» довольно долгое время. Затем, по мере приближения к Далан-Дзадагаду, видение исчезло и появилось вновь лишь в четырех километрах от аймака. Теперь дома прочно стояли на земле, приближаясь с каждой минутой. Машина обогнула два крайних домика, повернула направо и замерла у входного проема в наш дворик.

Лукьянова выбежала вместе с ребятами и заскакала от радости, как девочка, высоко подпрыгивая. Черные косички разметались по ее плечам, смуглое лицо стало пунцовым. Оказывается, в аймаке распространили слухи, что наша экспедиция заблудилась в песках и пропала без вести. Произошло это якобы по вине проводника Цедендамбы, который взялся вести, не зная дороги, и потому еще, что экспедиция вступила в запретные для всех места. Неделю спустя в айкоме нам рассказали и о причине возникновения слухов. Один бывший лама, случайно попавший в аймак, бродя от юрты к юрте за даровой пищей, не преминул воспользоваться случаем и стал распространять выдумку собственного сочинения, чуть ли не как очевидец гибели нашей экспедиции.

Лица наши долго горели в теплом и неподвижном воздухе дома. Сладко спалось под крышей, в четырех стенах, на той же верной походной койке. Здесь не нужно было тщательно закупориваться, зажимая все щелки, натягивать на плечи и голову полушубок, стараться лежать неподвижно, чтобы не раскрыться. Нет сомнения, звездное небо над головой выглядит дивным шатром, уютно в мешке, когда койку окружает ширь безлюдной Гоби, целый океан ночи и воздушного простора... Но, конечно, куда уютнее в простом, защищенном от ветра доме, где ветер не достигает вас и вы избавлены от его постоянной и назойливой близости. В том и заключается неисчерпаемое разнообразие оттенков жизненных радостей, что они часто исходят из совершенно, казалось бы, противоположных воздействий.

Машины надо было отремонтировать и подготовить к большому восточному маршруту. Позднее время заставило нас отказаться от полного перебазирования на восток. Мы решили перебраться туда налегке, на двух полуторках, а «Дракона» оставить здесь для вывозки даланской базы, как ни печально было расстаться с этой могучей машиной, чей верный буксир был готов в любой момент выручить слабых товарищей. «Смерча» решено было отправить в Улан-Батор за запасными частями и, лишь после его возвращения, приступить к восточному маршруту. Решили также во время отсутствия «Смерча» совершить поездку за гору Арца-Богдо, к впадине Ощи, открытой американцами в 1922 году.

Три дня экспедиция стояла в аймаке. Мы с Громовым усиленно занимались дневниками, попутно помогая Данзану систематизировать свою петрографическую коллекцию. Эглон с Лукьяновой, перепаковав все коллекции и подготовив их к отправке в Москву, проводили все время на складе, отвешивая продовольствие для восточного маршрута и подсчитывая остатки для возвращения в Улан-Батор. Устав сидеть над записями, я забирался под машину, где лежали перемазанные Андросов и Пронин. Там, мирно покуривая, мы вели расчеты горючего и грузов и прикидывали максимально возможное количество бензина, которое мы сможем взять на восток.

Все противоречиво сталкивалось в этих расчетах, как оно и бывает в действительности: небольшая грузоподъемность полуторок, необходимость взять огромное количество бензина на висячий маршрут, без базы, но вместе с ним и запас продуктов, воды и снаряжения, которое теперь вследствие холодного времени было особенно громоздким,— полушубки, кошмы, печки занимали много места. Нельзя было обойтись без ящиков, досок, гипса, бумаги для упаковки коллекций. Уменьшение числа людей не решало вопроса: хотя количество народа и должно было быть строго лимитированным, но малое количество исследователей означало или удлинение поисков или резкое сокращение района обследования. Точно так же малое число рабочих вело к удлинению срока раскопок или же к уменьшению их объема. Приходилось сокращать резервы в горючем и продуктах и рассчитывать на наилучшее стечение обстоятельств, другими словами — рисковать...

А ночи делались все холоднее. Каждое утро повар пробивал толстую корку льда в бочке с водой. Огромные стаи копыток, летевшие на юг, задерживались на родниках близ аймака, и Эглон, отправлявшийся туда на рассвете, обязательно приносил несколько штук домой. Зажаренные копытки получили бы одобрение у самого тонкого гастронома. Что же было говорить о нас!

Днем солнце светило по-прежнему ярко, и в защищенном от ветра месте казалось, что в Гоби тепло. Во дворе до пояса голый Ян готовил ящики для похода, профессора Громов и Орлов, засучив рукава, соревновались в стирке с Лукьяновой.

Я и Данзан изредка совершали прогулки в аймак, чтобы поговорить о делах с начальством. Приводили в порядок оружие. В местах, куда мы направлялись, должны были быть дзерены. До сих пор они встречались нам лишь изредка, в одиночку — в далеких западных впадинах Южной Гоби была осенняя бескормица. Поэтому там почти не встречались люди и даже дикие животные — все откочевало на север.

Вечером одиннадцатого октября пришел человек с наганом на боку — районный милиционер, назначенный нам

в проводники. Юрта его матери стояла за Арца-Богдо, близ Оши, и наш маршрут его вполне устраивал.

Двенадцатого октября мы понеслись по превосходной дороге на северо-запад, оставив заведующим базой «батарейца» Иванова. В тридцати километрах от аймака, в котловинке, поросшей густым дерисом, находился родник. Здесь можно было уже ждать дзеренов. Поэтому я поменялся местами с Андросовым, который пересел наверх с винтовкой. В кабину уселся Громов с неизменной трубкой.

— Немыслимо,— бурчал Андросов, карабкаясь наверх,— вонища, я уже все стекла открыл. А ему хоть бы что! Улыбается через очки!..

— Ну, я курящий, мне не страшно!— подбодрил я упавшего духом шофера.

Мы быстро миновали родник и увидели слева нескольких дзеренов — легкими серо-желтыми тенями они неторопливо скользили по залитой солнцем равнине. Хлестнули выстрелы, но безуспешно... У всех нас была общая беда — неумение точно определять расстояние до цели в прозрачном гобийском воздухе. Особенно, когда взволнованный охотник торопился со стрельбой. Больше дичи не оказалось, и мы проехали вперед около семидесяти километров.

От накатанной дороги отходил старый автомобильный след. Мы направились по нему, но он незаметно окончился, превратившись в узкую верблюжью тропу, потом и тропа отошла куда-то в сторону. Жесткие кустики темной полыни появились на щебнистой поверхности, стали чаще и выше... Началась знакомая трясучка, по которой машина идет в общем легко, без тяжкой нагрузки мотора. Но зато ходовую часть бьет так, что сердца водителей (и начальника экспедиции) буквально надрываются от беспокойства за машину. Невидимые миру слезы — потому, что остальные спутники нисколько не отдавали себе отчета в происходящем: машины идут, упорно и верно, все ближе поднимается остроконечная северная вершина Арца-Богдо, все отчетливее становится ее черный бэль, выдвинутый длинным языком необычайно далеко на равнину, на север. Где-то немного правее, за оконечностью этого бэля, должен быть Оши-нуру («Разрушенный хребет») — большая котловина и уступ сплошь из песчаников нижнего мела.

Несколько километров осталось до колодца Эргени худук, на котором стояла юрта матери проводника. Шедший впереди «Дзерен» круто остановился, двинулся снова, проехал сотню метров и замер. Люди со всех сторон стали выпрыгивать на землю — дурной знак. Что-то случилось... может быть, баллон?

Увы, достаточно мне было взглянуть на лицо Пронина, чтобы понять, что на этот раз мы не отделались так дешево.

— Мотор застучал! — трагическим тоном объявил водитель «Дзерена».

— Тот самый шатунный подшипник, что ты шабрил? — спросил Андросов.

— Не знаю еще...

Мы столпились над мотором, завели его. Громкий стук сотрясал двигатель; казалось, что машина немедленно развалится. Мы определили стук во втором цилиндре. Как и всегда в ответственные минуты, я почувствовал на себе выжидающие взгляды товарищей и отдал самое горькое для путешественника распоряжение — «назад»!

Дойти по тяжелому бездорожью до Оши машина не могла. Ждать окончания ее ремонта на месте, когда так дорог был каждый из немногих оставшихся дней быстро уходившей осени,— безрассудно. Оставалось повернуть назад, дойти до Баин-Дзака и провести там исследования палеоценовой толщи с остатками древнейших млекопитающих, открытой американцами близ ключа Гашато или Хашиату («Печальный»). Еще в самом начале маршрута я колебался, куда важнее поехать: на Оши или в Хашиату. Теперь решила сама судьба...

Проводника довезли домой с места крушения — слишком обидно было бы ему вернуться, находясь в трех километрах от матери. Нашего запаса воды было достаточно еще на два дня. По указанию проводника, мы направились через пыльную равнину с глинистым песком и какой-то обветшавшей растительностью на буксире с больным «Дзереном». День выдался необычайно теплый. На ночлеге неподалеку от группы юрт был найден проводник — совсем маленький мальчик согласился сопровождать нас с седлом и уздечкой, чтобы взять в ближайшей юрте коня на обратный путь.

Местность была неуютной. Пыль густым слоем лежала на равнине, запах пыли был повсюду — в чае, хлебе, спальном мешке. Тускло горела свеча в холодной палатке, из близких юрт доносились выкрики аратов, пивших кумыс, по причине, оставшейся непонятной даже Данзану. Неудача похода на Оши грызла меня, и я заснул с досадой.

К следующему полудню мы прибыли на колодец Гашато. Исследования могли вестись только наугад. Американцы не дали никаких точных данных о месте нахождения костей древнейших млекопитающих. Мы разбили лагерь в длинном логе, покрытом высокой дерисовой кочкой, а повыше, по склонам,— свежей зеленой полынью.

Легкий ветерок разносил по всему логу крепкий запах полыни, радостный и живой после горестного бесплодья щебнистых равнин и после вчерашней пыли. Высокий дерис приветливо шелестел под ветром, и весь лог казался светлым пятном слоновой кости в рамке склонов пурпурно-фиолетовых глин. Глины эти, необычайно теплого и густого тона, были пронизаны кристалликами гипса, горевшими на солнце миллионами ярких огоньков. Груды желваков белого плотного мергеля лежали на поверхности увалов.

Быстро расставили палатки. Закрыли «Дзерена» кусками фанеры и брезентом. Пронин приступил к разборке мотора. С колодца вдруг загремели выстрелы — то Эглон и Андросов начали промышлять копыток, целыми стаями налетевших из-за холмов. Двенадцать штук убитых птиц сулили вкусный обед, и мы, восхваляя охотников, отправились в первый маршрут. Приблизительно в девяти километрах к западу лежала большая котловина, обрамленная красными утесами,— Баин-Дзак, главный пункт американских раскопок, названный ими Шабарак-усу по малоизвестному колодцу Шабарын-Гун-усу («Глинистая Глубокая вода») в западной части котловины. Еще до моего приезда из Улан-Батора на Баин-Дзаке побывали Орлов, Громов и Эглон. Результатом поездки явилась находка превосходных экземпляров яиц динозавров. Баин-Дзак тогда являлся единственным в мире местом, где находились сохранившиеся в ископаемом состоянии яйца динозавров.

Американцы собрали все, что было вымыто наружу, вскрыто из породы за тысячелетия существования обрывов Баин-Дзака, названных ими «Флэминг Клиффс» — «пылающие утесы». Поэтому добыча была богатой: целые кладки по десятку и более яиц были найдены «охотниками за ископаемыми». Нам пришлось несравненно труднее — эрозия в Гоби идет медленно и главным образом за счет сильных ливней, наводнений, случающихся раз в четверть века. Тем не менее, прекрасные находки оправдали труд наших людей.

Орлов с Эглоном признавались, что их охватил трепет, когда на склоне красноватого песчаника они заметили два желтовато-белых маленьких куполка, покрытых орнаментом из бугорков размером с маковые зерна. Эглон уверенной рукой мастера стал удалять плотно слежавшийся за миллионы лет песок. Постепенно открылись четыре целых яйца удлиненной цилиндрической формы, утолщенные на одном конце, непохожие ни на

какие яйца ныне существующих животных. Это не была целая кладка, подобная тем, какие находили американцы — круг из 12—14 аккуратно уложенных по радиусам яиц, но, несомненно, часть кладки, сохранившаяся непотревоженной с того момента, когда самка вымершего пресмыкающегося зарыла в песок отложенные ею яйца семьдесят миллионов лет назад. Это доказывалось тем, что яйца лежали плотно друг к другу, сходясь к центру своими узкими концами. Тупые и расширенные оконечности яиц были обращены наружу, как полагалось ненарушенной кладке.

Упорные поиски показали нам, что целые ископаемые кладки яиц в песчаной толще Баин-Дзака — очень редкое явление. Зато мы открыли целые прослои битой скорлупы, но об этом поговорим позже, так как подробно мы исследовали их только в 1948 и 1949 годах.

До вечера мы безрезультатно бродили по широким, обрывистым оврагам, между шатрообразными останцами красных песков. Вернулись к логу Гашато уже в темноте. Холмы стали совершенно черными, низкий лунный серп серебрил колышущуюся поверхность дериса, похожую на ртутное озеро в черной раме. Высота стеблей злака достигала плеч. Было приятно идти по узкой тропинке, утопающей среди дериса, как в хлебном поле. Далекое, но родное вспомнилось мне в этом логу, затерявшемся среди бесплодных, каменистых пустынь Центральной Азии. С отзвуком моей северной деревенской родины в душе я вошел в палатку и долго глядел через раскрытый вход на светящийся под луной дерис.

Все спали крепко, только прихворнувший Громов тяжело кряхтел в своем мешке да ежившаяся от холода Лукьянова ворочалась на своей койке.

Утром я проснулся от зова неугомонного Эглона. Он вскочил пораньше, чтобы пострелять копыток, но их не оказалось. Иней лег на дерис, каждый сухой стебель и жесткий лист покрылись тысячами блесток. Груда сверкающей алмазной пыли отливала розовым в лучах утреннего солнца. Чистота и яркость красок, щедрость, с которой они были, так сказать, «отпущены» ландшафту, были поистине изумительны и, пожалуй, нигде, кроме Гоби, неповторимы. В стороне, за палатками, поднимались столбики черного дыма — Андросов разогревал «Дракона». Мотор «Дзерена» должен был быть готов к двум часам дня: Орлов, Громов и Эглон ехали на машине для исследования обрывов к югу от колодца. Поэтому профессора хладнокровно остались кейфовать в постелях, всем на зависть, а мы, наскоро выпив чаю с лепешками, поехали на Баин-Дзак.

Щебнистая равнина, вначале слабо всхолмленная, поднимаясь, перешла в ровное, как плита, плато, по которому мы понеслись со скоростью восемьдесят километров. Вскоре перед нами

появились красные башни главного обрыва Баин-Дзака. Я сразу же узнал их — пятнадцать лет тому назад я изучал репродукцию картины в красках — фронтиспис толстого тома отчета американской экспедиции. Вот они: одна — тонкая колонна — стоит отдельно, слева, и справа — широкие башни, отделенные ущельем от крутой красной стены... Только сейчас обрывы красных песков находились в тени. Тусклый кирпично-красный цвет на выступах, сумеречно-серый в ущельях — местность казалась неприветливой. Так вот она Джадохта, или Шабарак-усу,— палеонтологическая сокровищница американцев!

Мы спустились с плато в котловину. Рабочие стали набирать воду из колодца, а мы принялись за исследование красных обрывов. Я карабкался по дну узких ущелий, влезал на маленькие площадки на вершинах башен, проходил по гребням длинных стен. И постепенно выяснялась картина геологического строения Баин-Дзака.

Толща красных песков, замечательно тонко отсортированных, прорезывалась на разных уровнях тремя слоями белого мергеля — следами затоплений, периодически происходивших здесь семьдесят миллионов лет назад и погребавших в выравненных дюнных песках речной дельты кладки яиц и трупы животных. Но нужны были еще данные, более подробное исследование, чтобы выступить во всеоружии научных фактов. Мы поехали на западную оконечность обрывов, оставив без внимания многочисленные кости мелких динозавров, попавшиеся нам в песках нижнего горизонта. Белые, рыхлые, плохо сохранившиеся, эти кости не представляли серьезного интереса и могли быть взяты только после долгой подготовительной работы.

В западной части Баин-Дзака мы нашли скелет маленького динозавра, неполный череп протоцератопса и кости его лапы. Миллионы маленьких песчаниковых конкреций усеивали размытые площадки песчаных холмов, были щедро насыпаны на дне овражков. Именно в этих конкрециях американцы нашли шесть маленьких черепов древнейших млекопитающих. Мы с ожесточением набросились на конкреции с молотками и разбили с тысячу, но без всякого результата — и немудрено! Двадцать коллекторов американской экспедиции пересмотрели десятки и сотни тысяч пустых конкреций в течение трех месяцев, прежде чем сделать свои замечательные находки. Наши шансы — найти что-либо за два-три часа — были ничтожно малы. Поэтому мы оставили бесплодное занятие и принялись извлекать и упаковывать найденное. Андросов, отделившийся от всех и рыскавший правее, поднялся из оврага и подошел ко мне с хитрым, торжествующим видом. На его широкой ладони лежало отлично сохранившееся яйцо динозавра.

— Это что? — притворился он непонимающим, держа другую руку в кармане полушубка.

— Показывайте, что еще! — весело крикнул я. Шофер извлек еще две половинки ископаемых яиц.

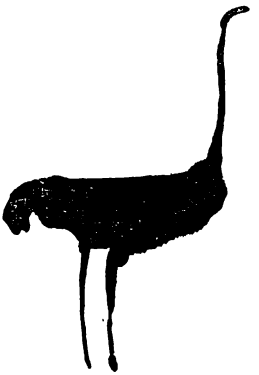
— Ну и молодец! Пойдемте, покажите, где нашли.

— Так там ничего не осталось. Я кругом все разрыл киркой!

— Дело не в этом. Надо знать, в каком слое они залегали...

Кроме Андросова, никто не нашел целых яиц. Только Лукьянова собрала крупные куски скорлупы, которые мы тоже присоединили к коллекции.

Выехав на дорогу, мы вторично спустились в котловину и подъехали к буграм плотно слежавшихся песков, заросших саксаулом. Бугры тянулись на пятнадцать километров и представляли собою заросшие древние дюны около исчезнувшей речки. Здесь обитали древние люди, населявшие Гоби пятнадцать тысяч лет назад. На выдувах между буграми встречалось



множество кремневых орудий и скорлупки страусовых яиц, изредка просверленные, как бусины. Американцы в 1923 году собрали множество орудий, но так и не завершили их научной обработки. Сделать это надлежало нашим археологам, поэтому мы с энтузиазмом собирали и орудия, и кусочки страусовой скорлупы. Громов был не только геолог, но и археолог, и мы старались доставить ему побольше материалов. Первенство и тут осталось за Андросовым: одно из найденных им орудий — грубый скребок из темного агата — оказалось, по определению Громова, значительно древнее всех остальных.

Нагрузив машину саксаулом, на закате двинулись прямиком в лагерь на Гашато, надеясь проследить границу меловых и третичных отложений. Пришлось ехать через бугры, засыпанные песками склоны и сухие русла. Доблестный «Дракон» преодолевал все препятствия. На маленьком холме впереди вдруг вспорхнули пустынные сычи. Я вспомнил, что орнитологи усиленно просили нас добыть им гобийских сов. Андросов и рабочий го-

нялись за птицами, а мне пришлось вести машину. Сычи нагло перелетали с камня на камень на расстоянии выстрела. Стреляли и дуплетом, но сычи так и не были добыты и плавно снизились за дальними буграми.

Удивительно погожими и теплыми были эти дни, с 12 по 16 октября! Однако наши поиски дали ничтожный результат, и мы должны были возвращаться в Далан-Дзадагад. Даже слегка грустно было покидать светлый дерисовый лог Хашиату — это чудесное для лагеря место. Но едва лишь лог скрылся за первым увалом, как вплотную приступили все заботы и дела, ожидавшие в Далан-Дзадагаде.

Машины шли быстро, выздоровевший «Дзерен» летел впереди, облако редкой пыли катилось за ним по дороге. Я сидел наверху с винтовкой, как обычно, далекий от охотничьих настроений. Рядом на ящике, поджав под себя скрещенные ноги и устремив вдаль бесстрастный взгляд, восседал рабочий Павлик — удивительно похожий на буддийского божка. Я задумался над формами рельефа у подножия Гурбан-Сайхана, видневшегося далеко справа — из высокого кузова «Дракона» было удобно наблюдать. Вдруг Павлик осторожно толкнул меня и показал на едва заметную полоску пыли, возникшую слева, километрах в двух от дороги. Там цепочкой мчались наперерез своему тезке дзерены. Пронин увеличил ход до предела. Как и все спасающиеся бегом травоядные, дзерены должны обязательно пересечь дорогу движущемуся близ них предмету.

Этот тысячелетиями выработанный инстинкт появился как приспособление в борьбе с волками. Волки, охотясь на быстроногих животных, которых они не могут взять ни скоростью бега, ни выносливостью, разделяются на две партии — загонщиков и засаду. Загонщики гонят добычу к месту, где спряталась засада, и там внезапно перед уже утомившимися животными вырастает цепь свежих врагов. Таким же способом охотятся и львы на антилоп в саваннах Африки. Пожалуй, это единственный прием, доставляющий победу хищникам на открытых пространствах. Дзерены — быстрейшие животные мира, не считая гепардов. Скорость их бега на пределе достигает восьмидесяти пяти километров в час, в то время как гепарды — длинноногие леопарды — развивают скорость до ста десяти километров в час. Мы не наблюдали такой скорости по той простой причине, что ездили на грузовиках, но можем утверждать, что дзерен в состоянии обогнать машину, идущую со скоростью семьдесят километров в час. Однако так бежать дзерен может лишь очень недолго — два-три километра.

Быстрейшие животные вовсе не были умнейшими: их стремление во что бы то ни стало пересекать дорогу автомобилям было гибельным. Несущийся полным ходом автомобиль и скачущее

наперерез ему стадо дзеренов неминуемо сближались. Если водитель правильно рассчитывал ход, то дзерены пересекали дорогу очень близко от машины и падали жертвами стрельбы. Так случилось и на этот раз: полуторка круто затормозила. Эглон облокотился на кабину — выстрел, и самый большой козел с толстыми рогами с ходу рухнул на щебень. Стадо дзеренов, описав крутую дугу, мчалось мимо нас на расстоянии выстрела. Андросов выскочил из кабины и попросил у меня винтовку. По черной равнине замелькали огоньки. Дело в том, что к нашим винтовкам был выдан комплект патронов со странными, неизвестными нам пулями: не трассирующие, не разрывные и не зажигательные, они давали в момент удара далеко видимую оранжевую вспышку.

Андросов расстрелял обойму, я подал ему вторую. Дзерены замедлили бег и пошли неторопливо, почти шагом, будто издеваясь над охотником. Андросов облокотился на крыло машины и, неловко выстрелив, разбил себе губу антабкой, очень неудобно навинченной на прикладе с внутренней стороны. Я посоветовал прекратить пальбу, но рассвирепевший шофер, зажимая платком льющуюся из губы кровь, отдал мне винтовку и полез в кабину. Я понял его, когда машина развернулась вдогонку дзеренам. Ровная щебнистая поверхность была идеальным местом для езды, и Андросов рассчитывал загнать стадо.

«Дракон» ревел, все прибавляя и прибавляя ход. Три-четыре километра — и несшиеся со всех ног дзерены стали уставать. Животные уже не мчались цепочкой, а бежали какими-то неровными, заячьими прыжками, беспорядочной кучей. «Дракон» ворвался в стадо, дзерены бросились врассыпную, замедлив бег. Замедлился и ход машины. Меня перестало бросать и толкать, я поднял винтовку — раз! дзерен упал с простреленной шеей, два! — покатился второй. Я вошел в азарт и сразу же начал мазать — третья, четвертая и пятая пули прошли мимо. Обойма кончилась, стадо разбежалось. Все же охота оказалась удачной, три антилопы, считая с эглоновским козлом...

Андросов, переживавший свою неудачу, жаждал смыть с себя позор, как я ни доказывал, что никакого позора не было: дзерены находились на очень большом расстоянии, на котором можно бить, только идеально зная винтовку. Мы обменялись местами, и Андросов засел в кузове, сжимая винтовку. Я свернул козью ножку, задымил, и Громов с воплем схватился за щеку — задувавший через щиток ветер отнес в его сторону махорочную искорку.

— Сел тоже, дарга,— заворчал профессор,— хорошо, когда шофер не курит!

— Это вам хорошо, а не шоферу. Андросов жаловался, что вы его совсем задушили. Я бы на его месте отомстил!..

— Как же должен шофер отомстить?

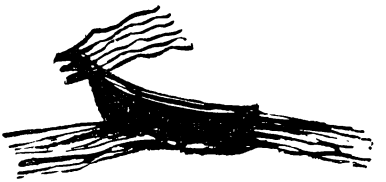
— Ну, «приложить» вас как следует, что ли! —рассмеялся я, не подозревая, что мне самому придется быть исполнителем приговора.

Дорога была хороша. «Дракон» несся почти без тряски, как по асфальту, расстояние в девяносто километров до аймака быстро сокращалось. Вблизи ключа Андросов наклонился сверху к моему окну.

— Вы или прибавьте хода, или сбавьте, а то лошадь убьется.

Справа от машины, выбиваясь из последних сил, мчалась коняга, верная тому же травоядному инстинкту пересечения дороги.

Я прибавил «газ», «Дракон» рванулся вперед, и побежденная лошадь остановилась. Дорога резко отвернула, огибая холм... И вдруг перед машиной оказалась яма. Тормозить было поздно, да и в таких случаях даже вредно. Нос машины взвился вверх, клюнул и еще сильнее подпрыгнул. Я усидел, вцепившись в руль, а Громова подбросило в воздух и ударило головой о кабину. В тот же миг рассыпались кругом, будто вытряхнутые из мешка, трубка, карандаши, записные книжки, анероид, фотоаппарат, спички, портсигар, бинокль, фляжка, какие-то ножи, зубочистки, катушки ниток. Я не представлял себе, что из одного человека может высыпаться в одно мгновение такое количество вещей.



Долго после этого оскорбленный профессор поносил мое шоферское искусство!..

И опять мы за высокой стеной дома, под белым матерчатым потолком. Опять стоят рядами складные койки, горят вечерами свечи за длинным столом, освещая склоненные за работой головы. Много уже перечувствовано и передумано в этих стенах в короткий, но насыщенный впечатлениями месяц...

Вечером местные жители заполнили дом. Койки были сдвинуты, на столах разложены еще не упакованные находки. Орлов и Громов читали жителям аймака лекции по палеонтологии и геологии. Я не раз замечал: для самых неподготовленных слушателей эти науки всегда оказываются интересными. С одной стороны, ясная каждому, осознанная еще первобытными рудокопами практическая применимость науки. С другой — только

астрономия, геология и палеонтология открывают необъятные перспективы времени и пространства, исторического развития нашего мира в прошлом, а следовательно, и его возможного будущего. Но астрономия для глубокого понимания требует серьезной подготовки, в то время как высшие достижения геологии объяснимы в простых словах. Заинтересованные, с блестящими от любопытства глазами, слушатели засыпали нас градом вопросов, засиделись у нас допоздна, и на следующий день лекции пришлось повторять...

Верблюд без шеи, без ног,
за холмы идет (дорога).

Загадка

ГЛАВА V. ПУТЬ НА ВОСТОК

Восемнадцатого октября прибыл из Улан-Батора «Смерч». Мы прочитали письма, узнав новости с родины, просмотрели двухнедельной давности газеты и стали собираться в путь. Ветер угрюмо ревел за стенами, клочья серых туч стремительно летели на юго-восток. Завтра нам предстояло навсегда покинуть уютное убежище и снова пуститься, как в океан, в открытую

холодную Гоби. Мы должны были пройти поперек Гоби больше восьмисот километров с запада на восток, до аймачного центра Восточной Гоби — Сайн-Шанды («Хороший неглубокий колодец»). На такое расстояние нечего было и думать найти проводника. Знающие люди после нескольких совещаний в аймаке и айкоме посоветовали нам идти ближе к северной окраине гобийской зоны. В двухстах пятидесяти километрах на север от Далан-Дзадагада когда-то находилась автомобильная станция Шарангатай («Желтая равнина»). Шарангатай был соединен телеграфом с Сайн-Шандой и пограничными пунктами. Теперь от станции не осталось и следа, линия заброшена на участке от Шарангатая до монастыря Улугей-хид («Строгий монастырь»), но столбы, местами с проволокой, еще стоят. По этим столбам мы без ошибки доберемся до Улугей-хида, а там и до Сайн-Шанды.

Это предложение было принято как самое удачное. Возражения шоферов, что вдоль столбов может не оказаться дороги, пригодной для передвижения автомобилей, я отвел. Столбы при постройке линии должны были подвозиться на чем-то, даже если их подвозили на верблюдах — верблюжья дорога для полуторок годится. Небольшие участки песков, пухлых глин или крутых гор мы всегда сможем объехать, не теряя из виду линии столбов.

Передовым назначили «Дзерена» вместо потерявшего свою прежнюю лихость «Смерча». Наверху «Дзерена» заседала коллегия «проводников», состоявшая из Эглона, Данзана и меня. Проводники были несколько смущены предстоявшим восьмисоткилометровым путем, но виду не показывали и бойко огрызались на колкости профессоров.

«Дракону» поручили вывозку базы и коллекций в Улан-Батор. Туда с первым же рейсом отправлялась Лукьянова — главный квартирмейстер. На ней лежала важная обязанность подготовить зимнюю базу, так как нам предстояло проработать в Монголии начало зимы.

Темнело. Я медленно обошел весь дом, проверяя, не забыто ли чего-нибудь. Два цирика разобрали старую юрту, служившую кухней. Не раз в особенно холодные вечера мы собирались сюда в тесный кружок, грелись, курили и рассказывали разные истории. В правой стороне двора упаковывали коллекции, тут же на стене Эглон сушил шкуры и рога дзеренов, левее, у входа, стояли бочки и баки с водой. Крыша дома нависала над проходом, превращая его в туннель. Я прошел по этому темному туннелю в кладовую через дверь в задней стене дома. Испорченные покрышки и камеры, разбитые аккумуляторы, поломанные рессоры лежали в углу. У стены высился штабель ящиков — научная добыча нашей экспедиции — все еще добрые три тонны, хотя и «Дракон» был нагружен до отказа, и «Смерч» свез в Улан-

Батор одну партию. Правее лежали мешки с мукой, крупой, тюки с уже ненужным снаряжением.

Для путешественника склад экспедиции всегда обладает какой-то притягательной силой. Должно быть, совокупность снаряжения, продуктов, инструментов, приведенная в готовность, дает ощущение прочного фундамента, обеспеченности выполняемого дела. И сейчас каморка, заставленная всеми этими вещами, вместе с научными сокровищами, с трудом добытыми из безвестных гор, показалась мне уютной. Я прикинул объем подлежащего вывозке имущества и со смутным сожалением вышел. Временный дом наш, обиталище кучки советских людей на окраине аймака, посреди огромной пустынной равнины,— завтра его у нас больше не будет.

Эглон разбудил меня в полной темноте и поднял обоих наших водителей. В морозном мраке загорелись факелы — начался разогрев машин. Андросов с Лукьяновой как остающиеся готовили чай. Мы, уезжающие, поспешно сворачивали и увязывали постели.

После кружки горячего чаю «душа осмелела», как выразился Пронин. Мы надели полушубки, натянули кое-как дешевые козьи дохи, сшитые на людей много меньшего размера, и превратились в косматых и неуклюжих страшилищ. В кузове, на скамейке, составленной из покрытых кошмой ящиков, я уложил сумку с картами и полевыми дневниками, повесил на шею бинокль ФЭД, между колен зажал винтовку — таково было снаряжение члена коллегии «проводников».

Кряхтя, взбирались два других «проводника» — Эглон и Данзан. Громов уселся в кабину, разложив свои записные книжки, компас, трубку. Только Орлов, по обыкновению, копался в своем чемоданчике на крыле «Смерча». У нашего Юрия Александровича была удивительная потребность — брать с собой в кабину множество ненужных вещей. Как мы ни уговаривали его передать все тючки и чемоданчики наверх, где сидели бдительные оруженосцы — наши рабочие, профессор упорно отнекивался и ехал, обложенный своим скарбом.

Эглон выпалил из дробовика, Орлов засуетился и кинулся в кабину, Андросов ответил тоже выстрелом, стоя у своего «Дракона».

В серых морозных сумерках мы повернули на уланбаторскую дорогу и понеслись на север. Нам нужно было проехать до Холод (Холт) сомона и оттуда повернуть на Шарангатай. Близко от аймака находилась большая глинистая котловина. Клубы густой пыли взметнулись от колес машин, и показалось психологически странным связать мороз с освещенной яркими лучами восходящего солнца пылью самого летнего вида. Впоследствии я привык к этому, обычному для Монголии, явлению.

Бесконечной лентой летела навстречу знакомая, наезженная дорога, ставшая при высоко поднявшемся солнце еще более однообразной и серой. Резкие черные круги выделялись там и сям на равнине. Это диски автомобильных колес, главным образом от ЗИС-5, разбросанные беспечными монгольскими водителями во время войны по всем главным дорогам республики. Диски заменили теперь классические верблюжьи кости, когда-то обрамлявшие караванные пути. Конечно, кости встречались гораздо чаще, диски разбросаны на больших расстояниях, но и скорость автомашины несравнима со скоростью каравана. Таким образом в конце концов впечатление одно и то же...

Оставив в развалинах монастыря Олдаху-хид приветственное письмо и маленькую бутылочку со «шкаликом» для Андросова, мы поспешили дальше. Хотелось до темноты достигнуть старой дороги, чтобы с утра ехать по определившемуся пути. Но судьба рассудила по-другому.

Проехав Холод сомон, мы остановились на месте, заранее установленном по карте для поворота с дороги, и стали ждать оставшего «Смерча». Ждали его целый час и поехали назад, километров двенадцать, где нашли машину в беспомощном состоянии, с замкнувшимся накоротко аккумулятором. Чинили, тащили на буксире и бились так до темноты. Пришлось встать на ночлег в трех километрах к югу от сомона. Отъехали с километр в сторону от дороги. Набрали аргала, зажгли костер и при его свете разобрали аккумулятор. Ветер, вначале помиловавший нас, зашумел на открытой равнине. Чаю напились под прикрытием машины, затем каждый поставил себе койку, где понравилось. Защиты от ветра, крутившего и заходившего со всех сторон, все равно не было. Раздеваться казалось страшно, но и лезть одетым в спальный мешок, увы, всегда тесный, настолько неприятно, что это делать можно только в особых случаях...

Утром, до окончания ремонта аккумулятора, я отправился побродить по окрестности. Под тонким песчаным слоем по всей равнине выходили коренные породы, образуя плоское скалистое дно. Каждый ничтожный холмик был покрыт россыпью крупных кусков кварца и красной яшмы. Я собрал несколько халцедонов и, перейдя маленький ложок, вышел на равнину, испещренную выступающими гребешками твердых пород, до блеска отполированных ветром и покрытых черным пустынным загаром. Под одной из кубических черных глыб были воткнуты в песок кусочки кварца, очерчивавшие круг около полуметра диаметром. В центре круга лежали пестрые халцедоны. По-видимому, где-то здесь стояла юрта, и дети оставили по себе память на этой сейчас безжизненной равнине, одной из древних хаммад — каменистых участков пустыни, сейчас зарастающей с наступлением, пока еще очень робким, более влажного периода.

Выстрелом из лагеря напомнили о необходимости возвращаться. Аккумулятор был готов. «Смерч» на пробу послали в сомон за водой: мы хотели ехать допоздна и не зависеть от колодцев.

В половине второго, наконец, тронулись в дальнейший путь. Быстро нашли старый тракт, по которому добрались до Шарангатая, вернее до того, что было им раньше. Сейчас от станции остался только колодец; земля, выровненная вокруг него, покрылась высокой дерисовой кочкой. Одинокая гора Халдзан-ула («Лысая гора») дала возможность ориентироваться. Проехав гору, мы повернули на восток, спустились с низкого увала в котловину Мурун-тала («Равнина большой реки») и заметались в тревоге между громадными пучками дериса. Проехали еще около километра и увидели первые столбы. Некоторые из них лежали поваленные, на изоляторах других еще висели куски проволоки. Но самое важное — вдоль столбов шел едва заметный, заросший на холмиках и смытый в лощинах автомобильный след. Значит, машины когда-то проходили здесь. Наступило общее успокоение, особенно для шоферов и для начальника экспедиции. Если бы дорога оказалась очень тяжелой, то мы могли бы задержаться еще на «холостом» пути в Сайн-Шанду до наступления морозов, тогда прощай палеонтологические раскопки!.. Но теперь следы давно прошедших автомобилей неоспоримо доказывали, что наши машины пройдут тоже. Отлично! Линия столбов едва выделялась прямой серой гребенкой на красноватой поверхности глинистой котловины. Всякие следы машин исчезли, но глинистая корка была тверда, и полуторки шли без затруднений от столба к столбу. Несмотря на издевки профессоров, мы, проводники, держались поближе к столбам, справедливо рассудив, что при будущих объездах гор и обрывов следует находиться в наименьшем удалении от «путеводной звезды».

Глинистая котловина растянулась на десятки километров. На ее словно искусственно выглаженном дне растительность почти отсутствовала. Только кочки полыни и сухие редкие кустарники какой-то колючки виднелись на комковатой твердой почве малозаметных возвышений. Я попытался представить, каково бы было пробираться здесь во время дождя. Едва я решил, что передвижение в дождь абсолютно невозможно для автомашин, как увидел сначала один, а за ним невдалеке и второй высохшие трупы верблюдов. Следы, запечатленные в затвердевшей глине, отразили все происшедшее в момент гибели животных. Почва кругом была истоптана — видимо, застигнутые дождем верблюды бесцельно кружили по липкой, размокшей глине, но совершенно не могли выбраться или теряли направление. Борозды скользивших ног, ямки от колен падавших животных, вмятины от их тел — вся трагедия была как на ладони.

Выбившись из сил, животные издохли еще до того, как глина успела высохнуть. Трупы верблюдов все еще были облеплены твердой, точно цемент, коркой глины.

Эти огромные, вязкие в дождь пространства, без сомнения, были грозными ловушками для верблюдов, приспособленных к сухой почве гобийских равнин и гор. Однако для антилоп, оленей с цепкими копытами или для лошадей с их «дорожной памятью» и отличной ориентировкой вязкие глины не являлись серьезной опасностью. Нужны были уж слишком сильные и продолжительные дожди, чтобы превратить их в топи.

Из котловины, миновав Тахилга-Цаган-обо («Обо Белой жертвы»), мы выехали на мелкосопочник Цонгор-Баян («Богатый ухабами и ямами»). Нас окружило море холмов. На вершинах повсюду торчали развалины твердых пород, очень светлых,

почти белых — известняков, мраморов, светло-серых глинистых сланцев, кварцитов. Веселый и светлый тон всей местности оживлялся перистыми гривами дериса. Как золотистые оторочки, вились они под ветром между холмами в солнце ясного осеннего дня. Автомобильный след то терялся, то выступал на верхушках холмов, и дорога вся в подъемах, спусках и поворотах не была однообразной. Полосы, гребни и глыбы светло-серых пород казались голубыми и перекрещивались, мешались, пестрили белыми известняками, желтизной высохших трав, серебристо-желтыми лентами дериса. Голубовато-серебристо-желтые холмы, простиравшиеся до горизонта в прозрачную даль, казались каким-то новым радостным и неизведанным краем.

Около тридцати километров мы проехали по голубой «стране света». Потом холмы стали выше и круче. Темные диориты, острые ребра черных филлитов придали угрюмость склонам сухих русел, куда спустилась теперь дорога. Столбы ушли по крутым гребням налево.

Выбравшись из глубокого сухого русла, мы опять попали в светлую страну. Солнце уже клонилось к закату, голубые

оттенки местности сменялись розоватыми, словно другая музыкальная тональность окрасила низкие холмы — тоже ласковая и приветливая, но более мажорная. Столбы подошли к краю области мелкосопочника, справа расстелилась песчанистая равнина, уходившая на юг, где в светлой желтоватой дали слабо различались барханы обнаженных песков. Столбы поворачивали налево, туда, где скопище пологих холмов снова потемнело, очевидно, опять начинались изверженные породы...

Машина резко затормозила, я пошатнулся, инстинктивно сжав винтовку. Эглон уже прицеливался в двух крупных дзеренов, сбегавших на равнину и призрачно мелькавших во впадинах между холмами. Я опоздал и не стал мешать товарищу. В гобийской тишине, при безветрии или слабом ветре, выстрелы хлещут как-то особенно сильно, рассекая и сотрясая воздух. Сквозь заднее окошечко кабины я мельком увидел, как Пронин заткнул пальцами уши,— наш нервный водитель «Дзерена» не любил стрельбы. Если стреляют прямо над кабиной, то выстрелы очень неприятно отдаются внутри нее.

Четыре выстрела, и Эглон, махнув рукой, опустился на сидение. Дзерены отбежали далеко, не меньше четырехсот метров уже отделяло их от машины. Звери продолжали нестись во весь опор, почувствовав приволье равнины. Пронин высунулся и укоризненно посмотрел на Эглона.

— Неужели все? Поедем?

Мне стало жаль огорченного шофера и, облокотившись на кабину, я быстро прицелился. Худшему стрелку, чем Эглон, у меня почти не было надежды снять антилопу на полном ходу, с четырехсот метров. Поэтому я действовал без малейшего волнения.

Антилопа повернулась задом, показав светлое «зеркало», которое я в ту же секунду поймал в прицел, и нажал на спуск. Животное рухнуло, с ходу перевернувшись через голову, раза два брыкнулось и осталось лежать. Вторая, меньшая, антилопа подпрыгнула и ускорила бег. Я опустил винтовку — мяса было совершенно достаточно. Первобытные вопли и приветственное махание руками — то, чем товарищи выражали одобрение удачному выстрелу и радость добыче, право же, были нисколько не менее приятны, чем похвала какой-либо из моих научных работ...

Машина Андреева спустилась на равнину за добычей.

Антилопа оказалась не дзереном, а какой-то новой, неизвестной нам породы: более крупная, с прямой мордой, с большими ушами и очень светлого, кофейного цвета шкурой. Как впоследствии определили, это была обитательница бассейна Хуанхэ, антилопа-ада. Отсюда до долины Хуанхэ было совсем не так далеко — не больше трехсот километров... В Улан-Баторском музее есть хороший экземпляр антилопы-ада, но убитая нами была еще крупнее.

Дни стали короткими — темнело в шесть часов. В десять минут седьмого мы остановились среди мелкосопочника, там, где линия столбов, переломившись углом, повернула к югу.

Ничего не подозревая, мы поставили палатку около свалившегося столба, висевшего одним концом низко над землей, на уцелевшей проволоке. Здесь оказалось много топлива, и повар решил напечь пирожков и котлет на дорогу. Пронин тоже набрал дров и разложил большой костер. При свете костра мы установили, что погибла шестерня стартера. Запасной не имелось, и отныне машину стали заводить ручкой.

Место лагеря оказалось неудачным. По обычной примете путешественников, если случается одна беда, то надо обязательно ждать вторую и третью — якобы всегда происшествий бывает по три — три счастья, три несчастья. Такая примета, как бы нелепа она ни была, нашла в эту ночь полное свое оправдание.

Сразу после того как выгрузили машины, выяснилось, что вся почва кругом покрыта зверскими колючками. Проклятые растения были снабжены, по-видимому, не шипами, а гарпунами. Каждая брошенная на землю вещь, если она не была из металла или из дерева, немедленно пронизывалась колючками, и после этого ее уже опасно было брать в руки. Решительно ни сесть, ни положить ничего было нельзя. На следующий день обнаружился еще один сорт колючек — зернышки ковылька с ершистым наконечником и длинным хвостом. Такое устройство позволяло этим «хвостовикам» не только вонзаться в ватники, но и передвигаться в вате все глубже и глубже, пока острый носик зернышка не выходил на другую сторону, коля и царапая кожу.

Все остальное время пребывания в поле мы мучились с этими хвостатыми колючками, находя их то в спальном мешке, то в глубине ватника и почесываясь от них не хуже, чем от некоторых насекомых. Колючки явились первой бедой. Едва мы, усталые и сытые, улеглись в мешки и согрелись, как в палатку ворвался Андреев с воплем «дайте винтовку — волки»! Пальма, действительно, лаяла упорно и звонко с четверть часа, но мы не обратили на это внимания. Однако шофер заставил нас подняться — мы знали, что стрелять Андреев совершенно не умеет и может попасть в Пальму вместо волка.

Натянув сапоги и полушубок, дрожа от ветра, холодившего голые колени, я вышел из палатки с винтовкой.

Ущербная луна освещала бледные склоны холмов, угрюмо щетинившиеся черными кустами. Достаточно было одного взгляда, чтобы узнать в таких же кустах, только расположившихся на самом гребне склона, андреевских «волков». Напрасно шофер клялся, что «они» пришли, сели и ждут. Эглон, тоже выкарабкавшийся из мешка, со смехом выстрелил в кусты. Никакого движения. Выругав фантазера, мы поплелись в палатку. Но третья беда уже подкарауливала нас. Едва я снова согрелся

в мешке, как услышал назойливое гудение над самым ухом. С трудом разлепив смыкавшиеся веки, я огляделся, но ничего не увидел в слабом, проникавшем через палатку лунном свете. Опустив голову на подушку, я снова услышал гудение и тут сообразил, это это гудит висящий на проволоке столб. Ночной ветер заставил вибрировать железный провод брошенного телеграфа, сохранившийся на этом участке. Поваленный столб натягивал проволоку туже и резонировал. Гудение становилось все сильнее, принимая злобный оттенок. Привыкшие к полной ночной тишине, товарищи стали ворочаться, недовольно покряхтывая. А гудение перешло в торжествующий рев, наглый и нестерпимый. Очевидно, ветер усиливался. Проклиная день и час своего рождения, выбрались из мешков Орлов с Эглоном, вышли и отцепили от столба две привязанные за него палаточные растяжки. Но труды их были напрасны — едва они улеглись, как услышали настойчивый рев столба. Очень хотелось спать, и я терпел еще с четверть часа, но столб ревел и ревел, пока я, потеряв всякий сон, не вылез из мешка и не нашарил близ печки топор.

— Я помогу! — высунулся вдруг из своего мешка Эглон.— Больше невозможно терпеть!..

— А я думал, ты спишь!

— Заснешь тут разве! — мрачно отозвался Эглон, осторожно опуская руку вниз — искать сапоги в колючках было небезопасно.

Столб, как будто чувствуя близкую расправу, заревел особенно злобно. Казалось, вся палатка начала вибрировать. В неверном лунном свете мы не сразу нашли проволоку. Только когда Эглон, запнувшись за нее, полетел в колючки и огласил лагерь проклятиями, проснулись все. На подмогу вылез повар с фонариком. Проволока оказалась непостижимо крепкой, но и общее раздражение дошло до пределов. Страшные удары топором, снопы искр от щебня, свист проволоки — и столб глухо стукнулся об землю. Наступила тишина. С победой мы вернулись в палатку. Четвертой беды не случилось, но от раздражения мы не сразу уснули.

Утром поднялись задолго до рассвета с целью удлинить маршрутный день. Вчера мы прошли всего сто километров — слишком мало: осень была на исходе, приходилось торопиться.

Высоко в небе висел узкий, почти горизонтальный серп луны. Пепельный, нежный свет лился на склоны западных холмов, а восточные резко, черно и угрюмо вырисовывались на розовеющем горизонте.

Без всякого сожаления мы оставили «лагерь ревущего столба». Сразу же за стоянкой оказались развалины небольшого монастыря и два колодца с плохой, застоявшейся водой. Поворот дороги — и открылась большая котловина, недобро выстав-

лявшая напоказ по всей своей ширине кочки и бугристые пески. На небольшом уступе перед песками стоял ослепительно белый, полуразрушенный субурган. Левее, за холмом, виднелись ряды келий, сохранившихся лучше, чем здание большого храма, от которого остались только кучи полуразмытых сырцовых кирпичей. Это был прежде довольно большой монастырь Талаин-Чжисахурал («Монастырь долинной святости»).

Мы пошли посмотреть развалины — иногда удавалось находить в таких монастырях бронзовые или глиняные статуэтки богов. Каждому хотелось найти что-нибудь на память о путешествии.

Орлов нашел несколько книг: пачки удлиненных листов между двух деревянных дощечек, стянутых шелковыми лентами. Книги оказались на тибетском и старомонгольском языках. По уверению Данзана, это был какой-то древний роман, и мы решили взять книги для Комитета наук.

Я подобрал деревянные тибетские печати-клише для изготовления листов с молитвами.

— Иван Антонович, машина идет! — окликнул меня «батареец». Все смолкли, прислушиваясь. Гул мотора приближался с каждой минутой. Откуда было взяться здесь, на безлюдном пути, машине? Сильно заинтересованные, мы поспешили к полуторкам, а мотор звучал все сильнее, мощный и ровный.

— Идет ЗИС! — уверенно крикнул Пронин.

С уступа под субурганом мы увидели крохотную черную коробочку, медленно плывшую среди кочек, слева от нас вдоль края котловины. Вот коробочка выросла до размеров письменного стола, стали видны люди, сидевшие на завязанном брезентами грузе. ЗИС раскачивался с боку на бок и клевал носом, одиноко и упорно пробираясь по бездорожью. Мы молча поджидали, довольные встречей, надеясь подробно расспросить о дороге. Расспросить не аратов, привыкших к передвижению на коне или верблюде, а таких же, как мы, автомобилистов, могущих правильно расценивать дорогу! ЗИС подошел, темный, громоздкий, тяжелый, и наши полуторки показались перед ним хрупкими. Краска на капоте и кабине машины стерлась от песчаных бурь, блестел отполировавшийся металл.

Собака — настоящая немецкая овчарка — залаяла с высоты кузова. Закутанная женщина неприветливо взглянула на наши улыбающиеся лица. На борту кузова висел убитый дзерен. Сидевший впереди на грузе монгол что-то закричал приветливо, и Данзан откликнулся обычным «сам байну».

Из кабины, неловко волоча длинную винтовку, выбрался невысокий чернявый человек. Не полевая сумка, но неуловимые для непосвященных признаки помогли угадать в нем геолога.

Вскоре мы простерлись над картами на разостланной кошме в наиболее важной для всех путешественников беседе — о пред-

стоящем пути. ЗИС шел на Шарангатай, и геологи очень обрадовались, когда узнали, что мы прибыли оттуда и теперь до самого конца пути их будет вести наш путеводный след. Нам же не повезло: геологи ехали из района бывшей караванной станции Саир-усу, давно уже несуществующей,— северо-восточнее намеченного нами направления.

След ЗИСа был нам не нужен, и мы не стали тратить время на расспросы, а спустились в котловину и принялись нырять между кочками. Резина полуторок сильно подносилась и теперь начала слишком часто напоминать о себе — чуть ли не каждый час езды кончался сменой баллонов и досаднейшей задержкой.

День окончился без особых впечатлений, а следующий начался с обычного пересечения чередующихся котловин и скалистых гряд. Медленно забирались мы на перевал в горах Элигений-ула («Печеночных») через черное ущелье — великолепную сквозную долину. Жестокий ветер дул нам прямо в лоб, неся слабо ощутимый странный запах нагретой ткани. Я так и не додумался до объяснения — откуда он взялся, как мы пошли на спуск и очутились в новой котловине, заполненной высокими песчаными кочками по пяти метров высоты, густо поросшими зеленой колючкой. Колодец и вытоптанная стоянка скота показались справа, потянуло запахом мочи. Поодаль стояли две юрты. Котловина, круглая, как озерко, в поперечнике была не больше километра.

Мы не стали приближаться к юртам, чтобы не распугать скотину, лезть в песок также было неблагоразумно. Поэтому мы выбрались на каменистый увал, взяв круто вправо и расставшись со столбами. Впереди встал черный хребет, усаженный треугольными скалами, будто зубами чудовищной акулы. С тревогой я рассматривал его в бинокль — протянувшийся далеко с севера на юг, он мог оказаться тяжелым препятствием.

Но судьба благоволила к неопытным гобийским проводникам — хребет был низким и доступным, но мы из-за грозного его вида посчитали его находящимся гораздо дальше, а следовательно, и выше, чем на самом деле...

За страшной зубчатой стеной, обращенной к котловине, простирался мелкосопочник — система мелких долин разделяла холмы, сверкавшие на солнце черными зеркалами пустынного загара. Как будто тысячи тонн смолы были разлиты здесь и покрыли всю местность блестящей черной пеленой!

Столбы не были видны, и мы не знали, в какое из ущелий, разрезавших черный хребет, направить машины. Большое обо, сложенное высокой и узкой пирамидой, указало путь. Оно стояло на вершине горы, на краю громадного обрыва, а прямо под обо пересекались крестом белые жилы кварца. Трудно было бы найти более заметное место для знаменитого, отмеченного на

карте Дурбулычжин-Цзурихэ-обо («Обо чистого сердца»). Машины проникли в теснину. На уступе правой стены стояла плита серого песчаника с тибетской надписью «Ом мани падме хум». Под плитой аккуратными рядками лежали кусочки халцедона, позеленевшие монеты, обрывки истлевшего шелка.

Дальше долинка расширилась. Прямо перед нами высилась стена огромных черных зубцов. Вокруг в неподвижном молчании громоздились черные конусы, зубы, гребни и стены — все чистого черного цвета, будто вырезанные из черного дерева и отполированные.

Ниже пологие склоны и гребни увалов покрывал сплошной панцирь абсолютно черного щебня. Это море черноты рассекалось светло-серыми песками сухих русел с широкими лентами соляных выцветов чудесного небесно-голубого цвета и султанами серебристого дериса.

Причудливо змеились эти яркие голубые и серебряные ленты у подножия теснившихся вверху блестящих черных зубцов. Пики, морды, горбатые спины, башни, лежащие чудовища чернели, с непостижимой резкостью выступая на сияющем небе, а внизу, в расширениях русел, ярко-красные глины и высокие зеленые кочки, казалось, олицетворяли жизнь среди бездушной черноты...

Несомненно, близко должен был быть монастырь. И действительно, едва мы взобрались на узкий черный хребтик и спустились в соседнее ущельице, где приземистые пустынные вязы — хайлясы — говорили о наличии подземных вод, как дорога внезапно вышла в необъятную котловину, показавшуюся безграничной в туманной дали. Налево, впритык к обрывистым скалам, появился громадный монастырь Улугэй-хид. Здания тибетской архитектуры сохранили еще свои стены, и огромная площадь развалин показалась нам после пустынной Гоби размерами чуть ли не с Улан-Батор.

От подножия скал уступами шли один за другим большие храмы с высокими стенами, сооруженные на искусственных террасах из плит песчаника. Ниже сбегали мощеные проулочки между рядами келий и каких-то длинных и низких построек. Большой человеческий труд был затрачен здесь, и теперь только ряды бесчисленных стен в беспомощном разрушении мертво и молча стояли между жаркой песчаной равниной и кручей бесплодных скал. Но нет, не все оказалось мертвым. Высоко над развалинами на уступе обрыва стояла уцелевшая кубическая тибетская постройка. Каково было ее назначение для монастыря — осталось нам неизвестным, но сейчас к ней с двух сторон подходили телеграфные столбы целых, неброшенных линий. Несколько цириков поспешно спустились к нашим машинам. Поговорив с Данзаном, они встретили нас очень приветливо.

Несколько солдат стали даже помогать нам в обычных «монастырских занятиях». Пока из хорошего колодца мы пополняли истощенный водяной запас, все свободные от этого дела разбрелись по развалинам в поисках «богов». Наиболее ярый искатель богов Эглон и соревновавшийся с ним Пронин усердно раскапывали кучу глиняных обломков. Оба были очень разочарованы, когда мы с Громовым нашли рядом несколько очень хорошо сохранившихся изображений тонкой работы. Солдаты рассказали, что они знают про клад, будто бы зарытый здесь ламами при их изгнании из монастыря. Клад состоит из золотых и серебряных вещей, и солдаты на досуге (а досуга у них здесь, на пустынной телеграфной станции, очень много) роются, пытаясь найти спрятанное.

У наших рабочих и шоферов загорелись глаза. Даже я почувствовал тот исконный мальчишеский порыв к кладоискательству, который владеет всеми особями мужского пола и, несомненно, имеет под собой какую-то биологическую подоплеку. Археология целиком, а палеонтология отчасти обязаны своим возникновением этой тяге к кладоискательству. Может быть, в каждом человеке есть отголоски переживаний древнего горняка, в незапамятные времена искавшего полезные камни, руду или самородные металлы. А так как этим, вероятно, занимались только мужчины, то отсюда и понятна эта черта их характера, мало свойственная гораздо более практичным в отношении кладов женщинам...

Но сейчас мы могли лишь позавидовать монгольским кладоискателям. В одиннадцать часов, запасшись водой и наскоро позавтракав вместе с цириками, мы отправились в дальнейший путь вдоль столбов на этот раз действующего телеграфа, которые должны были привести нас в Сайн-Шанду. Солдаты вывели нас на тропу, и мы поехали прямо на восток.

Дорога поднялась на высокий перевал. Впереди раскинулось плоскогорье с белесым ковыльком, на котором паслись дзерены. Одна из антилоп пала жертвой меткого выстрела Эглона, пополнив запас мяса. На вершине небольшого увала, пересекавшего плоскогорье, «Смерч» усиленно засигналил. Мы остановились. Андреев, выскочив из машины, отчаянно махал кепкой. Пришлось вернуться. Пока нашли повреждение — пробитое реле, у нашего «Дзерена» на стоянке спустил баллон. Мы возились с машинами, а Эглон бродил в стороне в поисках новых находок — наш неутомимый Ян был прирожденный собиратель всего: костей, насекомых, образцов дерева, халцедонов, пустынных многогранников, статуэток богов...

Эглону зачем-то показалось нужным осмотреть два бугорка поодаль, правее дороги. На ближнем холмике оказался разбитый арслан — фантастический лев в виде барельефа из обожженной глины. Такие арсланы украшают цоколи больших субурганов,

и этот был, несомненно, похищен из Улугэй-хида, но на перевале, видимо, стало невмоготу тащить его дальше. Эглон собрал и упаковал находку. Теперь этот арслан, склеенный и вделанный в деревянную рамку, приветствует входящих в мою московскую квартиру...

Заполненная песком котловина встретила нас на границе новой области, в ста четырех километрах от Улугэй-хида. Пески погребли длинные гряды базальта, гребни которых местами выходили на поверхность. Отполированные ветром и песком базальты покрылись яркой, блестящей коркой густого и чистого лилового цвета, необычного для камня.

Так чудесно выглядели блестящие лиловые утесы и полосы, рассекавшие рыхлую и желтую поверхность песков, что я в пятисотый раз пожалел о цветной фотографии. Впрочем, и фотография оказалась бы бессильной перед величием, чистотой с тонкими переходами гобийских красок — нужен был художник...

Пески быстро окончились, и мы выбрались на усыпанное щебнем плато. Но не успели проехать по нему и пяти километров, как снова спустились в вытянутую с севера на юг котловину, совершенно черную от сплошного покрова мелкого щебня. Из-под щебня рыжеватым подцветком проглядывала красно-оранжевая глина.

Котловина Цэгиин-Тойрим («Точечная впадина») была такой ровной и такой громадной, что ее поразительная выглаженность, подобная листу стекла, казалась неправдоподобной. Впрочем, вблизи стали заметны мелкие и широкие, окаймленные саксаулом, русла, заполненные песком и пересекавшие котловину в трех местах. В их песке машины грузли и буксовали. Щебнистая поверхность самой котловины держала машины лучше, хотя мелкий щебень вдавливался в глубину и машины шли тяжело.

Быстро и незаметно спустились сумерки. Мы решили ночевать в котловине. Машины, койки, костер очутились точно посреди гигантской бальной залы — темнота уничтожила последние признаки неровностей на этом необъятном черном паркете. Хорошо, что стояли спокойные дни и особенно ночи — чистый, без единой песчинки и пылинки щебень свидетельствовал о дьявольской метле, постоянно разгуливающей по этой равнине. Пока готовили ужин, я пошел к центру котловины. Там не было щебня — одна только глина, но уплотнившаяся до твердости цемента.

Я долго стоял посреди этой необычайной равнины, наблюдая, как стелются, растекаясь по черному щебню, последние слабые лучи солнца и непомерно длинные стрелы — тени саксаула — становятся еще длиннее. Тени достигли двух десятков метров длины, лучи угасли, и черные стрелы растворились в черноте щебня. Слабый звездный свет едва отблескивал на поверхности щебня, когда я возвращался к лагерю, туда, где колебалось,

вздымаясь и падая, багровое пламя, полускрытое силуэтами машин, казавшихся исполинскими на гладкой земле.

Двадцать второе октября прошло продуктивно; мы сделали сто шестьдесят километров и находились довольно близко от Саян-Шанды... Всякие следы дороги исчезли еще вечером при въезде в котловину. На утро мы тоже не смогли их разыскать.

Пески и глины грязноватых, неярких цветов были рыхлой, неверной почвой для машин. Горы и холмы из твердых пород с их резкими, определенными формами уступили место расплывчатым увалам и засыпанным песками останцам.

Пришлось пробиваться по бугристым пескам вдоль столбов — никакой надежды объехать эту простершуюся во все стороны равнину не было. Машины раскачивались и судорожно дергались, то одолевая очередной бугор, то глубоко распахивая

кочку колесами. Впереди поднимался невысокий останец — возможный путь на плато. Увы, едва лишь мы, форсируя до предела моторы, одолели песчаный склон, как с вершины останца открылась местность, состоявшая из бесконечных, запесчаненных равнин. Среди них там и сям торчали останцы красноцветных гобийских пород. Временами более высокие гряды округлых гор преграждали путь. На гребне одной из таких гряд мы нашли заметно прокатанный автомобильный след вдоль старой верблюжьей тропы. Множество халцедонов усеивало тропу. Я поднял валявшийся среди них кусок окаменелой кости, судя по характеру окаменения,— динозавра. Поехали по старой автодороге, проходившей в стороне от телеграфной линии и извивавшейся по верхушкам холмов и грядок, чтобы избежать запесчаненной поверхности равнины.

У подножия одного из холмов стояла юрта, настолько запыленная, что она почти не выделялась среди окружавших песчаных кочек. Это оказалась телеграфная станция, и мы с удовольствием узнали, что до Сайн-Шанды осталось не больше восьмидесяти километров. Дорога становилась все более накатанной между широкими размывами и оплывинами красных и лилово-серых глин и песчаников.

Несколько раз мы останавливались, сейчас же покидая машины и привычно рассыпаясь «веером» по окрестным холмам. Несмотря на беглость осмотра, все чаще попадались обломки костей, в том числе кусок бедра, фаланга пальца динозавра, щитки черепах. Не было сомнения, что здесь находилась область развития меловых отложений, к западу от аймака. Однако гораздо лучше было поскорее попасть в Сайн-Шанду, не тратя времени на дальнейшие поиски, там найти проводника, а также, устроив базу, облегчить машины для разъездов по бездорожью. Размывы глин стали еще причудливее; замшево-серые купола, лиловатые конусы, красные цилиндрические башни, ребристые желтые стены...

Наконец мы выбрались из лабиринта размывов на щебнистую равнину, поросшую ковыльком. Около семидесяти километров мы прошли от ночлега, но тут дорога отвернула от столбов — вдоль них пошел лишь слабо накатанный след. Пронин затормозил и выжидающе выглянул из кабины. Я посмотрел на членов «коллегии проводников» — смущение было на лицах Данзана и Эглона. По внезапному вдохновению я решил, что такая хорошая дорога не может идти никуда в другое место, кроме аймака, хотя бы она и круто заворачивала на север. Я махнул Пронину рукой в сторону от столбов. Тотчас же из кабины высунулся Громов и с ехидным смешком осведомился, как это мы решаемся покинуть спасительные столбы. Приняв важный вид, я приказал подчиняться «проводнику».

Наслаждаясь хорошей дорогой, «Дзерен» понесся на предельной скорости. Отставший «Смерч» сначала было заметался у поворота, потом стал догонять нас. Дорога пересекла мелкосопочник без русел, поднялась на длинный хребтик и по нему вышла на бесконечную и безжизненную равнину, очень светлого, желто-серого цвета от бесчисленных белых камешков и мало заметной сухой и редкой травы. Дорога расширилась почти вдвое и превратилась в настоящий тракт после того, как соединилась с другой дорогой, шедшей с северо-запада.

Сомнений, что мы приближались к аймаку, не оставалось. Все же, завидев издалека арата, ехавшего на верблюде, мы замедлили ход и осторожно приблизились, призывно махая руками. Старик-арат, нисколько не удивившись автомобилю, сообщил, что до аймака километров пятьдесят такой же хорошей дороги. Мы поблагодарили арата, и он поспешно отвел верблюда, чтобы животное не испугалось при запуске мотора, доказывая опытность во встречах с машинами.

Подъехал «Смерч», и Орлов, вторя Громову, стал прохаживаться насчет удаления от столбов и напуганных «проводников». Я решил отомстить. Подмигнув товарищам, я принял убитый и пристыженный вид и сообщил, что мы заблудились и едем вовсе не в Сайн-Шанду, а в какой-то сомон. Придется ехать

обратно. Товарищи вторили мне, сокрушенно качая головами, Андреев разозлился и стал требовать остановки, чтобы заправиться горючим. Орлов стоял с растерянным видом, не понимая каверзы. Насладившись местью, мы быстро завели машину и двинулись в прежнем направлении. Бранные выкрики товарищей, смекнувших обман, понеслись нам вслед, но мы быстро вышли из пределов их досягаемости.

Весело поглядывая друг на друга, «проводники» занялись беспечным разговором. Дело сделано, машины можно считать уже пришедшими в аймак через восемьсот километров гобийских гор и впадин. Больше не нужно тщательно следить за местностью, запоминать все повороты, рассчитывать пригодность почвы для передвижения машин...

Машина остановилась. Пронин пулей выскочил из кабины. Я недоуменно окликнул его, но шофер, не отвечая, стал яростно чесаться об угол борта, потом снял ватник и тщательно осмотрел его с изнанки. Я успокоился — ничего не случилось, просто очередная колючка из лагеря «ревущего столба» дошла до кожи шофера.

Машины понеслись снова. Мы с Данзаном заговорили о наводнениях, иногда случающихся в Гоби. Я удивлялся, откуда берется столько воды, чтобы напитать и заполнить все бесчисленные сухие русла, песчаные впадины, массивы рыхлых отложений.

— А знаете, какой идет дождь! — возбужденно крикнул Данзан.— Нельзя говорить,— слышно только ш-ш-ш-ш-ш! — изо всех сил зашипел геолог.

Машина затормозила, толчком дернула нас вперед. Опять Пронин выскочил, обежал вокруг машины и молча вернулся в кабину. На мой вопрос он лаконично ответил, что посмотрел резину.

Машина тронулась. Я увидел, что Данзан смеется, и догадался, что шофер, услышав энергичное шипение Данзана, решил, что спускает баллон. А что если испробовать это снова? По безмолвной команде все трое набрали воздуху и хором зашипели: ш-ш-ш-ш-ш-ш!

Сцена осмотра баллонов повторилась заново. Убедившись, что все в порядке, Пронин подозрительно взглянул вверх, увидел смеющиеся лица, рассердился.

— Если еще будете шипеть — не повезу! — сверкнул он цыганскими глазами и втиснулся боком в кабину.

Пологие, широкие холмы, просторная светлая равнина... Машины летели по отличной дороге, их длинные тени в заходящем солнце убегали вперед по щебню и пыли. Мы вышли из безлюдной Гоби — на востоке поднялась гряда низких холмов, на них — дома, освещенные солнцем, казались парусами в море.

Аймак приближался. Он был населеннее Далан-Дзадагада, судя по числу домов.

Справа и сзади вынырнули из-за бугра столбы — верные друзья и маяки на пройденном пути. Широкое сухое русло огибало холмы аймака, песок в нем был укатан машинами, и мы пересекли его без задержки. Однако едва мы поднялись на последний ряд холмов, как окончился бензин. Машины шли на последних литрах — пришлось задержаться для заправки.

Множество халцедонов блестело на солнце, разбросанных среди стебельков засохшей травы. Таких крупных мы еще не встречали и с воодушевлением принялись за сборы, но, к сожалению, бензин был налит очень скоро...

Машины приблизились к домам на южной окраине аймака. Мы долго уже находились в Гоби, и даже одноэтажные домики казались нам внушительными. Здесь же высились двухэтажные великаны!.. Право, мы въехали в величественную столицу! Про эту относительность масштабов и оценок, целиком зависящую от бытовых условий, никогда не следует забывать историку, этнографу, писателю...

У белого домика с двумя высокими крылечками мы остановились. Аймагин дарга — начальник аймака — оказался в своем кабинете. Пока мы разговаривали о пройденном пути, о наших мелких, но неотложных нуждах (квартира, баран, хлеб), солнце село за невысокие темные горы, там, за линией столбов, приведшей нас сюда. Я вышел на крыльцо и невольно съежился — знобящий холод сразу проник под ватник. Усталые спутники ожидали, понурившись, закутавшись кто во что горазд. Стало жаль верных товарищей.

Посыпались распоряжения — Данзан с рабочим и Эглоном отправились на мясокомбинат, в пекарню и магазин, а мы, взяв уполномоченного аймака, направились в отведенную квартиру. Первую, находившуюся поблизости, забраковали из-за тесноты. Трудно было с помещениями в этом аймаке — многолюдном, быстро развивавшемся центре. Пришлось переправиться на северную окраину аймака, под склон плато, окаймлявшего поселок с севера и востока.

Маленький домик бывшей ветеринарной аптеки стоял на самом краю поселка, близ каких-то нарытых в войну ям и канав. Помещение не могло вместить всех — перед входом поставили палатку, где разместилась «научная сила», предпочитавшая свежий воздух. Быстро и дружно убрали помещение, машины выгрузили, плиту затопили. На вымытом столе загорелись свечи, синий махорочный дым низко стлался в еще не нагревшемся доме. Но холод и свирепый ветер не проникал сюда — мы опять устроили свой, русский, дом в новой области гостеприимной страны после пятидневного пути через Гоби. Задача перебазировки была выполнена быстро, следовательно — удачно. Еще

неделя работы вокруг Сайн-Шанды, и путешествие этого года придет к концу...

Люди устали. Сказывалась трудная дорога. То один, то другой опускал голову на край стола, не в силах бороться с дремотой. Пронин принялся доставать постель, решив не ждать обеда. Его примеру собирались последовать многие.

Остаться без обеда было обидно: торопясь доехать до аймака, мы не ели весь день. Я подошел к дремавшему Громову и пошептался с ним. Профессор поднял очки на лоб, пошарил вокруг себя и извлек из груды тюков на полу маленький бидон. Эглон проснулся и зычно скомандовал: «Подходи с кружками!»

Громов с Эглоном налили всем понемногу спирта. Спирт подбодрил людей, появился аппетит. Как раз поспел суп и вареная баранина. Свежий хлеб после гобийских твердых лепешек улучшил вкус позднего обеда. Разогревшись в домике, мы разделись и забрались в мешки в своей палатке, даже не затопив приготовленной печурки.

Двадцать четвертое октября провели на новой базе в аймаке. Подыскивали проводника, заново распределяли вещи. Тщательно проверили количество бензина: здесь оставляли «железный» запас на возвращение в Улан-Батор. Конечно, мы могли бы взять бензин в аймаке, но только с «отдачей натурой». Тогда пришлось бы гонять сюда машину из Улан-Батора. Как раз этого я хотел при всех случаях избежать. Закупоренную бочку завернули в кошму, обвязали и заперли в маленькой кладовой домика. Ящики с коллекциями, водяные баки, третья палатка и запасные колья — все это оставлялось здесь на время маршрута.

К концу дня пришел проводник — пожилой арат с жировой шишкой на голове, назвавшийся странным прозвищем Кухо («Кукушка»). Только позднее он сообщил мне свое настоящее имя — Намцерен. Мы уговорились о выезде завтра на рассвете, но этот план неожиданно нарушился. На закате резко похолодало, свирепый ветер завыл, скатываясь на нашу маленькую усадьбу прямо сверху, со склонов плато. Он подул с полчаса, усилился, перешел в настоящую бурю и пригнал тяжелые белесоватые облака. Пошел снег. Скоро все покрылось плотной белой пеленой, а ветер все крутил и взбрасывал снег, будто не мог уложить ее как следует. Надежды на завтрашний выезд становились сомнительными — что мы могли видеть под снежным покровом? А видеть в этом новом для нас месте мы должны были все! Прислушиваясь к реву ветра и свистящему шороху сухого снега, мы сидели с Громовым за столом, рассуждая о пройденном пути. Зябкий Орлов в начале бури удалился в палатку и забрался в спальный мешок.

Громов ожесточенно тянул свою трубку и желтым с обгорелой кожей пальцем водил по карте вдоль синей линии нане-

сенного маршрута. Склонив голову набок, округлив глаза и высоко подняв брови, профессор по обыкновению стал похож на большую хищную птицу, взъерошенную и обветренную бесконечными ветрами Гоби. Только гладко выбритое лицо напоминало о щегольски одетом ученом, расхаживавшем некогда по Улан-Батору в светлом костюме с белоснежным воротничком.

Я посмотрел на часы. Близилось к полуночи. Шум ветра за тонкими глинобитными стенами не умолкал. Завывала метель, не наша — гобийская, несшая снег пополам с песком и пылью. Все спали, вплотную сдвинув койки, только за перегородкой в другой комнате возился повар. Через проем отсутствовавшей двери мне было видно, как Никитин тер слипавшиеся глаза.

— Иван Николаевич,— позвал я,— ложитесь спать!

— Так ведь надо все заготовить на два дня. Пока там найдем место, станем лагерем...

— Можете спать, завтра не поедем: видите, что делается.

Повар обрадованно взглянул на меня, в несколько минут убрался и затих. Не хотелось выходить из теплого дома в бурную и морозную тьму. Но мы с Громовым мужественно преодолели несколько шагов до палатки, в которой давно и беззаботно храпели Эглон и Орлов. Растопили печь. Едва палатка чуть обогрелась, мы забрались в мешки — долго топить не годилось; палатка намокла бы от подтаявшего снега.

Еще день стояли мы в аймаке. Все дела были сделаны, наблюдения приведены в порядок, и все с радостью следили, как быстро испаряется выпавший снег, именно не тает, а испаряется. Непривычная картина белых холмов и равнин уступала место давно знакомой — камни, щебень, песок и сухая трава...

Незнакомый начальник — тигр,
Незнакомая местность — ад.

Старая поговорка

ГЛАВА VI. „БОГАТЫЙ СТОЛ“

Двадцать шестого октября, в холодных рассветных сумерках, мы взяли курс на черный гребень, видневшийся на юго-западе. Разделившись на три группы, мы довольно быстро осмотрели горы Тушилге («Спинка») и Чойлингин («Вытянутый»), а также окружающие их рыхлые породы верхнемелового возраста. Мы пытались установить характер связи этих рыхлых пород с многочисленными обломками костей динозавров, захороненных в них, и слагавших горы уплотненных и перемятых в складки песчаников и углистых сланцев верхнеюрской эпохи.

Мне достались горы Чойлингин. Черные породы нагрелись на солнце, в защищенных от ветра ущельях было жарко. От торопливой ходьбы пот катился по лицу градом. Наконец, я утомился и присел покурить на остатке стены в развалинах старого монастыря. Монастырь был, видимо, беден и невелик — стены домов сложены из неровных кусков тех же черных камней, какие валялись вокруг. Высоко, в самой глубине горного массива, в замкнутой со всех сторон разнокалиберными уступами долинке спрятались эти развалины. Сюда заходил только слабый ветерок, шелестевший нетронутым дерисом. Я с наслаждением затягивался из толстой самокрутки — редко удавалось покурить так, чтобы ветер не раздувал папиросу, не сыпал искрами на одежду и руки, не забивал дым обратно в нос и в рот...

Выбравшись из гор, я спустился до последнего уступа и с него увидел наши машины на темной и пустой равнине. Два ширококронных хайляса виднелись в стороне. Я разглядел в бинокль Громова и Данзана близ машины — значит, они уже выполнили свою задачу.

Проехав дальше, мы увидели, как базальты покрывали толстым слоем серые меловые песчаники с костями динозавров. Темно-коричневая масса базальта была начинена, словно салатом из редьки, круглыми и плоскими белыми включениями — халцедонами. Несчетное множество халцедонов попадалось здесь среди щебня — доказательство, откуда берутся халцедоны в гобийском щебневом панцире. Некоторые участки базальтового покрова были развальцованы, раскатаны, как тесто, еще во время излияния лавы, когда полузастывшая лава верхних слоев плющилась и тянулась под напором горячей.

Чтобы двигаться дальше на юг, пришлось пересечь небольшую котловину, окаймлявшую горы Чойлингин и Шарилин («Мумийный, мощевой»), выбраться на плоскую возвышенность и поехать по едва видному автомобильному следу вдоль края котловины. Здесь тянулись обрывы серых и светлых глинистых песчаников нижнего мела с совершенно замшевой поверхностью. Против двух хайлясов обрывы стали особенно живописны.

Скоро мы заметили вблизи дороги, на склоне борта котловины, гигантский ствол окаменелого дерева. Шесть кусков было в этом разломанном почти на равные части одиннадцатиметровом бревне около метра в диаметре. Железные слои красными потеками пятнали темно-серую, чугунного цвета и вида поверхность ствола, сохранившую в то же время полное подобие обветшалой и размочалившейся древесины. Замещенная кремнем и железом, древесина навсегда сохранила тот вид, с которым бревно затонуло в осадке, принесенное издалека рекой, восемьдесят миллионов лет назад. Теперь вода, ветер, солнце и мороз разрушили рыхлые породы вокруг, и ствол остался, как на блюде, на пологом откосе, несокрушимый и такой тяжелый, что силы размывания не

смогли его передвинуть. Мы долго любовались гигантом исчезнувших лесов, пролежавшим в земле такое невообразимое время. Я мечтал забрать весь ствол для музея Академии наук в Москве — такие большие и хорошо сохранившиеся стволы встречаются очень редко. Однако не было никакой возможности взять хотя бы один из кусков, весивших больше тонны каждый. Поэтому я ограничился только тем, что сделал несколько снимков.

Дальше к югу холмики оказались сплошь покрытыми кусками окаменелых древесных стволов. Более тонкие, чем первый найденный нами гигант, эти куски были разбросаны, будто упавшая поленница. Торчавшие сучки или корни на пеньках создавали иллюзию настоящей древесины. Только на ощупь тяжелые, острые, звенящие, как стекло, осколки рассыпавшихся стволов показывали, что этот лес — только каменный призрак настоящего. Правильно слоистая структура древесины свидетельствовала о принадлежности стволов хвойным деревьям, возможно, группе болотных кипарисов, и по сие время растущих в приморских тропических болотах, так же как растет еще древнее гинкго в Японии, араукарии в горах Южной Америки и Юго-Западной Азии, красный железняк в нашей Ленкорани...

С неохотой пришлось оставить все разнообразие наваленных в беспорядке стволов — короткий день близился к концу. Теперь мы все время спешили: слишком мало светлого времени оставила нам уходившая осень и слишком много еще хотелось сделать!

Машины пошли дальше той же заросшей тропой к возвышавшемуся вдалеке низкому горному массиву. Там находились развалины монастыря Хамарин-хурал («Монастырь на мысу»), там уже несколько лет горел под землей уголь и там геологи находили кости динозавров. Одно из сообщений говорило о целом скелете! Немудрено, что мы давно стремились попасть сюда. Вот поднялись над степью обрывы и размывы светло-серых глинистых пород с твердыми прослоями железистых песчаников. Узкие черные полосы расчерчивали серую поверхность небрежными штрихами — свидетельство беспорядочного напластования. Выше, на удаленных уступах, громоздились стены и башни красных базальтов, попиравшие цоколи из глыбовых красноватых песчаников, отвесные стены которых багровели на закате. А внизу, под обрывами, высокие барханы преграждали путь своими мягкими, аккуратно насыпанными склонами. На равнину от гор далеко простирались промоины сухих русел и беспорядочная толпа песчаных бугров.

Опять, наверное в трехсотый раз за путешествие, остановились машины. Исследователи поспешно выбрались из них, на ходу строясь в «боевой порядок», т. е. выбирая для себя определенное направление, не перекрывающее места, которые осматривает сосед. Все это выполнялось без всяких предварительных

сговоров, как в хорошо сыгравшейся футбольной команде. Солнце уже садилось за горизонт, когда стало ясно, что никакого скелета, ни даже отдельных костей здесь нет и не было. Обрывы меловых пород тянулись далеко на восток и юг, и кости могли оказаться именно в них, но осматривать их сейчас не было возможности. Подробное изучение района входило в программу исследований последующих лет. На первое время мы уже получили представление об этих низких горизонтах мелового периода, относившихся к его нижней половине. Спустя три года после окончания работы нашей экспедиции геологи прислали нам из Хамарин-хурала челюсть громадного динозавра — игуанодонта, доказав тем самым, что в Азии жили настоящие нижнемеловые игуанодонты, до сих пор считавшиеся европейскими формами.

С досадой я вернулся к машинам и стал звать товарищей: чтобы поправить неудачу в Хамарин-хурале, нужно было сегодня хотя бы проехать побольше. Поблизости на барханах росли какие-то крупные кусты. Я распорядился наломать топлива, и рабочие с шоферами и поваром поспешили туда. Велико было наше разочарование, когда подошедший Данзан объявил, что это растение (иргай-кизильник) не годен для дров, так как очень плохо горит. Мы все-таки взяли один большой куст и добавили к нему охапку караганы и ежовника (баглура).

В котловине смеркалось, но красные базальтовые стены вверху еще были залиты ярким солнцем и отбрасывали веселый розовый отблеск на свинцовые пески. Из-за поворота сухого русла, внизу в котловине, появился всадник. Сначала только черный силуэт виднелся в отдалении, бесконечно одинокий на просторе равнины. Мы не успели уложить топливо в машину, как подъехала молодая монголка. Без смущения, просто и с достоинством, женщина заговорила с Данзаном, потом спешилась и подошла к нам. Мы поздоровались, я достал папиросы. Лукаво поблескивая глазами, гостья присела, держа лошадь на длинном поводу, курила и разговаривала с нами, подняв вверх свежее, круглое лицо. Докурив папиросу, монголка легко вскочила в седло и погнала коня — видно, торопилась доехать до сомона в бывшем монастыре Хамарин-хурал. Обернувшись через плечо и посылая нам приветственные улыбки, молодая аратка скрылась в холмах. Такой легкой и живой показалась она среди наших хмурых фигур в тяжелой одежде, с таким неподражаемым изяществом сидела на коне, что мы невольно вздохнули, глядя ей вслед. Я подумал, насколько каждый народ — дитя именно своей страны. Трудно представить русскую женщину, одну среди этой пустыни, едущую на коне за десятки километров по своим делам. И так же трудно было вообразить эту аратку среди наших лесов и полей...

Ветер утих, на смену ему шел мороз.

Дорога извилисто поднялась на горный уступ. С гребня увала показался Хамарин-хурал — множество рассыпавшихся глино-

битных домиков и стен в котловине, у громадного сухого русла В центре виднелось несколько сохранившихся домов побольше, окруженных юртами. Синий дымок аргала висел над сомоном, доносился резкий запах горящего навоза, слабые огоньки очагов блестели кое-где сквозь щели юрт. Мы проехали правее, оставив сомон на километр в стороне, спустились в сухое русло и направились вниз по нему, стараясь найти участки твердого, уплотненного песка. В сумерках русло стелилось ровной темной лентой. Громадные пни хайлясов торчали там и сям из насыпи песка. Пни были до метра в поперечнике, иногда это были целые куски стволов, поваленных когда-то давно потоком при наводнении. Все ветви и корни или отщепины были тщательно спилены, и мы напрасно пытались найти хоть что-нибудь пригодное для дров. Эти пни, похожие на их окаменелых собратьев, угрюмо торчали безмолвным укором человеку, когда-то погубившему здесь рощу действительно исполинских хайлясов. Впервые я видел, что эти деревья могут быть так велики. Видением пронеслась в мыслях тенистая, полная жизни роща, когда-то бывшая здесь, на пустых берегах сухого русла,— но машина уже поднялась на склон долины.

Громадная равнина, щебнистая, слабо всхолмленная, без единого оврага или русла легла под колеса. Почувствовав хорошую дорогу, «Дзерен» понесся с большой скоростью, предоставив «Смерчу» догонять нас, как хочет. Плотной массой летел навстречу холодный и свежий воздух.

Земля посинела, ушла вниз, впереди в беспредельную высоту поднялось туманное небо со светлыми, жемчужно-серыми облаками, испятнанное сгустками темноты. Облака вихрились, струились и извивались, словно на скате взброшенной к небосводу волны.

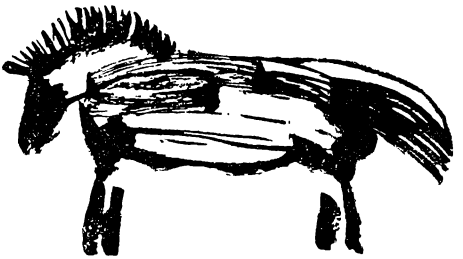
Приближались и налетали темные, глубочайшего синего цвета холмики, черные, как отлитые из металла, кустики разбегались в безмолвном испуге, а машина летела и летела, не зажигая света в заколдованную даль, где волны всхолмленной земли, такие же шершавые и серые, как небо, расплывались и сплавлялись с тучами на горизонте в один вихрящийся вал. Тучевой вал стеной вздымался вверх и улетал в небесную бездну над нашими головами. Машина безмятежно ныряла под него, стремясь к загадочной цели, ничем не отмеченной, ничем не ограниченной на темном просторе...

Издалека, позади, разлился тусклый свет — «Смерч» зажег фары. Таинственная сумеречная равнина исчезла, стала обычной сухой и безжизненной Гоби. Зажег свет и наш «Дзерен» и продолжал нестись в океан темноты, на юг, пока все совершенно не закоченели.

Я остановил «Дзерена», хотя Пронин так разошелся, что готов был ехать хоть всю ночь. Убежища не было — одна ровная

почва кругом, и мы надеялись только на мороз, который усиливался и обещал тихую погоду.

Загорелись набранные у Хамарин-хурала кусты караганы. Повар, ворча, что нет даже «иванантоновичевых» дров, стал кипятить чай и разогревать мясо. Когда-то еще на пути из Южной Гоби, где повар избаловался саксауловым топливом, у нас вышло одно столкновение. Никитин явился ко мне с заявлением, что не может приготовить обед, так как на месте лагеря нет дров. Повар тут же получил основательный нагоняй, и с тех пор знал, как с помощью рабочих нужно заготовлять аргал, однако затаил обиду и упорно называл аргал «дровами Ивана Антоновича», к великому удовольствию всех остальных.



Утренний мороз в 12 градусов превзошел все ожидания. Пришлось собирать аргал и растапливать лед, в который превратилась слитая из радиаторов вода. Все долго бродили кругом, подметая равнину полами своих дох. Одним ударом убивалось два зайца: люди согревались и собирали столь редкий здесь аргал. В девять часов, повеселевшие после горячего чая, мы тронулись дальше. Где-то впереди находились развалины Далан-Туру («Пальмовое дерево»), куда вела старая караванная тропа.

Мы скоро подъехали к жалким остаткам строений и повернули от них на юго-запад, спускаясь в плоскую впадину. Неожиданно впереди показалась замерзшая речка — вернее, ключ, окруженный громадными пятиметровыми песчаными кочками, поросшими плотной зеленой колючкой. Маленькая гобийская лиса, испуганная, тощая и взлохмаченная, выскочила из-под берега и скрылась. За речкой мы выехали на плоскогорье и вскоре, повинуясь указанию проводника, повернули налево от тропы, которая, кстати, сделалась хорошим автомобильным следом. Пологий подъем по песчаной, заросшей полынью почве был не очень тяжел, и через полчаса мы оказались на краю высокого обрыва. Цель путешествия — обрыв Баин Ширэ («Богатый стол») находился на окраине огромной впадины Халдзан-Шубуту («Лысая узкость»), заполненной песками и заросшей саксаулом и поташником.

Этот стол обрывался на юг, восток и юго-запад крутыми стенами и башнями песчаников, разделенными откосами и барханами надутого песка с порослью корявого саксаула. Ниже песчаниковых круч толпились размывы ярких красных глин — конусы, куполы, овальные холмы... Еще ниже пологий скат уходил далеко во впадину. Прорезавшие скат овраги на границе песков превращались в мелкие сухие русла и вились меж бугров рыхлого песка и саксауловой порослью.

И опять, как много раз до этого, во всех местах с красными обрывами — ни признака человеческой жизни, ни следа юрт или стойбищ скота.

Мы подъехали к обрыву плато у юго-восточного угла. Небольшое обо из кусков песчаниковых плит стояло в десяти метрах от бровки обрыва. Жестокий ветер бушевал здесь, наверху, и машины слегка покачивали своими тентами под его напором. Нужно было найти место для лагеря. Передовые разведчики — Эглон, Громов, Данзан, Орлов — сразу же поспешившие к обрывам, вернулись и сообщили о множестве костей динозавров. Я огляделся. При некоторой осторожности отсюда можно было бы спуститься в котловину — если начать спуск на два километра восточнее или западнее самого возвышенного места плато, на котором мы сейчас находились. Но всякое передвижение машин в бугристых песках котловины было бы сопряжено с величайшим трудом, и неизвестно, как выбрались бы мы оттуда, нагруженные коллекциями.

Большая часть обрывов, подлежащих изучению, находилась совсем рядом. Словом, стоянка наверху давала серьезный выигрыш во времени, и я решился на нее, надеясь на прочность наших палаток, сделанных по монгольскому, ветростойкому, образцу. Быть сдутыми к концу экспедиции ветром с семидесятиметрового обрыва Баин-Ширэ — конец, неподходящий для успешно начатой работы. Поэтому мы разбили лагерь, отступя метров на десять от обрыва, на ровной площадке позади старого обо. Машины встали с запада, прикрывая лагерь от главного ветра Гоби — западного. Пока разгружали машины и ставили палатки, мы разошлись по обрывам. Мы с Эглоном направились к западу, к высоким башням серого песчаника, разделенным вверху узенькими промоинами и прикрытым, как мексиканскими сомбреро, громадными плитами твердого песчаника.

Плиты, состоявшие из грубого конгломерата, оказались переполненными костями динозавров. Позвонки, обломки ребер, кости конечностей от разных животных, хищных и травоядных, разной величины — все было смешано здесь в костеносном пласте, достигавшем до двух метров мощности. Если бы не разрозненные и поврежденные переносом остатки, этот пласт был бы самым богатым из всех нами найденных. Кроме этого слоя конгломератов, получившего название главного костеносного

горизонта, мы, постепенно передвигаясь вниз по разрезу, нашли еще два горизонта. Кости оказались и в сером рыхлом песчанике на двадцать метров ниже и в прослое мелкогалечного конгломерата метровой мощности, залегавшего далеко внизу, у самых саксаульников.

Долго ходили мы по карнизам песчаниковых плит, прыгали вниз на барханы надутого песка, пробирались по откосам размытой глины. И постепенно становилось ясно, что мы опять нашли крупное местонахождение, заслуживающее больших и длительных раскопок и подробного изучения. Конечно, весь обрыв Баин-Ширэ никак не равнялся по масштабам с Нэмэгэту. Но здесь, в Восточной Гоби, где все геологические явления были мельче, Баин-Ширэ, несомненно, был одним из самых больших местонахождений костей динозавров, вдобавок залегавших в разных горизонтах, образовавшихся в разных условиях и, следовательно, содержавших различные формы животных.

Да, Баин-Ширэ следовало изучить!

Я спустился по рыхлым песчаным откосам прямо с главного юго-восточного выступа обрыва, держа направление на далекие нижние промоины. Неторопливо, даже медлительно, я проходил по откосам и конусам, по гребешкам валов и по дну оврагов, замечая различные напластования. Желтые пески, с резкой косой слоистостью темно-пурпурные и кирпично-красные, реже серые глины то с множеством зеркал скольжения, то с мелкими черными желваками марганца; выступы плит твердого, иногда черного железистого песчаника, ярко-оранжевые пески, белые мергели сменяли друг друга сверху вниз. На склоне купола серых песчанистых глин я нашел копытную фалангу — костную основу рогового копытного чехла, несомненно, принадлежавшую панцирному динозавру — анкилозавру. Это была первая находка панцирных динозавров в Азии, и я, подбодренный удачей, ускорил шаг.

Пройдя около двух километров по уклону, становившемуся все более пологим, в направлении на восток-юго-восток от лагеря, я очутился в глубокой и широкой промоине. На обрывистые борта промоины были нанесены гряды покрытого рябью песка. Из песка торчали серые, потемневшие ветки мертвого саксаула.

Центр промоины занимал холмик обнаженного камня — здесь вскрывались самые нижние конгломераты. Холмик окружало сухое русло, подрезавшее его западную сторону, где конгломерат обрывался ступенью в полтора метра высоты. Я взобрался на холмик и сразу же увидел на испятнанной гальками поверхности породы множество щитков черепах. Кое-где из породы торчали куски целых панцирей, кости лап. Между остатками черепах попадались и отдельные кости мелких хищных динозавров, но черепахи преобладали. Они по большей части относились к триониксам — хищным водным, живущим еще в настоящее

время черепахам с тонким, покрытым кожей панцирем. Один из трионикcов — амида — живет у нас на Дальнем Востоке, в озере Ханка и в реках системы Амура.

Начинало смеркаться. Я заторопился, собирая выветрившиеся из породы кости и закрепляя веточки с белыми тряпицами в щелях камня для указания ценных находок, оставшихся на месте. Сюда необходимо было направить Эглона с рабочими и расковырять как следует этот холмик, названный мною «черепаховой горкой»...

Пока я возился, стемнело. Кряхтя, я поставил на бровку обрыва сухого русла рюкзак, набитый костями и образцами и весивший больше тридцати килограммов, взвалил его на спину и медленно поплелся наверх. Идти на подъем по песку после целого дня работы было очень трудно. Я старался выбирать грядки и длинные отроги коренных пород, казавшиеся после песка асфальтовой дорожкой. Выбравшись на уровень красных глин, я увидел в последних лучах зари далеко наверху палатки. Затем потухла и заря, только черный обрыв заслонял звездное, чистое небо. Горизонтальная граница звездных огоньков и непроницаемой черноты обозначала верх плато, где находился лагерь. Огня костра не было видно — значит, печки поставлены в палатках, и сегодня можно будет спать с удобствами.

Овраги и промоины стали глубже, идти в темноте по кручам и краям обрывов с тяжелым рюкзаком стало опасно. Поэтому я положил рюкзак на верхушке конуса красной глины, там, где мешок можно было увидеть издалека и забрать утром.

После избавления от двухпудовой тяжести трудный подъем показался приятной прогулкой. Усталый, но очень довольный, я поднимался по крутому песчаному откосу, наслаждаясь звездной тишиной. Склон находился за ветром и можно было спокойно курить. Я уселся на холодном песке, над глубокой тьмой песчаной котловины, свернул козью ножку, и мысли мои унеслись далеко...

Два выстрела отдались эхом в утесах, заставив меня вздрогнуть. В лагере беспокоились обо мне. Я ничем не мог ответить и поторопился наверх. Морозный ветер ударил в грудь мягким, но мощным толчком, едва я вскарабкался на плато. В обеих палатках сквозь темную ткань виднелся свет. Товарищи уже разлеглись на койках, две свечи стояли, прилепленные на вьючных чемоданах, и около них, подняв очки на лоб, корпел над дневниками Громов. В печке бодро шумел огонь, и приятное тепло насыщало воздух палатки, пахнувший пылью. Пыль заметным желтым туманом клубилась в свете огарков — палатку жестоко трепал ветер. Хлопание полотнищ то ослабевало и принимало правильный ритм, то вдруг усиливалось, и тогда казалось, что гигантский зверь трясет утлое наше обиталище, трясет неровными и злобными рывками. Койка мне уже была поставлена. Я раз-

вернул спальный мешок, расстегнул ватник и принялся за чай. Поговорив немного о впечатлениях дня, я подбросил саксаула в печку, достал карандаши, нож и записные книжки — впечатления и наблюдения ждали своей записи. Пламя свечей трепетало, неровные блики света бежали по бумаге, мешая вычертить план и сообразоваться с масштабом. Светлая голова Громова склонялась к свече совсем близко, напротив меня...

Я распрямил уставшую от неудобной позы спину. Громов тоже откинулся назад и взялся за трубку.

— Знаете, Валерьян Иннокентьевич, я нашел как будто пустынные многогранники в главном костеносном горизонте,— сказал я.— Похожи на гобийские. Значит, это было в конце мелового периода, когда в бассейны попадал обломочный материал непосредственно от подножия горных хребтов...

— Что же, возможно. Я тоже нашел многогранник в том же горизонте. Вот он! Конечно, может быть тут и случайное совпадение. Но приближение горных кряжей к границам осадочных бассейнов несомненно. По-видимому, в Баин-Ширэ мы нашли высокие и поздние горизонты мела!..

Шумел вдали ветер, переходя поблизости в злобный свист, шуршал летящий песок, грохотала палатка, скрипели шесты в соединениях, лязгала и визжала печная труба — все эти звуки сливались в многоголосный хор назойливого мажора. Глубокая морозная ночь царила кругом, маленький лагерь непробудно спал. Лавина могучего ветра катилась с запада, начисто обдувая край обрывистого плато. Только две палатки составляли маленький живой мирок, и в одной бодрствовали двое ученых. Тепло и свет, заключенные в хрупком матерчатом домике, здесь казались чудом, человеческим волшебством посреди громадной, холодной и пустынной местности. И поэтому необыкновенно возрастало ощущение ценности этого простого уюта. Свет и тепло... В городе мы их обычно не замечаем — это элементы нашей нормальной жизни. Но здесь они приобретают иное, гораздо большее значение. Очень хрупкой кажется жизнь без света и тепла в морозной и бурной гобийской ночи!

Ветер бушевал всю ночь и нисколько не ослабел утром. Я вышел из палатки, щурясь от яркого солнца, и остановился в восхищении. Конусы и купола красных глин внизу обрыва неистово рдели в солнечном свете, приняв необыкновенно яркий пурпурный цвет не то что теплого, а совсем горячего тона.

Эглон направился извлекать найденные вчера остатки черепах а мы, геологи, продолжали изучение месторождения. Осмотреть такой большой разрез в короткий срок — немалый труд. К концу дня мы уже выяснили в общих чертах образование костеносных слоев и располагали всеми необходимыми для оценки местонахождения данными. Интересными оказались находки песков с халцедонами в середине разреза. Наличие этих песков говорило о

происшедшем во время отложения толщи Баин-Ширэ размыве базальтовых покровов, залегавших в средней части меловых пород и, следовательно, о глубоком перемыве последних.

Собравшись за обедом в палатке, мы решили уложиться до наступления темноты, а утром снять лагерь и перебраться к северу для исследования гор Хара-Хутул («Черный перевал») — второго крупного местонахождения, открытого советскими геологами в этом районе. Все остальные работы можно было отложить до больших раскопок в последующие годы, когда попутно будет проведено исчерпывающее изучение Баин-Ширэ. Местонахождение стоило того — в нем заключался поздний этап истории мелового периода.

Мы неторопливо, наслаждаясь отдыхом, пили горячий чай из огромных кружек, курили, потирали обветрившиеся щеки. Даже наша дубленая гобийская кожа уступала свирепому морозному ветру, действовавшему в союзе с солнцем, в затишье еще совсем теплым!

В полузастегнутый вход пробрался на четвереньках «батареец» Иванов. Он казался заметно возбужденным.

— А что полагается за находку здесь скелета? — спросил он меня, выпрямляясь во весь свой огромный рост. Надо сказать, что успехи Андросова и Пронина на поприще палеонтологических находок возбуждали зависть среди нашей рабочей молодежи. Всем хотелось найти что-нибудь ценное, но никак не удавалось.

— Какой там скелет! — пренебрежительно бросил Эглон. Душа старого искателя костей не могла стерпеть такого успеха у зеленого юнца.

— Да, верно, скелет! — убеждал «батареец».— Вот такой — во всю палатку. Здесь близко, пойдемте покажу.

— Ну что же,— сказал я,— килограмм шоколаду за хороший скелет не жалко.

— Он хороший, сами увидите! — обрадованно уверял Иванов.

— Когда же это ты нашел,— спросил Орлов,— только недавно с Яном Мартыновичем ходил работать?

— Вот, вот, они пошли прямо наверх, а я поотстал и подался направо, на красные холмы, где никто не ходил.

— Как же так направо никто не ходил,— вмешался Эглон,— мы с Иваном Антоновичем...

— Снизу идти — направо, а с лагеря будет — налево, туда за поворот обрыва.

— Так бы и говорил,— сурово заключил Эглон,— ну, пошли что ли! Чтоб черт бы взял этот скелет, думал отдохну после обеда, пораньше спать завалюсь, а то устал что-то!

— И немудрено,— отозвался Орлов,— без отдыха сколько времени гоняем.

— А зима? — угрюмо возразил я.— Она не то что на носу — на шее сидит.

— Я что, не понимаю? Я ведь не в порядке протеста! — улыбнулся Орлов.

Мы вышли из палатки и направились к северо-востоку от лагеря, туда, где обрыв плато переламывался под прямым углом и отворачивал на север. По краю плато дошли до шестого (от лагеря) выступа и стали спускаться к большим конусам пурпурной глины, торчавшим внизу. Конусы, точно кокетливыми шапочками, были прикрыты квадратными толстыми плитами песчаника.

— Пурпурная глина — седьмой слой по разрезу,— сказал я Громову, в то время как мы торопливо спускались по крутому песчаному откосу,— в ней я никогда не видел ни одной кости. А парень, видите, показывает, что скелет лежит именно в ней. Странно?

— Чепуха какая-то — сердито буркнул Эглон.— Эх, и вздрючу же я парня, если окажется, что все наврал!

Но «батареец» не наврал. С восточной стороны большого конуса красной глины проходил прослой песчанистой глины блеклого цвета, сплошь переполненной костями динозавра.

Плотные кости, частью покрытые черной пленкой окиси марганца, частью светло-серые, четко выделялись в породе узкой полосой на глаз около пяти с половиной метров длины. Мы различили позвонки, к концу превращавшиеся в хвостовые, несколько ребер, кости лап. Да, Иванов оказался прав, и нашел скелет там, где мы в предварительном обследовании Баин-Ширэ даже не собирались его искать!

Первая попытка «батарейца» встать в ряд с признанными искателями — Андросовым и Прониным — удалась как нельзя лучше. Иванов тут же во всеуслышание был объявлен чемпионом, а шоколадная премия заменена ему денежной.

Скелет оказался задетым размывом — много костей валялось на склоне, сползая вместе с кусочками глины, дробившейся на кубические осколки величиной с лесной орех. Черновато-серые куски костей виднелись в ложбинках водотоков у подножия конуса.

Пока я осматривал скелет, в голове складывался новый план работы. Хотя скелет был довольно велик, нужно попытаться взять его теперь же! Ученый должен помнить, что самые лучшие планы изменяются неучтенными обстоятельствами.

Я не мог с полной, абсолютной уверенностью сказать, что на следующий год снова смогу привести экспедицию сюда за скелетом. Значит, преступлением перед наукой будет не сделать попытки его извлечь...

Экспедиция разделилась на две части. Орлов с Эглоном, рабочими и наторевшим в выемке костей Прониным оставались на Баин-Ширэ и начинали раскопки скелета. Громов, Данзан и я

на «Смерче» отправлялись завтра же в горы Хара-Хутул, чтобы непременно изучить это важное местонахождение.

Мы выехали в девять часов утра двадцать девятого октября. Проводник Намцерен (Кухо) повел на запад по дороге, с которой мы тогда свернули на плато к обрыву Баин-Ширэ. По этой дороге мы проехали около десяти километров и, завидев справа высокие кочки, повернули к северу. Там проходила тропа, и мы благополучно объехали эти песчаные холмы, достигавшие десяти метров высоты и отличавшиеся от барханов росшей на них редкой растительностью. Едва мы миновали кочки, как внезапно очутились на широкой, отлично накатанной автомобильной дороге, ведшей в аймак. После блужданий по заросшим тропам дорога показалась настоящей автострадой. Встретился старик арат с тремя верблюдами. Данзан и проводник долго разговаривали с ним, а мы с Громовым старались понять, откуда взялась эта дорога. Поскольку от нее шло много ответвлений в обширные саксаульники, тянувшиеся на много километров к северу от дороги, то мы решили, что эта дорога служит для вывозки саксаула в аймак. Дорога так и была названа нами «лесовозной». На самом деле это была дорога Саин-Шанда — Солонкер («Обитель радуги»). Теперь мы знали лучший путь для возвращения в аймак.

Мы проехали по дороге на восток около пяти километров, и тут проводник сознался, что он не знает, куда ехать, и дальше вести нас не может. Впрочем, винить Кухо было бы несправедливо. Быстрота автомобильной езды не давала монголу возможности разыскивать мелкие приметы пути и раздумывать о дороге в однообразных равнинных областях Гоби.

Не раз уже я замечал, что проводники, уверенно ориентировавшиеся в горах или холмистой местности, начинали путаться, теряться и сбиваться в равнинах, где при быстроте езды от них требовалось мгновенное решение, в корне отличное от неспешного раздумья во время медленного передвижения на верблюде или коне.

Опять, как много раз до этого, техника требовала от человека новой психологии, иной реакции на внешний мир, не оставляя времени на глубокое, во всех деталях законченное знакомство...

Но теперь и мы кое-чему научились в скитаниях по Гоби. Многократные наблюдения над тем, как проведены гобийские автомобильные дороги-накаты, научили искать и находить те места, по которым они чаще всего проходят,— старые караванные дороги и тропы. Нагруженные верблюды должны идти самой легкой дорогой, избегая крутых подъемов, сыпких песков, рыхлых и вязких солонцов, не пересекая, а обходя глубокие русла — в общем то, что не годится для движения машин.

Опыт научил нас издалека узнавать характер местности, угадывать в туманящейся дали пески и глубокие русла, уклоняться от изобилующих промоинами горных подножий, издалека опре-

делять плотность песка в сухом русле по примеси глины или по крутизне его падения. Это были еще самые элементарные знания, но знания, прочно усвоенные, врезанные в память долгими часами размышлений и наблюдений во время движения машины по Гоби.

Почему бы сейчас не попытаться провести машину? Ведь у меня есть карта — пусть устарелая и неточная, но она даст основное — направление. Это главное. А уж местность сама покажет, как по ней ехать...

Я подробно расспросил Данзана, что говорил старик, приблизительно определил на карте местонахождение машины (на нашей старой карте не было новых автомобильных дорог) и направил машину на северо-запад. Все пути к северу были закрыты огромным урочищем Гурбан-Сухайту («Три жилья») — песчаной котловиной, сильно заросшей саксаулом. Решив пробиться напрямик, мы отважно забрались в дебри саксаульников и по ужасным песчаным кочкам стали продвигаться вперед. Пустая полуторка шла довольно легко, но машину так бросало и мотало, что мы в кузове едва удерживались на местах, а проводник только вскрикивал от удивления или испуга.

Наконец мы продрались к урочищу Хонгор. Через него шла древняя большая караванная тропа — одна из четырех, соединявших прежде Ургу (Улан-Батор) с Калганом. Широкая, в несколько рядов, верблюжья тропа была отмечена повсюду двойными высокими обо из плит белого песчаника. Хонгор оправдывал свое название — огромная равнина, местами с очень пологими холмами, поросла редкой желтой травой, а щебнистая почва состояла из мелких белых с рыжеватыми пятнами камешков. На солнце все стелилось светлым рыжеватым ковром, и равнина казалась особенно просторной. Веками утоптанная поверхность тропы ясно выделялась темной — вблизи, сероватой — вдали прямой полосой. «Смерч» несся по твердой и ровной тропе с предельной скоростью.

Для меня было совершенно неясно, где нужно будет свернуть с тропы, но я решил положиться на русскую смекалку, в надежде, что дальше будет виднее...

Невысокие увалы иногда пересекали путь, тропа суживалась в углублении между холмами, часто размытыми или окаймленными оврагами. Ход машины замедлялся, и мы осторожно перебирались через препятствие. Такие промоины, тоже в белых породах, на фоне поразительного общего однообразия казались живописными и невольно закреплялись в памяти. Именно так при долгом пребывании на гобийских равнинах обостряется наблюдательность, и все мелкие детали ландшафта становятся как бы очень выпуклыми.

Нет сомнения, что старые проводники караванов, тратившие по два года на каждый рейс, обладали невероятным для обычного

человека знанием всех деталей равнинной местности. И мы понемногу стали тоже видеть в Гоби не одну только однообразную и бесприметную местность.

Я вспомнил свои путешествия по беспредельным пространствам лесов, болот и гор Восточной Сибири, Якутии и Дальнего Востока. Там ориентирами пути служили бесчисленные речки, ручьи и ключи. Поэтому там проводники из местных жителей в совершенстве знали всю речную систему и чертили очень подробные и точные ее карты.

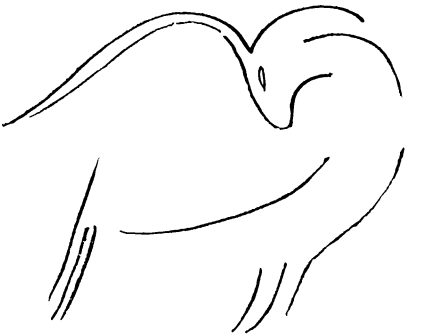
Горы могли служить лишь второстепенными указателями дороги из-за ограниченной видимости в лесах и во влажном климате с низкой облачностью. В высоких горах Средней Азии или Алтая, несмотря на отсутствие лесов, речки тоже были главными ориентирами проводников. Здесь же, в открытых на сотни километров монгольских степях и пустынях, речки не могли играть роль указателя дорог, да их почти и не было. Зато каждая гора, холм или воздвигнутое руками человека обо носили свои названия. По ним, как по маякам, вели караваны опытные проводники, как ведут капитаны корабли в морском просторе...

Дальше трава стала еще реже, а равнина еще более ровной. Ничего живого не замечалось на десятки километров вокруг. Рядом с тропой едва возвышались с той и с другой ее стороны небольшие холмики по метру высоты. На вершинах этих холмов, как древние развалины или белые кости исполинских, сказочных верблюдов, лежали стяжения белого песчаника. Несомненно, что тропа и была проведена мимо этих холмов как ориентиров. Много верблюжьих костей валялось у одного из холмов, а дальше, в груде песчаниковых плит, жил небольшой голубовато-серый сыч. Таким и запомнилось урочище Хонгор; холмики с белыми песчаниками, древняя тропа, прочерченная через однообразные равнины светлыми оторочками ковылька, и одинокий, безмолвный сыч — единственный обитатель этого, прежде оживленного, старого пути старой Монголии...

Тропа вошла в большое сухое русло с группами хайлясов и исчезла в нем. Мягкий песок в русле не позволял ехать, и мы поспешили выбраться налево, на гряду холмов. Прямо впереди, далеко у горизонта, показалась невысокая черная стена. Данзан и Кухо оживились и стали уверять, что это и есть горы Хара-Хутул. Однако у меня были другие соображения. По карте горы, видневшиеся впереди, назывались Хурен-Цаб («Коричневое ущелье»), а Хара-Хутул должен был находиться левее, западнее. Тропа пошла прямо к Хурен-Цабу. Пришлось отказаться от удобного пути, и «Смерч» повернул налево. Вдруг слева появилась такая же черная полоса и вовсе недалеко: высокий холм скрывал ее от нас. Я вздохнул облегченно — это, несомненно, были горы Хара-Хутул. Где-то в ущелье среди них находился родник с хорошей водой. Мы выехали из Баин-Ширэ без воды, чтобы не

терять времени на поездку к речке. Найдя родник, мы могли сделать остановку.

Двинулись напрямик через высокие холмы, и очень скоро перед нами открылась красивая котловина, поросшая свежей зеленой полынью и удивительно непохожая на осеннюю Гоби — сухую, мертвую и желтую. Ветер дул нам в лицо и нес бодрящий запах полыни, такой живой и приятный, что мы долго стояли, жадно втягивая в себя воздух. Слева, в стороне от центра этой почти круглой равнины, стояли два хайляса с удивительно широкой, зонтикообразной кроной, напоминавшей зонтичные акации в африканских саваннах. Отсюда виднелась широкая щель, прорезавшая черный гребень гор Хара-Хутул почти точно посередине. Очевидно, там и находился родник.



По зеленой равнине навстречу шли верблюды. Вместе с жизнью растений, обусловленной подпочвенными водами, появилась и животная жизнь. На двух верблюдах мы заметили всадников и остановили машину. К нам быстро подъехал молодой арат на огромном и могучем верблюде. Животное было уже в полной зимней шерсти, густой и темной. Белая повязка короной охватывала лоб арата и спускалась концами на его правое ухо и шею. Гобиец держался в неудобном седле свободно и прямо, гордая посадка головы с резкими чертами лица придавала ему величественный вид. Чувствовалось, что едет хозяин гобийской равнины.

Пока арат разговаривал с Данзаном и Кухо, приблизился второй всадник — молодая женщина на белом верблюде, казавшемся легким по сравнению с темным богатырским животным ее мужа. Цветная сбруя и оторочка седла красиво выделялись на белой чистой шерсти.

Араты подтвердили все наши предположения. Проводнику только оставалось по своей привычке щелкать языком.

После адской езды по саксаульнику небольшие кочки на равнине показались пустяком. К часу дня мы подъехали к роднику. Все ущелье было заполнено огромным стадом овец и коз, при-

шедшим на водопой. Родник и выкопанный рядом колодец находились в сухом русле, прорезавшем черную базальтовую стену. Мрачное ущелье, в начале очень узкое, к северу быстро расширялось, и дальше русло проходило среди низких обрывков из светлых отложений мелового возраста. Базальт залегал пластом около двадцати метров толщины среди песчаников. Массивный слой твердого базальта был устойчив к размыву и торчал гигантским черным гребнем, собственно и образуя хребет гор Хара-Хутул.

Перед горами, с южной стороны, проходила линия телеграфа, та самая, вдоль которой мы добирались от Улугей-хида до Сайн-Шанды. Увидев столбы, я понял, что мы сейчас пересечем наши собственные следы по старому автомобильному накату. Поэтому я не удивился, когда Данзан закричал, показывая вниз. В ложбинке, где песок и пыль не были сдуты ветром, были видны отпечатки узора протекторов наших газовских покрышек — один след, нет два. Да, безусловно, это наши следы! Всего лишь неделю назад впервые ехали мы на Сайн-Шанду, а сейчас уже как много интересного знали о прилегающем к аймаку районе. Вот что ни в каких мечтах не могло бы прийти к любому из наших великих предшественников — русских исследователей Центральной Азии: волшебная скорость автомобильной экспедиции!..

У аратов, поивших скот в ущелье, приобрели большого барана и, решив начать исследование со слоев, лежавших ниже базальта, повернули на запад от родника. Около пяти километров ехали вдоль базальтового гребня с его северной стороны и остановились перед множеством сильно размытых холмов. Здесь хорошо вскрывались подбазальтовые песчаники. Пока мы с Громовым и Данзаном ходили, проводник и Андреев резали барана и варили обед.

Огромное количество мелких древесных стволов содержалось в песчаниках и конгломератах. Множество истертых до неузнаваемости, обугленных растительных остатков переполняло более тонкозернистые прослои. Мы нашли какие-то круглые футляры из крепкого желтого песчаника, внутри наполненные рыхлым и легким беловатым веществом, в котором залегали тонкие и крепкие окременелые стволики, покрытые сверху углистым веществом. В первый раз я наблюдал такое сохранение ископаемых растений.

Долго ходили мы по огромному полю размытых холмов. Смеркалось, когда наши усилия увенчались успехом — сначала были найдены отдельные обломки костей, а потом и большая глыба с остатками черепа. Хотя песчаник был кремнист, тверд и труден для препаровки, находка черепа была важной. По нему можно было определить животное и, следовательно, установить геологический возраст подбазальтовых слоев. Поэтому мы так и старались найти здесь кости, тщательно собирали всякие

обломки и решили во что бы то ни стало взять череп. Тащить большую глыбу породы нашему небольшому отряду было не под силу. Оставалось только подвести сюда машину. Андреев, искусно маневрируя, взобрался на гребень из слоистого песчаника, сумел развернуть на нем машину и боком сполз в небольшую долинку, где лежала глыба с черепом. Не теряя времени, мы собрали все обломки, разделили глыбу на две части, обернули кусками кошмы и приготовили к погрузке. Но тут наступила темнота, и при свете костра мы успели только упаковать кое-что в ящик.

Дикое и странное впечатление оставлял наш лагерь. Пламя костра освещало хаос повсюду торчавших, безобразно нагроможденных песчаниковых плит и накренившуюся, неведомо как попавшую сюда машину. Кругом лежали окаменелые стволы с извитой и изборожденной поверхностью, поразительно похожие на старый саксаульник. Пронин потом так и звал эти стволы каменным саксаулом.

Койки установились едва-едва, с перекосом, на плитах песчаника. Их гладкие алюминиевые ножки как-то не вязались с дикой изрытостью и шероховатостью камня. По выражению Андреева, мы забрались на ночлег, «словно волки в чащобу», и этот лагерь в своих дневниках мы назвали «Волчьим».

У неудобного ночлега было одно преимущество — мы находились за ветром, и только слабый наземный «хиуз» обдувал нас, временами налетая из темноты. Я забрался в мешок и долго лежал не в силах уснуть. Наконец, я задремал, но тут же проснулся. Что-то неведомое, большое лезло в лагерь, сопя и пыхтя. Спросонок я попытался вспомнить, куда поставил винтовку, не вспомнил и окликнул пришельца. К великому моему изумлению, это был Громов. Почтенный профессор отнес драгоценные очки в кабину полуторки для лучшей сохранности, но при своей близорукости, оказался совершенно беспомощным в момент возвращения. Чтобы не разбиться о камни и не упасть на бесчисленных рытвинах, Громов предпочел вернуться в лагерь на четвереньках. Испытанный способ отдаленных предков выручил — профессор вернулся со своей прогулки невредимым.

Тридцатого октября мы должны были, по уговору, возвратиться на Баин-Ширэ. С утра нарвали крупной полыни и устроили на дне машины мягкую постель для глыб с черепом. Затем с большим трудом подняли их в кузов и, спешно снявшись с лагеря, не позавтракав, поехали в сухое русло, огибавшее с запада базальтовый гребень Хара-Хутул, чтобы проверить самые верхние слои разреза. Но там оказались очень поздние, вероятно, четвертичные конгломераты с гальками из хара-хутульских базальтов и без всяких растительных остатков. По длинному каменистому гребню мы с Громовым добрались до небольшой котловины, окруженной со всех сторон холмами. На песчаных кочках рос

сульхир, который заготовляла целая группа аратов — мужчин и женщин. Я увидел довольно большие кучки намолоченных зернышек, размером, пожалуй, мельче маковых и более всего походивших на крупный песок. По просьбе Данзана, араты угостили меня куском лепешки из сульхира. Гобийский природный хлеб мне понравился, хотя и был испечен без крупинки соли. По виду и вкусу хлеб из сульхира показался мне чем-то средним между лепешками из манной крупы и молотого ячменя. При виде лепешки мы вспомнили, что ничего еще не ели, и, поблагодарив аратов, заторопились к машине. Андреев уже спроворил горячий чай и достал куски вчерашней холодной баранины.

Двинулись дальше, на южную сторону гребня Хара-Хутул. За базальтовым гребнем оказалось целое море холмов, промоин, русел, впадавших в широкую долину. Все это поле, десятка в три квадратных километров, предстало перед нами непосильным объемом работы. Андреев лихо спустился на своем «Смерче» в такой каньон, что, не будь сам свидетелем, я никогда бы не поверил в возможность попасть сюда на автомобиле. Спуск привел в бешеный восторг нашего проводника, и он смотрел теперь на Андреева не иначе, как с восхищением.

Несколько часов мы с Громовым бродили по ущельям, наскоро записывали, отбивали образцы, увязывали в мешочки, лезли на обрывы, обливаясь пóтом. Картина постепенно прояснялась. Два костеносных горизонта залегало над базальтами. Один из них — в серых песках — содержал целые части скелетов утконосых динозавров-траходонтов и походил на нэмэгэтинский. Второй, на самом верху, с обилием черепашьих остатков, без сомнения, был тот, который на Баин-Ширэ залегал в самом низу, в дне котловины. Песчаники с древесными стволами ниже базальтов составляли третий костеносный горизонт Хара-Хутул, самый древний из всех, виденных нами. Здесь лежал ключ к пониманию всего осадконакопления в меловых бассейнах Восточной Гоби. На этом мы дружно согласились с Громовым, принесли, вернее приволокли, образцы пород и найденные кости к машине и повалились обессиленные.

— Ага, и палеозойщик едва жив! — торжествующе воскликнул Громов, хотя его выносливость ни в чем не уступала моей.— Всю Гоби хочет исследовать!

— А вы не хотите? — вяло возразил я, не находя сил на пикировку.— Не знаю, кто больше бегает по обрывам...

Профессор улегся навзничь на прямоугольной плите песчаника, похожей на крышку саркофага. Я поднялся украдкой и взял ФЭД. Снимок вышел удачным геологически — отлично показывая картину залегания песчаников средней части разреза. Поэтому фотография фигурировала на выставке, в Доме ученых, а в пояснительной подписи значилось, что справа на плите находится на отдыхе профессор В. И. Громов.

Отдыхать не пришлось. Едва придя в себя, мы уложили наши находки в верблюжью шерсть, употреблявшуюся у нас для особо хрупких объектов вместо ваты, запас которой иссяк. День кончился, приходилось ехать.

Я огляделся в последний раз, запоминая местность. Хаотические размывы, промоины, уступы напоминали Нэмэгэту, но общий тон пород здесь казался не красно-желтым, а серым. Обрывы и ущелья были меньше и положе, чем в громадном лабиринте Нэмэгэту.

Теперь дорога была известной, и мы понеслись без задержки через урочище Хонгор. В саксаульниках Гурбан-Сухайту с высоты покатых холмов удалось рассмотреть лежавшую ниже равнину. Направо вдали у черных гор саксаульники как будто редели, в них темнели пятна щебнистых участков. Там мы нашли старую тропу. Теперь миновал и страх перед саксаульниками — со скоростью в пятьдесят километров мы сделали большой объезд и очутились в идеально плоской котловине перед горами Дулан-Хара («Теплая чернота»). С восточного края котловины высились грозные барханы песка метров в пятьдесят высоты. Дно котловины состояло из красной выглаженной, без единой травинки, глины. Лежавшая на дороге пыль в последних лучах заходящего солнца казалась багрово-фиолетовой, а дно котловины повсюду приняло кроваво-красный оттенок. Вишневые отсветы легли на свинцовые склоны барханов. Как путь мрачной судьбы в мертвой стране, стелилась вдаль зловещая красная дорога.

Ветрено, пусто и угрюмо было в котловине, получившей прозвище «Конец Мира». Горизонт впереди темнел с каждой минутой. Но как только мы выехали на старую дорогу, среди светлой полынной растительности с широкими холмами, сразу сделалось светлее, хотя последние проблески заката гасли позади. В лагерь приехали уже при свете фар, едва-едва отыскав в темноте поворот на плато. Всего два с четвертью часа понадобилось нам на обратный путь.

В лагере встретили нас радостно, со стрельбой. Мне не терпелось узнать подробности про скелет и тем более увидеть его уже отчасти вскрытым от породы. Но тут, к великому огорчению, оказалось, что товарищи за те два дня, что мы отсутствовали, успели полностью демобилизоваться.

Эглон беспечно объявил, что завтра кончает работу: нечего и думать взять скелет в этом году. Орлов подтвердил, что, действительно, глина слишком тверда, а скелет слишком велик, чтобы мы с нашими двумя рабочими и двумя шоферами смогли вскрыть его и заделать в деревянные рамы-монолиты. Я рассердился и обрушился с бранью на Эглона, грозя карами за беспечное отношение к делу. Эглон обиделся, отказался от приготовленного ужина и забрался в спальный мешок. Чтобы рассеять

накалившуюся атмосферу, Громов принялся рассказывать о Хара-Хутул.

Все слушали его с большим интересом, а когда после Громова Данзан принялся рассказывать о переживаниях проводника Кухо, оставшихся всем нам по незнанию языка неизвестными, общее внимание окончательно отвлеклось.

Оказывается, Кухо, после того как признался в своей беспомощности найти горы Хара-Хутул и я взялся быть проводником, сильно переживал свою неудачу и опасался кары от сурового на вид начальника.

Когда закончился осмотр гор Хара-Хутул, мы с Громовым первые подошли к машине. Данзан и Кухо отсутствовали. Опасаясь, что они задержат отъезд, я взял винтовку и, по обыкновению, дважды выстрелил в воздух, давая сигнал сбора. Проводник, оказывается, дремал здесь же, в пяти шагах, укрывшись за камнем от ветра. Когда над ним загремели выстрелы, Кухо вскочил, ничего не соображая, и спросонок испугался. Потом уже, в машине, он пожаловался Данзану, что начальник— «ихэ му» (очень плохой), так как едва не застрелил его, а он виноват только в том, что запутался с дорогой.

«Зачем не сказал мне, что сердится? Зачем спрятал злобу так, что я не знал ничего? Почему такой плохой человек?» — вопрошал возмущенный арат.

Данзан принялся хохотать, окончательно приведя в недоумение Кухо. Затем он разъяснил арату, что у советских людей стрелять ни с того, ни с сего не полагается.

«Почему ты думаешь, что на тебя сердится начальник?»—спросил Данзан и постарался убедить проводника в том, что никто на него не сердился, работой его довольны, а то, что он не знал пути к горам, со всяким может быть.

Мы посмеялись над воображаемыми злоключениями Кухо, но этот пример лишний раз показал нам, насколько осторожным нужно быть в чужой стране, чтобы случайным словом или неправильно понятым жестом не нанести обиды...

Пора было спать: для нас, приехавших, день прошел трудновато. По обыкновению, палатку трепал сильнейший ветер. Его шум сегодня показался мне особенно низким, ревущим, и я подумал, что может разгуляться настоящий ураган.

Орлов, как всегда зябнувший, усиленно подкладывал в печку саксаул, и в палатке было тепло. Слабые блики света бегали по его массивному лицу, придавая ему сходство то с римским сенатором, то с турецким пашой. Профессор смотрел в огонь, думая молчаливую думу. Наконец и он, набив печь дровами, забрался в мешок и затих. Я задремал, но скоро проснулся от особенно мерзкого визга железки в прорези для печной трубы. Колья палатки шатались; не худо было бы на всякий случай перетянуть все растяжки. Но все спали крепко, красные огоньки от горев-

шей печки бегали по трепещущим парусиновым стенкам. Я почувствовал, что больше не могу бороться с усталостью, и сразу погрузился в небытие.

Сквозь крепкий сон я услышал сильный треск, что-то толкнуло меня в лоб, едкий дым защекотал нос. Продолжая спать, я все же слышал какие-то жалобные вопли, слабо доносившиеся в застегнутый наглухо мешок сквозь рев бури и грохотанье палатки. Пока я напрягал волю, стараясь проснуться, Эглон зажег свечу. Я высунулся из мешка и некоторое время оглядывался, соображая что произошло, пока, наконец, понял, что сорванной палаткой придавлен вопящий о помощи профессор Громов. Стало понятно, почему казалось, что крики идут из-за палатки: Громов действительно оказался за ее стенкой, и большой кусок парусины под напором неистового ветра так прижал Громова на его койке, что профессор не мог пошевельнуться. Большой задний кол из толстой и крепкой березы сломался на половине своей высоты, пролетел в полусантиметре от моей койки и глубоко воткнулся в жесткую почву. Висевшая на колу винтовка ударила меня по голове, едва высовывавшейся из мешка, и острая мушка распорола козырек меховой шапки, в которой я спал. Удар пришелся вскользь и почувствовался в крепком сне только толчком. Если бы кол упал на койку, то, пожалуй, проткнул бы меня, как жука в энтомологической коллекции. Трубы были вырваны из печки, и она едко чадила недогоревшим саксаулом. Орлов и Данзан, с головами утонувшие в своих мешках, не шевелились. Не проснуться они не могли, и, как выяснилось потом, решили не вылезать на холод, что бы ни случилось.

Я пошевельнулся, и тут оказалось, что две из четырех задних растяжек прижаты к мешку и мешают мне вылезти. Самым свободным остался Эглон. Он вылез и отправился в соседнюю палатку за помощью. Первым делом оттянули мои растяжки, и я выкарабкался. С помощью повара, «батарейца» и Пронина поставили новый задний кол. Громова освободили. Замысловато бранясь, он принялся закуривать трубку, а мы в это время обтянули палатку рабочих, которая также угрожала падением. Рев бури не давал возможности разговаривать иначе, как криком. Печка, чтобы не возиться с ее установкой, была попросту выкинута наружу. Но едва мы решили, что можно ложиться, как угрожающе затрещал передний кол. Теперь уже Данзан, спавший возле него, мигом выскочил из мешка. Эглон достал два запасных кола, и мы принялись приматывать их проволокой к стоявшему. Только укрепили передний кол — стал выгибаться и трещать задний. Снова повторилась та же операция укрепления проволокой.

Хриплые проклятия тотчас заглушались бурей, грохотавшей кругом, песчаный туман затемнял свечи, все в палатке было занесено песком.

Провозились до пяти часов утра. Громов решил, что черт подслушал сетования Орлова (многие ему вторили) на слишком длинные осенние ночи, когда давно успеваешь выспаться, а все еще темно и нельзя начинать работу.

По уверениям Громова, черт решил нам помочь сокращением длинной ночи, но сделал это со свойственным ему издевательством.

Как бы то ни было — ночь пропала. К утру ветер начал стихать, и часам к девяти совсем прекратился. Дым столбиками поднимался из печных труб — зрелище очень редкое в Гоби. Солнце зажгло пурпурные глины и вызолотило желтую траву. Внизу, во впадине Халдзан-Шубуту, скопилась белая мгла — мороз усиливался. Внезапное прекращение ветра обещало наступление холода, более свирепого, чем испытанный нами до сих пор. Надо сказать, что мы уже пообтерпелись и стали более стойкими к холоду, чем раньше, когда зябли от незначительного морозца.

Как только рассвело, я спустился вниз, к холмам красных глин. Скелет расчистили сверху по всей длине (большей, чем показалось вначале, и превышающей семь метров) узким уступчиком. Чтобы определить ширину скопления костей, была пробита канавка в глубь склона. Выяснилось, что ширина скопления костей достигала двух метров. Для полного вскрытия скелета предстояло врезаться глубоко — на три с половиной метра — в глубь крутого склона из очень твердой глины. Глина оказалась рыхлой только на поверхности, в глубине же ее твердость и вязкость позволяли откалывать лишь маленькие кусочки.

Самый скелет не сохранил правильного расположения своих частей и представлялся сложным скоплением нагроможденных и перепутанных костей, пронизанным тонкими, хрупкими и трещиноватыми ребрами. На узкой вскрытой полоске трудно было разобраться, что это за животное. Странная форма отдельных частей скелета говорила о том, что мы нашли какого-то нового, доселе не попадавшегося нам ящера. Копыта и шипы особенной формы, позвонки и кости лап свидетельствовали, что здесь погребен панцирный динозавр.

Как бы то ни было, выемка этого скелета нашими силами представляла очень длительную работу.

Я посоветовался с Эглоном о возможности устройства тепляка над скелетом. Можно было бы поставить над скелетом палатку, обшить ее снизу досками и, обогреваясь печками, понемногу работать в тепле, позволявшем действовать водой и гипсом.

Оказалось, что наш запас досок подошел к концу. Оставшихся четырех штук не хватит ни на тепляк, ни тем более на заделку монолитов. Также не хватит и гипса. Бензина тоже было в обрез и не могло хватить на доставку воды и вывозку.

Профессора, видя мое упорство, атаковали с другой стороны. Громов спешил в Улан-Батор, так как срок, на который он был

отпущен из Геологического института, истек. Орлову тоже пора было начинать курс лекций на кафедре в МГУ

Дело стало ясным. Приходилось отказаться от выемки скелета и возвращаться в Улан-Батор. Я все же затаил намерение, если погода удержится относительно теплой, вернуться из Улан-Батора на «Драконе» с усиленным составом рабочих, запасом леса и гипса и все-таки выкопать неведомое чудовище. Наивные мысли — я еще совсем не знал Монголию!

Вскрытую часть скелета необходимо было покрыть слоем гипса, засыпать снова, собрать, упаковать и увезти с собою теперь же рассыпанные вокруг размытые части костей.

Угрюмо, с сознанием поражения, я просидел остаток дня в палатке над дневниками. Повеселевшие рабочие и шоферы, совсем не прельщавшиеся перспективой работы в Гоби при зимних морозах и нашем, недостаточно приспособленном для этого снаряжении, старались вовсю. Упаковывались хара-хутульские коллекции. Последние мешки с гипсом, тонкие доски и ящики перетаскивались к скелету.

Ночь на первое ноября оказалась удивительно тихой, самой тихой из всех, проведенных здесь. Но мороз ясно говорил нам, что, как там в другие годы — не знаю, но в этом зима в Гоби наступила точно по календарю — с первого ноября. Впоследствии так оно и оказалось — больше не было ни одного дня без мороза.

С утра все были мобилизованы на упаковку. Только Громова освободили для завершения исследования верхних слоев разреза. Данзан и я занялись глазомерной съемкой. Надо было установить опознавательные обо и точно зафиксировать расположение скелета, так, чтобы любой исследователь мог отыскать его на случай, если ни мне, ни другому участнику нашей экспедиции не удалось бы вернуться сюда. Отыскать через любое время!

На месте лагеря, на мысу плато над красными буграми, на холме со скелетом и втором, стоявшем поближе к склону плато, бугре мы установили прочные обо из плит песчаника, названные «Лагерное», «Двурогое» (по форме), «Скелетное» и «Створное». Все расстояния между обо были тщательно промерены, взяты все необходимые азимуты и нанесены на глазомерно составленный план Баин-Ширэ. Внутри каждого обо в железных коробках из-под витамина положили записки. Из осторожности, чтобы записки могли быть прочитаны только осведомленными исследователями и скелет не мог бы оказаться поврежденным от невежественного любопытства, я написал во всех записках русские слова древнегреческими буквами.

Подобные указательные записки были положены во всех остальных обо.

«Скелетное» обо поставили на толстой плите песчаника, венчавшей горку. По сторонам плиты киркой высекли знаки «МПЭ» (инициалы нашей экспедиции).

Мы полдня провозились с работой, но зато я был теперь совершенно спокоен. Чтобы ни случилось, передать находку для извлечения другим исследователям будет легко!

Тем временем окончили заделку и засыпку скелета, палатки и койки еще с утра были свернуты и уложены в машину. Закончилось предварительное исследование Восточной Гоби и вообще вся полевая работа нашей экспедиции. Сотрудники ее, доблестно переносившие невзгоды, забывавшие о всем для научных исследований, были в мыслях уже не здесь. Москва становилась для них реальной и близкой. Только Эглону и мне еще предстояла работа в Улан-Баторе по организации палеонтологического отдела Государственного музея МНР. Для нас Москва была еще далеко. Правда, от Улан-Батора с телеграфом, газетами и самолетами она гораздо ближе, чем от Гоби...

С этими мыслями и ясным ощущением грусти я стоял на восточном обрыве Баин-Ширэ и в последний раз смотрел на обширную котловину внизу, на крутые обрывы песчаников, на песчаные откосы с корявыми стволами саксаула. Конусы пурпурных глин пылали в ярком, незимнем солнце Гоби; их необыкновенный цвет казался последним чудесным впечатлением центральноазиатских пустынь. Там, внизу, остался ждать нас скелет неведомого зверя. Сверху, с края плато, эти два стоящих рядом правильных конуса пурпурной глины напоминали девичьи груди. У казахов повсеместно подобные горки так и называются «кыз чонбек», очень метко и образно.

Тень от облака проплыла по красным холмам, погасив на минуту их рдение. Поблек чудесный пурпур, стал свинцовым песок, мрачным безжизненный простор котловины. Но прошло две-три минуты, тень исчезла, снова зарделись конусовидные холмы, засветилась даль...

Со стороны лагеря донесся шум моторов. Машины разогревались, настала пора ехать. Я повернулся спиной к обрыву и с ощущением утраты чего-то неопределенного, но значительного поплелся к лагерю.

От него остались только горки золы, обрывки бумаги, канавы и камни овалами вокруг мест, где стояли палатки. Орлова заранее усадили в кабину, и Пронин с поваром обвязывали ее кругом толстой веревкой. После поездки на Хара-Хутул кабина «Смерча» окончательно развалилась. Пришлось принимать исключительные меры, чтобы Орлов со своим чемоданчиком не вывалился по дороге.

Машины пошли быстро — сначала под спуск с плато, затем мы с Данзаном быстро вывели их на «лесовозную» дорогу. Пронин, еще не видевший этой дороги, одобрительно завопил в знак своего восхищения проводниками и пустился во всю мочь. Широкая гладкая дорога манила шоферов. Наши потрепанные машины ходко шли, несмотря на подъем. Через горы мы вышли

в узкую долину к телеграфным столбам, где стояла высокая будка колодца — когда-то пробуренной здесь артезианской скважины, ныне превратившейся в бассейн со слабым притоком. Отсюда до аймака было восемнадцать километров. Мы приехали бы раньше, но задержались в пути: на тридцать втором километре от Баин-Ширэ встретились останцы гобийских пород, и мы не могли отказаться от их исследования. Несмотря на задержку, еще перед наступлением темноты мы достигли аймака, пронеслись по тракту на северную окраину и увидели в сумерках два отдельно стоявших белых домика под склонами плато. Левый дом, повыше, остался пустым, правый занимала наша «база». Мы отперли замок, растопили плиту привезенным саксаулом, поставили перед домом палатку. Спешно разгрузив одну из машин, Эглон с Данзаном поехали в аймак — отвезли проводника, взяли мяса и хлеба.

Мы решили устроить небольшой праздник — отметить окончание работ в Гоби. Повар спешно варил роскошный обед с бараниной без ограничения. Компот, сгущенное молоко, шоколад — все наши запасы должны были послужить украшением стола. В домике стало жарко, все сбросили фуфайки и ватники и, чисто умытые, в непривычно легком одеянии, приняли праздничный вид. Наконец, обед был готов. Я произнес короткую речь, поздравив товарищей с успешным окончанием гобийских исследований.

Мы говорили, смеялись, вспоминали и пели до полуночи. Контрастом нашей веселой вечеринке казался рев ночного ветра. Сильнейший буран нес и крутил снег, застилая даль белой пеленой. Отдельные черные пятна обдуваемой ветром голой земли едва маячили в мутной полутьме...

В родной стороне и грубый холст мягок, а на чужбине и шелк не мягче холста.

Поговорка

ГЛАВА VII. ДОМОЙ

Второго ноября с рассвета до полудня мы укладывали вещи в машины, стараясь забить их как можно плотнее и забрать все вместе с новыми коллекциями. Всегда очень трудно уезжать совсем с какого-либо места долгой стоянки или с базы. Оказывается множество вещей, которые некуда девать, и остается только удивляться, как же все это сюда прибыло. Секрет этого разбухания груза в общем прост: громоздкие коллекции всегда превышают оставленные для них резервы емкости.

Только к часу дня наконец уложились и отправились в аймак поблагодарить даргу за содействие и попрощаться. Чойдомжид, дарга аймака, обратился к нам с просьбой выручить и подвезти до Улан-Батора работника правительства, застрявшего здесь из-за поломки машины. Пришлось нам на «Дзерене» потесниться и принять наверх щеголеватого молодого человека в меховом дели и теплой собачьей дохе. Пришел Кухо, мы дружески простились с ним и в два часа покинули последнюю гобийскую базу.

Обе машины вышли на равнину с белыми камешками, протянувшуюся далеко на север. Пологие гряды шли параллельно одна другой поперек дороги — подъемы и спуски чередовались, не мешая ходу машин по отличной, хорошо накатанной дороге.

«Дзерен», шедший передовым, нажимал, чтобы доехать до ночлега не слишком поздно. Мы думали ночевать в двухстах километрах от Сайн-Шанды, в бывшем монастыре Чойрен-хид (от тибетского слова «чойр» — «предмет богослужения»), где оборудована автомобильная «станция», т. е. ночлег для проезжающих. Пронин вел машину со скоростью не меньше пятидесяти километров. Морозный ветер сек лица, и мы сидели боком к ходу машины, спрятав носы в воротники дох. Обычно Громов засорял глаза то одному, то другому из сидевших наверху, когда опускал стекло и принимался выколачивать свою трубку. Мы в отместку грохотали кулаками по крыше кабины, приводя в бешенство нервного Пронина. Шофер обрушивался на Громова и тем возмещал нанесенный нам ущерб.

Сегодня окно кабины не отворялось. Скорчившийся внутри Громов сумел как-то обходиться без вытрясания пепла.

Время от времени мы оглядывались назад, идет ли «Смерч» с его обвязанной веревкой кабиной и покривившимся тентом. Андреев явно отставал — сначала мы видели черную коробочку, потом точку, а затем только пыль. Но столбик пыли исправно следовал в отдалении за нами, и мы продолжали нестись полным ходом.

А кругом тянулась все та же белесая равнина, почти без травы, казавшаяся бесконечной. Проехали около семидесяти пяти километров, и тут «Смерч» исчез окончательно. Остановились подождать, кляня Андреева, который расплачивался теперь за лень в уходе за машиной. Тщательно рассудив, где и когда, на каком из пройденных холмов мы видели машину, решили, что «Смерч» появится через десять минут. Примерно в это время из-за гребня ближайшего увала увидели машину, но, к нашему ужасу, вовсе не «Смерч», а монголтрансовскую бензоцистерну. Мы остановили ее, но шофер мог лишь сообщить, что обогнал крытую полуторку очень далеко отсюда. Это еще не означало аварии, и мы ждали целый час, расхаживая по тоскливой равнине и медленно коченея.

Солнце садилось, нужно было что-то делать. Пришлось отказаться от мысли ночевать сегодня в Чойрене и поворачивать обратно. «Смерч» стоял там, где он отстал от нас — в сорока километрах от аймака, в беспомощном положении, с замкнутым накоротко аккумулятором и сгоревшим прерывателем.

Чинили, заводили, таскали на буксире до десяти часов вечера, пока не убедились окончательно, что без переборки аккумулятора машина не пойдет. Я распорядился ставить палатку — жестокий мороз совершенно скрючил тех, кому пришлось быть только зрителями наших усилий. Вода, к счастью, оказалась с собой, на дрова (кругом не было даже «дров Ивана Антоновича») разбили несколько пустых ящиков, предусмотрительно захваченных Эглоном. Палатка обогрелась. Напились чаю, поставили койки. Даже я, находившийся в состоянии тихого бешенства, немного отошел и, чтобы развеселить народ, принялся рассказывать, как мы нанимали повара для экспедиции в Алтан-Булаке.

Никак не удавалось подыскать подходящего человека, и мы обратились, по совету местных жителей, к некому турку или черкесу, неведомыми путями осевшему в Алтан-Булаке и славившемуся как отличный хлебопек.

Турок было поддался на наши уговоры, но потом вдруг заупрямился.

— Нэт-нэт, нэ поеду,— объявил он.— Хлеб, лэпешки печь мынога умэю, обеэд варить — нэт. Боюсь.

— Чего же вы боитесь? — спросил мой спутник.

— Боюсь тюрьма попасть!

— Как же так?

— А так! Суп плохой получился, кто-нибудь плохой слово скажэт... Сэрдцэ загорэлся, нож хватал, рэзил, тюрьма попал...

Пришлось махнуть рукой. Взять такого повара было действительно опасно. Общий смех последовал за концом рассказа. Я припомнил попреки, которыми донимали нашего повара, и доказывал, что у турка ходили бы по струнке, никто пикнуть не посмел бы, что плохо приготовлено. Все стали придумывать различные смешные положения, неизбежно получившиеся бы с турком и нашими завзятыми «гастрономами» — Андреевым и Прониным. Кругом меня были молодые, смеющиеся лица. Быстрая «отходчивость» от невзгод — чудесное свойство молодежи и составляет, пожалуй, самую приятную сторону работы с молодыми сотрудниками.

Андреев подошел ко мне и протянул верхний диск трамблера. Контакты наполовину сплавились от сильного разряда при замыкании. Запасные части были израсходованы, и теперь приходилось выходить из положения с тем, что стояло на моторе.

Никакого смысла держать весь народ здесь, в голой степи, без топлива, в ожидании ремонта машины не было. Тащить тяжело груженного «Смерча» на буксире «Дзерена» сорок кило-

метров в аймак через подъемы неумно и рискованно. Сам «Дзерен» давно требовал ремонта.

Несмотря на полуночный час, мы приступили к перегрузке. Весь запас воды, толстые «ходовые» доски в качестве топлива, палатку и печку оставляли Андрееву и вызвавшемуся ему помогать «батарейцу» Иванову. С «Дзерена» сняли половину груза, и машина могла забрать всех людей. Я рассчитывал немедленно по прибытии в Улан-Батор выслать «Дракона» на помощь, взять груз со «Смерча» и снабдить его запасными частями. «Дракон» мог прийти через два дня — за это время Андреев с помощью Иванова должен был проверить разладившуюся систему зажигания.

Все с энтузиазмом встретили новый план. Наш гость, преисполненный юношеской важности, молчал, ни о чем не спрашивая, потом улегся на поставленную для него койку, укрылся с головой дохой и затих. Заснули и мы кто смог. Мороз пробирал до костей, а дрова мы берегли для остающихся.

В рассветных сумерках произошло новое распределение пассажиров. В кабину водворили наиболее зябкого Орлова. Громов закутался в доху и переселился к нам наверх.

Пронин, чему-то весело ухмыляясь, «жал на всю железку»— по образному выражению водителей. Прошел час, кончался второй, а все та же белесоватая Гоби проходила назад мимо нас. Больше ста километров тянулась равнина с белыми камешками, встреченная нами еще по ту сторону Сайн-Шанды, когда мы шли, ничего не зная, без проводников, из Южной в Восточную Гоби...

Светлые холмы приблизились слева, оттуда же подошла линия телеграфа. Здесь дорога из аймака сливалась со старым калганским трактом, по которому прошло много наших путешественников. Мы остановились покурить. Белесая равнина кончилась— впереди виднелись гряды темных пород, промоины сухих русел, поросшие дерисом. Далеко, на расстоянии километра, виднелось большое стадо дзеренов, голов в пятьсот; животные медленно передвигались, малозаметные перед грядой темных скал. Я улегся наземь и два раза выстрелил в середину стада. Дзерены побежали, попадания не было.

Калганский тракт сильно зарос — видно, движение здесь почти прекратилось. Два параллельных автомобильных наката и четыре-пять рядов верблюжьих троп проходили вдаль широким следом минувшей старины.

Быстро приехали в Хара-Айрик сомон («Сомон черного кумыса»), прошли его без остановки и попали в мелкосопочник. Дорога извивалась крутыми поворотами, внезапными спусками и подъемами-косогорами, не позволяя держать скорости. Вдали как будто плавал в воздухе голубой гребень гранитного массива Чойрен. Здесь, собственно, уже окончилась Гоби — ее место заняла настоящая степь. Обширные заросли дериса по всем долинкам и промоинам казались чуть ли не лесом — с появлением дериса местность стала гораздо живописнее для неизбалованных гобийцев.

Горы Чойрен — сильно выветренный гранитный массив — походили на виденное вблизи Улугей-хида скопище странных скал. Монастырь Чойрен-хид когда-то строился — так же как и Улугей-хид — в местности, внушающей страх перед богами.

Размытый гранит тяжело громоздился гребнями, башнями, хребтами и головами чудовищ, грозными мордами. Зрелище было поистине удивительное и устрашающее. Отдельно стоявшие глыбы были похожи на грубые статуи сидящих и стоящих людей. Все эти естественные «изображения» искусно использовались ламами — кое-где уцелевшие подмалевки краской оттеняли демонические черты слепого камня или умело положенные кучки камней превращали безымянные глыбы в обо и субурганы.

Тибетские надписи, палки с хвостами яков, укрепленные в расщелинах камней, еще местами сохранились по сторонам дороги, указывая путь к монастырю. Почти все постройки монастыря были разобраны на дрова, только три-четыре здания были заняты под жилье и склады. Огромные толстые балки, разгораживавшие двор, указывали на былую солидную постройку. Бронзовые вазы старинной китайской работы использовались под сосуды для воды. Во дворе стояли две юрты, из них крайняя — деревянная, была огромной, по меньшей мере в два раза большего диаметра, чем обычная аратская юрта. Внутри юрты оказались аккуратно расстеленные кошмы, расставленные скамеечки, большая топящаяся печь...

Пока кипятился чай, я побродил вокруг с фотоаппаратом. Монголы проявили свою любовь к воздвиганию обо и здесь, обставив въезд на автомобильную станцию горками камней или буддийскими ступами с воткнутыми в них коленчатыми валами, полуосями, валиками, рычагами коробки скоростей и другими вполне современными предметами, как-то слившимися с общим ансамблем старых обо, субурганов и прочих остатков монастыря в забавную и характерную смесь.

Очень удивили меня две колоссальные груды заготовленного на зиму аргала. Сложенные прямоугольниками в два метра высоты и прикрытые от бурь балками и тесинами, они походили на гробницы великанов. Заготовка такого количества сухого навоза казалась непостижимой здесь, среди гор и степей, при отсутствии оседлых хозяйств. Слава чойренской воды из колодца, пробитого в гранитах, в котором лед сохранялся все лето, была вполне заслужена. Давно, очень давно мы не пили такого вкусного и очень горячего, как нельзя кстати, чая. После чая поехали дальше — ночевать здесь, приехав так рано, было бы нелепо. Дорога за Чойреном стала лучше. После Сумбур сомона («Сомон храмовой трубы») началась гигантская плоская котловина протяжением в семьдесят километров, и Пронин ехал по ней на максимальной скорости. Терпеть холод на таком ходу стало очень трудно — мороз пробирался в каждую щелку одежды. Особенно страдали ноги, и плохо пришлось нам с Данзаном, несмотря на кошму, постланную между передним бортом и сиденьем. На меня не нашлось подходящих валенок среди изделий монгольского промкомбината, а Данзан вообще никогда в них не ходил. Наши гобийские сильно изношенные ботинки пропускали мороз сквозь разодранные подошвы. Поэтому мы с Данзаном еще вчера, сидя рядом, походили на нетерпеливых зрителей в кино. Сегодня Данзан забрался до половины в спальный мешок, а я беспрерывно и упорно «работал» ногами, изображая бег на месте.

В степных котловинах появилось много мелких грызунов — песчанок. Как всегда, песчанкам сопутствовали орлы. Всей этой живности мы совершенно не встречали в Восточной Гоби. Только раз на Хара-Хутуле мы с Данзаном нашли исполинское гнездо, по-видимому грифа, скрытое под нависшей стеной песчаника. К пяти часам вечера мороз усилился. Вдали показались какие-то постройки, частью развалившиеся. Над длинным и низким зданием вился дымок. Мы подъехали туда и попали на военный пост, где и попросили разрешения обогреться. Цирики любезно пригласили нас к плите, вскипятили соленый чай. После двух кружек почти кипящего чая и двух выкуренных подряд козьих ножек оказалось, что жизнь не так уж плоха и все-таки стоит продолжения.

Пронин распалился желанием «дотянуть» сегодня до Улан-Батора, мы же, прельщенные перспективой спать дома, в тепле, нисколько не возражали. Пронин принял хозяйский тон и, покрикивая, беспощадно выгнал нас, разнежившихся в тепле, на мороз. Мы поблагодарили приветливых солдат и оставили им свой запас хлеба и мяса — для Улан-Батора нам незачем было беречь продукты.

Темнело. Ветреный алый закат освещал мрачную равнину, изрытую какими-то ямами и усеянную буграми. Скоро дорога

пошла на подъем, темнота ограничила наш кругозор полосой света фар. С каждым часом прибавлялось снега. Уже не отдельные белые пятна проглядывали сквозь тьму, а сплошной белый покров лег на землю. Молодая луна поднялась по-зимнему высоко, ее бледный свет, усиленный снегом, открыл однообразные гряды гор, обступивших дорогу. На длинном спуске с перевала в узкую долину оба склона были покрыты толстой снежной пеленой до полуметра толщины. Мы точно сразу попали в Арктику.

Я промерз насквозь и только подумал, что следовало бы остановить машину, дать людям покурить и погреться, как Пронин затормозил. Все поспешно попрыгали с машины. Долгое время шел молчаливый пляс. Если кто-нибудь посмотрел бы на нас со стороны, то, ручаюсь, навсегда запомнил бы это зрелище. Мрачные фигуры в косматых дохах и полушубках сосредоточенно, со злобным упорством плясали на заснеженном перевале, под светом высокой луны. Наконец, ноги стали отходить. Мы закурили, с наслаждением затягиваясь. Дорога уходила вниз длинным пологим спуском, ветер разгуливал по ущелью, начиная свистеть все сильнее, мелкий снег летел под луной серебристо-ледяной пылью. Данзан, единственный из нас, проезжавший здесь ранее, объявил, что до Улан-Батора осталось сорок километров. Справа, за горами, проходила главная дорога, ведшая к угольным копям Налайхи и дальше на Керулен. Но ничего не было видно впереди — дикое безлюдье и морозная пустыня окружали нас.

Я подошел погреть руки о теплый радиатор «Дзерена» и с нежностью погладил верную машину, безотказно перенесшую нас из Гоби сюда, к преддверию монгольской столицы. Поднималась метель. Вспыхнули фары, и мы стали спускаться в море крутящегося снега, крошечными огоньками сверкавшего в свете фар. Вдали показались электрические огни. Машина выехала на широкое шоссе с настоящими мостами, по которому мы и понеслись полным ходом. Вот слева показалась цепочка огней, расширилась, и появился весь Улан-Батор. Огни группировались горящими пятнами с темными или слабо освещенными прогалинами. В них мы угадывали тот или другой из районов ставшего знакомым города.

В его западной части, в домике в глубине большого квадратного двора, нас ожидала двухкомнатная квартира. Электрический свет стосвечовых ламп казался необычайно ярким. От большой печки распространялась жара. Старый репродуктор передавал местную трансляцию Москвы, и эти хриплые звуки показались чудесными. Два больших стола, настоящие стулья, груда газет, журналов, книги и письма!

Мы расставили койки, развернули мешки, в которые теперь можно было не забираться. Лукьянова каким-то инстинктом

определила наш приезд сегодня или завтра и наварила превосходных щей. Пронин, сделавший четыреста двадцать километров, был награжден стопкой водки и отправлен спать. Мы наелись, накурились и растянулись на койках, слушая тихую музыку, доносившуюся из репродуктора. Контраст с заснеженными, обледенелыми горами, среди которых мы плясали под луной два часа назад, был так велик, что это ощущение тепла, яркого света уютного дома крепко врезалось в память. Еще утром мы собирались и сворачивали свои постели в предрассветном сумраке на голой гобийской равнине в таком расстоянии от этого дома, что путешественнику прежних лет с верблюжьим караваном понадобилось бы восемь-десять дней на то, чтобы дойти сюда! А мы в тот же вечер наслаждаемся вестями с родины и кейфуем в настоящем доме!

Так закончилось гобийское путешествие 1946 года. Мы вернулись к городской жизни очень своевременно — на следующее утро мороз дошел до двадцати семи градусов, а более не удалось отметить ни одного заметного повышения температуры. Обычным стало тридцать пять ниже нуля, и мои мечты вернуться в Гоби для раскопок скелета динозавра казались теперь смехотворными.

Хлопот оставалось еще очень много. Следовало спешно рассчитать рабочих и сотрудников, подведя итоги полевому питанию и всем прочим расходам, приготовить финансовый отчет, написать предварительный научный отчет, вычислить километраж и расход горючего по автотранспорту — словом, целая гора обязательных и срочных дел, одолевающих путешественника при чересчур строгой отчетности, принятой у нас в Академии наук.

Для Министерства финансов не существует никакой разницы между отчетностью предприятия, обладающего аппаратом финансовых работников, и отчетностью экспедиций с их во многом непредвиденными и мелкими расходами. Только покончив со всем этим, мы смогли приступить к последней нашей задаче — организации палеонтологического отдела Государственного музея МНР.

* * *

Празднование октябрьской годовщины собрало всех советских людей, живших в монгольской столице. Приглашенные на торжественное заседание в театр, мы с особым чувством слушали стоя торжественные звуки советского гимна. Члены правительства дружественной страны тоже стояли вместе с нами, отдавая честь Советской державе.

Затем члены правительства приняли нас. Прием прошел хорошо: сначала Данзан с большим подъемом прочитал официаль-

ный рапорт нашей экспедиции, переведенный на монгольский язык, затем я сделал подробный доклад о наших задачах, успехах и перспективах будущих работ.

Более широкую демонстрацию материалов, открытых для переупаковки и отбора образцов, передаваемых Музею МНР, мы устроили на складе экспедиции, во дворе музея Сухэ-Батора. Склад не отапливался, и публика в нем не задерживалась, хотя кости гигантских динозавров возбуждали всеобщее любопытство.

Профессора собирались домой. Орлов дважды выступал с докладами — в клубе имени Ленина и в университете — и пользовался большим успехом, так как читал с подъемом, увлекая аудиторию. Это были первые доклады о палеонтологии и палеонтологических исследованиях, прочитанные в Монголии за все время существования республики.

Я написал большую статью об экспедиции, переведенную на монгольский язык и напечатанную в газете «Унэн» («Правда»), и несколько популярных информаций для лекционного бюро Комитета наук. В работе не было перерыва, и дни не шли, а летели.

Плоховато было с одеждой: щеголять в полевом полушубке и ватнике казалось неудобным, а нужного размера валенок или бурок не нашлось ни в торгпредстве, ни в Промкомбинате. Мы с Орловым и Громовым ежились в демисезонных пальто и полуботинках, совсем не подходящих к жестокой монгольской зиме.

* * *

Уланбаторская зима своеобразна. Ветров почти не бывает, снега очень мало, и он как-то быстро испаряется с почвы. Голая земля и щебень придают какую-то особенную жесткость морозу, а пыль при сорокаградусном морозе кажется отвратительной.

Зато небо исключительно ясное, и солнце сияет на нем нисколько не слабее, чем летом. Днем на солнце темные поверхности, например борта машин, двери домов, так нагреваются, что на сильном морозе о них можно согреть руки.

«Дракон» и «Дзерен» шли в последний рейс в Далан-Дзадагад за остатками завезенного на базу имущества. Профессора предпочли железную дорогу самолету и уезжали домой через Наушки.

Для их доставки на границу выделили «Смерча». Попутно «Смерч» отвозил в Алтан-Булак взятых там рабочих и повара.

Не обошлось без приключения. Собрав профессоров, мы укутали их в шубы, расцеловали на прощание. Машина тронулась, мы стояли, глядя ей вслед. Недалеко от наших ворот была неглубокая канава, на которой всегда подбрасывали машины: «Смерч» въехал в канаву, и... раздался громкий хрустящий звук! Ясразу

почувствовал, что дело плохо. «Смерч» остановился, Андреев выскочил из машины, и, когда я подошел к полуторке, «диагноз» уже был готов: сорвалась с заклепок передняя серьга задней рессоры — авария исключительно редкая. Под общий смех профессора и рабочие были водворены назад, в квартиру, разоблачены от дох и полушубков. Пока бегали за четыре километра в гараж и оттуда прибыла срочно разогретая вторая машина с набором болтов, прошло три часа, и мы успели пообедать. Еще раз починенный «Смерч» миновал роковую канаву, лихо развернулся на асфальтовом Сухэ-баторском шоссе и понесся в Советский Союз. Профессора и рабочие долго махали нам — грустно расставаться после гобийского путешествия, спаявшего нас хорошей походной дружбой.

Потянулись однообразные дни, заполненные музейной работой. Я писал тексты, этикетки, составлял таблицы геологической истории и геохронологии. Это все переводилось на монгольский язык и тщательно писалось местными каллиграфами старомонгольской вязью, пока еще более доходчивой для пожилого населения. Параллельно писался текст недавно введенным русским алфавитом. Все это приходилось много раз проверять и переделывать, приспособляя монгольские понятия для палеонтологической терминологии. Очень большую помощь оказывал в этой сизифовой работе Данзан, шесть лет проведший в Советском Союзе. Сам геолог, он отлично понимал все, что требовалось выразить в этикетках и текстах. Другие монгольские геологи — Гончик и Цебек — тоже усердно переводили тексты. Эглон перепаковывал коллекции, реставрировал, готовил вместе с механиком Монголтранса железные каркасы для выставляемых в музее костей. Лукьянова разбирала, препарировала, склеивала старые музейные экспонаты, приводя их в порядок.

Государственный музей МНР отвел нам целых две комнаты. Заведующий Палеонтологическим музеем Академии наук СССР в Москве профессор К. К. Флеров, прекрасный художник-анималист, превосходный реставратор ископаемых животных, изготовил для музея МНР несколько картин. Не было случая раньше упомянуть, что профессор Флеров приезжал в Улан-Батор в составе нашей экспедиции, но вынужден был покинуть Монголию, так и не побывав в Гоби, вследствие того, что местный климат резко ухудшил его сердечную болезнь.

Невероятный холод царил в помещении музея — бывшем жилом доме Богдо-Гегена[1], с его тонкими стенами. Мы устроили препараторскую в конторе, где топилась печь, но никогда не было тепла из-за того, что дверь все время открывалась, впуская вместе с клубами морозного пара новых и новых любопытных.

---

[1] Богдо-Геген («Многими возведенный») — бывший до Народной Республики духовный и светский правитель Монголии.

Здесь же, в маленькой комнатенке, ютился недавно прилетевший в Улан-Батор профессор-археолог С. В. Киселев, изучая отдельные экспонаты, которые приносили ему из морозных выставочных залов.

У Лукьяновой появился ученик — понятливый молодой монгол, которому она поручала менее важные работы. Ученик занимался с энтузиазмом, стараясь полностью овладеть искусством извлечения из породы и восстановления ископаемых костей.

Не раз в течение дня я растирал озябшие руки и подходил к топившейся плите, чтобы погреться и покурить. Не раз в мыслях вставала картина нашего первого посещения музея. В знойный августовский день мы приехали сюда и долго бродили по залам, пока совершенно не измучились от множества интересных впечатлений. Выложенный камнем двор в ограде красных стен с узорной черепицей на коньках был обставлен со всех сторон чешуйчатыми, многоярусными крышами с загнутыми вверх углами и гофрировкой из рядов параллельных валиков, сложенных длинными черепицами. На крышах — медные фигурки птиц и зверей, колокольчики, блестящие в ярком солнце. Золотые колокола на высоких шестах. Плиты с руническими знаками, драконы, извитые запутанными узлами, поразительно тонко высеченные из серого гранита арсланы с разинутыми жабьими пастями и выпученными глазными яблоками. Внутренний храм — с множеством маленьких окошек, окруженных кустами, зелеными и терпко пахнущими. Кирпичная дорожка в середине внутреннего, заросшего удивительно свежей для Улан-Батора травой, двора, ведущая от храма к воротам, разрисованным лохматыми золотыми линиями между синих и красных красок — сплетением причудливых драконов. И все это — в блеске знойного солнца, подернутое легкой дымкой нагретого воздуха, словно пеленой тихой лени. Лениво бродили в первом дворе ручные журавли-красавки...

А теперь внутри музея стоял такой свирепый мороз, что казалось гораздо холоднее, чем на улице. Почти все ставни оставались запертыми — мы открывали только необходимые, и в помещениях музея царствовал полумрак. Никогда не забуду отчаянного холода этих мрачных и темных залов! Через полчаса пребывания в музее буквально душа начинала стыть. Приходилось бежать греться в контору, но и там было не слишком тепло. Журавли куда-то спрятались, трава давно высохла, ветер звонко шуршал мерзлыми веточками голых кустов... Я проходил через дворики с фотоаппаратом, засунув под мышки закоченевшие пальцы, и старался как можно скорее сделать снимки: хотелось запечатлеть своеобразную красоту китайской архитектуры.

В музее не было света, и работу приходилось вести лишь в дневные часы. Впрочем, если бы свет и был, все равно нельзя было бы выдержать, работая голыми руками на таком морозе.

Работа двигалась, но шло и время. Кончился ноябрь, проходил и декабрь. Мы постарались завершить работу к двадцатипятилетию Комитета наук.

Теперь уже ничто не держало нас в Монголии. Заготовлялись визы, таможенные документы на наш разнообразный и объемистый груз, подводились последние итоги денежных расходов.

На беду, заболел Андросов. Старший шофер никак не хотел проявить уважение к суровому монгольскому климату. Старательный и нетерпеливый (таких очень метко в Сибири называют «заполошный»), Андросов, исправляя машину, простудился и попал в больницу с острым плевритом, пробыв там две недели. Он стал очень слаб, но резкого улучшения так и не наступало. Поговорив с врачами, я решил, что самое лучшее будет вывезти Андросова домой и больше не задерживать отправку экспедиции. Я водил «Дракона» в тяжелых условиях гобийского бездорожья и решил, что смогу провести машину и отсюда, а Андросов поедет со мной рядом в кабине пассажиром и советчиком. Как только появилось такое решение, сразу стало весело: больше не существовало препятствий, и мы могли немедленно возвращаться домой.

В ночь на седьмое января нового, 1947 года все три машины стояли в нашем дворе. Гараж и склад были переданы владельцу — музею Сухэ-Батора. Мы погрузили вещи с вечера, оставив только постели, и улеглись все вместе в жарко натопленной опустелой комнате. Время от времени кто-нибудь из нас вставал и выходил во двор с ключами от машин. Мы должны были выехать спозаранку. До Сухэ-Батора за короткий зимний день надо проехать триста пятьдесят километров по горной дороге, да еще при жестоком морозе. Поэтому мы не могли задерживаться с разогреванием машин: в условиях сорокаградусного мороза это очень продолжительная процедура. Через каждый час заводились тепло укутанные моторы и, поработав с четверть часа, могли стоять еще час...

Я почти не спал, а только дремал, боясь, что очередной дежурный, разморенный теплом, уснет, машины замерзнут, лед порвет радиаторы или рубашки блоков и... тогда беды будут неисчислимы. Ведь мы сдали всю нашу валюту, оставив только на еду до границы, и экспедиция более не располагала никакими средствами. Немудрено, что я не мог рисковать...

Под утро в комнате стало холоднее — тонкостенные монгольские постройки выстывают быстрее наших простых деревенских изб. Укутавшись, заснули оба сменных шофера, и пришлось мне выступать на сцену. Я взял ключи, сунул ноги в меховые сапоги, надел полушубок и шапку. Свет электрического фонарика быстро померк — батарейка застыла на морозе, прекратив свои химические реакции, но я успел завести все машины.

Яркая монгольская ночь властвовала над городом. Сверкающая в лунном свете изморозь пятнала серый щебень мерзлой до

звона почвы. Черные тени протягивались от высоких тентов машин. Двор окружали низкие дома — от черноты окон они казались молчаливыми и пустыми. Вой и отдаленный лай псов стали обычным, уже не воспринимающимся аккомпанементом.

Я посмотрел на юг, где призрачной громадой поднималась над городом Богдо-Ула. Покрытая глубоким снегом вершина горы светилась под луной огромной белой пролысиной, матовая твердая поверхность которой казалась очень вещественной и четкой над сероватыми, неясными склонами, спадавшими в глубочайшую тень.

Свирепый мороз забирался под наскоро натянутую одежду, захватывал дыхание. Высоко в небе, окруженная гигантским дымчато-светящимся кольцом, сияла луна.

Войдя в дом, я погрелся, разбудил Лукьянову и Эглона. Растопили плиту, стали разогревать чай. Я выпил кружку чаю, закурил и опять пришло непрошенным всегдашнее чувство грусти. Стало грустно покидать Монголию. Впереди новые заботы и тревоги, связанные с отправкой всей экспедиции домой... Да, на этот раз по-настоящему — домой! Надо будить шоферов...

Как только мы окончательно собрались, нас пришли проводить, невзирая на сильный мороз и ранний час, русские и монгольские друзья. Они высказали надежду на новую встречу в этом же начинавшемся году. Мы попрощались очень сердечно...

Одна за другой выезжали машины на асфальт Сухэ-баторского шоссе — «Дзерен» Пронина, «Смерч» Андреева и мой «Дракон». Вся экспедиция теперь размещалась в кабинах — за рулями и на пассажирских местах. Багровое солнце вставало позади, сгоняя синеватую сумеречную мглу с заиндевелой дороги.

Машины неслись в свой последний рейс по Монголии по узенькой ленте, пронизавшей толпившиеся на севере сопки Хентэя — туда, к границе родной страны.

Рядом со мной, молча забившись в угол кабины и завернувшись с головой в доху, ехал больной Андросов.

Далеко позади в морозном тумане остался Улан-Батор. Справа и слева расстилалась широкая заснеженная равнина, впереди за длинным подъездом виднелась горная гряда. Навстречу летели ЗИСы Монголтранса, сближались, эхом отдавался гремящий треск зисовского мотора, мощное фырканье нашего, и опять «Дракон» одиноко шел в тихую белую даль. Солнце нагрело кабину, блестящая пленка инея, запудрившего боковые стекла, исчезла, открылся широкий кругозор.

Монголия — солнечная и светлая, прощалась с нами, щедро разбросав по сторонам свои просторы.

Далеко впереди, на склоне горы, черной точкой полз «Дзерен». Харинский перевал славился крутизной, пошли длинные опасные спуски с виражами по обледеневшей дороге. Мы ехали

и ехали через горы и распадки, пока синие зимние сумерки не стали ложиться голубыми полосами на снег, а оголенные скалы и щебень не потемнели. Мороз все крепчал, леденя спину. Я сидел за рулем несколько часов без перерыва и начал замерзать.

В темноте я едва не проехал мимо почерневших построек — китайской столовой на двести шестидесятом километре. Сейчас же за мной подошел «Смерч». Приехавшие пораньше Пронин с Эглоном заказали неизменные пельмени с грубым, крупнонарезанным луком, но все ели вяло — сказывалась усталость.

В закоптелой, освещенной двумя тусклыми лампами низкой комнате клубился мокрый пар, над заставленными столами синел табачный дым. Резко пахло луком и водкой. Смутные фигуры спали в дальнем углу на голых досках загрязненного пола. Рядом за столом подвыпивший монгольский шофер в кожаном шлеме что-то с оживлением доказывал четырем сидевшим напротив неопределенной национальности людям. Андреев откуда-то узнал, что бедняга сидит здесь уже неделю, заморозив радиатор. Мы устроили сбор, подсчитав оставшиеся деньги, и вручили изумленному шоферу двадцать шесть тугриков — сумму, достаточную, чтобы прокормиться дня четыре.

Ночевать в этой неуютной корчме никому не хотелось. Приходилось дотягивать до Сухэ-Батора, хотя без содрогания трудно было даже подумать о леденящей тьме снаружи.

Но моторы уже застывали...

Взошла луна и осветила пологие сопки. Снегу здесь прибыло, по склонам и вершинам отдаленных гор чернели пятна леса. В длинных лучах мощных фар поземка крутила сухой снег — по темной дороге неслись хвосты серебрящейся пыли. Глухо и неверно маячили стены скал, огражденные столбиками обрывы уходили в черную, зияющую тьму. Стекла кабины стали обмерзать. Не оборудованные никакими отеплителями, они все больше мутнели и белели, несмотря на все усилия мои и Андросова, протиравших их почти с отчаянием. Свет фар отражался в тысячах блесток на стекле, и дорога становилась невидимой, как я ни напрягал зрение и, наваливаясь грудью на руль, ни приближал лицо к стеклу. Пришлось сдаться, раскрыть боковые стекла, и лютый ветер жгучими ножами ворвался с обеих сторон в кабину. Стекла прояснились, но мы стали быстро замерзать, гораздо быстрее, чем рассчитывали.

Луна поднялась высоко, ее яркий свет проник в темную кабину, заметался светлыми бликами по гладкой пластмассе руля. Светящиеся шкалы и стрелки приборов потухли. В обледенелой кабине звонко резонировал мотор: машины лезли на длинный подъем. От морозного ветра медленно застывали левая рука, плечо, левая щека.

Темная масса возникла в стороне от светового луча фар. На повороте дороги сноп света отразился от задка крытой машины.

Большие белые цифры МЛ-50-39 сказали нам, что это «Дзерен». Впереди стоял «Смерч». Пронин копался в машине, а Эглон подсвечивал ему фонариком.

— Конденсатор! —сказал Пронин, дуя на сложенные ладони.— Сейчас сменю и поеду.

Из полуразвалившейся кабины «Смерча» на дорогу выбралась Лукьянова, принявшая шарообразную форму от накрученных без числа одежд.

— Сильно замерзла? — приветствовал ее Эглон, блаженствовавший в огромной шубе, приобретенной им в Улан-Баторе.

— Холодно, но ничего, терпеть можно,— раздался голос, приглушенный обмотанным вокруг рта шерстяным платком. Я заглянул под платок — живые темные глаза нашей путешественницы бодро поблескивали.

— Вы сами не пропадайте,—насмешливо сказала Лукьянова.— Василий Иванович (Андросов) совсем почернел, а вы посинели...

— Почернеешь тут, —сердито ответил Андросов.— Кабина обмерзает, сколько уж времени едем, будто на открытой машине... Отсюда я теперь поведу, замерз, терпежу никакого нет больше. Садитесь, Иван Антонович, они догонят!

«Дракон» бешено понесся по серой дороге. Андросов гнал вовсю, стараясь поскорее доехать до гостиницы в Сухэ-Баторе.

По заснеженным склонам сопок незаметно подползли темные стены соснового леса. Иногда одинокое дерево четко обрисовывалось в лунном свете, и радостно было увидеть родную сосну после многих дней, проведенных среди голых гобийских камней.

В лесу среди деревьев показалось теплее, но едва лес окончился и потянулась мертвая белая равнина, я почувствовал, что больше не могу. Андросов остановил машину, и я сделал несколько пробежек взад-вперед по дороге. Наши машины не подошли, Андросов по слабости не мог разогреваться гимнастикой, и мы понеслись дальше. Не больше тридцати километров тянулась равнина перед Сухэ-Батором, но из-за мороза и плохой дороги она казалась бесконечной. Наконец, появилась полоса редких огоньков вдоль берега Орхона, под темными сопками. Мы долго стучались в гостиницу и ставили во дворе машину, но наших так и не было. Пришлось держать мотор разогретым. Кто знает, не придется ли тащить на буксире какую-нибудь из наших машин...

Большие общие комнаты сухэ-баторской гостиницы были не очень теплыми. Свободных коек оказалось много, но мы с Андросовым не ложились, не в силах отойти от большой горячей печки, к которой мы точно приросли спинами. Меня долго колотил озноб. Едва живой от усталости Андросов повалился на койку прямо в дохе, а я все стоял у благодатного черного железа. Еды не оказалось — все продукты были на «Дзерене». С усилием

я заставил себя выйти во двор и прогреть «Дракона», потом взял стул и сел у печки, раздирая слипавшиеся веки. Куря одну цигарку за другой, я боролся со сном, сулившим гибель машины.

Часы шли, миновало четыре утра. Бледный туман навис над поселком, скрыв луну, в темной восточной части неба ярче засветились звезды. С машинами, без сомнения, случилось что-то серьезное. Я подошел к койке, взял свой шарф, стараясь не разбудить задремавшего Андросова, и тщательно оделся, решив ехать назад, за полуторками. По самым точным расчетам, машины не могли быть далеко — не больше сорока километров — полтора часа ходу по неважной дороге.

Я завел мотор, разогрел, развернул машину и пошел будить сторожа, чтобы открыть ворота. На улице послышался гудок и шум машин. Я выскочил навстречу, увидел «Дзерена» и от души обрадовался. Тут же выяснилось, что Андрееву не хватило бензина, он стал ждать в лесу и едва не заморозил машину, так как Пронин подъехал с большим опозданием. Мотор «Смерча» и так плохо работал, а остывший, и вовсе отказал в заводке. Два часа бились, разложили костер, нажгли свечи, таскали «Смерча» на буксире, пока, наконец, удалось завести.

Кляня вечное легкомыслие Андреева, мы всем скопом ввалились в гостиницу, добыли кипятку и основательно закусили. Даже Андросов в первый раз поел с аппетитом. Путешествие пошло ему на пользу — он вдруг почувствовал себя лучше, чем все последние дни. Моторы мы решили подогревать остаток ночи, но я был сменен с вахты и мгновенно уснул.

Утром мы узнали, что мороз дошел до 46° и было несколько аварий с машинами на только что пройденной нами трассе.

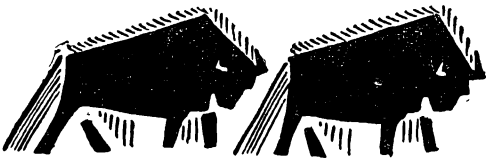
Чуть только рассвело, мы стали собираться, хотя спешить было некуда — таможня начинала осмотр лишь в девять часов. Но до границы оставалось всего восемнадцать километров, и все нетерпеливо рвались перебраться на родную землю.

Мы взобрались на вершину перевала, где красивые гранитные скалы стояли в окружении массивных лиственниц, и вихрем обрушились с длинного спуска прямо к монгольской таможне. Цирики, проверив наши паспорта и узнав, что экспедиция выезжает совсем, сердечно попрощались с нами, пожелав нам снова приехать в их страну. Мы пожали им руки, уселись в машины. Еще несколько километров пути через зеленый и веселый сосняк..

Дорога шла по выемке, кругом лежал глубокий снег, навстречу попадались советские машины с грузами для Сухэ-Батора. Таможня, пограничники и таможенники, строгие во время проверки и приветливые после ее окончания, первыми встретили нас. Затем железная дорога — гудки паровозов, рельсы, склады...

В сосновом лесу покрытые белыми шапками снега стояли деревянные дома русского поселка. Вдали гладкой белой лентой вилась река Селенга. Мы почувствовали себя уже дома.

ПАМЯТЬ ЗЕМЛИ
‹ ГАЗРЫН ДУРСГАЛ ›



КНИГА ВТОРАЯ

Будь прост, как ветр, неистощим, как море, и памятью насыщен, как земля!

М. В.

Челюсти, жевавшие луговую траву,
Будут лежать белыми костями,
А луговая трава все так же будет зеленеть!

Старая поговорка

ГЛАВА I. ЗА СКЕЛЕТОМ НЕВЕДОМОГО ЗВЕРЯ

В результате первой экспедиции 1946 года было доказано неслыханное палеонтологическое богатство гобийских межгорных впадин. Перед нами встала новая задача — взять эти богатства, заставить их служить науке.

Эта задача была сложнее выполненной нами.

Раскопки динозавров — этих гигантов прошлого Земли — могут быть сравнены с серьезным промышленным предприятием — добычей руды или другого полезного ископаемого. Размеры скелетов «средней величины» динозавров — пятнадцать-шестнадцать метров при весе ископаемого окаменелого костяка в несколько тонн. Самые крупные динозавры — зауроподы, остатки которых тоже были найдены экспедицией 1946 года, достигают двадцати пяти метров длины, и костяки их весят уже по нескольку десятков тонн.

Если добавить к этому, что полная очистка скелета от породы — работа настолько трудоемкая, что длится годы, и поэтому на месте раскопок приходится брать скелет с облекающей его породой, расчленяя его лишь на отдельные глыбы — монолиты, то станет ясным, что раскопки динозавров технически еще сложнее добычи полезных ископаемых.

В самом деле, нужно не только извлечь из земли кости, но извлечь их целыми в виде больших глыб огромной тяжести. Эти глыбы перевезти из труднодоступных бездорожных районов Гоби за тысячу километров к железной дороге. Нужно не только завезти в Гоби большую группу рабочих, препараторов и ученых-исследователей, обеспечив их всем необходимым, но и доставить в безводные гобийские впадины большие количества лесоматериалов, гипса, воды и горючего, необходимых для ведения раскопок и упаковки добытых коллекций. Эта задача может быть решена только мощным автотранспортом. Следовательно, организация экспедиции, способной справиться с созданием в любой безводной, бездорожной и удаленной на большие расстояния от населенных пунктов точке Гоби раскопочной базы с населением около полусотни людей, обеспеченных всем необходимым для жизни и производства работ, — это прежде всего организация сильной автоколонны, укомплектованной квалифицированными работниками и могущей действовать длительное время вдали от ремонтных баз.

Но бесперебойная работа автомашин определяется прежде всего наличием системы бензиновых баз, снабженных важнейшими запасными частями и запасной резиной.

Эта организация бензиновых баз должна быть закончена до работы экспедиции в поле, чтоб не вызывать остановки многолюдной налаженной, находящейся на ходу экспедиционной машины, каждый день простоя которой приносит крупные убытки.

Вот почему вторая Монгольская экспедиция 1948 года началась еще в 1947 году. Осенью была отправлена автоколонна, а зимой началась вывозка бензина и организация баз.

Зима 1947 года в Монголии была очень холодной даже для этой страны суровых зим. Все наши перевозки происходили в северной Монголии, где морозы особенно люты.

Я сам не участвовал в этой работе и прилетел в Улан-Батор в новогодний день 1948 года, когда почти все перевозки с севера были окончены. Мне оставалось только восхищаться самоотверженной работой своих товарищей — шоферов, препараторов, научных сотрудников и хозяйственного персонала экспедиции. Все они без различия «чинов и званий» образовали единый коллектив перевозочной конторы и этой работе отдавали все силы и время. Работали то грузчиками, то учетчиками на складах, то упаковщиками и приемщиками, а иногда и просто строительными рабочими, если требовалось поправить и расширить какой-нибудь старый склад.

Когда-нибудь участники нашей экспедиции сами расскажут о трудной работе, выпавшей на их долю. Как мчались наши тяжело нагруженные бензином машины в жестокие морозные монгольские ночи или не менее холодные ветреные солнечные дни; шли, окутанные облаками пара, оледенелые тенты звонко хлопали на ветру, урчание моторов далеко раскатывалось в застылых ущельях. Как мерзли водители и пассажиры в холодных кабинах, как отчаянно оттирали замерзавшие стекла, чтобы продолжать путь в предрассветной ледяной мгле, когда мороз становился особенно невыносимым.

Сухая и солнечная монгольская зима была уже знакома мне по прошлой экспедиции, и я не удивлялся уже более, шагая по густой пыли и голому щебню в сорокаградусный мороз.

Гостеприимное монгольское правительство, едва окончились зимние перевозки, пригласило участников провести несколько дней в лучшем доме отдыха — так называемой Райской пади. Это лесистое и широкое ущелье, врезанное в склон бывшей священной горы — заповедника Богдо-улы.

Густые кедровые леса сбегали прямо к небольшой поляне, на которой расположился дом отдыха, на высоте около двух тысяч метров над уровнем моря. В январе дом отдыха был почти пуст, необычайная тишина стояла над лесной поляной, и только белки нарушали ее, сбрасывая с кедровых ветвей пылящие облачка снега. Изредка в ледяную, голубовато-серебряную лунную ночь неторопливо пробежит легкий олень или раздастся угрюмый выкрик большой совы.

Здесь, в этом снежном царстве и чистейшем воздухе, мы провели несколько дней и спустились на равнину Улан-Батора, готовые к дальнейшей борьбе за успех экспедиции.

Вот вкратце состав участников второй Монгольской палеонтологической экспедиции 1948 года.

Командовать экспедицией по-прежнему пришлось мне. Начальником раскопочного отряда стал, как и раньше, Я. М. Эглон и, кроме него, из «ветеранов» экспедиции 1946 года — старший препаратор М. Ф. Лукьянова и шофер В. И. Пронин, назначенный бригадиром. Моим заместителем по административно-

хозяйственной части был Н. А. Шкилев, выбранный парторгом. Научный персонал составляли младшие научные сотрудники Е. А. Малеев, Н. И. Новожилов и А. К. Рождественский. Препаратор В. А. Пресняков и шоферы экспедиционной автобазы АН СССР Т. Г. Безбородов, Н. П. Вылежанин, И. И. Лихачев и П. Я. Петрунин — все были московскими работниками. В Улан-Баторе в постоянный состав экспедиции вошли И. М. Александров (шофер) и сотрудники Комитета наук МНР переводчики Очир (Восточный маршрут) и Намнан-Дорж (Южный маршрут).

Оба переводчика отличались друг от друга, как небо от земли. Очир (что в переводе с тибетского значит «алмаз») был совсем юный геоботаник, скромный, хорошенький, с круглыми, усыпанными веснушками, щеками. Он предпочел национальное дели нашей спецодежде и вначале немного чуждался шумной и насмешливой компании путешественников, но потом освоился и оказался отличным товарищем и работником, близко к сердцу принимавшим все наши удачи, тревоги и трудности.

Намнан-Дорж, человек в летах, любил щегольнуть европейской одеждой и ученостью, был недоверчив и подозрителен. Будучи небрежным переводчиком, он несколько раз ставил нас в затруднительное положение и — надо прямо сказать — не пользовался в экспедиции любовью.

Восемнадцатилетние рабочие — «ветераны» прошлой экспедиции пошли на военную службу, кроме Жилкина и Сизова. К ним присоединились Коля Брилев и Кеша Сидоров — тоже алтанбулакцы. Но главное ядро рабочих экспедиции 1948 года составили солидные иркутяне, все отличавшиеся крупным ростом и порядочной силой. Николай Баранов — могучий парень с пудовыми кулаками, был отличным плотником и заменил Эглону его верного «ассистента» Павлика. К концу экспедиции Баранову можно было поручать самостоятельную выемку находок и заделку монолитов с костями. Другой иркутянин — Петр Афанасьевич Игнатов — тоже отличался силой и был мастер на все руки, хотя и страдал немного ленцой. Степенный, в очках, Корнилов походил на ученого, имел десятилетнее образование и как-то само собой стал кладовщиком и учетчиком. Среди других рабочих эти три человека сделались нашими главными помощниками.

Позднее к рабочим присоединилось несколько монголов, среди которых выделялся Дамдин — коренастый, ловкий и внимательный, он сделался верным помощником Лукьяновой и хорошим товарищем всем нам.

За время зимних перевозок характер каждого из шоферов был изучен в деталях. Как ни странно, но и машины вели себя соответственно характеру своих водителей. Поэтому названия машин, увековеченные крупными надписями на бортах по-русски и по-монгольски, появились не в середине экспедиции, как в 1946 году, а еще до выезда в поле. Только «студебеккер» — ветеран экспе-

диции 1946 года — носил свое старое прозвище «Дракон», вопреки совершенно безобидному характеру его водителя Т. Г. Безбородова. Четыре автомашины ЗИС-5 назывались: «Дзерен» с водителем В. И. Прониным, наиболее искусным из всего нашего состава; «Волк» с превосходным водителем Н. П. Вылежаниным — хитрым механиком; «Тарбаган» — «тупая», неприемистая машина И. И. Лихачева, любителя поспать и в маршруте тянуться в хвосте колонны, ссылаясь на плохой мотор; «Кулан», впоследствии переименованный в «Барса», с водителем П. Я. Петруниным— очень прилежным, но наименее опытным работником.

Маленькая легковая машина ГАЗ-67 вначале не имела водителя. Один из наших рабочих — Александров — оказался опытным шофером и стал ее постоянным водителем. Так, самый высокий человек в экспедиции (Александров был ростом более ста восьмидесяти пяти сантиметров) получил самую маленькую машину, и его огромная фигура, сложенная попалам за рулем, выглядела комично. Так как Ива́нов в экспедиции было много (включая и начальника), то в отличие от всех них Александров стал называться Иван-«Козлиный» и с честью носил это прозвище два года работы нашей экспедиции, трудясь все на той же маленькой машине.

Базой экспедиции 1948 года стал большой старинный дом какого-то маньчжурского чивновника, еще до независимости Монголии построившего странное двухэтажное здание с загнутыми вверх углами крыши. Верхний, насквозь продуваемый этаж, построенный из деревянных решеток, образовал большой холодный зал. Яркая раскраска резных колонн и золото деревянных драконов совершенно не гармонировали с полумраком и лютым морозом, царствовавшим в помещении. Однако этот зал оказался отличным складом, в котором так удобно было раскладывать и проверять наши большие палатки.

Внизу, во дворе, стояли машины и громоздились штабеля досок, брусьев и ящиков. В маленькой сторожке против ворот была устроена механическая мастерская. В большом котле, вмазанном в печку, всегда кипела вода, необходимая для разогрева очередной машины. Нижний каменный этаж дома был занят под жилье экспедиции.

Здесь тоже было бы изрядно холодно, если бы не запас отличного налайхинского угля, который в конце концов прогрел это здание, не отапливавшееся уже лет тридцать. Время шло быстро, миновал и «белый месяц» (цагансар) — монгольский Новый год. Солнце, всегда яркое в Монголии, начало заметно пригревать. К первому марта все было готово к нашему отправлению на юг, но перевалы в горах вокруг Улан-Батора еще были закрыты снежными заносами.

Вместе с Рождественским, оказавшимся любителем картографии, мы посвятили много времени тщательной разработке и

расчету предстоявших перевозок и исследовательских маршрутов. В первую очередь был намечен маршрут в Восточную Гоби, чтобы извлечь скелет неведомого зверя, оставленный экспедицией 1946 года.

Во время этих раскопок мы рассчитывали посетить местонахождение Ардын-обо, открытое американцами в 1922 году и давшее несколько очень интересных находок древних носорогообразных млекопитающих и огромных черепах. Карты, приведенные в трудах американской экспедиции, были слишком мелкомасштабны. В описании отсутствовали сколько-нибудь точные указания на географическое местоположение Ардын-обо. Такие указания, как «578 миль от главного лагеря по автомобильному спидометру» при неизвестном расположении этого лагеря и неизвестном направлении маршрута, конечно, не могли считаться ориентирами. Было ли это сделано по крайне небрежному отношению к географической основе исследований или же, скорее, с умыслом: затруднить отыскание местонахождений, мы сразу не могли решить. После сопоставления самых различных и отрывочных указаний, приведенных в описаниях разных лет работы американской экспедиции, мы все же определили местоположение Ардын-обо в пределах круга диаметром сто километров, что значительно облегчило поиски.

Наконец 18 марта 1948 года мы выступили в Восточную Гоби. В горах к югу от Улан-Батора еще лежали большие снежные поля, струи талых вод размягчали дорогу в пониженных местах, и колонна наших машин то рассыпалась, мечась в поисках проезда, то снова выстраивалась в установленном порядке. Жестокий ветер пронизывал насквозь, и участники экспедиции в полушубках, шапках-ушанках и валенках отнюдь не были похожи на гобийских путешественников, открывающих летний сезон. Хмурые тучи преследовали нас почти до Чойрена. Едва вдали над рыжеватыми холмами с редкой и сухой прошлогодней травой показался голубой купол чойренского гранитного массива, как небо на юге засияло по-гобийски ослепительно. От Чойрена начиналась Гоби, теперь уже хорошо знакомая нам. Еще в прошлую экспедицию я полюбил эту столь непривычную для русского человека страну, и сейчас она приветствовала меня знакомым свистом ветра, свободно несущегося по ее просторам. К вечеру небо вновь стало пасмурным, и мы очутились среди замечательных чойренских скал, в царстве хмурого камня. В вечерних сумерках скалы приобрели печальный голубовато-серый цвет и резко выделялись на светло-желтой сухой траве.

Причудливые комбинации каменных форм сменялись по мере движения машины от края массива к его центру, где находился бывший монастырь Чойрен, ныне автостанция. Сначала отдельные камни казались серыми черепахами, расползшимися по степи. Затем плитообразные отдельности скал вставали длин-

ными стенами, как бетонные форты. Иногда вместо фортов — штабеля грязных мешков высотой с двухэтажный дом, сложенные очень правильно. Дальше шли фигуры гигантских животных — лев подпер лапой морду, громадная черепаха вползла на камень или чудовищная змея положила на плиту свою плоскую голову. А слева — самая вершина массива, гребень ощеренных скал, склоны которых, как чешуя чугунного дракона. Местами эта чешуя сложена в глубокие складки, местами — точно громадные пушечные ядра завязли в чешуе, не пробив ее. Три извива драконового тела выступали постепенно из земли, образуя главный гребень. Вблизи автостанции на старинных обо и молитвенных плитах — уже знакомые нам указательные знаки: там коленчатый вал автомашины, поставленный торчком, там рулевая колонка или картер заднего моста.

И снова, как в прошлом году, огромная юрта с горящей железной печкой, горячий чай и неторопливые разговоры с проезжающими при свете плошки с бараньим салом, крепкий сон под равномерный шум гобийского ветра. А наутро в рассветной полутьме — факелы под моторами разогреваемых машин, мощное фырканье трехоски и сухой треск ЗИСов.

Через два дня наша автоколонна двигалась по светлой щебнистой равнине к юго-западу от аймачного центра Восточной Гоби Сайн-Шанды среди знакомых гор. Здесь уже снег стаял, но трава еще не появилась. Стояла черная монгольская весна. К нам присоединился еще один ГАЗ-67 с даргой аймака Чойдомжидом, который решил совершить давно уже запланированную поездку в западные сомоны своей области, а заодно посмотреть и нашу работу. От местности Халдзан-Шубуту уже недалеко было до Баин-Ширэ. Там лежал скелет неведомого зверя, который мы с такой горечью оставляли в бурные и морозные дни ноября 1946 года.

И снова Баин-Ширэ неприветливо встречало исследователей: с запада зловеще вырастал красно-серый вал песчаной бури, и ясный весенний день быстро мерк. Дорога, проложенная нами на Баин-Ширэ, исчезла бесследно, никаких ориентиров не было на однообразной холмистой местности, поросшей иссохшими пучками черной полыни. Я старался быстрее найти место будущего лагеря, чтобы завтра не возиться с погрузкой и разгрузкой снова и терять почти целый день. Остановив автоколонну, мы вместе с Эглоном двинулись на поиски лагеря 1946 года.

Песчаная буря настигла нас. Все потемнело, песок и мелкие камешки взвились в воздух, тусклое багровое солнце едва пробивалось сквозь пыльную пелену. Час и другой мы с Эглоном шли вдоль края поросшей саксаулом впадины, как вдруг внезапно увидели под собой угрюмые обрывы и столбы песчаника, конусы темно-красных глин, наполовину тонувшие в крутящейся пыли. Мы мгновенно узнали место и еще через десять минут

стояли над пирамидой песчаниковых плит, обозначавшей место лагеря 1946 года (так называемое «Лагерное» обо).

Мы посмотрели друг на друга, одновременно вспомнив проведенные здесь дни. Руки невольно соединились в крепком пожатии: задуманные планы свершились! И как бы подчеркивая торжественность момента, песчаный шквал вдруг затих, и через несколько минут сияние чистого неба осветило заалевшие обрывы.

К вечеру усилился мороз, но теперь мы уже не боялись его. Пять больших палаток возвышались на недавно еще пустынном краю обрыва, языки бледного пламени появились из железных труб, и резкий по запаху дымок горящего саксаула витал над лагерем. Стеной стояли выгруженные припасы: ящики с гипсом, доски, брусья, мешки с мукой — все это огораживало лагерь с запада, создавая видимость укрытия от ветра. «Козел», подплавивший в погоне за дзеренами шатунный подшипник, был приведен на буксире с места аварии и теперь, опрокинутый на бок, дожидался ремонта.

Сумерки уже сгущались внизу, в саксаульной котловине, когда мы с Эглоном спустились к красным буграм. Здесь все осталось таким же, как в 1946 году. Сложенное нами обо стояло по-прежнему на широкой плите песчаника, увенчавшей конус глины. Теперь оно выполнило свое назначение, и мы разобрали камни, достав оттуда опознавательную записку, которую я взял на память. С чувством полного удовлетворения я уселся на край плиты и скрутил основательную козью ножку. Да и как было не радоваться! Вверху, в лагере раздавались голоса рабочих, высилась гора снаряжения, продовольствия и материалов. Теперь ничто не помешает взять скелет, мирно лежащий у меня под ногами. Задача казалась простой, но будущее показало, что я был не совсем прав.

На следующее утро мы начали вскрывать конус красной глины. Тяжелая плита, подхваченная рычагами и десятками рук, полетела с вершины вниз. Рассчитав примерные размеры скелета, мы очертили ступенчатую выемку, которую надлежало выдолбить.

Для ведения раскопок решили оставить на месте в лагере бóльшую часть рабочих, Эглона и Преснякова и двигаться налегке на двух машинах на поиски Ардын-обо.

Вместе с даргой аймака ранним погожим, но на редкость холодным утром мы двинулись на запад, по знакомой дороге через красную котловину, названную еще в 1946 году «Концом мира». У гор Дулан-Хара мы углубились в сухое русло и по тяжелому песку вышли на обширный скат в еще неизведанные места.

Слабо всхолмленная равнина была усеяна мелким щебнем грязно-белого цвета. Мы видели в Гоби места, гораздо сильнее отражавшие солнечные лучи: соляные озера, солончаки, обрывы белых песков, размывы голубоватых глин. Но еще нигде наши

глаза не утомлялись так быстро, не испытывали так сильно слепящего действия света, как на этой ничем не примечательной равнине. Всякий раз, когда мы пересекали эту местность в разные часы дня и разное время года, все без исключения, особенно, конечно, шоферы и мы — геологи, неотрывно наблюдавшие за местностью, всегда испытывали сильнейшее утомление глаз, доходившее до резкой боли. Эта загадка, как и многие другие оптические явления в Гоби, остались неразрешенной для нас и ждет еще своих исследователей.

Долго ехали мы, переваливая через гряды высоких холмов, пересекая полосы барханных песков, пока не добрались до Агаруту сомона («Воздушный сомон»), где сгрузили бочку с бензином аймачного дарги. Дарга остался здесь ночевать. Гостеприимные жители сомона уговаривали нас последовать его примеру. Вечерело. Отсутствие ветра обещало ночной мороз, и я замечал умильные взгляды, которые бросали некоторые товарищи на теплые, дымившие своими трубами юрты. Но грузовые машины шли медленнее «Козла» дарги, и я решил двигаться дальше, чтобы поздней ночевкой обеспечить прибытие в Хатун-Булак сомон («Ключ госпожи») завтра же.

Ночевка, действительно, получилась поздней, потому что мы ехали через поросшую караганой равнину, пользуясь молодой луной, до полуночи. В темноте участились «посадки» машин в песке при пересечении сухих русел, и мы остановили движение, как явно невыгодное. Скоро складные койки выстроились в ряд с подветренной стороны машин, запылал большой костер, на котором жарился убитый Малеевым дзерен. Морозная ночь загнала нас в спальные мешки в полной дневной амуниции.

Утром, пока разогревались моторы, я принялся тщательно осматривать местность в бинокль. Далеко от нас на севере поднималось совершенно ровное плато, восточный конец которого обрывался характерным ступенчатым откосом. Хотя далекое плато даже в бинокль казалось только голубой полоской, этот восточный мыс живо напомнил мне фотографии Ардын-обо, виденные в книгах американской экспедиции.

Небо хмурилось, с запада быстро шли сплошной стеной серые облака. Было рискованно пускаться со всеми машинами напролом к удаленной точке, сходство которой с американскими фотографиями могло или почудиться или оказаться случайным. Я решил продолжать путь в Хатун-Булак сомон, до которого осталось не более сорока километров. Скоро нас догнал аймачный дарга, и мы приблизились к сомону в завывании песчаной бури. Резко похолодало, песок летел вместе с сухой снежной пылью, залепляя лобовые стекла машины. Мы остановились у юрты на краю сомона, и ее деревянная дверь как-то сразу отдалила нас от продолжавшей бушевать снаружи непогоды. Накаленная железная печка распространяла сухое тепло, и мы с удовольствием

устроились на кошме, в то время как по зову аймачного дарги в юрту сходились знатоки здешних мест — пожилые араты или совсем уже древние водители прежних караванов.

Выяснилось, что название Ардын-обо никому не известно, но что оно, по-видимому, искаженное название Эрдени-обо («Драгоценность»), находящееся в сорока километрах к югу, недалеко от китайской границы. Американская экспедиция не оставила в здешнем народе никакой памяти о себе. Только один старик припомнил, что слыхал от соседа по кочевке, что там — он показал на север — какие-то люди около двадцати пяти лет тому назад раскапывали «каменных змей». То место называется Эргиль-обо («Вершина»). Я взглянул на карту. Местоположение Эргиль-обо как будто соответствовало виденному мною утром обрыву плато с характерными очертаниями Ардын-обо. Американцы, действительно, работали там в 1922 и 1923 годах — таким образом, указанное стариком время совпадало.

Скоро появился и проводник, который должен был вести нас на Эрдени-обо. Это был маленький арат в темно-синем дели, сурового, даже угрюмого облика. Угрюмость проводника, как выяснилось позже, имела вескую причину: он кочевал в районе Эрдени-обо и там совсем недавно был начисто ограблен гоминдановцами. Банда, украдкой перешедшая границу, угнала весь скот, не оставив несчастному ни одного верблюда, и его семья едва добралась пешком до сомона...

Буря стихла быстро. При ясном солнце мы поехали по старинной караванной тропе меж огромных серых камней. Дорога оказалась легкой, и мы без труда достигли Эрдени-обо — невысокой горы из древнепалеозойских метаморфических сланцев. В одно мгновение стало очевидным, что никаких ископаемых костей ни здесь, ни поблизости быть не может. Таким образом, версия Эрдени-обо была «закрыта» и оставалось проверить то, что называлось Эргиль-обо.

Мы вернулись в сомон за полчаса до наступления новой песчаной бури, которая бушевала всю ночь. Для ночевки нам отвели часть помещения школы, и поэтому мы спокойно встретили завывание разъяренного ветра.

На следующий день, едва мы начали грузить машины, из школы выкатилась толпа ребятишек, чтобы посмотреть невиданных пришельцев. Монгольские школы, особенно в Гоби, по существу, являются интернатами. Дети живут там все время занятий, в то время как их родители кочуют со своими стадами, иногда в сотнях километрах от школы. Мы подружились с ребятами очень быстро. Эглон открыл ящик с конфетами, и скоро одна из наших машин сделала несколько кругов по сомону, набитая восхищенными маленькими пассажирами. Один паренек по имени Буянтин Томар почему-то привязался ко мне и ходил за мной повсюду, крепко уцепившись за руку. Мальчик оказался одарен-

ным музыкантом и несколько раз играл мне на морин-тологой («конская голова»), национальном струнном инструменте с длинным грифом.

Пронизывающий северный ветер дул нам прямо в лоб, когда мы выехали на старую караванную тропу и повернули по ней к северу. Тропа шла прямо, как стрела, спускаясь в расширявшуюся котловину. За котловиной находилась еще одна огромная впадина, и в нее углом вдвигался восточный конец плато, сложенный из желтых, очень светлых пород. На вершине конечного восточного мыса высилось громадное обо в виде куба, увенчанного маленьким куполом. Эта форма обо встретилась нам впервые, но именно такое обо было запечатлено на американских фотографиях. Теперь уже не было сомнения, что Эргиль-обо, как оно называлось в старину, или Хангай-обо, как называется теперь, и есть Ардын-обо американцев.

Проехав шестнадцать километров по тропе, мы оказались у самого мыса плато и сразу узнали окружающую местность по фотографиям. Даже огромное гнездо орла или грифа, прилепившееся с северной стороны под кручей верхней кромки обрыва, описанное начальником американской экспедиции Эндрьюсом, было на месте. Я поднял винтовку и послал пулю в обрыв над гнездом. Вспыхнул огонек трассирующей пули, гулкое эхо раскатилось в обрывистых стенах. Гнездо оказалось покинутым.

Наш лагерь расположился под гнездом, у подошвы обрыва, на краю обширной, засыпанной песками впадины. Вдоль нее на запад, насколько хватал глаз, почти прямой линией продолжался обрыв плато высотой не более шестидесяти метров. С первого взгляда стало очевидно, что отложения, слагающие плато, состоят из двух разнородных толщ. Беспорядочное напластование всех отложений по взаимно перекрещивающимся направлениям говорило об их возникновении в русле огромной древней реки.

Новожилов, Малеев, Рождественский и я взобрались на плато, ровное, как стол, покрытое очень скудной растительностью. Крупная галька, выдутая ветром из конгломератов, усыпала его поверхность. Галька лежала на том же месте, где было дно древней реки, которая текла здесь сорок миллионов лет тому назад, и я ступал по ней со странным ощущением, что иду по дну потока давно прошедших времен. Вдоль края обрыва росли кусты гобийского миндаля правильной полушаровидной формы до

метра и более в поперечнике, представлявшие собой плотное сплетение веточек с длиннейшими колючками и редкими мелкими листочками очень темного зеленого цвета. Кусты виднелись издалека на светлой гальке. Разбросанные группами, они производили странное впечатление кем-то посаженных клумб. Уже первые осмотры склонов дали интереснейшие находки: зубы древних носорогов, челюсти каких-то хищников, кости мелких птиц и обломки щитов гигантских сухопутных черепах, очень похожих на современную слоновую черепаху.

Целую неделю, с двадцать третьего до тридцатого марта, я провел в лагере на Эргиль-обо. С утра до темноты, с небольшим перерывом на обед, шло исследование обрывов. Двадцать пятого на «Козле» прибыл из Баин-Ширэ Эглон с известиями из главного лагеря. Там было все благополучно, за исключением того, что шофер Безбородов «погорел» — вспыхнул пропитанный бензином ватник во время работы с паяльной лампой. К счастью, дело обошлось без ожогов. Работа над скелетом подходила к концу, хотя и шла очень медленно из-за невероятной крепости породы на глубине.

Мы на Эргиль-обо тоже могли похвастаться успехами: были найдены челюсти и черепа разных носорогов, остатки древних хищников — гиенодонов, кости исполинской бескрылой хищной птицы и многое другое. Особенно отличился Новожилов, обладавший не только острым зрением и чрезвычайной наблюдательностью, но и какой-то интуицией в искании костей. Однажды Новожилов и я стояли вместе на краю обрыва плато и рассматривали окружающую местность. Далеко внизу в котловине голубели маленькими пятнами едва заметные бугорки тех же песков, какие выходили в подошве обрыва у лагеря. Новожилов, указывая на эти холмы, объявил, что он намерен отправиться туда, так как «чувствует там добычу». Я ответил, что, по-моему, ходить туда вовсе не следует, а необходимо продолжать поиски дальше к западу вдоль обрыва плато. Новожилов — мой старый товарищ по трудным сибирским экспедициям и многим совместным поездкам — хорошо знал меня... а я — его. Посыпалась быстрая нервная речь на высоких нотах — это значило, что Нестор Иванович в корне со мной несогласен. Добрые голубые глаза посветлели, в твердых выступающих скулах чувствовалось упрямство...

Новожилов все-таки выбрал день и отправился в котловину. Вернувшись к обеду, он с торжеством сообщил, что им найдены три черепа титанотериев — странных, огромных носорогообразных животных, живших около пятидесяти миллионов лет тому назад. Обломки костей титанотериев были найдены и американцами. Для нас скоро стала очевидной ошибка американских геологов, которые сочли всю толщу Эргиль-обо однородной. На самом деле здесь были две группы разных отложений. Одна, нижняя и более древняя отлагалась в каком-то большом озере.

На дне этого озера накоплялись отложения светло-серых, голубоватых глин и песчаников. Сюда же приносились остатки титанотериев в виде редких разбросанных костей и черепов. Много позже эти отложения были промыты руслом огромной реки более километра в ширину. Река беспорядочно наслоила грубые пески, гравийники и галечники, окрашенные окислами железа в ярко-желтый цвет. Вместе с песками и галькой во множестве приносились остатки самых различных животных — носорогов, хищников, грызунов, черепах и птиц, которые местами, на разных уровнях этой толщи, образовали довольно значительные скопления. Одно из таких скоплений раскапывалось американской экспедицией примерно на середине высоты обрыва, в четырехстах метрах к западу от конечного мыса.

Мы нашли продолжение этого скопления и заложили большую раскопку. Там в страшном беспорядке и в различных положениях залегало около двадцати черепов и нижних челюстей носорогов, кости их совершенно рассыпанных и разбросанных скелетов и редкие отдельные кости хищников. В другом месте с носорогами захоронили остатки энтелодонтов — животных, подобных исполинским свиньям с громадным черепом, но с высокими подвижными ногами и телом, похожим на современного быка. Во всей этой толще не нашлось, да и не могло быть титанотериев — эти звери жили раньше и могли залегать только в нижней озерной толще.

Понятно, что открытие Новожилова произвело фурор, и мы сейчас же отправились на место находки. Действительно, Новожилов нашел настоящих титанотериев. На верхушках небольших холмов залегали два черепа и несколько костей. К большому нашему огорчению, этот костеносный горизонт оказался почти совершенно размыт. Уцелело только несколько ничтожных пятнышек серых песков на верхушках холмов, и в них залегали кости. Всех нас потрясло фантастическое чутье Новожилова. Холмы назвали его именем. Остатки титанотериев теперь изучены и оказались принадлежащими новому, ранее неизвестному науке роду — протэмболотерию.

Дни шли, количество находок все увеличивалось, и горка ящиков с драгоценной добычей у палатки Эглона росла с каждым днем. Начали дуть сильные южные ветры, невероятно мешавшие

во время раскопок, да и ночью не дававшие покоя. Становилось все теплее, первый по-настоящему жаркий день выдался двадцать восьмого марта, когда появились ящерицы и какие-то жуки, а рабочие работали без рубашек. Пора было перебираться в главный лагерь, где подходили решающие дни выемки скелета. Я теперь почти не ходил по обрывам, а занимался сводкой наблюдений, устроив свой кабинет в кабине ЗИСа. Никто не мешал мне в этой крохотной стеклянной комнатке с видом во все стороны на ровную солнечную степь, по которой медленно ползли сине-серые пятна облачных теней. Ветер слегка колебал уснувшую тяжелую машину и свистел в щелях, но не мог изгнать привычный и приятный запах бензина и резины.

Вечером 20 марта, накануне отъезда, я пошел прощаться с Эргиль-обо. Взобравшись на плато, я сфотографировал старинное обо. Обветренные камни, проложенные полуистлевшим саксаулом, побелевшие от помета отдыхавших здесь птиц, свидетельствовали о древности постройки. Вероятно, обо было воздвигнуто более столетия назад и с тех пор указывало путь множеству торговых караванов, когда-то проходивших здесь из Хуху-Хото.

Осторожно разобрав камни, я проник в середину верхушки обо и нашел там глазированный кирпич с оттиснутой в центре цифрой 23—очевидно, знак опорного пункта топографической съемки конца прошлого столетия. Рядом с кирпичом я положил железную коробку с вложенной в нее запиской об экспедиции и снова заделал разобранную стенку.

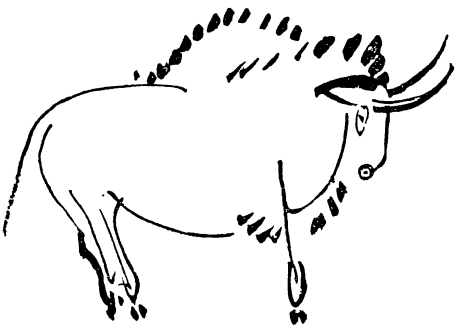
Когда я спустился с обрыва, солнце зашло. Котловина скрылась в темноте, багровое небо на западе закрывала черная стена плато, и только восточный концевой мыс поднимался надо мной, как нос корабля, освещенный отблесками меркнувшей зари. Что-то загадочное таилось в темном выступе древних пород, выдвинутом в пустынную и молчаливую равнину. Я подумал об остатках древней жизни, скрытых в глубине обрыва, и образы бесконечно далеких времен возникли в темноте передо мной.

Эоцен — эпоха расцвета млекопитающих животных на освободившейся от гигантских ящеров земле! Странные звери, в которых как бы смешаны были отличительные признаки всех современных знакомых человеку млекопитающих животных, населяли в то время сушу. На этой заре расцвета млекопитающих неизбежный процесс эволюции еще не выявил наиболее приспособленных к разным условиям существования типы животных. Они появились позже, путем смены бесчисленных поколений и самых различных попыток приспособиться к условиям жизни, обеспечить себе лучшее питание и безопасность потомства. Около шестидесяти миллионов лет прошло со времени окончательного вымирания динозавров до наших дней.

Семнадцать миллионов лет длился эоцен с палеоценом. Поразительны звери, находимые в этих отложениях. Гиенообраз-

ные кошки, подобные современным хорькам и выдрам, но гигантских размеров, хищники с твердыми, как у собак, ногтями, хищники с копытами, травоядные с хищными лапами и сабельными клыками слоноподобные животные с длинными клыками и с тремя парами рогов, сумчатые с широкими многобугорчатыми зубами звери, у которых передние ноги были вооружены когтями, а задние копытами — бесчисленное множество необычайных зверей прошло по лицу земли в эоцене. Остатки их сохраняются в горных породах того времени, и ученые постепенно раскрывают тайну этого интереснейшего периода истории животного мира.

Отложения эоцена с остатками наземных млекопитающих почти неизвестны на территории Советского Союза. Поэтому здесь, в Монголии, одной из важнейших наших задач были поиски и изучение эоцена. И вот сейчас в выступе Эргиль-обо лежат эти породы... Правда, они относятся к самому последнему периоду эоцена. Но из них по обнаруженным нами остаткам встают стада громадных титанотериев той разновидности, которая известна под именем эмболотериев — таранящих зверей. Это тяжелые животные, больше современных носорогов. На их черепах носовые кости образуют высокие выросты, заканчивающиеся парой тупых рогов. Выросты поднимали ноздри высоко над пастью, и животное могло срывать растения, находящиеся под водой, без задержки дыхания. Стада эмболотериев жили на заболоченных окраинах больших озер, которые были распространены на низменной центральноазиатской суше. После эоцена страна претерпела на севере большие поднятия. Мощные реки докатились сюда с горных высот, возникших на месте современного Хангая, прорезали наслоения эоцена и заполнили образовавшиеся русла отложениями новой эпохи — олигоцена.



И сейчас, устремляя взгляд вдаль на запад, вдоль чернеющего под звездами края плато, я представлял себе, как по берегам этой реки тридцать пять миллионов лет назад обитали многочисленные носороги. Длиннотелые брахипотерии с короткими ножками жили в воде наподобие современных бегемотов, но в то

время как бегемот — родственник свиньи, это были настоящие носороги. Свиньи того времени — огромные энтелодонты с чудовищной пастью и телом буйвола — обитали в более высоких местах, на опушках лесов. Широкие болотистые равнины населяли родичи носорогов — аминодонты, в то время как в степи жили странные высоконогие носороги, названные американцами по имени местонахождения ардыниями. Неуклюжие хищники, полугиены-полукошки, находили обильную пищу — молодняк малоподвижных носорогообразных.

По примыкающим степям вместе с ардынями бегали огромные бескрылые птицы. Если страуса снабдить сильными когтями и приставить ему огромную голову с хищным загнутым клювом, то мы получим их подобие. Птицы были опасными хищниками, если учесть, что бегали они, пожалуй, быстрее всех других современных им животных. Целые стада слоновых черепах медленно двигались по берегам реки. Их выпуклые панцири и скелеты особенно часто попадаются в верхних конгломератах в результате гибели от больших периодических наводнений.

Так проходили передо мной все древние животные, раскопанные нами за семь дней работы на Эргиль-обо. Огромные черепахи толкались неспешными стадами в сумерках вдоль берегов. Одни высоко вытягивали длинные шеи и, приподнимаясь на передних ногах, доставали съедобные верхушки кустарников. Другие, тяжело ворочаясь, спускались к воде, не страшась внимательных, отливающих красным огнем, глаз больших аллигаторов, неподвижно лежавших в мелкой воде у края отмели. Фантазия все обострялась: я чувствовал влажное дыхание реки, слышал шелест и топот бесчисленных зверей, их фырканье, рев, хриплый вой неведомых хищников. Все дальше и шире развертывалась картина прошлой жизни. Но тут... меня позвал Пронин. Обсуждение какого-то вопроса, касающегося машин в завтрашнем рейсе, быстро перенесло меня в настоящее.

Нагруженный добычей — еще непросохшими монолитами, образцами пород, а также пустыми бочками — наш «Дзерен» понесся по знакомой дороге. В лагере остались для завершения раскопок Эглон и Рождественский. Сразу за большими сухими руслами начались пологие холмы, усыпанные коричневой щебенкой. Здесь дорога была особенно хороша, и на прямых спусках Пронин сильно разгонял машину. Внезапно откуда-то выскочил большой дзерен — козел, по обычаю всех травоядных животных, пожелавший обязательно пересечь нам дорогу. Чтобы обогнать нас, животное неслось с поистине безумной скоростью. Дзерен бежал с правой стороны, почти рядом с машиной, и я мог хорошо рассмотреть его вытянутую шею, широко раздутые ноздри и скошенные в сторону машины глаза. Наш «Дзерен» в этот момент держал на спидометре семьдесят пять километров, так как дорога шла по длинному прямому спуску. Козел несся огромными скач-

ками — мы отчетливо видели, как задние ноги антилопы закидывались вперед до ушей. Копыта дзерена мелькали так быстро, что сделались невидимыми, как спицы катящегося колеса. Скачка продолжалась около километра или больше, как вдруг козел замедлил бег и повернул в степь, отказавшись от борьбы. Сверху послышался вопль Малеева, но тяжелая машина, естественно, могла остановиться только тогда, когда дзерен был уже вне досягаемости выстрела.

После полудня мы увидели впереди горы Дулан-Хара, ограждавшие с юга знакомый нам район Баин-Ширэ. Снова испытали мы странное слепящее свойство серой равнины. Южные склоны гор Дулан-Хара нацело засыпанные песком почти до вершин, производили мрачное и даже какое-то жалкое впечатление. За ними находилась красная котловина «Конец Мира», откуда совсем близко до главного лагеря на Баин-Ширэ, расположенного так, что его можно было увидеть, лишь подъехав в плотную. Однако звук нашего мотора слышался за добрые пятнадцать километров. Предупрежденные им, товарищи встретили нас стрельбой и веселыми криками.

На раскопке скелет вскрыли полностью. Ширина скопления костей оказалась более двух метров, так что нечего было и думать взять его целиком. Скрепя сердце я решил разрезать скопление на две части и взять отдельными монолитами. Только палеонтолог может понять терзания, которые я испытывал, наблюдая, как в прорубаемой канавке под киркой и зубилами крошатся и разламываются прекрасной сохранности крупные кости. Впоследствии выяснилось, что я оказался мягкосердечен — следовало еще раз разделить первый, получившийся слишком большим, монолит. Из трещины красных глин вылез первый маленький скорпион, немедленно уничтоженный. В этих же трещинах нашли множество скелетов маленьких змей и ящериц, а также скопления живых ящериц-круглоголовок, еще не очнувшихся от зимнего сна. Красная глина, которую размачивали для монолита, на солнце приобрела необыкновенно яркий, светлокровавый цвет, который казалось странным видеть в минеральной массе размазанным по большой поверхности монолита. Гипс, которым заливали края монолита, был серого цвета и, по законам освещения Гоби, принял интенсивно голубую окраску. Сочетание цветов в монолите стало очень красивым.

Работа шла, казалось бы, очень хорошо, но величина главного монолита превзошла наши силы. Когда деревянную раму из толстых брусьев залили гипсом, замазали глиной и на выровненное таким образом дно набили семисантиметровой толщины доски, стало необходимым перевернуть монолит, чтобы заделать его нижнюю сторону. Соединенных усилий всего отряда не хватило. Тогда вниз, в котловину, спустился «Дракон». Монолит зацепили канатами за буксирный крюк машины. Однако веревки оказа-

лись плохими, не рассчитанными на «длинную» тягу. Все пять канатов лопнули почти одновременно, и монолит, уже поднявшийся почти вертикалько, упал назад. От тяжкого удара большие куски скопления костей вывалились, сотни осколков рассыпались на уступе — катастрофа была горестной и серьезной. Оставалось сделать то, что требовалось с самого начала — разделить неподъемный монолит на два. Теперь это сделать стало легко, но серьезные повреждения и поломки костей потребовали длительного и кропотливого труда препараторов в Москве.

Если не считать неудачи с большим монолитом, в целом наши дела шли неплохо: много остатков черепах, хищных и панцирных динозавров упаковывались каждый день в ящики. Я не собирался проводить капитальные раскопки на Баин-Ширэ — исследование Восточной Гоби планировалось у нас на последний, 1950 год работы экспедиции, к сожалению, несостоявшейся. Лишь попутно с извлечением уже найденного скелета производили исследования в прилегающих районах. Зато стоило осмотреть еще раз Хара-Хутул, благо экспедиция располагала бо́льшим временем и бо́льшим числом исследователей, чем в 1946 году. Я извлек старые дневники, схемы и записи и уселся в палатке обдумывать маршрут.

В памяти встали морозные и бурные дни поздней осени 1946 года. Словно откликаясь на эти воспоминания, чистое весеннее небо заволоклось красно-серыми тучами. Налетела страшной силы песчаная буря. Пылевой вал покатился по плоскогорью, померкло солнце, бешено захлопали тенты машин, загудели и затряслись палатки. Я едва успел собрать все драгоценные записи прошлой экспедиции и сунуть их во вьючный чемодан, как палатка с треском разодралась сверху донизу, море песка хлынуло внутрь, раздался треск поперечной стойки, и палатка рухнула. Уже привыкший к таким случайностям, я вылез из нее без особых затруднений.

Котловина Халдзан-Шубуту покрылась желтым туманом, среди которого возникали и исчезали плотные крутящиеся колонны песчаных смерчей. Редкие капли дождя высыхали среди несущейся пыли почти мгновенно. Так продолжалось больше двух часов, затем небо прояснилось, пыль перестала лететь, но сильный ветер бушевал до полуночи.

Похолодало. Наутро рабочие, до этого дня трудившиеся до пояса голыми, вышли на раскопку в ватниках. Холодная прозрачная тишина окружала наш лагерь — странная для вечно шумящей от ветра степи. К ночи стало еще холодней. Я долго работал в палатке, затем вышел под яркие близкие звезды. В котловине под лагерем царил глубокий мрак. Необъятная темнота и молчание вокруг, только там внизу, на разрушенных ветром холмах песчаников и красных глин, размеренно и печально кричал сыч.

Скоро явились с Баин-Ширэ Эглон с Рождественским, и мы всей научной силой двинулись в горы Хара-Хутул на «Козле» и «Дзерене». Снова, как и в 1946 году, по красной котловине и старинной караванной тропе с белыми обо понеслись наши машины. В этом году Восточная Гоби повсюду была безлюдной: бескормица заставила аратов перекочевать на север. Перекочевками ведали специальные правительственные уполномоченные, заранее распределявшие районы пастбищ. Благодаря этому массовая перекочевка больше не была для гобийцев бедствием. С уходом людей появились дикие животные — там, где два года назад ходили табуны лошадей, мы наткнулись на стадо кабарожек. Машины шли быстро, и расстояние между ними и животными сокращалось. Ярые охотники Малеев и Рождественский уже приготовились стрелять, но тут кабарги резко повернули. Их серые шкуры в высоком солнце казались неясными, будто призрачными. Серыми тенями неслись легкие животные над большими кочками такого же, как они, желто-серого дериса. Кочки почти непроходимы для машин, и преследование пришлось оставить.

Впереди нас ожидало еще большее разочарование. Машины быстро приближались к черному гребню Хара-Хутул. Наш «Дзерен» шел впереди, так как я выполнял обязанности проводника. Внезапно на гребне выросли пять архаров. Крупные животные чеканно выделялись на фоне неба. Застывшие, как статуи, высоко подняв головы, животные смотрели на невиданные машины. Мы все тоже видели их впервые, и Малеев растерялся. Ему не пришло в голову, что такие крупные звери могут быть дикими, и он принял архаров за новую породу рогатого скота. Неуверенно подняв винтовку, Малеев выстрелил в гребень горы. Архары исчезли в одно мгновение. Буря негодования обрушилась на наши головы от подъехавших на «Козле» товарищей. А я, признаться, был только рад: уж очень красивы были животные с могучими, точно отлитыми из металла, мускулистыми телами...

Набрав воды в роднике, мы поднялись на плоскогорье и расположились там лагерем. Исследователи рассыпались во все стороны, и только вечером собрались все вместе. Поразительно теплая и душная ночь была насыщена электричеством. Металлические предметы — болты и запоры на кузовах машин, мушки винтовок — светились слабыми огоньками. Волосы потрескивали под пальцами, а куски кошмы, которыми пользовались для спанья, превратились в электрические конденсаторы. Достаточно было провести рукой по кошме, чтобы вызвать холодное голубое пламя, отчетливо видимое во мраке безлунной ночи. Новожилов, ненавидевший скорпионов и всякую подобную, как он выражался, «нечисть», был озадачен появлением крохотных огоньков, там и сям светившихся из кошмы. Приняв их за глаза бесчисленных скорпионов, он перебрался со своей постелью на крышу «Дзерена». Как он умудрился проспать там, не свалившись, мне до сих

пор непонятно. Рождественский утром клялся, что не спал всю ночь из-за Новожилова — ему якобы мешал стук зубов закоченевшего палеонтолога, усиливавшийся в предрассветном холоде.

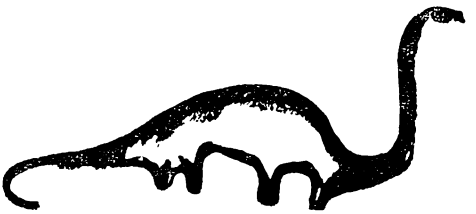
На следующий день исследования продолжались, принеся много интересных открытий и находок. Особенно запомнились мне гигантские окаменелые пни таксодиев — болотных кипарисов, открытые Новожиловым и Малеевым в глинах северной стороны горы. В промоинах, обрывах и на вершинах холмов эти остатки гигантского леса широко простирали свои корни, рассыпаясь целыми горками окремнелых щепок. Некоторые пни достигали четырех метров в диаметре, выделяясь светло-серыми холмиками среди красноватых песчанистых глин. Этот участок древней почвы, затопленного водой болота, существовавшего здесь около восьмидесяти миллионов лет назад, с востока и юга обрамлялся полосой песчаников. Песчаники заполняли канал, некогда промытый одним из протоков подводной дельты в затопленном таксодиевом лесу.

В песчаниках мы нашли огромные конкреции — стяжения из твердого, как гранит, песчаника, похожие на большие колеса. Внутри каждого «колеса» был заключен отдельный позвонок гигантского ящера — зауропода. Кроме позвонков, встречались отдельные части черепа, массивные кости конечностей кое-где и почти целые черепа хищных динозавров. К сожалению, все это было настолько разрушено выветриванием, что уже не представляло научной ценности. Лишь в одном месте, вниз по течению древнего потока, Рождественский нашел целую глыбу с тазом стегозавра — растительноядного ящера с гребневидными рядами шипов на спине. Теперь мы ясно могли восстановить картину того времени (слои Хара-Хутул относились к нижнемеловой эпохе).

Мы отчетливо видели перед собой приморскую низменность, болотистый край которой постепенно погружался ниже уровня моря. На вязком, илистом дне широко простирали свои корни огромные болотные кипарисы, темной, непроницаемой, увешанной мокрыми мхами стеной уходившие в бесконечную даль. Глубокие каналы почти черной пресной воды прорезали там и сям чащу этих несокрушимых зарослей. Сюда заплывали трупы погибших ящеров — динозавров — как хищных, так и панцирных, которые обитали дальше от берега, на материке, за бесконечными стенами прибрежных лесов, вечно окутанных дрожащим маревом нагретого влажного воздуха. Что происходило там, так же как и где обитали эти динозавры, осталось для нас тайной, ибо в слоях гор Хара-Хутул нет отложений, которые возникли бы там, на материковой стороне лесного барьера. Но с морской стороны этого барьера, там, где сейчас располагались полосы песчаников с костями и остатками растений, геологическая летопись сохранилась.

Здесь жили зауроподы — самые крупные ящеры Земли с необычайно длинными шеями и хвостами. Они бродили в воде на прибрежных отмелях, питаясь богатой растительностью. Огромные приливные волны набегали здесь в определенные часы суток на низменные побережья, сметая все мелкое и слабое. Но гигантские зауроподы противостояли этим волнам не хуже таксодиев, глубоко погружая в мягкое дно свои огромные когтистые лапы. И сейчас их кости, разбросанные некогда волнами, говорили нам о прошлом величии древних ящеров...

Снова испытал я странное очарование черного гребня в центре горного массива, четкой прямой грядой прочерчивавшего невероятный хаос окружающих размывов. Веселой гурьбой мы вошли в узкое ущелье, прорезавшее насквозь базальтовой гребень, где отполированные ветром вишнево-красные базальтовые скалы в торжественном одиночестве нависали в небе. Чистый и



яркий красный цвет лав еще сильнее горел в пламенном солнце и подчеркивался глубокими тенями оврагов. Оказалось, что в 1946 году мы неправильно оценили мощность лежавших под базальтами пород — она была значительно большей, — так же как и тех пород, которые лежали непосредственно выше базальта. Пройдя по ущелью на южную сторону гребня, мы оказались перед хаосом холмов и промоин в котловине у подножия горы. Здесь в прошлую экспедицию мы с Громовым нашли кости динозавров. Над беспорядочной толпой желтых и серых холмиков высились три ряда песчаниковых пластов; они образовали на уступах склона три пояса каменных бастионов с грозно торчавшими навстречу нам зубцами. Здесь было царство орлов — на каждом зубце, на каждой скале важно восседала птица. Еще выше, во впадинах неприступных полированных базальтовых стен, виднелись огромные гнезда грифов...

Возвращаясь к машинам, я думал о том, что задача предварительного ознакомления с Хара-Хутул выполнена. В тот же день мы вернулись к раскопкам. В главном лагере на Баин-Ширэ был уже прибран «Малахов курган» на месте выемки скелета, названный так по сходству с разбитым укреплением — хаосу глыб породы, обломков досок, щепок. Оставалось загрузить машины добычей и возвращатья в Улан-Батор. Снова на местах раско-

пок остались Эглон и Рождественский. Мы никак не хотели мириться с мыслью, что найденные и лежащие тут же на поверхности научные ценности могут остаться невзятыми. «Дзерен» оставался с Эглоном, все остальные машины едва-едва смогли вместить груз. Койки были привязаны сверху на тентах, а ведра и баки для воды укрепили позади кузовов на выдвинутых «ходовых» досках. Ходовыми досками мы называли две толстые доски, которые всегда находились при каждой машине и помещались под кузовом на раме. При помощи этих досок мы преодолевали и пески, и крутые откосы, и рыхлые солончаки.

Рано утром 6 апреля мы простились с товарищами. Эглон и Рождественский дали положенный прощальный салют и долго махали нам, стоя перед единственной оставшейся от целого городка палаткой. Оба невысокие, они казались издали почти одинакового роста, но трудно было представить себе более несхожих людей. Худощавый, слегка похожий на японца, сильно близорукий Рождественский славился аккуратностью и выдержкой, почти педантичностью. Рассеянность и вспыльчивость Эглона, наравне с его оптимизмом, невзыскательностью и добродушием, была притчей всей экспедиции. И сейчас, накануне нашего отъезда, оба схватились в жарком споре. Рождественский справедливо упрекал Эглона за небрежность в этикетировке находок, а тот упрямо продолжал отстаивать свои позиции. Тогда Рождественский обратился к «общественности» и представил на ее суд замечательную этикетку, написанную собственноручно Яном. Этикетка была приложена к тазу панцирного динозавра, найденному Малеевым, и гласила кратко «Саин-Шанда, скелет Малеева». Ян Мартынович решил, что нечего долго расписывать географическое положение и обозначать научное название находки — так звучало короче и внушительнее. Под оглушительный смех Эглон удалился из палатки с видом оскорбленного достоинства...

И сейчас, покидая товарищей, мы по-разному представляли себе темы очередных схваток. Вскоре выяснилось, что мы были неправы — оба спорщика быстро пришли к согласию в отношении прекращения раскопок и явились в Улан-Батор буквально на следующий день. За это отсутствие исследовательской терпеливости и стремление носиться с места на место в надежде на крупную удачу мне не раз приходилось упрекать Рождественского, в остальном крайне упрямого и настойчивого, со вкусом настоящего ученого. Рождественский оказался дальновидным, хорошим организатором и сделался впоследствии заместителем начальника экспедиции.

Дорога на Саин-Шанду была теперь хорошо знакома, и мы еще в середине дня прошли аймак, остановившись только, чтобы попрощаться с даргой и друзьями из айкома. К северу от аймака, на добрую сотню километров, простерлась равнина с белыми камешками и сухой светло-желтой травой. Слабо-желтая даль

этой равнины очень чиста и светла и в то же время живее и теплее снежных равнин. Именно здесь в 1946 году потерпел крушение «Смерч» — одна из наших полуторок, когда у него вышли из строя одновременно генератор, трамблер и аккумулятор. Я подумал, что надо скорее проехать неудачливое место, как бы здесь чего-нибудь не случилось.

Мы находились примерно на месте аварии, в пятидесяти километрах от Саин-Шанды. Вдруг я увидел, как шедший впереди «Тарбаган» окутался пылью и стал. Мы с Безбородовым подъехали и, по примеру Лихачева, полезли под задок его машины. Кожух заднего моста «Тарбагана» был пробит. Черные капли нигрола быстро сбегали на землю. Оказалось, что развалился подшипник сателлитовой чашки. Его обломки сильно повредили ведущую и редукторную шестерню, смяли шлицы левой полуоси. Экстренный совет механиков постановил вытащить обломки и ехать без подшипника, оставив на машине все три тонны груза. Несколько километров прошли с осторожностью и частыми остановками, проверяя нагрев моста, а затем пустились вперед более смело.

Я продолжал путь на «Драконе». Его шофер Безбородов, самый старший участник экспедиции, кроме Эглона, был ярко выраженным, точно из романа или из кинофильма, типом старого рабочего-металлиста. Он много повидал, умел сделать из металла все что угодно и ко всем перипетиям относился с добродушным юмором бывалого человека. Начиненный смешными рассказами о событиях своей жизни, Безбородов оказался приятным собеседником в долгих часах и днях пути в кабине «Дракона».

До Чойрена доехали к ночи, в сильный холод. Рыжий кот на автостанции спал, свернувшись в комок. Это нам показалось плохой приметой, и мы вылили на ночь воду, что, впрочем, помогло быстрее завести машины. «Тарбаган» был разогрет первым и отправлен вперед. Остальные («Волк» и «Дракон») выехали на два часа позже и к пяти часам были на перевале к Улан-Батору, так и не догнав «Тарбагана». На самой окраине Улан-Батора у нас кончился бензин — мы шли на последних каплях.

«Тарбаган» прибыл полтора часа назад, еще раз доказав неимоверную прочность наших машин ЗИС-5. Никогда раньше я бы не поверил, что машина с полным грузом сможет пройти четыреста километров при таком состоянии заднего моста!

В Улан-Баторе мы сразу же начали готовить машины в поход к главной цели текущего года работы — котловине Нэмэгэту. Надо было снова создать базу в аймаке Далан-Дзадагад и попутно произвести раскопки в Баин-Дзаке. Мы перешли на летнее положение, сдав «маньчжурский дворец» Комитету наук. Теперь у нас остался лишь маленький домик в Государственном музее. Тут же во дворе огромный сарай был отведен под наш склад. Рядом с сараем уже поднялся штабель ящиков — вполне реальные

результаты восточногобийского похода — около четырнадцати тонн сборов по древним млекопитающим и верхнемеловым динозаврам.

Малеев заболел сердечной недостаточностью, и его участие в дальнейших работах было поставлено под сомнение. Все же он хотел съездить посмотреть Южную Гоби. Пришлось разрешить ему короткую поездку туда. Нам всем было жалко расставаться с отличным работником, но мы понимали, что наш долг — настоять на возвращении Малеева на родину. Все остальные теперь ехали в Гоби. Мы расстались и с нашим симпатичным переводчиком Очиром. От Комитета наук нам прикомандировали постоянного переводчика Намнан Доржа, который доставил, однако, впоследствии нам немало неприятных минут, будучи человеком старого склада, с неизжитыми еще националистическими тенденциями.

Наконец все переустройства и ремонт были закончены. Двадцатого апреля все шесть машин ушли в южногобийский аймак Далан-Дзадагад, попутно забросив раскопочный отряд на Баин-Дзак. Двадцать шестого апреля машины вернулись в Улан-Батор за второй порцией груза и, сменив три сломанные рессоры, тридцатого апреля вместе со мной и Малеевым выехали снова в Южную Гоби.

«Научились ли вы радоваться препятствиям?»

Надпись на одном из высочайших тибетских перевалов

ГЛАВА II. ШТУРМ НЭМЭГЭТУ

Снова под колесами машин стлался длинный шестисоткилометровый путь до аймака Далан-Дзадагад. Майская Гоби сильно отличалась от осенней. Весело выглядели огромные зеленые пятна свежей травы, разбросанные среди моря сухой и желтой, перезимовавшей растительности. Появились низенькие кустики с густыми скоплениями ярко-синих цветов, издали похожих на колокольчики. Эти кустики на серой каменистой солнечной равнине мелькали мимо несущейся машины, как вспышки синих огоньков. Разрушенные выходы базальтовых пород образовали черные пятна и полосы на поверхности степи. Днем в высоком

солнце, когда серый щебень пустыни кажется синим или голубым, эти породы из черных превращаются в густо-фиолетовые. Острые фестоны таких фиолетовых бугров вонзаются в желтую ширь равнины.

За Мандал-Гоби торчали многочисленные камни, серо-голубые, а не темные, как в Чойрене. У Дагши-Гуин-худука («Колодец трудной доступности») плоская глинистая котловина окрасилась в светло-кофейный цвет. На ней ярко голубели пятна, полосы и извивы прошлогодней полуистлевшей травы. Дальше на юг вновь появилась черная щебенка, а красная глина котловин пламенела в вечернем солнце, образуя чернокрасный узор равнины.

Иногда все кругом становилось черным, и только дорога, на которой снесен щебень и обнажена глина, вилась красной лентой в темную даль. Поражала жалкая покорность перекати-поля — это тени растений, обреченно несомые в неизвестную даль свирепым ветром пустыни.

В разрушенном монастыре Олдаху-хид все расписные деревянные постройки, виденные нами в 1946 году, бесследно исчезли. Цепь субурганов — белых башенок на кубических основаниях — по-прежнему стояла у края темно-серой, поразительно плоской и безотрадной равнины, а позади — цепь голубых гор и красное запыленное небо с низкими тучами.

Иногда шедший позади «Волк» перегонял мою машину. В окошечко кабины виднелось «командирское» лицо Малеева, похожего на английского генерала, приветливо махавшего рукой. Я с беспокойством наблюдал за ним — его мучили приступы сердечной болезни, из-за которой теперь нам приходилось отправлять его в Москву.

— Ну как? — бодро спросил я Малеева на очередном «перекуре». Он помрачнел и принялся тереть ладонью выбритую до синевы щеку.

— Болит и временами лезет к горлу! — ответил Малеев, подразумевая сердце.

— Напрасно поехали! — тревожно отозвался я.— Ведь врачи запретили...

— Да надо же посмотреть хоть Южную Гоби... А дальше — видно, не судьба! Может быть, на следующий год?..

На следующий год Малеев снова участвовал в экспедиции. Наученные горьким опытом, мы берегли от физической работы товарища, и он развил бурную деятельность, начальствуя раскопками в Западной Гоби и в грозном Нэмэгэту...

Первое мая мы встретили в гигантской щебенистой впадине к северу от аймака. Страшные шквалы песчаной бури заставляли порой содрогаться наши тяжелые машины. Желтый песчаный туман заволок все вокруг. По равнине неслись густые желтые облака и смерчи, взвивающиеся в низкое серое небо. Из-под колес

машин резко забрасывались вбок длинные хвосты песка. В щелях кабины над ухом — наглый, издевательский свист ветра на высоких нотах. Но, когда мы на следующий день подъезжали к Баин-Дзаку, тишина, покой и прозрачность воздуха были поразительны. При спуске с края щебнистого плато красные обрывы Баин-Дзака, прозванные американцами «пылающими утесами», в дневном солнце были не красными, а цвета червонного золота. Нагретый воздух на черном щебне в дне котловины стелился вокруг утесов как бы голубеющей водой. Получилось красочное зрелище золотого замка с высокими стенами и башнями, стоящего посредине мутно-голубого озера.

Еще в аймаке мы получили записку от Эглона, извещавшего о находке нового «неведомого зверя». Вручив товарищам почту и обменявшись несколькими словами, я поспешил посмотреть находку. У подошвы красных стен, на верхушке небольшого холмика, лежал на брюхе скелет невиданного динозавра около четырех метров длины. Толстые ребра, словно обручи, опоясывали необыкновенно широкое и плоское тело, короткие лапы были подогнуты под брюхо, а вытянутый струной хвост заканчивался широкой костной лепешкой из двух секирообразных шипов. Хвост был сплошь оплетен окостеневшими сухожилиями и усажен с боков длинными шипами. Отдельные шипы усеивали все тело животного и обрамляли лапы с наружной стороны. Это животное, оборонявшееся от нападений хвостом, превращенным в ударную булаву, принадлежало к панцирным динозаврам. Найденный нами экземпляр еще не имел сплошного костяного покрытия, как более поздние панцирные динозавры — анкилозавры, выкопанные нами в Баин-Ширэ. Это был предок анкилозавров, и потому красные пески Баин-Дзака должны считаться более древними, чем пурпурные глины Баин-Ширэ. Новый динозавр получил впоследствии от описавшего его Малеева наименование сирмозавра, что значит «ползающий ящер». Он обитал в сухих местах и, вероятно, находил себе убежище, закапываясь в песок. По общему строению тела новый динозавр очень походил на фринозому — шипоносную, жаботелую ящерицу современных мексиканских пустынь, не только внешним обликом, но и образом жизни. Я сразу же понял, что мы натолкнулись на неведомого до сих пор ящера. Кости скелета оказались чрезвычайно хрупкими и при неосторожном прикосновении рассыпались в зернистый белый порошок. Очень осторожно мы вырезали из рыхлого песчаника, или, вернее, плотного песка, в котором лежал скелет, почти правильный куб. Эглон тщательно заделал его в монолит около четырех тонн весом. Хвост отделили и заключили в длинный ящик. Впоследствии этот монолит, укрепленный поперечными ребрами и окованный железными наугольниками, выдержал все перегрузки. Скелет сирмозавра выставлен сейчас в Палеонтологическом музее Академии наук СССР.

Здесь же были найдены остатки и других ящеров — предков рогатых динозавров — протоцератопсов, а также разной формы и величины яйца, принадлежавшие небольшим диназаврам.

Особенно тщательному исследованию мы подвергли палеоценовые отложения Гашато. Эти отложения, открытые американцами, мы посетили в 1946 году, но неудачно.

Палеоцен — эпоха в самом начале третичного периода, непосредственно следующая за меловым, когда на всей земле еще господствовали исполинские пресмыкающиеся, а редкие и мелкие млекопитающие не играли значительной роли в наземной жизни. В палеоцене уже только млекопитающие представляют собой господствовавшее население материков. Гигантские ящеры исчезают с концом мелового периода. С этих пор на земле продолжают существование только таящиеся в своих древних убежищах жизни пресмыкающиеся — крокодилы и черепахи. Между палеоценом и верхними слоями мела проходит рубеж великого перелома в истории животного мира. Действительно, в палеоцене мы находим только млекопитающих и сразу все главные их группы, включая даже летающих зверей — рукокрылых и линию предков человека — приматов.

Везде, во всех странах мира, палеоценовые отложения представлены слоями незначительной мощности. В каких-нибудь шестидесяти — ста метрах слоев глин и песчаников палеоцена заключены документы начальной истории всего разнообразнейшего и обширного класса высших по организации животных — млекопитающих. Поэтому очевиден крупнейший научный интерес палеоцена. Если добавить к этому, что на всем обширном пространстве территории СССР нет материковых отложений палеоцена с остатками ископаемых животных, то станет понятным наше старание исследовать возможно подробней палеоцен Монголии.

Можно понять и наше разочарование. Область развития палеоцена близ колодца Хашиату была по площади очень невелика: несколько холмов и ряды низких бугров — совершенно голых, без всякого растительного покрова. Они сложены красно-фиолетовыми, удивительно сильного и яркого цвета глинами. Вся местность из-за темного цвета палеоценовых пород имела угрюмый облик, оживлявшийся горящими на солнце алмазными огнями многочисленных кристаллов гипса. Костеносный слой

Гашато, залегавший на поверхности пурпурных глин, оказался почти нацело размытым. Только отдельные кости, обломки черепов, челюсти и зубы, сильно поврежденные выветриванием и окремнелые от продолжительного лежания на поверхности пустыни,— все, что осталось от местонахождения.

Раскопки закладывать было негде — ученые опоздали на несколько тысяч лет. Нам оставалось собрать еще то, что уцелело, и в дальнейшем искать подобные же отложения в других местах Гоби — там, где костеносные участки могут оказаться неразмытыми. Все же наши сборы оказались интересными. Среди них профессор К. К. Флеров описал новое животное, предка древних корифодонтов, представлявших собой нечто среднее между бегемотом и носорогом и очень распространенных в эоцене Северной Америки. Считалось, что корифодонты с североамериканского материка проникли в Европу. Наши же находки говорили о том, что корифодонты скорее всего произошли из Азии.

Не менее интересной была находка небольших древних копытных, принадлежавших к отряду южных копытных, или нотоунгулат. Эти животные были известны только на южноамериканском материке (если не считать одной находки в Северной Америке), и до последнего времени в науке существовало мнение, что их развитие было совершенно отличным от европейско-азиатского животного мира. Находка нотоунгулат в столь древних отложениях Центральной Азии определенно говорит, что эти животные пользовались широким распространением. Иными словами, вся история развития разных групп млекопитающих представлялась теперь в совершенно другом свете, чем это казалось по прежним палеонтологическим данным. Эта неполнота данных геологической летописи обещает в будущем еще множество самых интересных и неожиданных открытий.

Четвертого мая из аймака пришли машины, забравшие все накопленные материалы. На следующий день мы наметили выступление на Нэмэгэту. Управились с погрузкой только к вечеру и тронулись уже ночью. При свете фар долгая ночная езда вызвала, как часто бывает, ночной мираж. Казалось, что стеклянная клетка кабины, открытая сверху прямо в черное небо, качается где-то посредине моря мрака. Шедшая впереди машина в освещении фар будто неслась по узкой аллее под сводами уходящих ввысь деревьев.

На следующий день мы встретились с нашим старым проводником Цедендамбой, который опять ехал с нами в Нэмэгэту. Чистая, покрытая светлой, вышитой кошмой юрта стояла на западной окраине аймака. Вся семья Цедендамбы была в сборе. Старик отец и жена помнили меня и Эглона еще по первой экспедиции и приветливо принялись угощать кумысом и кислым крепким сыром. Дочь Цедендамбы за два года превратилась в прехорошенькую девушку, отлично сознававшую свое обаяние.

Это чувствовалось по кокетливо-скромным взглядам ее блестящих узких глаз в сторону более молодых участников экспедиции — сопровождавших нас Преснякова и Брилева.

Колонна двинулась на юг в необычайно пасмурный день. В горах Гурбан-Сайхан шел непрерывный, совершенно осенний русский дождь. Нам не повезло в новом маршруте. Едва мы поднялись на перевал, как у «Дракона» выплавился подшипник второго цилиндра. Чтобы не задерживать колонну, Безбородов — водитель «Дракона» — был оставлен с двумя рабочими для ремонта. Игнатьев и Брилев хлопотали, растягивая брезент, а Безбородов деловито устраивался под машиной, чтобы выпустить масло и снять картер. Если бы им почему-либо не удалось отремонтировать машину, то наша колонна на обратном пути из Нэмэгэту должна была отбуксировать «Дракона» в аймак.

Распрощавшись с остающимися, мы двинулись дальше. Черные стены ущелья разошлись, окаймляя дугой широкое, поросшее ковыльком плато замечательно чистого цвета слоновой кости. Плато опоясывало сухое русло с синеватой галькой, а выше поднимались четкие, как будто нарисованные тушью горы. Низкие тучи сидели над перевалом, окутывая зубцы и пики клочьями тумана. Пустыня издавала резкий запах намокшей пыли, а по ущелью тянуло полынью — запахом, еще по-весеннему слабым, но необычайно свежим и бодрящим.

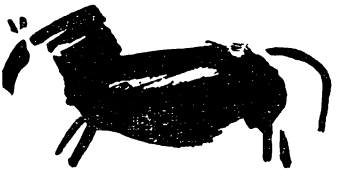
За вторым перевалом шли широкие, удивительно ровные плоскогорья. Они поросли низкой желтой травой и создавали впечатление необыкновенно светлого простора и шири. Между желтой травой проглядывали участки обнаженной серой щебенки — голубоватые узоры на ярко-желтом фоне. Дальше выступала красная глина, и ярко-красная дорога горела перед носом машины на солнечно-желтой равнине.

За Хонгор-обо сомоном могучие ветры нанесли поперек старой караванной тропы длинные гряды песка, но дружная работа всех участников экспедиции (от этой трудовой повинности был освобожден только Эглон) помогла быстро преодолеть препятствие. Уже к ночи мы въехали в каменный хаос у Цаган-Дерисуни-хурала, серые вершины которого ощерены и иззубрены острыми камнями. Какой-то злобный вид местности усугублялся мрачностью чрезвычайно зазубренного хребта Цзолэн на заднем плане — моря вздыбленных каменных волн.

Опять машины бросало, корежило и окутывало пылью на откосах и подъемах бесчисленных сухих русел. На следующий день продолжалось то же самое, ибо зона сильно размытого мелкосопочника протягивалась далеко к западу от бывшего монастыря. В довершение затруднений с утра начала бушевать песчаная буря страшной силы. Без солнца Гоби стала угрюмой и печальной. Рев ветра был так силен, что мы могли переговариваться только криком. Огромные смерчи неслись повсюду. При

их приближении все исчезало в облаках песка. Тупые носы машин зарывались в клубы песка, как в воду.

Я намеревался проехать в Нэмэгэтинскую котловину не с юга, как в 1946 году, а с востока. Если бы удалось проложить туда дорогу, то наш путь проходил бы мимо еще одной группы местонахождений динозавров — у горных массивов Гильбэнту



и Сэвэрэй. Поэтому, проехав двадцать пять километров от монастыря, мы повернули на север по старому автомобильному накату, когда-то шедшему в сомон. В настоящее время Сэвэрэй сомон перекочевал на другое место, и старый автомобильный накат окончился через тридцать пять километров. Мы попали в хаос сухих русел и промоин и двигались со скоростью пять километров в час. Пять часов пробивались мы так, пока не решили повернуть назад, не усмотрев впереди никакого облегчения. Накатать сносную дорогу через эти русла все равно было невозможно, а если мы бы ее и сделали, то погубили бы машины. Пришлось вернуться к старому пути, через Ноян сомон.

Буря продолжала свирепствовать. Последние холмы мелкосопочника Цаган-Дерисуни усыпаны необыкновенным, апельсинового цвета, песком. Будто неведомо откуда, из мрачных туч, солнце осветило серые бока холмов. Мягкая трава униженно сгибалась под ветром, а жесткие колючки надменно стояли и, не дрогнув, выдерживали шквалы. Из наблюдений над растительностью в бурю становился понятен смысл чрезвычайной жесткости пустынных кустарников. Ближе к Ноян сомону, там, где дорога шла по гребням гранитных хребтиков, неистовые шквалы несли поперек дороги длинные струи песка. Переваливаясь через выпуклую поверхность гребня, стелющиеся песчаные струи взвивались в воздух. Тогда дорога исчезала в их призрачном полете над землей, и приходилось ехать с большой осторожностью. Перед Ноян сомоном, на спуске, масса несущегося песка заполнила все ущелье. Казалось, что машины спускаются в стремительную желтую реку.

К ночи буря стихла и выпал снег, но мы надежно укрылись в помещении школы в Ноян сомоне. Здесь мы взяли напрокат большую юрту. Юрта со своим жестким каркасом и плотной оболочкой из кошмы устойчивее, чем палатка, более непроницаема для пыли и не так прогревается. Нам совершенно необходимо было иметь какое-то помещение для научных работ, записей, изу-

чения коллекций, фотолаборатории, которое было бы защищено от назойливых гобийских ветров. Юрта сослужила нам верную службу, и мы не могли нахвалиться своей догадливостью.

Нас встретили в Ноян сомоне как старых друзей. Директор школы, заменявший в сомоне начальство, уступил нам под склад незаконченный домик на краю сомона. По-прежнему стояли вокруг странные черные горы и каменные холмы с необычайно острыми, похожими на ежей, торчащих из-под земли, вершинами. Этот суровый вид местности не мог отнять какого-то домашнего ощущения. В 1946 году Ноян сомон показался нам краем света, а теперь это был обжитой дом перед большими неисследованными пространствами Заалтайской Гоби.

По знакомой дороге мы вышли в котловину Нэмэгэту, прямо напротив горы Гильбэнту, отсюда повернули на запад и выехали на бэль, сплошь покрытый цветущими синими ирисами. Здесь проводник Цедендамба, при моем попустительстве, совершил грубую ошибку — попытался спрямить дорогу и повел нас вниз, на дно котловины, держа курс прямо на Нэмэгэту. Мы оказались в песках, поросших тысячелетними саксаульниками. В довершение беды поднялась песчаная буря. Машины упорно пробивались сквозь бурю, пески и саксаул, наполняя всю долину восем своих моторов. Я повернул колонну к югу, на более твердый участок бэля, но затем тоже уклонился вправо, и мы уже в сумерках опять попали в заросшую саксаулом впадину.

После ночевки у высохшего колодца мы с Эглоном оставили всех свертывать лагерь и выехали вперед на «Козле». Быстро нашли свои следы 1946 года и подъехали к останцу «Первому» при ужасающем ветре. Вначале я думал ставить лагерь здесь, но потом решил все же спуститься в сухое русло и проникнуть в Главную котловину. Это решение, продиктованное страхом перед западными ветрами, все же не было совсем правильным. Хотя расположение Центрального лагеря внутри костеносного массива Нэмэгэту значительно ускорило работы по раскопкам, но стоило нам большого износа машин и пережога горючего, так как пробиваться последние несколько километров по сухим руслам к Центральному лагерю было невероятно тяжело. Сколько раз мы, поджидая машины из маршрутов или из Улан-Батора, подолгу слушали надсадный вой передач, пока машина подходила по бесчисленным изгибам сухих русел к лагерю. Теперь, набравшись опыта, я знаю, что надо было бы поставить Центральный лагерь у края оврагов и ущелий Нэмэгэту, там, где к нему можно было легко подъехать. Транспортировать рабочих и снаряжение к местам раскопок надо было на одной, сравнительно легкой машине, имея для этой цели, скажем, полуторку.

Но всему этому мы научились позже, а сейчас прибыли в Главную котловину и выгрузились над сухим руслом, найдя просторную площадку, которую не затопило бы возможное наводнение.

Борясь с адским ветром и холодом мы поставили юрту и палатки. Сразу стало уютно. Лихачев с Лукьяновой, тайно сговорившись, сервировали большой стол, даже с цветами. Вся экспедиция собралась в юрте за обедом, и мы выпили за благополучное достижение трудной цели в канун Дня Победы. Первый рейс по бездорожью в Заалтайскую Гоби несколько деморализовал еще не привыкших товарищей. Однако стоило поглядеть на небрежно развалившегося на своей койке Эглона с раскрытой почти до пояса голой грудью и со счастливым лицом наслаждавшегося крепчайшим чаем, чтобы приободриться.

На следующий день, когда Цедендамба, отправившийся на поиски колодца, не нашел его, а в лагере осталось не более ведра воды, произошел переполох. Я знал местоположение еще двух колодцев, но они были труднодоступны. Поэтому я послал Рождественского вторично искать тот колодец, который не нашел Цедендамба, так как он был наиболее близким — всего в четырнадцати километрах. Рождественский нашел колодец и почувствовал себя спасителем экспедиции. Я не стал его разочаровывать, но это сделал менее щепетильный Эглон.

Весь этот день мы с Новожиловым провели в поисках воды близ лагеря. Искали мы и по всем правилам гидрогеологической науки и по приметам гобийских аратов. По последнему способу рыли ямы и ставили на дно их опрокинутые чистые фарфоровые чашки. Если бы дно чашки наутро оказалось отпотевшим — это означало, что вода будет. Но чашки оставались сухими, и наши геологические заключения совпали с народными приметами. Во второй половине дня пошел снег, быстро растаявший и оставивший на саксаульных равнинах запах влажной пыли и глины. Чем-то родным повеяло от этой сухой и сожженной чужой земли.

К вечеру мы забрались с Новожиловым на восток от Главного лагеря. Здесь, посреди небольшой впадины, густо поросшей эфедрой с ее характерным аптечным запахом, высился круглый останец красноцветных меловых пород. Причудливые формы выветривания окаймляли его двумя рядами полуобвалившихся стен и венцом тонких башенок. Новожилов с его поэтическими склонностями, любивший давать наименования еще с первых наших совместных с ним экспедиций по «белым пятнам» Сибири, назвал останец «Островом Развалин». Впереди «Острова Развалин» стояла отдельная скала со ступенькой наверху, удивительно похожая на трон. Новожилов взобрался туда и развалился на троне с цигаркой в руке, и я сфотографировал его как владыку этих призрачных городов и дворцов.

В лагере нас ждали приятные новости. Эглон нашел скелет гигантского хищного динозавра, а Пронин открыл к югу от лагеря целое поле, усыпанное костями.

Следующий день я посвятил дальнейшему обследованию восточной части местонахождения Нэмэгэту. Выяснилось, что мас-

штабы местонахождения в 1946 году мы преувеличили. Исполинский массив красноцветных меловых отложений не был повсюду костеносным. Скопления костей и скелетов залегали в пределах огромного древнего русла, врезанного в массив пустых мертвых песчаников. Это русло было участком подводного выступа дельты древней реки, далеко выдвинутого в море от побережья. Сюда сносились течением трупы динозавров, крокодилов и черепах, которые отлагались здесь вместе с песками, гравийниками и конгломератами, заполнявшими промоины русла. В настоящее время от русла уцелел отрезок около восьми километров длины и полутора — двух километров ширины. С юга русло ограничивалось склоном бэля в котловину, сзади, с севера, все меловые породы срезались стеной поднятия хребта Нэмэгэту. Однако, несмотря на эти «сократившиеся» размеры, местонахождение Нэмэгэту оставалось колоссальным по количеству, сохранности и разнообразию заключенного в нем материала. Только Тендагуру в Восточной Африке, в котором захоронено множество скелетов исполинских зауропод, может сравниться с Нэмэгэту. Во всяком случае, прежде не было даже предположений о местонахождениях подобного масштаба в Монголии.

Новожилов и Рождественский отправились на «Волке» в разведку к востоку, на Гильбэнту, или «Гибель ту», как уже успел придумать Новожилов. Вообще Новожилову вначале очень сильно не понравилась Гоби, особенно ее ветры, пески и скорпионы. Поэтому Нестор Иванович заодно со своим шофером Лихачевым придумали сответствующие наименования для здешних мест. Гильбэнту была названа «Гибель та», Нэмэгэту—«Гибель эта». Позднее, когда нам всем сильно надоело долгое сидение в мертвых и жарких ущельях Нэмэгэту, мы согласились на другое название — «Невмоготу».

Начало работе было положено, число новых находок все увеличивалось, начались и раскопки огромного ящера. За необычайную удачливость в находках Новожилову было присвоено почетное звание «Соколиного Глаза», а Пронину — «Орлиного».

Я выехал обратно в Далан-Дзадагад на пустых машинах за второй партией груза. Предстояла серьезная задача — найти маломальски сносную дорогу, так как от этого зависел успех работы. «Дракон» не прибыл в Нэмэгэту, и никаких сведений о нем не было. Нужны были срочная помощь и розыски. Мы решили пересечь котловину прямо на юг и подняться как можно выше на бэль южного борта нэмэгэтинской впадины, с тем чтобы миновать пески центра котловины. Там действительно дорога оказалась более или менее твердой, но на бесчисленных промоинах и мелких руслах пустые машины неистово трясло. После каждых пятнадцати — двадцати километров такого пути приходилось останавливаться и делать передышку, так как начинали болеть внутренности.

— Это что ж, Иван Антонович,— приставал ко мне Лихачев, пытаясь пригладить пятерней свои торчавшие ежиком волосы,— так и будем все время ездить? Тогда пропали!..

Пронин лениво щурился и не отрывал взгляда от дымных, спадавших в котловину бэлей. Бригадира-ветерана грызла та же самая тревога, что и меня: где найти сколько-нибудь сносный путь по бездорожью? Живой и насмешливый Вылежанин пугал легковерного Лихачева самыми фантастическими вымыслами, вроде предстоявшей прокладки дороги прямиком через горную цепь. Лихачев, устрашенный первым знакомством с песками, бурями и скалистыми ущельями Южной Гоби, невольно поддавался грозным посулам и уныло апеллировал ко мне. Тогда входили в игру и мы с Прониным, подтверждая домыслы Вылежанина.

Но на сердце у меня было невесело. Надеяться, кроме как на самих себя, ни на кого не приходилось. Поиски пути в громадной межгорной котловине в тысячи квадратных километров, безвестной и труднопроходимой, становились игрой случая. Времени на поиски не было: вместе с ними приходилось развертывать и раскопки...

На равнине, против горы Хугшо — величественной высокой пирамиды,— показалась довольно крупная серая птица — саксаульная сойка. Она нахально и неторопливо бежала перед машинами. Охотники, особенно Вылежанин, открыли стрельбу, но птица по своей окраске была почти неразличима на гобийском щебне. Истратив зря патроны, Вылежанин обозвал птицу «приманкой» и отказался от дальнейшей охоты. Надо признаться, что и я не устоял от искушения и сжег напрасно три патрона.

Перед устьем сквозного сухого русла нам заградили путь пески, и дорога сделалась настолько тяжелой, что нечего было и думать соваться сюда с гружеными машинами. Точно так же тяжел был путь и по сухому руслу, который отсюда, из котловины, шел в подъем. Немудрено, что мы с Прониным начали метаться с одной стороны ущелья на другую и внезапно нашли караванную тропу. По ней мы выехали наверх, на гребни окружающих гор, потом на плато и остановились в недоумении.

Солнце уже садилось за хребет Тосту-нуру, впереди нас тянулись небольшие пологие хребты, упиравшиеся на юге в крутой зазубренный склон Хана-Хере. С крыши «Дзерена» я долго рассматривал местность в бинокль. На юг, под самый хребет, по черной поверхности плоскогорья шла верблюжья тропа. Мы находились значительно выше уровня сухого русла, и я боялся спускаться в него, так как все боковые долинки были или слишком круты, или узки для машин.

Я решил проехать по тропе. Спустившись вниз с крутого уклона, мы оказались у одинокой юрты. Обитавший в ней арат едва не обмер от изумления, когда в вечерних сумерках с

высоты пустынного плоскогорья внезапно с ревом съехали четыре трехтонки. Мы оказались у самой автомобильной дороги, однако возвращение назад с грузами по этой тропе было немыслимо. До сомона оставалось всего тридцать километров, но на пути было одно опасное место. Узкая и глубокая промоина пересекала дорогу за небольшим холмиком — результат прошлогоднего ливня. Дорога обходила промоину справа, но новый отворот был плохо виден в тусклом свете слабых фар ЗИС-5. Шедший передовым «Тарбаган» влетел по старому накату на холм и отчаянно затормозил у самого края обрыва. Еще немного — и машина легла бы бесформенной грудой на дне ущельица на глубине десяти-двенадцати метров. Мы тут же заложили старую дорогу большими камнями, чтобы избежать повторения подобных приключений в будущем.

В Ноян сомоне не было никаких сведений о пропавшем «Драконе». Мы строили самые различные предположения, но все оказалось, как всегда, проще. Едва мы на следующее утро отъехали десять километров от сомона, как увидели с холма среди больших песчаных кочек зеленую крышу «Дракона». Оказалось, Безбородову не хватило бензина, чтобы дотянуть до сомона, и наш всегда спокойный Тимофей Гаврилович решил мирно дожидаться подмоги у ближайшего колодца. Безбородов думал, что сомон находится очень далеко, и все трое с чисто азиатским терпением сидели здесь в кочках, питаясь несоленой картошкой. Мы оставили «Дракона» со всем грузом в Цаган-Дерисуни и к вечеру прибыли в аймак. Так приятно было слушать завывание песчаной бури в крепком глинобитном доме нашей базы. Особенно уютно было сидеть ночью и писать при ровном пламени свечей, без вечного трепыхания бумаги под рукой!..

Только 15 мая, забрав весь лес, снаряжение и восемь баранов, мы рано утром выехали обратно в Нэмэгэту. Теперь нам больше повезло с дорогой — сухое русло объехали стороной: мы нашли вторую тропу, уходившую в боковое ущелье на северо-запад от сквозной долины. Она шла по холмам в предгорьях хребта Тосту. Место здесь было неожиданно открытым и веселым по сравнению с угрюмой, душной котловиной Нэмэгэту. Черные холмики заросли темно-зелеными кустами гобийского миндаля, а между ними извивались светлые полосы дериса. На выходах ключей зеленели обширные пятна свежей и мягкой, совсем невероятной для Гоби травы. Этой тропой мы доехали до ключа Даба («Перевальный») с кристальной быстротекущей водой и здесь наполнили две бочки воды для Центрального лагеря.

Тропа шла и дальше к западу, вдоль гор, но, проехав по ней еще около десяти километров, мы попали в грозный каменный хаос южной стороны горы Хугшо. Впереди высился ряд конусовидных гор с усеченными вершинами, на которых выступали широкие черные башни со столбчатыми отдельностями базальта.

От подножия Хугшо протягивались гряды — отроги чрезвычайно крутых скал с изломанными острыми гребнями. Дороги дальше не было, и мы вернулись к ключу Даба.

От ключа мы начали спуск в котловину, отыскав твердое сухое русло. Только четыре километра новой дороги оказались плохими, недалеко от пересечения с нашим следом на бэле. Таким образом, нам удалось провести дорогу по более или менее твердой поверхности, и это было куда лучше, чем все предыдущие попытки. Важность достижения была видна хотя бы из того, что мы стали тратить на проезд котловины в четыре раза меньше времени. Позднее, когда машины ходили здесь в период июльских дождей, дорога укаталась так, что можно было ездить на прямой передаче. Мы назвали нашу дорогу именем Академии наук. Целая поленница из поломанных рессор на нашем складе была доказательством тех трудов, каких стоила дорога нашим водителям и машинам...

Мы остановились у последнего поворота, там, где нужно было пересекать котловину поперек к подножию Нэмэгэту. Знакомая иззубренная чугунно-серая круча вздымалась перед нами. Огромные поля черного щебня у ее подножия дрожали голубым маревом и казались издалека озерами, странно покосившимися на склонах. В этом мареве скрывался в ущельях наш лагерь. Там предстояло теперь жить довольно долгое время, пока не удастся добыть научные ценности, которые могли бы оправдать посылку нашей экспедиции.

Я мысленно оглянулся на только что пройденный путь. Здесь, в кабине машины, находился весь несложный обиход начальника экспедиции. Позади над сиденьем прибита сумка, в которой хранились табак, газеты и бинокль. На двух крючках за спинкой сиденья — фляжка с холодным чаем и полевая сумка с картами и дневником. На сиденье — рукавицы, в ногах —молоток, у переднего стекла — открытая пачка неизменной «Катюши». В ногах — коврик из кошмы, чтобы раскаленная выхлопная труба не жгла ноги (и все-таки жгла, когда ползли по пескам!).

За стеклом медленно развертываются одна за другой сменяющиеся картины дороги. Вот широкая равнина перед городом красных обрывов Нэмэгэту, поросшая саксаулом и эфедрой. Теплый ветер тянет по равнине совершенно аптечным запахом эфира, валерианки и еще чем-то. Кустики эфедры свиваются и закручиваются, словно бесчисленные зеленые червячки, упрямо лезущие из земли навстречу свету и зною.

Вот неожиданная радость пустыни: выезжаешь из безжизненного сухого русла на склон бэля и оказываешься среди тысяч синих ирисов, рассыпанных на желтом песке!

Или в ущелье, стиснутом изрытыми бурыми скалами, вдруг в узкой боковой промоине появляется покрытый тонкой прозрач-

ной зеленью хайляс. Или днем в мираже нагретого воздуха скалы покажутся густыми рощицами деревьев, затопленных сверкающей на солнце водой. Такие же полосы сверкающей «воды» разрезают пологий склон перевала через Гурбан-Сайхан, если подниматься от Баин-Далай сомона. В ущелье Гурбан-Сайхан я сам видел округлый массив древней коры выветривания, выступающий среди черных скал. В вечернем солнце он горел красным светом, как исполинский гранат в чугунной оправе...

Уже стали привычными особенности далеких планов в Гоби. Если за одним хребтом, близким к дороге, стоит другой, параллельный ему, в расстоянии нескольких километров, то контуры ближних гор резко выделяются черным, словно вырезанным профилем, а сзади поднимаются в вырезах переднего плана совсем прозрачные, воздушные, но ясные очертания более удаленного хребта...

Все эти картины быстро промелькнули воспоминаньем о только что пройденном пути, когда машина начала медленно спускаться на пышущее жаром дно впадины. Справа появился большой табун лошадей, задачей которых, как всегда, было перебежать дорогу нашим машинам. Очень красивый вожак почти белой масти бежал сзади, часто останавливался и оглядывался на приближавшиеся машины. По свойству Гоби — делать серое синим конь казался совершенно голубым. Я понял, отчего светло-серая масть называется у монголов хуху-морь («голубой конь»). Такие лошади особенно ценятся у гобийцев. По древнему обычаю, отправляясь в путь, нельзя брать себе темного коня. Такой конь быстро заболевает или истощается под убийственным солнцем. На дне котловины мы пересекли свой старый след 1946 года, который, как я помнил, был удобнее для подъезда, чем наш новый въездной след. Поэтому мы закрыли новую дорогу стенкой из камней и прибыли следом 1946 года уже в сумерках к лагерю. Здесь мы были встречены с понятным энтузиазмом. Люди уже два дня питались супом и кашей с отвратным привкусом бензина — вода оставалась только «техническая», в бочках из-под горючего. Две бочки превосходной воды, захваченной нами с гор, были вознаграждением страдальцам.

Теперь стало возможным привести в исполнение свою мечту или, скорее, видение в Главной котловине в 1946 году. В центре лагеря построили маленький, обтянутый кошмой домик, где поместилась передвижная электростанция. Ряд палаток, ярко освещенных изнутри, походил на матовые фонарики. Даже наш суровый китаец-повар, дядя Андрей, веселился, как ребенок, при виде своей кухни, залитой светом стосвечовой лампочки. Но самое главное — стало работать радио. Никто из участников не забудет того вечера, когда в безлюдной пустыне Нэмэгэту впервые раздался бой часов Спасской башни Кремля. Здесь по нашему времени было пять часов утра, уже стало совершенно светло, и

трудно было представить, что там, в Москве, еще недавно началась летняя ночь. Незримая нить связи с Родиной очень ободряла нас.

Нас всех тянуло в домик электростанции, где в бурю и ночь, в зной и холод маленький мотор трудолюбиво шумел, как живое сердце лагеря. В свободную минуту мы заходили туда поболтать с дежурным механиком. Образовался как бы вечерний клуб, где свободное население лагеря усаживалось вокруг мотора и покуривая беседовали на самые разнообразные темы, начиная от строения звезд и кончая современной политикой.

«С неба спустилась
и села на степь громадная птица
с двенадцатью клювами»
(поставили майхан-палатку
с растяжками).

Из сказания о Гэсэре

ГЛАВА III. В ЛАБИРИНТАХ УЩЕЛИЙ

Больше месяца, до двадцатого июня, пришлось мне прожить в Центральном лагере, спрятанном глубоко в ущелье красных и желтых меловых песчаников. В бесплодной и безводной местности не было диких зверей или птиц. Араты прогоняли отсюда даже случайно забредавший скот, потому что животные могли убиться, упав с крутых обрывов, или затеряться в лабиринтах сухих

русел. Как всегда, места нашей работы даже для Гоби были наиболее дики и пустынны — месяцами ни один гобиец-арат не заглядывал к нам. Вероятно, никто из них и не подозревал, что в глубине ущелья находится обжитой поселок, освещенный электричеством и снабженный всем необходимым. Никто не мог подумать, что тут громоздятся груды досок, ящиков, штабель мешков муки, а поодаль, на холме, под прикрытием брезента и кошм стоят бочки с доброй тысячей пудов бензина. Кстати, почему-то склад бензобочек служил излюбленным местом пребывания ядовитых змей-щитомордников.

День за днем, с рассвета и до заката, шла напряженная трудовая жизнь. Время летело быстро, даже слишком быстро, так что первоначально задуманные грандиозные планы приходилось все время сокращать.

Эглон, Лукьянова и Пресняков вели раскопки, каждый со своим отрядом рабочих. Шоферы или возили сквозь тяжелое гобийское бездорожье грузы на нашу базу в аймак Далан-Дзадагад, или ремонтировали машины, или, как Пронин, умудрялись еще участвовать в поисках динозавров. Была мобилизована вся «научная сила», т. е. Рождественский, Новожилов и я. Мы ходили и ходили по ущельям и плоскогорьям, карабкались по кручам, предпринимали далекие походы. Постепенно мы все больше и больше знакомились со своеобразной местностью, наносили ее на крупномасштабные планы и давали свои наименования каждому ущелью или заметному обрыву.

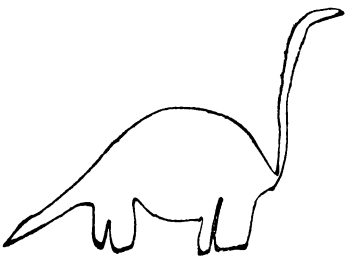
Особенно неистощимой фантазией географа-открывателя отличался Новожилов. Я старался не отставать по возможности. Так появились на наших картах и схемах утесы: «Колоннадный» и «Поворотный»; «Пантеон», «Сфинкс», «Великий Северный Поток», «Большой, Средний и Малый Каньоны», «Идолище Поганое», «Равнина Простора», «Мыс Кругозор» и так далее.

Все больше находок появлялось на плане местонахождения Нэмэгэту, или местонахождения Центрального лагеря, как это значится в опубликованных теперь научных трудах. Кости и скелеты залегали в зоне древнего подводного русла на различных уровнях. В самом низу в красных глинах была найдена скорлупа крупных яиц, вероятно, динозавров, и остатки пресноводных рыб. Выше, в прослоях серых грубых песков и гравийников, мы находили чудовищные кости зауропод и целые скелеты огромных плоских черепах морского типа. Эти черепахи оказались неизвестными науке представителями нового отряда. Тут же, в желтых песках, залегали скелеты утконосых растительноядных динозавров — траходонтов. В самых верхних горизонтах костеносной толщи чаще всего попадались черепахи из породы триониксов, остатки крокодилов и части скелетов мелких хищных динозавров — птицеподобных созданий, бегавших на длинных задних ногах. Но особенно много, причем в самых различных

горизонтах, встречалось костей карнозавров — гигантских хищных динозавров. Они были захоронены целыми скелетами и в виде отдельных черепов или цельных задних лап, а иногда и беспорядочным нагромождением перепутанных и перемешанных костей.

Большое впечатление произвела на меня находка Новожилова на мысе «Кругозор». Куполовидная верхушка огромного крутого утеса была усеяна костями колоссального хищного динозавра. Белые кости (в Нэмэгэту почти все без исключения кости динозавров, крокодилов и черепах чисто белого цвета) усеивали всю вершину и часть склона, а между ними там и сям были разбросаны блестящие черные зубы. С вершины «Кругозора» открывался вид на всю ширину нэмэгэтинской впадины, голубую пирамиду горы Хугшо и синеющий на юге Тосту-нуру. Ослепительное солнце заставляло щурить глаза, утомленные ярким светом. Ветер посвистывал над ущельями, как бы унося вдаль мысли, вызванные этим же солнцем прошлой жизни, остатки которой, странные и величественные, лежали под нашими ногами.

Недалеко от «Кругозора» еще одна раскопка открыла целый, около метра длиной, череп огромного хищного динозавра — тарбозавра. Расчищенный сверху для закрепления специальным клеем череп полулежал на правой стороне. Слегка опущенная нижняя челюсть открывала блестящие, острые, как кинжалы, и загнутые назад зубы с черной эмалью. Весь состав экспедиции перебывал здесь, подолгу любуясь находкой, потому что при раскопках мы редко открываем найденные кости полностью. Лучше оставлять их под слоем породы, чтобы производить очистку с наибольшей осторожностью в лаборатории нашего института.



Конечно, далеко не все находки бывали столь удачными. Очень часто какие-нибудь превосходно сохранившиеся кости, уходившие в глубь обрыва, подавали надежду на нахождение здесь целого скелета. Однако при дальнейших раскопках оказывалось, что надежды были ложными. Найденные кости были или остатком уже разрушившегося скелета, или костями, захороненными отдельно в момент отложения породы. Почему-то особенно часто находили хвосты, точнее — хвостовые позвонки.

Рождественский всегда ожидал, что за хвостом непременно будет скелет. Об этом торжественно объявлялось вечером, когда все искатели сходились к позднему обеду. На следующее утро к месту находки отправлялся я или Новожилов, или Эглон, и открытие становилось «закрытием». Рождественский отмалчивался, щурил маленькие упрямые глазки, поправлял заржавевшие от пота очки, всем своим видом показывал, что считает наши заключения ревнивым заговором, направленным на то, чтобы не признавать его превосходства. Убедившись в конце концов в правоте «экспертов», Рождественский глубже нахлобучивал самодельную полотняную шляпу с необъятными полями и устремлялся на новые поиски.

День за днем проходили в поисках и исследованиях, с утра до вечера — несносная жара и вечный свист ветра, сопровождавший нас по узким ущельям и на обдутых до последней степени плато. Этот свист ветра был наиболее обычным аккомпанементом всякому делу и всякой мысли. Над лагерем и дальше к горам поверхность плато бэля покрывали черный щебень и черные пирамиды ветровых многогранников. Эти черные поля в жаркие дни всегда накалялись, и мы ходили по ним, как по нагретой чугунной плите. Ни посидеть на камнях, ни дотронуться до них рукой было нельзя. Легкий ветерок, проходя над полями черного щебня, превращался в жаркое дыхание открытой печи. Издалека черные плато, как я уже говорил, выглядели, как бассейны прозрачной воды, потому что всегда были покрыты движущимся слоем нагретого воздуха. Ощущение оторванности от жизни и угрюмого молчания наступало всегда, когда приходилось пересекать большие пространства этих черных полей. Изредка маленькие ящерицы, охотившиеся за невидимыми насекомыми, встречались на пути. Больше ничто не нарушало мрачной безжизненности черных плоскогорий.

Скоро мы привыкли и начали находить своеобразную красоту, а подчас и очарование в нэмэгэтинских ущельях. Еще в 1946 году мы заметили, что в самых больших ущельях Большого и Среднего каньонов столбы выветривания песчаников были очень разнообразны. Теперь мы ходили сюда снова любоваться прямыми строгими колоннами греческого образца, толстыми угрюмыми столбами египетских храмов, бокалообразными, перетянутыми в нескольких местах колоннами индийской архитектуры и пузатыми столбиками старорусского стиля. В каждом месте все колонны были одного и того же типа, что порождало причудливое впечатление архитектурной цельности дикого обрыва. Ближе к горам, там, где неглубокие котловинки вскрывали верхние горизонты ярко-желтых песков, с высоты под солнцем эти впадины казались красной медью, обрамленной железом черных бугров. Размывы светло-желтых глинистых песков давали широкие белые потеки. На этих бело-желтых пятнах очень резко выделя-

лись черные многогранники и черные оторочки щебня. Подобные места были настолько своеобразны, что казались неземными — видениями другой планеты.

Красивы ущелья Нэмэгэту при свете полной луны! Тени глубочайшей черноты лежали вдоль подножий восточных обрывов и вздымались вверх черными клиньями по промоинам, рассекая обрывы на отдельные выступы — темные, без деталей, призрачные и невещественные. Западные обрывы ярко освещены, и, желтые в дневном свете, они кажутся при луне вычеканенными из зеленоватой матовой стали. Крупный черный щебень и полированные многогранники на дне котловины — как куски серебра, разбросанные по сказочной сокровищнице. В безветренную ночь тишина такая, что отчетливо слышен стук собственного сердца. Только изредка, перелетая с места на место, уныло и размеренно покрикивает пустынный сыч.

Наша дружная семья ночью разъединялась сном. В молчании пустыни становилось невыносимо одиноко тем, кому случалось не спать, страдая от болезни или от навязчивых мыслей. Подолгу ворочался Петрунин, у которого разболелись сразу и ампутированный зимой палец, и зубы. Позднее к нему присоединился Сизов — у юноши возобновился ревматизм рук. В часы ночного бодрствования гнетуще чувствовалась огромная даль, отделявшая нас от всего родного и привычного, и таким медленным казался ход времени, тягуче растекавшегося по необъятным просторам Гоби.

Песчаные бури продолжали время от времени свои налеты. Тогда в лагере крутился шуршащий песок и палатки заносились пылью. Очень неуютно в палатке после песчаной бури — резкий запах пыли, все вещи становятся шершавыми на ощупь, все надо вытряхивать — на сердце тягостно и душно. Вечные звуки ветра менялись в зависимости от погоды. В знойный день или в жаркую ночь ветер глухо шумел, в холодную погоду переходил в резкий, пронзительный вой...

Совершенно изумительны в Нэмэгэту утренние часы. В дивной прозрачности воздуха склоны обрывов из палатки кажутся совсем близкими, а на самом деле — в полутораста метрах. Ясно, чисто и светло вокруг — такой контраст с пыльным миражистым днем, с потоками горячего воздуха, мутным небом и горизонтом. Утра — главное очарование весенней Гоби.

Любое зеленое растеньице встречалось нами с большой нежностью. Мы научились ценить каждый цветок. Даже невзрачные гобийские ромашки без белых лепестков, но с сильным запахом ставились в палатки как редкое украшение. Из разведочных поездок на Гильбэнту и в другие места котловины Новожилов привозил ярко-розовые, в виде длинных бокальчиков цветы инкарвиллий и розовые чашечки хиазосперма с сильным запахом незабудки и жасмина.

Однажды из горной экскурсии Новожилов привез целое дерево, которое было посажено Лукьяновой около юрты и заботливо поливалось, но, увы, не выдержало пересадки.

С наступлением жарких дней в изобилии появилась пустынная «нечисть» — скорпионы и фаланги. Особенно мерзко выглядели фаланги, или сольпуги,— быстроходные пауки на высоких ногах, с упорным пристальным взглядом больших глаз и мохнатым, с мизинец величиной туловищем. Естественное отвращение, которое испытывает каждый человек к паукам, усиливалось еще тем, что скорпионы и фаланги лезли в палатки преимущественно ночью и бегали по постелям. Весь народ, включая и начальника экспедиции, был сильно деморализован гнусными паукообразными. Единственным неустрашимым человеком оказался тот же Эглон. Ему, вероятно, можно было насыпать за воротник горсть скорпионов, и он, неторопливо отряхнувшись, продолжал бы спокойную беседу. Каждый вечер из той или другой палатки раздавался вопль: «Яя-аан Мартынович!» Эглон брал длинный пинцет и банку, отправлялся на место происшествия и водворял очередного скорпиона или сольпугу в банку со спиртом. Эглон собирал коллекцию ядовитых тварей для академика Е. Н. Павловского. Люди, напуганные скорпионами, фалангами и змеями, пока не привыкли, опасались всякого шороха или укола. Часто случалось, что вечером во время мирной беседы кто-нибудь, незаметно уколотый соседом, с воплем вскакивал, вообразив, что подвергся нападению ядовитой змеи или скорпиона. Настоящий фурор произвела прыгающая заводная лягушка, оказавшаяся случайно у Шкилева. Шкилев привез ее в Гоби и однажды завел и пустил в круг сидевших за работой людей. Лягушка запрыгала, зловеще жужжа. Первой реакцией было повальное бегство. Несколько минут спустя пристыженные сотрудники клялись, что они сделали это нарочно.

Мы часто посещали западную часть Нэмэгэтинской впадины. Эглон, Рождественский, Новожилов, а впоследствии и я несколько раз ездили к подножию крайнего западного массива Нэмэгэтинского хребта — горé Алтан-ула. На самом дне впадины Нэмэгэту пролегало широкое сухое русло Эхини-Цзулуганайгол («Истоки луговой речки»). В этом месте Нэмэгэтинская впадина сильно суживалась, сдавленная широкими бэлями противолежащих хребтов. В этих бэлях вскрывались обширные размывы отложений верхнемеловой эпохи. Среди них мы открыли еще другие костеносные русла. Особенно богатыми оказались средняя часть бэля Алтан-улы и находившаяся почти против нее, с южной стороны Нэмэгэтинской впадины, Цаган-ула («Белая гора»), иначе Цаган-Хушу («Белая морда»). В Цаган-уле встретилось множество костей хищных динозавров и, кроме того, необычайное скопление черепах рода баена. Эглон, который обследовал Цаган-улу вместе с Рождественским, с восхищением

рассказывал о целом слое, состоявшем сплошь из черепашьих панцирей и скелетов, местами плотно спрессованных друг с другом, точно финики. Здесь произошло захоронение тысяч черепах, остатки которых были снесены сюда с суши после массовой гибели животных. Причины этой массовой гибели остались пока неясными, и мы надеялись раскрыть эту загадку после раскопок и дальнейшего изучения Цаган-улы. Но все наши силы были заняты в Центральном лагере Нэмэгэту, и мы могли только предварительно разведывать новые места.

В центре огромной Нэмэгэтинской котловины проходила гряда ярких пурпурных глин, кое-где с толстыми прослоями белых песков. По этой гряде, местами размытой на отдельные группы невысоких холмов и останцев, проходила старая караванная тропа, называвшаяся тропой «Одиннадцати колодцев» и пересекающая всю Нэмэгэтинскую котловину с запада на восток. Действительно, все колодцы либо сосредоточивались вдоль этой тропы, либо находились высоко в горах, там, где трещиноватые кристаллические породы служили аккумулятором атмосферной влаги. Красная гряда явно отличалась по характеру пород от меловых песчаников и глин. Еще в 1946 году профессор В. И. Громов высказал предположение о третичном возрасте этих пород, найдя обломок кости, похожий на кость млекопитающего. Новожилов и Рождественский также находили обломки костей, однако недостаточные для точного определения, и поэтому таинственная красная гряда продолжала оставаться для нас загадкой.

Когда я собрался провести более подробные исследования, произошло потрясающее открытие. Рождественский отправился вместе с Прониным на «Козле» на очередное обследование Алтан-улы. Они поднялись на машине очень высоко по бэлю и пробрались к самой середине размывов и ущелий Алтан-улы, совсем близко от стены осевой части хребта, сложенной твердыми древними породами. Рождественский обследовал близлежащие обрывы, а Пронин углубился в ущелье и пропадал там так долго, что Рождественский, давно уже собравшийся в обратный путь, решил его искать. Оказалось, что наш лучший шофер побил все рекорды искателей костей.

Пронин забрел в центр обширного поля размывов меловых пород и подобрался к широкой площадке — уступу из плит песчаника. Над площадкой поднимались крутые склоны сероватожелтых глин, как бы запиравшие ход дальше. Снизу площадку опоясывало узкое сухое русло, прорезанное в ослепительно ярких оранжевых песках. Напротив над сухим руслом, по которому шел Пронин, возвышался утес песчаника. На уступе его оказалось логово барса, вернее ирбиса, с костями янгеров, или горных козлов, съеденных хищной кошкой. Пронин почувствовал, что забрел далеко и хотел возвращаться, но прежде решил осмотреть уступ песчаниковых плит. Изумлению шофера не было

границ, когда он увидел множество гигантских костей, торчавших во все стороны из плит песчаника. Слева, на самом обрыве уступа, прилепился наполовину разрушенный нелепый череп с утиной мордой и костяным возвышением на темени. Хвосты, ребра, позвонки, кости исполинских лап торчали везде, где только массивные плиты песчаника, лопнувшие и осевшие в подмытую снизу глину, показывали свое содержимое.

У Пронина голова пошла кругом. Усевшись на громадную кость, шофер дрожащими пальцами скрутил махорочную цигарку. Первой его мыслью было, как он потом откровенно признался, утаить свою находку. Ему, как водителю и бригадиру шоферов, в тот миг отчетливо представилось, каких неимоверных усилий потребует попытка пробиться сюда с машинами. Но в следующую же минуту сознание ценности находки для науки пересилило все остальные соображения, и Пронин поспешно зашагал к месту, где его ожидали Рождественский с Александровым. В тот же день слава открытия Пронина прогремела на весь лагерь. Неугомонный Эглон сейчас же стал проситься в маршрут к месту находки, которая потом получила название «Могилы Дракона». Конечно, надо было срочно исследовать находку — она могла изменить весь план дальнейших работ экспедиции.

Уже много дней по вечерам я ломал голову над тем, как образовалось местонахождение Нэмэгэту. Сидя в юрте, под шорох летящего с ветром песка я чертил разные схемы, совещался с Новожиловым и Рождественским, стараясь восстановить картину образования местонахождения. Это было необходимо для решения не только ряда научных вопросов, но и жизненно важно для ориентировки дальнейших раскопок. Песчаники и глины меловых костеносных отложений Нэмэгэту, такие рыхлые, легко берущиеся лопатой на поверхности, в глубине оказались твердыми. Они едва поддавались кайлу, и каждый кубический метр породы стоил большого труда. Приходилось признать, что наши силы недостаточны для развертывания больших раскопок. Мы могли извлекать только те скелеты и находки, которые лежали у самых краев обрывов.

Распределение скелетов и костей в отложениях оставалось неясным. Я обладал уже порядочным опытом по раскопкам в более древних — пермских и триасовых — отложениях. Находившиеся там животные все были гораздо меньше исполинских ящеров, и раскопочная площадка, вскрывшая костеносную породу на двести квадратных метров, уже давала ясное представление о расположении костей в местонахождении. Можно было говорить и о процессах образования местонахождений и закладывать новые раскопки с большей уверенностью. Здесь, в Нэмэгэту, каждый скелет динозавра занимал десятки квадратных метров площади костеносной породы. Промежутки пустой породы между скелетами измерялись здесь сотнями квадратных метров.

Таким образом, все было переведено в другой, гораздо более крупный масштаб, и для осмысливания накопленных данных нужны были иные методы. Поэтому я решил произвести теодолитную съемку всех находок для составления общего плана местонахождения Центрального лагеря. Так как находки и раскопки располагались в километровых расстояниях одна от другой, съемку надо было произвести с наиболее возвышенных точек по специальным сигналам, установленным на месте каждой находки. Как только мы с Новожиловым стали подготовлять материал к съемке, по законам гобийских неприятностей разразилась сильнейшая песчаная буря. Она ярилась, то утихая, то снова усиливаясь, три дня подряд, повалила все поставленные сигналы и принудила нас пока отказаться от производства съемки. Однако флаг Советского Союза, поднятый на утесе над лагерем, остался невредимым, хотя и отчаянно бился на ветру.

Раскопки продолжались и в бурю: работали в защитных очках, избегая разговоров. Каждое слово стоило доброй ложки песку в рот, что и самых болтливых побуждало к молчанию. Скелет гигантского хищника был давно выкопан, взяты скелеты хищных динозавров на «Кругозоре» и хребтике, названном «Соколками». Теперь раскопки велись еще дальше от лагеря. На страшной круче Среднего каньона была заложена так называемая «Р-5», или пятая раскопка, впоследствии давшая замечательное научное открытие. Здесь под наблюдением Преснякова выкапывался второй скелет гигантского хищного динозавра.

Остриженный под машинку, худой, загоревший до фиолетовой черноты, Пресняков неустрашимо сидел на корточках на узкой ступеньке в отвесном обрыве и расчищал изогнутый позвоночный столб. Громкий голос Преснякова слышался еще за километр от раскопки. Под стать начальнику были и рабочие: здесь подобралась молодежь из Алтан-Булака — черные, полуобнаженные и сердитые парни. Уже в Москве в монолите со скелетом хищного динозавра с «Р-5» обнаружились кости необычайного, до сих пор неизвестного науке ящера. Похожий на большую черепаху метров шести в длину и вооруженный метровыми острыми, как бритвы, серповидными когтями, ящер был обитателем морских побережий. Малеев назвал его терезинозавром, что по-гречески означает «ящер косарь».

У Эглона и Лукьяновой, наоборот, трудились солидные, стеснявшиеся загара сибиряки. Эглоновцы извлекали полный череп хищника, а лукьяновцы вели большую раскопку, так называемую «Р-3», на выступе обрыва «Соколков». Мы решили попросту срыть там всю верхушку выступа — серую глину, под которой залегало огромное скопление костей неведомых динозавров.

Проводник Цедендамба, посланный к ближайшим аратам, добыл верхового верблюда и отправился на нем искать дорогу к Сэвэрэй сомону, вдоль северного борта котловины. После пяти-

дневных разъездов он явился с известием, что дорога, подходящая для машин, найдена. Проверка этого сообщения была возложена на Новожилова, отправившегося для обследования местонахождений Гильбэнту. Проехав шестьдесят километров, он достиг восточной оконечности горы и вернулся с сообщением, что дорога, якобы найденная Цедендамбой, никуда не годится. Не обещало большой добычи и местонахождение Гильбэнту. Поэтому я принял твердое решение до последнего, 1950, года работ ограничиться исследованиями в западной части котловины Нэмэгэту.

Дорога, кое-как проложенная нами от Ноян сомона, оставалась пока единственным путем. Рождественский, отправившийся на «Дзерене» на Алтан-улу, открыл на обратном пути старую караванную тропу, сразу облегчившую все поездки в том направлении.

Против сквозной долины между массивами Нэмэгэту и Алтан-ула, по которой мы переваливали в Занэмэгэтинскую котловину в 1946 году, она пересекалась со старинной тропой «Одиннадцати колодцев». Эта тропа, шедшая с Хуху-Хото на Легин-гол («Душная речка») и Орок-нур, была вполне пригодна для передвижения автомашин. Веками ходившие здесь караваны притоптали песок, изгладили мелкие неровности. По этой «легингольской» (впоследствии мы узнали, что она не доходила до Легин-гола) тропе было очень удобно подниматься вверх на бэль Алтан-улы от тропы «Одиннадцати колодцев».

Я начал предварительные расчеты Западного маршрута для обследования возможной костеносности межгорных впадин на западе Заалтайской Гоби. Мы собирались отправиться на двух машинах, описать гигантскую петлю, протяженностью около двух тысяч пятисот километров, и возвратиться в Нэмэгэту, где остальная часть экспедиции продолжала раскопки. В этом маршруте должен был принять участие Ю. А. Орлов, который почему-то задерживался.

Переводчик Намнан Дорж направился на верблюдах на ту сторону Нэмэгэту. Там, на северном склоне, в сорока километрах от лагеря, был лечебный минеральный источник — аршан. Намнан Дорж привез пробы воды для Монгольского Комитета наук, а также два вьючных верблюжьих бака около двенадцати ведер для лечения шофера Александрова. У нашего завоевавшего

общие симпатии, добродушного великана Ивана Козлиного была застарелая язва желудка, полученная им еще в войну. По сообщению Намнан Доржа, аршан имел необычно холодную воду и находился на высоте двух тысяч метров. Мы попробовали воду — она была темная, очень вкусная по сравнению с солоноватой водой из наших колодцев. Пришлось запретить трогать воду, иначе ее выпили бы в два дня. Водой пользовался один Иван Козлиный, и целебная ли была вода или причиной тому хорошее питание, но к осени он избавился от мучивших его болей.

Первого июня Рождественский отправился на трех машинах в Улан-Батор. Вместе с ним уехали: Цедендамба — в аймак, домой, шофер Петрунин, у которого разболелся ампутированный зимой палец, и Намнан Дорж — для доставки образцов Комитету наук. Сразу по возвращении Рождественского мы отправлялись с ним в Западный маршрут — через наиболее пустынные впадины, вдоль границы Китая до Джунгарской Гоби. Около семи тонн коллекций везли наши машины из Нэмэгэту, дополнительный груз должен был быть взят на нашей базе в Далан-Дзадагаде.

Мы с Новожиловым, помимо наблюдения за раскопками дальнейших исследований Нэмэгэту, стали заниматься теодолитной съемкой местонахождения. В бурные ночи я переселялся спать в кузов отдельно стоявшей от лагеря машины и подолгу лежал, размышляя и прислушиваясь то к поразительной тишине безветренных порывов, то к приближавшемуся далекому рокоту ветра, который, налетая, сотрясал машину. В редкие спокойные вечера изумительные закаты оживляли унылую монотонность пыльных дней и беззвездных ночей. Закаты были сиянием алого пламени над срезом черного плато, окутанного покровом беспросветных туч. Скалы Нэмэгэту принимали цвет густейшего ультрамарина, обрывы и склоны ущелий — терракоты, а слева над синими горами протягивался меч красной бронзы, нависавший над огненно-светлой полосой зари.

Иногда случались закаты и более фантастичные. Параллельные гряды туч принимали пурпурно-фиолетовый оттенок, просветы между ними наполнялись алым огнем, который по мере приближения к горизонту становился все более золотым. На этом фоне угрюмо чернел край плато бэля с красными отблесками пожарища и трепетал совершенно багряный наш флаг.

Изредка наступали бурные и пасмурные дни, в которые мы отдыхали от жгучего и слепящего солнца Гоби. Несмотря на ветер, даль была чиста и ясна. Синяя дымка прилипала к горам, скрадывая угрюмую резкость их очертаний, словно на темно-фиолетовый хребет было наброшено прозрачное покрывало синего газа.

Мы с Новожиловым использовали ранние утренние часы для наших съемочных работ. Обычно между пятью и десятью часами

утра погода была тихой и безветренной. До этого бушевал предрассветный шторм, а после начинался обычный дневной горячий ветер, и накалявшаяся земля тонула в мареве движущихся воздушных потоков. Далеко внизу, по дну котловины, двигались один за другим грозные смерчи. Действительно, котловина Нэмэгэту была «Домом Смерчей», как называлась она у стариков-гобийцев. Если выдавался полностью тихий день, то мы с Новожиловым с утра до ночи не покидали вершин холмов, гребней, хребтиков и плоскогорий, торопясь использовать случай, когда инструмент не дрожал от порывов злобного ветра и далекие сигналы не плясали в поле зрения трубы, приводя в отчаяние привыкших к точности геологов.

Здесь, высоко над жаркими ущельями, посреди бесконечных полей черного щебня, наедине с горами, обрамлявшими котловину, было одиноко и торжественно. Маленьким призрачным голубым холмиком, перевернутым в трубе теодолита, казалась отсюда гора Ноян-Богдо — величественный потухший вулкан. Неожиданно мы разглядели в трубу теодолита большой боковой кратер на серой пирамиде горы Хугшо. И как отрадно было увидеть в теодолит далеко-далеко на дне котловины одну-две юрты перекочевавших сюда аратов. Давно уже единственной нашей связью с живыми людьми — обитателями Гоби — оставались только периодические поездки Преснякова или Эглона в какие-нибудь юрты для закупки баранов — основного питания нашей экспедиции.

Много потерпели мы с Новожиловым от необычно крутых обрывов Нэмэгэтинских ущелий, когда приходилось пробираться напрямик по линии прицела инструмента. Особенно опасны были колодцы, часто встречающиеся в истоках промоин. Это — малозаметные сверху ямы в песчаниках, обрывающиеся в колодцы с совершенно отвесными стенками, иногда даже расширявшимися вниз глубиной по пятнадцать-двадцать метров. Нижняя по склону (и течению русла) стенка такого колодца прорезана узкой щелевидной промоиной, постепенно переходящей в склоны ущельица. Такие колодцы были естественными ловушками. На дне одного из них мы нашли кости лошади, когда-то провалившейся сюда.

Больших усилий стоило нам разыскивать чересчур далекие сигналы. Настоящую радость открытия переживал тот, кому удавалось увидеть в голубоватом стекле трубы теодолита крохотный черный треугольник — обо — или шест в волос толщиной. Мы спешили изо всех сил, и, несмотря на бури, выполнили задачу в срок. Теперь все находки имели свое точное место на плане, и процессы образования этого огромного местонахождения отражались в точных цифрах съемки.

Раскопки на «Р-5», «Р-4», «Кругозоре» и других местах подходили к концу — огромные ящики-монолиты по тонне и

больше весом давно уже сохли под знойным гобийским ветром. Надо было спускать их вниз с отвесных круч в сухие русла, по которым только и могли подойти машины. Здесь пригодилась моя давнишняя морская практика. Простое приспособление из двух вбитых рядом ломов и скользящей через них восьмеркой петли проволочного троса позволяло одному человеку с волшебной легкостью спускать вниз громадную тяжесть. Рабочие, вначале скептически отнесшиеся к «выдумке» начальника, быстро освоились с этим приемом. Пришлось оставить наверху только монолиты на «Р-5» и на «Кругозоре». Здесь бо́льшая высота спуска не позволяла ограничиться двумя связанными вместе буксирными тросами автомашин. Рождественский должен был привезти из Улан-Батора длинный трос, и тогда монолиты могли быть спущены прямо в машину. Странное впечатление производили эти большие ящики из чистых досок, испачканные белоснежным гипсом и стоящие на недоступных кручах среди безжизненного лабиринта ущелий Нэмэгэту.

Долгое пребывание в душных ущельях, тревожные, бурные и пыльные дни и ночи, однообразная и тяжелая работа начали утомлять людей. Все не могли дождаться счастливого времени раскопок в открытых местах котловины Нэмэгэту.

Каждый переживал утомление по-разному. Эглон ворчал на то, что ему осточертело копать этих бесконечных громадных и зубастых гадов, и мечтал, чтобы выкопать хоть какого-нибудь настоящего зверя — маленькое изящное млекопитающее. Оттого наш Ян Мартынович рвался вниз, в котловину, к красной гряде. Лукьянова тосковала по товарищу-женщине, с которой она могла бы поделиться своими женскими мыслями и чувствами. Как ни бережно все мы относились к нашей «одной-единственной», как ее называл Эглон, все же Мария Федоровна под конец объявила, что ей надоели «мужики». «Все мужики, одни мужики, только мужики!»

Лукьянова отыскала себе где-то в оврагах «секретную комнату — дворец принцессы». Никто не знал, где находится это таинственное помещение, куда она скрывалась, чтобы побыть одной, без надоевших мужчин. Мы с Новожиловым выследили ее однажды в подзорную трубу теодолита и узнали, что тайный «дворец» находится в ущельях Северного обрыва. Так и пометили его со знаком вопроса на плане Нэмэгэту.

Новожилов худел и мрачнел, потому что плохо спал, опасаясь злобных пауков. Донимали его душные, безветренные ночи перед бурями, когда появлялось множество фаланг. Такой же страх перед фалангами испытывали и некоторые рабочие, особенно могучий иркутянин Петр Афанасьевич.

Что касается меня самого, то я в своем отвращении к этой мерзости был нисколько не храбрее Новожилова. Долг начальника повелевал сохранять бесстрашие (увы, показное!)

Привлеченные запахом постоянно готовившейся пищи, в лагерь начали понемногу сходиться наиболее отважные обитатели пустыни — ушастые гобийские ежи. Первый же еж был схвачен и посажен в просторный ящик, где мирно пофыркивал над кусочком сахара. Когда Новожилов и Лукьянова, вооружившись рукавицами и пинцетом, вытащили из его иголок двух непомерно раздувшихся клещей, Тишка, как он был назван Новожиловым, и вовсе перестал бояться людей. Компания ежей увеличивалась — приходили новые и водворялись в тот же ящик. Дошло до пяти штук, но пятого, остромордого и черного, пришлось выгнать за злость. Гневно фыркая, он с позором отправился обратно в пустыню. У других были очень симпатичные, но разные мордочки: удлиненные, островатые или покороче и потупее, с более светлой или темной шерсткой. Приятны их длинные ушки, на концах листиковидно расширенные. Ежи доставили немало приятных минут в нашей пустынной жизни. Мы собирались по нескольку человек над ящиком и не дыша наблюдали, как они уморительно зевают, потягиваются, почесываются, валяются в жару на боку, широко разбросав лапки.

Немало переполоху наделал так называемый «поцелуй грифа». Александров в один из своих рейсов за баранами подстрелил на трупе издохшего от перелома ноги дикого осла-кулана громадного белоголового сипа. С трудом он привез свою добычу в лагерь, где сип, привязанный за ногу, сидел в очень унылой позе, как видно, страдая от ран. Он свесил почти до земли голую голову с сильно загнутым клювом и высоко поднял углы крыльев. Непреклонная птица с удивительными ясными глазами спокойно и пристально глядела на людей. Постепенно гриф ожил и стал делать попытки бросаться на проходивших мимо него людей. Еле увернулся от нападения рабочий Климов, затем Корнилов, наконец вышла из палатки ничего не подозревавшая Лукьянова. Не успела она опомниться, как сип высоко подпрыгнул в воздух, клюнул ее в щеку и свалил с ног ударом крыльев. По-видимому, сип метил в глаз, но веревка не дала ему достать до цели. На вопль Марии Федоровны сбежалось чуть не все население лагеря. Я распорядился пристрелить птицу — отпустить ее, тяжело раненную, значило бы обречь на медленную и мучительную смерть. Однако убить сипа оказалось вовсе не так легко. Даже с простреленной навылет головой гигантская птица продолжала жить,

и окончательно добить ее удалось только, отрубив ей голову. У Лукьяновой кровь лилась из щеки ручьем — «поцелуй грифа» оказался довольно крепким. Больше всего пугало нас, что гриф за несколько часов до того лакомился падалью и на клюве у него мог оказаться трупный яд. Мы промыли щеку Лукьяновой всеми имевшимися у нас видами антисептики. Рана благополучно зажила, научив всех нас осторожности в обращении с громадными грифами Гоби.

Наконец мы закончили съемку, и можно было предпринять серьезное обследование средней части Алтан-улы, где было открыто Прониным неслыханное скопление скелетов. Тринадцатого июня в спокойный жаркий день мы спустились в котловину и направились на запад по тропе «Одиннадцати колодцев». У большого колодца Ойдул-худук («Многоводный колодец») красные глины, обнаженные на окружающих холмах, в ярком солнце казались пунцовым бархатом, щедро расстеленным по степи и собранным в пышные складки. Старая «Легингольская» караванная тропа была легким путем для подъема на бэль, на высоту около двух тысяч метров. Кругом все — и желтые пески, и жестко торчащие кустарники — выделялись четко и резко. Широкая тропа поросла редкими и жидкими пучками только что зацветшего ковыля. Перышки ковыля клонились и струились по ветру, создавая серебрящуюся и как бы текущую дымку над землей — будто тень воды на освещенном дне прозрачного потока.

По черному бэлю мы подъехали к огромной площади желтых размывов и ущелий Алтан-улы, похожей на Нэмэгэту. Только здесь глубина вреза была значительно большей. Мы стояли на краю отвесного обрыва высотой около ста метров. Снова сильное ощущение тайны и неизвестности овладело нами. Поодаль вздымалась отвесная стена ровного, как каменный забор, хребта, а ближе и внизу — глубокие ущелья и отвесные обрывы, ступенчато громоздящиеся друг на друге,— еще один лабиринт, скрывавший неведомые загадки.

Прежде всего надо было осмотреть «Могилу Дракона». Новожилов отправился обследовать обрывы к востоку, а мы с Прониным и Александровым спустились на дно глубокого сухого русла и направились напрямик к склону горы. «Напрямик» продолжалось каких-нибудь полкилометра, дальше мы начали петлять по руслам и переваливать хребтики, так как наш проводник Пронин старался укоротить дорогу. Идти было довольно легко: песок на дне сухих русел был плотным. Большие ящерицы — агамы, сантиметров тридцать длиной, украшенные ярко-голубыми пятнами,— бегали по обвалившимся глыбам песчаника. Стены ущелий здесь были ниже нэмэгэтинских, зато самые ущельица более узки, и я не переставал с тревогой прикидывать ширину проезда для автомашины.

Скопище скелетов, открытое Прониным, произвело на нас большое впечатление. Плиты песчаника, толщиной более полуметра и площадью с кузов автомашины, лежали, перекосившись, на широком уступе, а из-под них и на разломах торчали кости, кости и кости. Опытный взгляд палеонтолога быстро определял контуры скрытого в породе скелета. Отчетливо виднелся один скелет необычайный по размерам даже для этих гигантских пресмыкающихся. Там, где почва вздымалась бугром и плиты переломились домиком, скелет лежал перевернутый на спину, завернув колоссальную голову под задние конечности второго скелета. Этот второй залегал на боку, сильно согнув спину, вытянув шею и подогнув под себя передние лапы, с восточной стороны уступа. Третий скелет как бы огибал два других со стороны обрыва, слева, а четвертый, также гигантских размеров. лежал у песчаниковой стены, в глубине. Левее его, тоже у самой стены, лежали параллельно один другому два больших окремнелых ствола болотных кипарисов — таксодиев. Справа и слева в обвалах плит виднелись еще хвосты и ребра. Всего здесь было собрано в одну кучу шесть-семь скелетов утконосых динозавров — зауролофов, достигавших от шести до девяти метров в высоту в естественной стойке. Выветривание уже сильно повредило значительную часть костей. Краевые части плит рассыпались, и заключенные в них кости целыми каскадами обломков высыпались в боковые промоины и в сухое русло. Слева, на самом краю уступа, был сложен из обломков костей длинный холмик, напоминавший увеличенную могильную насыпь. Словно неведомый богатырь был погребен рядом с могилой исполинских ящеров, захороненных здесь семьдесят миллионов лет тому назад. Место и в самом деле производило впечатление могилы исполинов, почему и было названо «Могилой Дракона».

Как бы то ни было, скопление костей представляло огромную ценность для науки. Несмотря на разрушение, здесь можно было собрать не менее двух-трех скелетов утконосых динозавров с черепами и всеми костями. Я пригласил открывателя «Могилы Дракона» Пронина сесть на высокий выступ песчаниковых плит, чтобы сфотографировать его. Внизу из камня частоколом торчали спинные отростки гигантских позвонков. На этих отростках Пронин и был увековечен для потомства. Вернувшись к краю бэля, где оставались наши машины и временный лагерь без палаток, мы обрадовались открытию Новожилова. Наш «Соколиный глаз» не уступил «Орлиному» и нашел всего в полукилометре от лагеря на «Красном утесе» скелет хищного динозавра. Отдельно в глыбе песчаника лежал череп горгозавра со стиснутыми челюстями и зловеще поблескивавшей кое-где эмалью загнутых назад зубов. Еще ближе к лагерю, почти у подножия «Орлиного утеса», Новожилов нашел второй скелет хищного динозавра крупных размеров, но сильно поврежденный.

Еще утром, отправляясь из лагеря, Новожилов видел крупного снежного барса — ирбиса, скрывшегося в направлении «Могилы Дракона». Этого подлинного хозяина здешних мест, нам приходилось теперь выживать отсюда. Весь вечер при свете костра мы обсуждали новые открытия и планировали постановку раскопок. Казалось безнадежным попасть к «Могиле Дракона» на машине.

На следующее утро начались далекие походы. Пронин и я намеревались обследовать большую площадь обрывов и холмов западнее лагеря. После этого мы с Александровым и Прониным хотели сделать попытку разыскать автомобильную дорогу к «Могиле Дракона» на «Козле». Новожилов с рабочим отправился еще дальше к западу, туда, где вдали виднелись гряды красновато-желтых обрывов. Путь через промоины, обрывы с крутыми подъемами и спусками оказался трудным.

День выдался очень жаркий даже для Гоби, и совершенно безветренный. Знойно и душно было в узких оврагах, казалось, накапливавших неподвижный воздух. Какие-то кусты, вроде акации, в полном цвету росли поодиночке в ущельях, как яркие, пахучие желтые шары по полтора метра в диаметре. Другие цветы, желтые и лиловые, с высокими шишками соцветий (котовник), разливали сильный и пряный запах вроде японских духов.

Мы с Прониным долго и безуспешно бродили по обрывам. Только в одном месте позвонок гигантского зауропода уходил в глубь склона. Убедившись в бедности палеонтологических остатков, решили вернуться в лагерь. К тому же нас донимала жажда, а вода из фляжек давно была выпита. Обратный путь по тяжелому песку под беспощадным солнцем показался особенно мучительным. Мы часто присаживались отдыхать, соблазняя друг друга воспоминаниями о Москве, где на каждом перекрестке тележки с газированной водой и где есть прекрасные пивные с холодным, так хорошо утоляющим жажду пивом. Когда мы приблизились к лагерю и увидели, на какую высокую и крутую стену еще надо лезть, то испытали прямо-таки горе. Но лезть пришлось, и мы еле добрались до машин, где долго пили теплую гобийскую воду, показавшуюся нам лучше всякого пива.

Новожилов вернулся только к вечеру: над ним сыграла шутку гобийская прозрачность воздуха, сильно уменьшившая видимое расстояние.

Едва живые, оба несчастных путешественника начали подниматься на обрыв на четвереньках. Но я учел свой опыт и послал им навстречу рабочего с двумя полными фляжками воды. В общем у Новожилова было не больше успеха, чем у нас, чему я, признаться, даже обрадовался. Из-за глубоких песков эти места почти недоступны для любого транспорта!

Попытки розысков дороги к «Могиле Дракона» на автомашине не увенчалась успехом. Почти все сухое русло под обрывом

заграждали непроходимые пески. Пришлось признать, что к «Могиле Дракона» нет хода иным путем, чем тот, каким мы подъехали. Если бы у нас была лебедка, то можно было бы спустить вниз машину и на ней пробиваться по ущельям к «Могиле Дракона», а вывозимый материал поднимать на лебедке на верх плато, куда подходил проложенный нами автомобильный след. Но таким снаряжением мы не располагали, и материал можно было вывозить по руслу и наверх только на верблюдах. Стало быть, приходилось организовывать верблюжий транспорт.

Пятнадцатого июня мы вернулись в Центральный лагерь, а к вечеру этого же дня прибыл из Улан-Батора Рождественский на одной машине. У него отросла редкая козлиная бородка придававшая ему сходство с китайским ученым и никак не гармонировавшая с невероятно широкополой шляпой. В Улан-Баторе Рождественскому пришлось ходить в пальто Шкилева, так как его собственное оказалось далеко запрятанным. Рост Шкилева достигал почти двух метров, так что пальто едва не волочилось по земле, и Рождественский с юмором рассказывал, как прохожие удивленно разевали рты при встрече с ним. Немудрено: белая шляпа, борода, теплое длиннейшее пальто в жару, конечно, производили эффект.

«Волк», загруженный бензином для Западного маршрута, остался ждать на дороге у колодца вблизи Ноян сомона. Другая машина — «Кулан» — осталась в Улан-Баторе ждать Орлова, который телеграфировал, что вылетает из Москвы четырнадцатого июня. Теперь мне стало ясно, что Орлов не сможет принять участие в длинном маршруте. Подвергать его, еще не акклиматизировавшегося, всем невзгодам трудного пути было бы рискованно и неумно. Откладывать маршрут еще дальше мы не могли. Очень много работы по раскопкам оставалось в Нэмэгэту. Трезвый расчет привел к необходимости сократить Западный маршрут, оставив только южную его часть длиной в тысячу пятьсот километров.

Три последовавших затем дня были необычайно жарки. Мы заканчивали дела в Центральном лагере, писали бесконечные инструкции остававшимся Эглону, Новожилову и Лукьяновой, собирали снаряжение в маршрут и спускали с круч оставленные до прибытия троса монолиты. Наконец настало последнее совещание и на следующий день на рассвете — выступление в путь-дорогу. Кроме уже поджидавшего нас «Волка», в маршрут шел «Дзерен». Таким образом, два лучших шофера нашей экспедиции ехали с нами надежными помощниками в предстоявших трудностях. Провожал нас до Ноян сомона «Тарбаган» с грузом монолитов. На нем ехал Эглон, чтобы, используя нашего переводчика, договориться о найме верблюжьего транспорта.

Точный график автомобильных рейсов по вывозке коллекций, завозу бензина, леса, продовольствия мы составили на месяц

вперед. Вместе с Орловым приезжал находившийся в Улан-Баторе мой помощник по хозяйству Шкилев.

Движок электростанции погиб. Отсутствие воздушного фильтра и ненадежная смазка клапанов привели к тому, что в песчаных вихрях Гоби маленький мотор оказался недолговечным. В не слишком бурную ночь мы раскладывали в сухом русле костер из саксаула и сиживали вокруг него, беседуя и покуривая на сон грядущий. И в последний вечер перед нашим отъездом все собрались у костра. Корнилов напомнил о моем обещании как-нибудь рассказать о местонахождении Нэмэгэту, о динозаврах. Момент для этого сейчас был наиболее подходящий. Я начал рассказывать...

На том месте, где мы сидели, семьдесят миллионов лет назад плескались волны теплого моря. Едва видный берег находился в направлении хребта Нэмэгэту, еще дальше его на север. Воздух был жарким и влажным. В те времена на земле отсутствовали резкие климатические зоны, какие наблюдаются сейчас. Полюсы не имели громадных ледяных шапок, а следовательно, кольца пассатных ветров, которые сейчас в северном и южном полушариях создают постоянные сухие ветры, были много слабее. Сейчас эти ветры лишают влаги широкие полосы суши, и на пути пассатов проходят громадные пустыни. В северном полушарии — Гоби, Такла-Макан, Кара-Кум, Дешт-и-Лут, Аравийская пустыня, Сахара и так далее...

Но в меловом периоде все было по-иному. Отсутствие ураганных ветров позволяло расти гигантским деревьям на мягких, полужидких болотных почвах. Самые материки в большей части низменные с плоскими, постепенно погружавшимися в море берегами. Отсутствовала резкая граница между мелководьем моря и затопленным, заболоченным берегом материка. Вода моря, вообще в те времена менее соленая, у берегов сильно смешивалась с пресными водами. Вероятно, и цвет морской воды был другим — серовато-зеленым, напоминавшим темную воду материковых болот. У нашего ночного костра в Гобийской полупустыне некогда находилось дно береговой зоны моря. По этому дну продолжались подводные русла огромной реки, разбившейся в прибрежных болотах на ряд рукавов.

Основная масса воды с большой скоростью устремлялась в широкое подводное русло, промывшее себе ложе в рыхлых песках мелководного моря. В это ложе подводный поток нес все те остатки погибшего населения материка, которые захватывались главным течением реки. Трупы исполинских ящеров, черепах и стволы деревьев вначале плыли совместно по воде. Особенно много их становилось в половодье, когда увеличивались сила и скорость течения. Но постепенно, разлагаясь, трупы теряли свою плавучесть, опускались на дно, некоторое время волочились течением по дну и, наконец, оседали на дне русла, там, где

поток уже терял свою скорость — далеко от берега, вместе с песками, галечниками или глинами. Во время волочения по дну трупы, которые дольше находились в воде, начинали разваливаться. Течение разрывало их на куски, отделяло черепа, лапы, куски позвонков, которые и захоронялись вперемешку с целыми скелетами и костями от совсем рассыпавшихся трупов. Так возникло костеносное русло Нэмэгэту, где уже почти два месяца мы рылись, добывая документы прошлого нашей планеты.

Но что же находилось у неясной линии берега, откуда потоки сносили всю эту массу смертных останков жизни? Там жизнь должна была цвести очень буйно, чтобы в случайном захоронении дать столь громадное количество остатков. Прибрежные болота материка отдавали в море массу органического вещества — истлевших частиц растительности. Эти вещества служили питанием для множества самых различных животных и, вероятно, паразитических растений, вроде грибов. Широкие мелководья были очень богатыми источниками пищи, но только малое количество животных могло процветать здесь. Огромные приливные волны, свободно накатываясь из открытого моря, ходили здесь, сметая все живое, выбрасывая на берег плавающее, топя неплавающее. Для освоения этой богатой кормом области требовались особые, приспособленные к ней животные, и такие животные появились. Среди динозавров наиболее гигантскими размерами отличались зауроподы — величайшие наземные животные всех времен.

Зауроподы достигали в среднем двадцати пяти метров в длину. Четыре массивные лапы с чудовищными когтями обеспечивали им надежную опору на скользком подводном грунте. Очень длинная шея и такой же длины хвост не давали им тонуть на довольно значительной глубине — как раз на такой, на какую поднимали уровень воды большие приливные волны. Тяжелые кости ног, таза и хвоста делали животное устойчивым в воде, в то время как легкая подвижная шея с маленькой головой позволяла добывать пищу на большом расстоянии вокруг себя и на дне. Вес животного, достигавший пятидесяти тонн, и огромная мышечная сила обеспечивали победу над волнами. Чудовищные зауроподы размножились и расселились буквально по всему миру. Но к тому времени — к концу мелового периода — в какое образовывались костеносные русла Нэмэгэту, материки стали более высокими. Громадные пространства мелководий сильно сократились, и зауроподы встречались гораздо реже, чем прежде,— в начале мела или в конце юры.

Действительно, в Нэмэгэту одна находка остатков зауропода приходилась на несколько десятков находок других динозавров. Эти другие — утконосые и хищные динозавры — обитали вдали от материкового побережья, там, где едва синела полоска низменного побережья, поднимались густейшие заросли болотных

кипарисов. Угрюмые деревья с сильно расширявшимися книзу стволами, с жесткой, словно вырезанной из картона, зеленью близко теснились один к другому, образуя непроницаемую стену. Пестрые мхи, оранжевые и ядовито-зеленые грибы, лишайники и папоротники неряшливыми космами и растрепанными клочьями свисали с ветвей. Тяжкое, мертвое молчание царило в парном, застоявшемся воздухе страшного леса, тянувшегося на необозримые пространства вдоль берегов материка. Глубокие каналы с черной, непрозрачной водой там и сям прорезали грозные стены деревьев. Кое-где каналы и протоки расширялись в заросшие густой болотной растительностью пруды или озера. Здесь, под защитой могучих лесов, пользуясь обильной растительной пищей, обитали утконосые динозавры. Название этих ящеров возникло оттого, что морды у них были уплощены и расширены. Покрытые роговым чехлом, они были очень похожи на утиный клюв. Огромное количество зубов — по пятьсот в каждой челюсти — у этих животных сливалось вместе, образуя в верхней и нижней челюстях четыре длинных и толстых зубных гребня с заостренными эмалевыми краями. Челюсти утконосых динозавров превратились, таким образом, в очень прочную сечку или соломорезку и могли обеспечить гигантское животное нужным количеством размельченной растительной массы. Запасные зубы, нараставшие все время снизу, с внутренней стороны заменяли стиравшиеся. Это стало необходимо, потому, что истирание от растений, захватывавшихся вместе с песком и илом, было очень сильным. Утконосые динозавры, или траходонты, ходили на задних ногах, но только в воде. Слабый таз, не соответствующий чрезвычайной массивности костей задних ног, говорит о том, что животное не могло передвигаться на суше в вертикальном положении. Траходонты ходили по дну глубоких проток, поддерживая равновесие с помощью сильных передних лап, снабженных плавательными перепонками и приспособленных к гребному движению.

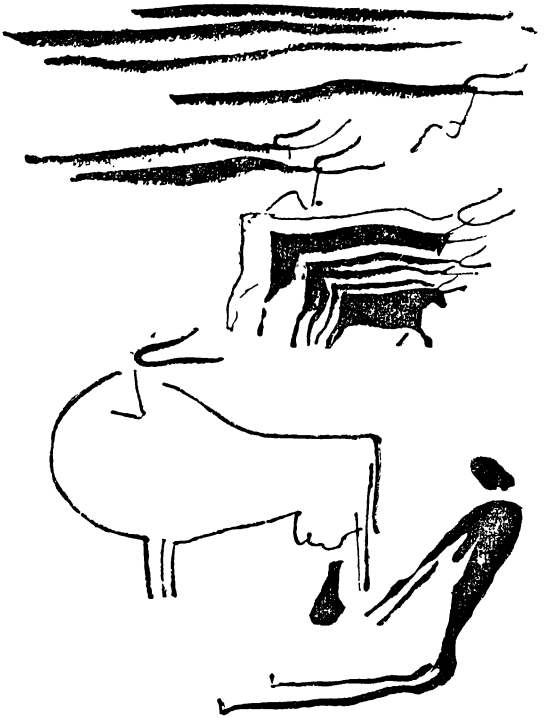
За зоной глубоких болот побережья располагались леса других деревьев — родственников современных магнолий. Там, на более возвышенной, хотя все еще влажной почве обитали гигантские хищники. Они тоже ходили на задних ногах, подпираясь могучим хвостом, как и утконосые динозавры, но не в воде, а по суше. Вместо копыт, характерных для утконосых динозавров, у них были трехпалые, очень похожие на птичьи, лапы с кривыми острыми когтями. Передние конечности создавали невыгодный перевес передней части тела, и они очень сильно уменьшились, обратившись в крохотные двухпалые лапки. Зато голова сделалась основным орудием нападения. Огромная пасть, усаженная кинжаловидными загнутыми зубами до тридцати сантиметров в длину, позволяла животному справляться с любой добычей, разрезая и отрывая громадные куски мяса. Череп для облегче-

ния веса стал ажурной конструкцией наподобие мостовой фермы. Достигая четырнадцати метров в длину и пяти метров высоты на ходу, эти исполинские хищники, карнозавры, могли развиваться и процветать только при наличии колоссальной массы малоподвижной и крупной добычи. Такой добычей могли быть утконосые динозавры. Выходя на возвышенные участки берегов для кладки яиц или находясь вместе со своим молодняком в неглубоких болотах, утконосые динозавры становились жертвами хищников. Правда, гиганты, найденные нами на «Могиле Дракона», достигавшие почти девяти метров высоты, могли не бояться никаких хищных чудовищ.

По ту сторону магнолиевых лесов, там, где на сравнительно сухой почве росли цикадовые растения и рощи серых гинкго, обитали другие жертвы исполинских хищников — карнозавров. Они не могли укрываться в черные глубины недоступных лесных проток, как утконосые динозавры. Они должны были противостоять карнозаврам на твердой почве в открытом бою. Одни из них — панцирные динозавры или анкилозавры — развили защитную броню. Это были настоящие живые танки по десять метров в длину, покрытые костными плитами в ладонь толщины, с головой и хвостом, усаженными опасными шипами. Хищные динозавры могли справляться с ними, только перевернув такое животное на спину. Другие динозавры — обитатели открытых пространств — приспособились к активной защите. Появились рогатые, быкообразные ящеры, больше самого крупного современного носорога. Черепа наибольших видов достигали почти двух метров длины. Снабженные острыми роговыми клювами и могучими рогами над ноздрями и над глазницами, с широким, усаженным шипами костяным воротником, прикрывавшим шею, эти животные — цератопсы — были наиболее фантастическими и страшными созданиями из всех динозавров. Были однорогие, трехрогие и даже пятирогие цератопсы, а также стиракозавры, обладавшие вместо костяного воротника веером из длинных шипов на затылке. Тупые, упорные и невероятно живучие, они направляли навстречу гигантским хищникам острые двухметровые рога. Сколько сцен борьбы молчаливых пресмыкающихся разыгрывалось в угрюмых чащах и на солнечных полянах этого, навсегда канувшего в прошлое мира. Здесь же, среди рогатых и панцирных динозавров, спасаясь от хищников на деревьях или в норах, жили древнейшие млекопитающие, более всего походившие из современных животных на ежа (без иголок) или сумчатого опоссума. Здесь жили и еще какие-то быстрые животные, может быть птицы, может быть крупные насекомые. За ними гонялись мелкие хищные динозавры — очень легкие бегуны и прыгуны, бегавшие на задних ногах с высоко поднятыми хвостами. Эти орнитомимиды, или птицеподражатели, были величиной с современного страуса.

В костеносном русле Нэмэгэту находилось больше всего остатков обитателей мрачной зоны прибрежных лесов, а также области, населенной хищниками. Остатки обитателей более глубоких областей материка почти не доходили сюда, в русло Нэмэгэту, и поэтому мы ничего не знали о жизни на сухой почве за полосой магнолиевых лесов. Только один раз, среди всех остатков динозавров, нам попалось несколько костей огромного панцирного ящера. Чаще встречались скелеты мелких хищников, видимо, нередко забегавших в области охоты крупных карнозавров. Остатки других животных — черепах и крокодилов — подтверждали, что главная масса животных, захороненных в Нэмэгэту, обитала в болотной прибрежной зоне. Здесь были и такие типичные обитатели болот, как трионикcы и огромные черепахи морского облика, и поразительный ящер с когтями-косами — терезинозавр, очевидно тоже житель морского берега.

...Беседа о прошлом Нэмэгэту затянулась за полночь, и тут мы все спохватились, что на рассвете — отправление в далекий путь. Только золотистые уголья, присыпанные белым пеплом саксаула, остались от костра. Черная масса Нэмэгэту громоздилась над нами, упираясь в звездное небо, и словно напоминала о настоящем — высокогорной пустыне, безмерно далекой от всякого моря, в центре горных хребтов азиатского материка...



Высокое небо — отец мой.
Широкая земля — мать моя!

Старая поговорка

ГЛАВА IV. УЗКАЯ СИНЯЯ ГОБИ

Нэмэгэту провожало нас тяжелым зноем. Моторы машин перегрелись на бесконечном подъеме на южный борт котловины. К роднику Даба мы добрались уже сильно распаренные. Хитроумный Пронин приколотил к кузову своей машины большой вместительности рукомойник. Налив в него прохладной воды из родника, шофер разделся и полез спиной под клапан, издавая нечто среднее между ревом удовлетворения и визгом страдания.

Я решил проблему душа более просто, а именно — стал на берег ручейка и попросил окатить меня с головы до ног из обыкновенного ведра. Эффект был еще более сильный.

Только к вечеру доползли до колодца, где стоял «Волк». Груженный монолитами «Тарбаган» дымил, перегревался и едва шел — пора было срочно менять кольца. Вылежанин, стоявший здесь уже третий день, отоспался и отъелся. Его густая раздвоенная борода распушилась, и узкое «старообрядческое» лицо приняло совсем профессорский облик. Из всей экспедиции больше всех был похож на ученого именно Вылежанин. Пронин, отрастивший себе короткую черную бородку, походил на русского боярина с примесью татарской или цыганской крови. В общем эти два наших шофера имели наиболее картинный вид и, несомненно, годились бы в персонажи любого приключенческого фильма.

Мы остановились на ночлег здесь же у колодца. Я хотел оттянуть еще на день выезд в маршрут в надежде, что пойдет из Улан-Батора «Кулан» с Орловым. Исполинские кубические массивы гор «Трех Чиновников» высились над нами, и я долго бродил среди обрывов пермских песчаников и конгломератов, которые их слагали. Эглон притащил несколько кусков окаменелых деревьев. Это были уже не болотные кипарисы и не магнолии мелового периода. Стволы принадлежали кордаитам — странным деревьям, родственным одновременно папоротникам и хвойным. Двести тридцать миллионов лет тому назад необъятные кордаитовые леса покрывали материки от Таймыра до юга Африки. Кордаитовая «тайга» шумела на месте Кузнецкого бассейна и Средней Сибири. Немалая доля огромных запасов угля этих мест образовалась за счет этих деревьев.

Мы двинулись в сомон и прямо на дороге, у «Опасной пропасти» и на откосах холмов, обнаружили множество мелких кристаллов горного хрусталя, очень чистых и прозрачных. В первый раз мы ехали здесь днем и в неистовом гобийском солнце сразу заметили их сверкающие огоньки...

Дорогой я думал о том, как неприятно выехать к какому-нибудь колодцу из чистой просторной пустыни. Вокруг колодца все затоптано, выбито, загажено скотом. От удушливого зноя еще противнее становится запах мочи и жужжание назойливых мух. Гобийские араты совсем не умеют бережно обращаться с водой и колодцами. Если сопоставить с этим необычайно строгие законы о содержании воды и колодцев в чистоте у арабов, которые уже свыше четырех тысяч лет являются обитателями аравийской, а позднее и североафриканской пустынь, то станет понятным, что монгольский народ, по существу,— недавний обитатель пустынной местности. По всей вероятности, он формировался в основном в степной или лесостепной местности типа Хангая или нагорий южной части Внутренней Монголии...

В сомоне было безлюдно. Школьники разъехались, отправились по кочевьям и все работники сомонных учреждений. Нас встретил со своей обычной широкой улыбкой худой, слегка сутуловатый заведующий школой. Вечером, за ужином, он рассказывал нам все, что знал о достопримечательностях окрестностей сомона. Недалеко от вулкана Ноян-Богдо есть древние рисунки на скалах, изображающие архаров и янгеров (козерогов). В пятнадцати километрах к юго-востоку от Сэвэрэй сомона на плоской равнине стоят два огромных обтесанных белых камня с какими-то надписями, похожими на европейские буквы. Вероятно, это были руническое надписи древних тюркских народов.

Прогуливаясь вечером, я всего в трехстах метрах к югу от школы обнаружил маленький десятиметровый вулканический конус, заросший полынью и покрытый на верхушке кусками пузырчатой лавы. Восточнее стояли еще два конуса, около шестидесяти метров высоты. Оказалось, что наши с Громовым предположения 1946 года были правильны. Мы находились в области древних потухших вулканов. На отрогах горы Хугшо я наблюдал по меньшей мере три вулканических конуса, затем — четырехсотметровый гигант Ноян-Богдо, и здесь около сомона было четыре или пять разной величины конусов. Сейчас не осталось никаких следов древних извержений. Склоны вулканов покрылись песком, и горячий ветер шелестел росшими на их склонах колючками. Только кольца полуразрушенных кратеров и столбчатые стены лавовых массивов говорили взгляду геолога о когда-то пронесшемся здесь огненном дыхании глубин земной коры.

Нам дали тридцать верблюдов с двумя опытными вожатыми, и мы закупили в местном кооперативе больше полкилометра крепчайших веревок из конского волоса, чтобы сделать сетки для вывозки больших и тяжелых плит песчаника с «Могилы Дракона».

Все было готово, а «Кулан» из Улан-Батора так и не пришел. Я написал несколько лишних страниц инструкций и телеграмм и отдал распоряжение об отправке машин. Мы простились с нашими товарищами и завели моторы. Ехавшие с нами рабочие (только двое) Коля Брилев и малорослый, проворный Кеша Сидоров поспешно полезли наверх, в кузов «Дзерена». Машины начали выезжать из двора, как вдруг появился неистово размахивающий руками директор школы. Его длинные ноги путались в полах на ветру, но сигнализация рукавами дошла до нас. Мы остановились и заметили мелькнувший на той стороне распадка силуэт крытой машины. Кроме наших, во всей Великой Гоби не было больше машин, покрытых, как фургоны.

Это был «Кулан». Горбоносый профиль Орлова издалека виднелся в окне кабины. Сверху спрыгнула долговязая фигура Шкилева в черном костюме и белоснежной пикейной рубашке. Случайно первым подоспел к машине «Иван Козлиный», который

был, пожалуй, на сантиметр повыше Николая Абрамовича, и оба наших гиганта принялись трясти друг другу руки. Замечательное зрелище!

Через несколько минут состоялось запоздалое свидание, молниеносный «банкет» с улан-баторскими деликатесами, обмен новостями и беглый просмотр привезенной почты. Бедный Юрий Александрович очень огорчился, узнав, что ему не придется участвовать в Западном маршруте, но наши доводы показались ему благоразумными. В половине второго двинулись все четыре машины: «Тарбаган» с «Куланом» нырнули в беспорядочную толпу холмов и хребтиков, направившись к Нэмэгэту, а «Волк» и «Дзерен» пошли налево, на юг, к развалинам монастыря Оботу-хурал («Курганный»).

Дорога шла по сухим руслам, стесненным грядами складок пермских отложений. Мощные слои покрытых пустынным загаром песчаников топорщились, как чудовищные ребра, а пачки углистых слоев между ними выглядели зияющими темными провалами. У полуразмытых глинобитных стен Оботу-хурала мы неожиданно встретили улан-баторского знакомого, заместителя министра товарища Ж. Самбу, в настоящее время — председателя Президиума Великого Народного Хурала Республики. Этот худой седоватый человек был знатоком Гоби и всего, что касалось скотоводства и кочевой жизни. Его книга «Советы аратам-скотоводам» пригодилась и нам. «Выбирай место для юрты в полдень», «Чем темнее вода, тем она чище», «Вход в загон поворачивай на юг — ветры оттуда редки» — подобные советы, исполненные мудрости вековых наблюдений монгольского народа, очень годились и для нас — гобийских путешественников.

К сожалению, времени для продолжительной беседы не было ни у товарища Самбу, ни у нас. Отведав угощения, мы простились и поехали на запад, прямо на заходящее солнце. Мелкие кустики ириса на черной щебнистой равнине золотились в лучах заката, и вся местность казалась залитой струящимся золотом. Свободные от растительности прогалины выделялись черными озерками, а дорога была подобна реке густого черного цвета.

Два дня мы ехали на запад по наклонным равнинам Эдзугэй-Гадзыр («Безлюдная земля») — гигантской пустоши, уходившей в пределы Китая. Ровные гряды, разрезанные узкими промоинами, покрывал сплошной панцирь черного щебня, сверкающий на солнце. Очень редкие маленькие пучки солянки — нитрарии были единственной растительностью на этих огромных, безжизненных, накаленных солнцем полях. Тропа шла по широкому плоскому бэлю хребта Тосту, изборожденному тысячами мелких промоин. Местами по дороге тянулись черные полосы углистых сланцев: мы шли все время по простиранию почти стертых гряд круто падающих пермских пластов. Удивляли невидан-

ные раньше высоченные холмы песка, покрытые порослью тамариска. Также непривычны мокрые низины с солончаками, которые окаймлялись группами разнолистных евфратских тополей, а иногда даже ив. Между голых холмов внезапно появилась лощина с обширным полем зеленой травы, высоким дерисом и рощицей тополей. Но уютная лощина оказалась опасной ловушкой для машин: сверху пухлая, внизу мокрая и скользкая глина. Деваться было некуда. Стиснув зубы, Пронин дал полный газ и ринулся вперед по большим кочкам. Машина с ревом запрыгала, точно мячик, отчаянно дергаясь и пробуксовывая, но все же мы выскочили.

За лощиной тропа вошла в небольшое ущелье, и мы увидели Хубтин-обо — гигантское обо с цоколем из крупных каменных глыб, сложенных вперемежку с полуистлевшим саксаулом на верхушке маленького холма. По преданию, здесь был закопан тибетский клад — восемьдесят верблюдов серебра. Однако раскопка такого громадного обо, видимо, была непосильной задачей для ленивых кладоискателей. У нас на кладоискательство тоже не было времени, и мы двинулись дальше по еще более безжизненным черным равнинам. Вдали показался кулан, быстро свернувший в сторону. Крупные фаланги бегали прямо днем по дороге, и Пронин старался казнить мерзких тварей могучими колесами своего «Дзерена».

По обе стороны нашего пути шли гряды черных голых конусов, а между ними слегка поднимающаяся в стороны голая черная равнина — поразительное зрелище полной черноты. Отсвет этих черных пространств лег на небо, и его потускневшая синева приняла железный отблеск. Я не раз встречал это гобийское железное небо в пути по Черной Гоби. Впереди большим серовато-палевым блюдом раскинулся обширный такыр. Огромная туча закрыла солнце на западе, и тотчас картина сверкающей черноты вокруг резко изменилась. Щебень и склоны ближних гор стали темно-фиолетовыми, дальние зубцы за ними — светло-лиловыми, гигантская тень погрузила даль в темно-серую пелену. Только слева от тучи осталось озеро серебряного света, в котором плавали золотящиеся небольшие облака. От озера на фиолетовое поле щебня легла блестящая дорожка. Мы находились как будто на дне зловещей фиолетовой бездны, из которой только впереди и вверху было окно в сияющий светлый мир. Под колеса машины легла совершенно ровная и гладкая глинистая поверхность светло-кофейного цвета. Местами, без трещин, глина была матовой, как неглазированная керамика, или же, растрескавшаяся правильными шестиугольниками, блестела на солнце, как метлахские плитки. Мы мчались здесь со скоростью семьдесят километров в час, пока не въехали в душную котловину между гор Ухур-Улан-ула («Красная корова — гора», т. е. большая гора).

В ущелье были тысячи цикад, нахально залетавших сквозь открытое лобовое стекло в кабину. Мы с Прониным на нашей передовой машине все время опасались, что эти крупные, тяжелые насекомые вышибут нам с хода глаза, и низко нахлобучили козырьки фуражек. Весь день мы шли при попутном ветре с невыносимой жарой в кабинах от перегретых моторов. От сильной тряски все внутренности, казалось, оторвались и колотились внутри. Рождественский к концу дня стал жаловаться на боль в спине. Я осмотрел его и обнаружил, что вдоль позвоночника у него на пояснице была содрана вся кожа от толчков о спинку сиденья. Рождественский расплачивался теперь за свою худощавость, помогавшую ему лазить по горам в жару. Мы взобрались на обширное, изборожденное сухими руслами плоскогорье и поехали на довольно значительной высоте.

Ночевали, поставив койки прямо посредине черной равнины, около машин. Ночью налетела гроза. Ослепительный свет непрерывных молний проникал даже в спальный мешок, куда я забрался с головой, поклявшись промокнуть, но не вылезать. Под утро в полусне я почувствовал, что умираю. Что-то лежало на мне, душило, давило, не позволяя дышать. Я стал дико брыкаться и бороться. Через несколько секунд с вылупленными глазами, хватая воздух ртом, я опомнился на своей койке. Оказалось, что кто-то укрыл нас с Рождественским огромным брезентом, чтобы защитить от дождя. Взошедшее солнце нагрело брезент, и мы оказались в невероятной духоте. Рождественский с его здоровым сердцем продолжал спать, а я едва не задохнулся.

Мы продолжали наш путь к юго-западу, держа курс на массив Сэгсэг-Цаган-Богдо («Торчащая белая святая»), самую высокую гору в Южной Гоби. Здесь, в недоступных пещерах, обитал гобийский медведь — почти вымерший подвид медведей. Это животное видели в 1943 году советские исследователи Э. М. Мурзаев, А. А. Юнатов и А. Б. Банников во время своего путешествия по Заалтайской Гоби. По мере приближения к массиву Цаган-Богдо сухие русла стали глубокими, и дорога перешла в беспрерывные крутые подъемы и спуски с опасными косогорами. Вождение тяжело нагруженных машин превратилось в высший пилотаж. Наши машины «пикировали» на дно очередного русла, затем почти свечой взлетали вверх с отчаянной форсировкой моторов, иногда бросаясь в сторону, на косогор, когда подъем становился непосильным. Менее опытному водителю здесь было очень легко опрокинуться.

От родника Бильгиху мы повернули на юг, огибая с востока массив Цаган-Богдо. Здесь мы обнаружили ущельица и овраги в красноцветных меловых отложениях и даже нашли редкие обломки костей динозавров. Но никаких крупных скоплений ископаемых остатков не было. Мы обогнули Сэгсэг-Цаган-Богдо, пересекли горы Хуху-Усуни-нуру («Хребет Голубых Источни-

ков») и спустились в огромное сухое русло, твердое и поросшее гигантским саксаулом. На переднем плане возвышались охристо-рыжие холмы, за ними — рыжие со смоляными пятнами и еще дальше — черно-смоляные пирамиды и конусы гор Тумуртин-Хуху-нуру («Железистый Голубой хребет»). Сухое русло спускалось вниз, к югу, к Китаю, куда сбегали от окружавших нас гор наклонные равнины. Там впереди, среди моря низкого и тощего саксаула, возвышался черным загадочным островом горный массив Хатун-Суудал («Седло госпожи»). Слева тянулась обширная область размывов рыхлых желтых пород, в которых Намнан Доржу и Рождественскому удалось найти кости динозавров. Мы остановились на ночлег прямо в русле, чтобы утром предпринять более подробное обследование. Здесь, в высоком саксаульнике, было уютно после жарких, мертвых равнин и голых скалистых ущелий. Мы как будто бы находились в лесу. Пламя большого костра отбрасывало веселые блики и резкие тени от фантастических изгибов саксаульных стволов. Я закурил и стал записывать впечатления пройденного пути. Горы здесь протянулись на сотни километров скопищем конусов, узких и широких, острых и тупых, возвышавшихся по обеим сторонам нашей дороги. Конусы черные, с блестящими склонами, словно облитые жидкой смолой, некоторые из них вытянутые в ширину и увенчанные, словно капорами, черными веерами голых скал. Только грозный Сэгсэг-Цаган-Богдо высился сплошной массой, будто мрачный греческий собор со множеством плоских куполов.

Поразительная безжизненность черных равнин, наклонно скатывавшихся на юг, к центру Черной Гоби, местами перемежалась с оазисами разнообразной растительности, совсем иной, чем в унылой котловине Нэмэгэту. Гордо и прямо стояли рощицы евфратского тополя, не сгибаясь под ветром, и только буйно шумели густой листвой. Как приятен был звук лесного шума с его какой-то первобытной мощью после резкого, наглого или жалобного свиста и воя пустынных ветров! Евфратский тополь — стройное дерево с могучим стволом и очень светлой чешуйчатой корой. Листья на одном и том же дереве разные — одни круглые, другие узкие, как у ивы.

В сухих руслах по краям росли мелкие кустики, сплошь усеянные ярко-оранжевыми цветами. В середине русел островками, попадался сочный баглур с совершенно малахитовым цветом зелени. Широкие малахитовые шапки красиво выделялись на сером песке русел, окаймленных рядами оранжевых кустиков и полосами черной щебенки. Изредка встречались кольцеобразные, цветущие желтым, кустики арнебии, похожие на золотые короны, нечаянно брошенные на гальке и песке сухих русел.

Цвели тамариски. Почти голые стебельки их соцветий были густо усеяны шариками сиреневых или розовато-фиолетовых цветков величиной с просяное зерно. Красива была и серовато-

зеленая тонкая листва тамарисков, огромные пушистые кусты которых колыхались под ветром в сухих руслах. Здесь, в этой Гоби, были распространены ковыльки. Они росли пучками или щеточками, больше всего похожими на большие малярные кисти, очень светлого и чистого желтого цвета. Такие пучки выделялись четко на голых щебнистых черных буграх и придавали им комичный вид оплешивевших голов. Ковыльки растут всегда редко — рядами пучков разбегаются они по красным глинам и черной щебенке. Но в сухих руслах ковылек дает резко обособленные светло-желтые полосы, контрастирующие с темной сочной зеленью солянок и баглура или сероватой листвой полыни.

Новыми, невиданными ранее для нас были оазисы водоносных участков сухих русел, густо поросшие зеленой травой, тамарисками, евфратскими тополями и даже ивами. Но эти места были предательской ловушкой для машин: как правило, внизу, под травой, нас предостерегала вязкая мокрая глина. При малейшем недосмотре машина могла завязнуть очень серьезно. Поверхность здешней Гоби не благоприятствовала передвижению на машинах. Из-под панциря черного щебня здесь проглядывал не песок, как в Нэмэгэту, а рыжая пухлая глина. Такие места напоминали равнины по северной окраине Гоби, с той разницей, что тут они находились в горной местности. Всякое движение по щебнистым равнинам в сторону от тропы здесь труднее, чем в привычной, «нашей» Гоби. Еще более неприятное впечатление производили плоские бугры у подножия гор, сложенные, видимо, корой выветривания. Они были покрыты толстой глинистой коркой с серыми выцветами солей, словно большими пятнами плесени на развалинах сгнивших гор. Ноги проваливались сквозь корку, вздымалась едкая соленая пыль — в жару и безветрие эти предгорные уступы казались тленом земли.

Западнее Цаган-Богдо мы вступили в область светло-серых выветренных сланцев, на солнце принявших густой голубой цвет. Сланцы прорезались ущельем, по дну которого шли наши машины. Странное впечатление оставляли мягкие очертания склонов и промоин, как будто обтянутых голубой тканью, после жестких, колючих, ощетинившихся гобийских гор...

Записи образцов, снимков и рассматривание карты были закончены уже после ужина. Луна поднялась высоко над сухим руслом. Ветер стих. Абсолютная тишина царила кругом — ничего живого, как и за сотни километров пройденного сегодня пути, не было слышно или видно. Резкие, искривленные тени высокого саксаула извивались на стальном песке. Я посмотрел на юг. Беспредельный простор огромной равнины плавно погружался вниз, туда, где на горизонте лежала, уже в пределах Китая, какая-то большая впадина. Повсюду, насколько хватал глаз, недвижно торчали исполинской щеткой призрачные в лунном свете серые стволы — море зарослей саксаула. Прямо передо

мной, отливая серебром на кручах каменных глыб, в расстоянии десятка километров высился массив Хатун-Суудал. В океане призрачного однообразия, безжизненности и молчания массив казался единственной надеждой путника, местом, где можно было встретить каких-то неведомых обитателей этой равнины, широко раскинувшейся под молчаливым небом в свете звезд и луны.

Я долго стоял, стараясь сообразить, как окружающая обстановка, отражаясь в мозгу человека, вызывает в нем строго определенные представления. Впрочем, проверить свои ощущения на ком-либо другом не было возможности — мои товарищи давно спали.

Утреннее исследование окружающих красноцветов привело к новым находкам. Намнан Дорж нашел обломок ребра и большой позвонок; я и Рождественский — еще несколько кусочков костей. Итак, местность, несомненно, была костеносной и заслуживала в будущем подробного исследования. В то же время ничего похожего на сказочные палеонтологические сокровища Нэмэгэту или Восточной Гоби здесь не было и в помине. Закончив предварительное обследование, мы двинулись дальше и быстро подъехали к черному Хатун-Суудалу. Вблизи гора оказалась скопищем развалившихся скал диоритового порфирита, черных и блестящих от пустынного загара. Ни одной былинки не колыхалось между камней, ни ящерица, ни насекомое не нарушали оцепенелой неподвижности каменных масс. Только столбы и струи нагретого воздуха поднимались там и сям над скалами. Черные камни будто растоплялись, принимая зыбкие, колеблющиеся очертания. Местами солнечные лучи как бы дробились в восходящих токах воздуха, и тогда призраки, огромные и едва заметные или маленькие, слепленные из густого тумана, колыхались, дрожали и кланялись над развалинами мертвых камней. Могучее солнце Гоби смогло сохранить завесу тайны над массивом Хатун-Суудал даже в ослепительном свете дня.

Долгий скат окончился, и мы пошли по межгорной равнине, между двумя параллельными хребтиками. Левый, или южный, называвшийся Цохио-Балынь («Медовая высокая скала»), был сложен какими-то красными породами. Правый, безымянный низкий хребтик,— черными. В точном соответствии с высотою гор большая часть межгорной равнины (около четырех километров) была покрыта сплошным красным щебнем. У северных черных гор узкой полосой, не более километра ширины, тянулся черный щебень. Я пожалел, что со мной не было профессора Громова: настолько неопровержимо в этой, как бы нарочно созданной самой природой лаборатории доказывалось происхождение щебнистого покрова гобийских впадин из продуктов разрушения гор. Наш старый спор 1946 года разрешился.

Жара все усиливалась, поверхность красной равнины была изрыта мелкими промоинами. Беспрестанные толчки и броски

машины сегодня как-то особенно раздражали. Незаметно красный щебень сменился черным, и мы спустились на дно небольшой впадины, занятое такыром. По его серой цементной площади мы понеслись со скоростью семидесяти километров, сразу обогнав попутный ветер. Внезапно из какого-то оврага, слева, выскочила дзерениха с двумя маленькими дзеренятами приблизительно двухмесячного возраста. Но эти крохотные существа неслись впереди машины с той же скоростью, что и мать. Ни один из ярых охотников, сидевших наверху, не поднял винтовки. Все, не исключая и Пронина, гикали, свистели и орали: «Дура! Сворачивай!» Не хотелось останавливать только что разбежавшую-

ся машину и было жалко маленьких зверей. Вдруг один дзеренок на всем ходу перекувырнулся через голову, встал на ноги и побежал дальше. Тут мать, видимо, поняла, что бегством не спасешься, и повернула в сторону. Укоризненные слова полетели ей вслед, машина мелькнула мимо.

За такыром мы въехали в низкие островные горы Хара-Хяр («Черный Гребень»), или Хар-Хон-Хере (горы «Черного Ворона»). Сплошной покров щебенки без следов растительности здесь был настолько плотным, блестящим и черным, что казался иссиня-черным. Шебнистое плато переходило в такие же откосы, а те — в округлые гладкие низкие горы. Все было как бы отлито из единого куска синевато-черного металла. Именно к таким горам применим специфически монгольский эпитет — харбаран — «ярко-черный». Только под ослепительным солнцем и чистым небом может быть такой черный цвет! Группы холмов, ощетиненных черными каменными щепками, похожими на изрубленные гигантские пни, сторожили выход из гор «Черного Ворона». Отсюда начиналась огромная Номиин-Гоби («Лазоревая Гоби»).

Сразу открылась область развития светлых гранитов — спокойная холмистая равнина: низкие белые бугры, вокруг них слой белой гранитной дресвы. Белый цвет обладал желтоватым кремовым оттенком, а потому казался мягким. Дальше шли гранитные конусы, иногда острые, иногда округлые и широкие,

в середине просеченные одной или несколькими черными жилами. Конусы местами приобретали овальные (в плане) очертания — перед нами, как бы застыло стадо белых зверей с черными полосами на спинах. Левее и ниже, на спускавшейся к югу наклонной равнине, среди океана мелкого саксаула мы заметили какое-то животное, медленно двигавшееся налево от нас. Расстояние было слишком велико, а наши бинокли слишком слабы, чтобы рассмотреть животное в мареве нагретого воздуха. Видно было, что оно серого цвета и крупных размеров. По предположению Намнан Доржа, это был дикий верблюд. Действительно, по размерам животное не могло быть никем иным, кроме верблюда. В этой совершенно пустынной и безводной местности не было ни одного арата, и верблюд вряд ли мог быть домашним, хотя, конечно, он мог оказаться одичалым.

Прямо впереди на западе острым конусом высилась гора Атас-Богдо («Святой отец»). Этот массив запирал нам дальнейший путь на запад, к восточной оконечности Джунгарской впадины, но теперь мы и не собирались туда. Мы должны были повернуть отсюда к северу и выйти к южным отрогам Монгольского Алтая. Там пролегала старая дорога, по которой мы рассчитывали легко добраться до огромного хребта Ачжи-Богдоин-нуру («Хребет Святого господина»), находившегося близко от юго-западных границ республики, обследовать бэли этого массива, а также впадину Хони-Усуни-Гоби («Гоби Овечьих источников»).

Уже давно, изучая карту будущего маршрута, я обратил внимание на невероятную крутизну обрывов, обозначенных невиданным сгущением горизонталей в ущелье, через которое шла на север старая вьючная тропа. От колодца Цзамиин-Бильгиху («Дорожный Закупоренный») с отвратительной, насыщенной гипсом и горькой солью водой мы начали углубляться в ущелье по дну широкого сухого русла, поросшего веселыми округлыми кустами караганы. Велико было наше удивление, когда вдруг мы пересекли след двух автомашин — одной маленькой ГАЗ-67 и трехтонки ЗИС. Как выяснилось впоследствии, машины прошли здесь на Баян-Ундур сомон («Богатый Высокий сомон»). Это до крайности обрадовало нас, потому что след автомобиля на гобийском бездорожье — это рука друга, протянувшаяся на десятки километров безвестного пути.

Колоссальные отвесные обрывы обступили нас. Просеченные черными полосами вертикальных жил, они создавали впечатление какой-то человечески упорядоченной работы, особенно если рядом шли две параллельные жилы. Жаркий день заканчивался прохладным вечером. Низкие тучи наползали с северо-запада. Пятнадцать километров мы ехали по дну ущелья, и горы становились все круче, выше и теснее. Серый песок сухого русла вдруг потемнел, став влажным. Поворот — и внезапно среди грозных, совершенно голых скал раскинулись заросли высокого камыша.

Кусты цветущих тамарисков окаймляли камыш справа, а слева, вдоль стены ущелья, тянулась роща толстых евфратских тополей с раскидистыми кронами. Так неожиданно возникло это царство буйной растительности, заключенное в стенах мертвых гор. И сразу — движение и звуки жизни: волны ветра по камышу и особый гордый шелест евфратского тополя! Но вместе с радостями шли и неприятности жизни: тьма кусачей мошки набросилась на нас, и ее жажда крови умерялась лишь порывами ветра. Отборные клещи и крупные фаланги поползли к нам. Сырая и вязкая почва под ногами была непривычной для нас после абсолютно сухой почвы Гоби. Здесь находился знаменитый по качествам своей воды родник Шара-Хулусуни-булак («Желтый камышовый ключ»), и здесь нам предстояло возобновить наш запас (во избежание всяких случайностей машины несли тонну питьевой воды), потому что дальше, на протяжении свыше двухсот километров, не предвиделось сколько-нибудь сносных колодцев.

На следующее утро мы направились к северному концу ущелья. Там роща одинаковых по возрасту и величине тополей дружно поднимала свои ветви, сплетая их вверху, как руки, для совместной борьбы против напора дикого и злобного ветра Заалтайской Гоби. Ущелье широко раскрывалось, разбегаясь бесчисленными промоинами. Огромными ступенями горы опускались к впадине Нарин-Хуху-Гоби («Узкая Синяя Гоби»). Эта впадина — одна из самых глубоких в Гобийской Монголии с абсолютной высотой семьсот метров. Мы рассчитывали найти здесь поздние геологические отложения, которые рассказали бы нам о последних этапах существования азиатской суши,— например, о верхнетретичной эпохе.

Мы спускались и спускались вниз, навстречу сильному ветру. Тут произошло несчастье. На одной из остановок ко мне подошел Вылежанин и сообщил, что в моторе «Волка» прибывает масло. Обычно спокойный и насмешливый, сейчас Вылежанин был бледен и сильно волновался. Дело было плохо: значит, в картер машины поступает вода из пробитой прокладки блока. Действительно, масло сбилось в густую, комковатую пену. Мы вылили его, заменили свежим и продолжали спуск во впадину. Там, где мы предлагали остановиться для исследования и поисков костей, можно было разобрать мотор «Волка». Спустя некоторое время мы уже стояли на плоском дне впадины. Только небольшими пятнами виднелась редкая низкая растительность на обширных полях черного щебня, сквозь который проглядывала предательская желтизна пухлой глины. Убого и пусто было здесь, на дне наших неоправдавшихся надежд. Никаких молодых отложений, только низкие размытые холмики палеозойских филлитов — черных сланцев с мощными кварцевыми жилами. Местами желтые блюдца такыров нарушали черное однообразие. Около пятнадцати километров мы проехали поперек «узкой

синей Гоби», когда увидели островок желтых обрывов. Хотя было уже совершенно ясно, что Нарин-Хуху-Гоби не годится для палеонтологов, все же мы должны были получить представление о характере пород этих, явно поздних, отложений. «Волка» поставили на ремонт. «Дзерен» повернул на запад, к северному борту впадины. Как ни шагали мы с Рожденственским и знаменитым искателем Прониным по размывам тамошних желтых пород,— все наши поиски оказались бесплодными. По-видимому, мы имели дело с очень поздними отложениями из остатков перемытой коры выветривания.

У «Волка» повреждение было хуже, чем я думал. Прокладка оказалась целой — следовательно, дал течь блок где-то внизу, может быть, в ничтожной раковине — дефекте отливки. Производить подобный ремонт здесь, посередине Заалтайской Гоби, на постоянном адском ветре мы не могли. Я решил, что «Волк» будет по-прежнему следовать за «Дзереном», меняя масло, как только оно собьется в комья. Машину во что бы то ни стало надо было вывести из этих недоступных дебрей поближе к населенному пункту или хотя бы к воде, даже если бы для этого и пришлось израсходовать весь наш запас масла. Ближе всего находился Баян-Ундур сомон — в четырехстах километрах к северу, в горах Монгольского Алтая. Проклиная ветер, мы собрали мотор. А ветер в Нарин-Хуху-Гоби действительно был особенный. С непостижимой настойчивостью он дул, нисколько не ослабевая и не усиливаясь, в течение целого дня. Что-то возмущало нас в этой равномерной и упорной силе ветра, укрыться от которого на плоской равнине было некуда.

Мы двинулись вперед. Везде, в дне котловины, в промоинах и буграх, вскрывались фиолетовые, сравнительно светлые филлиты, издалека отчетливого голубого цвета. Голубой полосой далеко на запад тянулась впадина — действительно Узкая Синяя Гоби. Впереди крутой черной стеной мрачного плоскогорья обрывался во впадину таинственный, не посещенный никем из исследователей хребет Эдеренгийн-нуру («Будничный хребет»). Сорок километров мы поднимались со дна впадины к первым отрогам этого хребта. Сорок километров тяжелого пути в постоянной тревоге за «Волка», по песчаному сухому руслу, которое становилось все более рыхлым. Но доблестная наша машина упорно шла следом за нами.

Время от времени Вылежанин останавливался и замерял масло. Останавливались и мы в ожидании, потом Вылежанин махал рукой и трогался с места.

Сухое русло привело нас в суровое ущелье. Машины буксовали в тяжелом песке, рев моторов и унылое завывание низших передач разносилось по мертвым просторам неведомого хребта. И случилось чудо — от нагрева ли блока, от пригорания масла или еще от чего-нибудь — щель в блоке мотора «Волка» закупо-

рилась, и вода перестала течь в картер. Она не текла весь остальной маршрут и даже еще рейс из Нэмэгэту до Улан-Батора. Только там, на заводе, нашли повреждение — трещину, оказавшуюся дефектом отливки, которую тщательно зачеканили и заварили.

Солнце садилось, длинные черные тени ложились поперек ущелья. Большие отдельности габбро-норита — вертикальные плиты, колонны и лестницы — производили впечатление начатой и незаконченной титанической работы. На склонах темно-серых скал зажглись серебристые звездочки — это редкие пучки ковылька усыпали откосы ущелья. Становилось все холоднее. Еще в Нарин-Хуху-Гоби вместо адской жары, ожидавшейся в столь глубокой впадине, нас встретили хмурое небо и холодный ветер. К вечеру пришлось впервые в Гоби надеть ватники. Ущелье окончилось, и мы оказались на перевале, наверху плоскогорья Эдеренгийн-нуру.

Группы низких и широких конусовидных холмов разбегались в стороны и вниз, в долину. Плоскогорье было светло-желтым от ковылька, а холмы — черные или увенчанные на вершинках «пуговкой» обнаженного черного камня. От низкого солнца ложились длинные заостренные тени. Казалось, что черные мечи загораживают нам путь по желтой равнине. Внизу под нами лежала еще одна впадина, на шестьсот метров выше Нарин-Хуху-Гоби, откуда мы только что поднялись. За впадиной — невысокий гранитный хребет Сомон-Хаирхан («Стрела-хребет»), а за хребтом — гигантская предгорная котловина, протянувшаяся на сотни километров вдоль южных уступов Монгольского Алтая. В этой именно впадине и проходила старая дорога, достигнуть которой мы так стремились. Насколько крут был южный обрыв Эдеренгийн-нуру, настолько полог и низок оказался его северный склон, на котором мы и остановились на ночлег.

Утром закоченелые от холода гобийцы увидели причину своих страданий. На севере, в гордом отдалении, высокие и недоступные, громоздились округлые плоские вершины Монгольского Алтая, и в центре их сиял снеговой массив.

Здесь еще не было цветов, и саксаул едва зеленел. Лето наступало тут позднее, чем в знойных южногобийских впадинах... Мы начали спуск по бугоркам, усеянным дресвой из кристаллов полевого шпата, сверкавшей на солнце. Этот волшебный блеск сразу же угасал, едва лишь горсть кристаллов оказывалась в руке, не освещенной косыми лучами утреннего солнца.

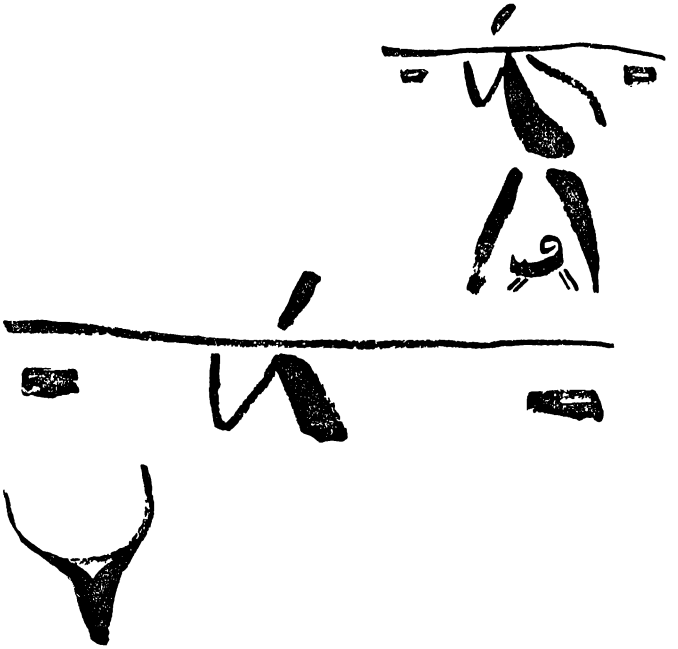
Внизу, на самом дне впадины, резкой белой полосой виднелся такыр. Его западный, противоположный солнцу конец тонул в мираже — обширном озере голубой воды. Справа глубокая, угрюмо-серая, поросшая маленьким саксаулом, подходила впадина Ценхэр-Хоолай («Бирюзовое горло»). На протяжении всего

этого «бирюзового горла», насколько хватал глаз, не было никаких признаков гобийских красноцветов.

Снова тяжелый песок встретился в сухом русле, по которому мы углубились в хребет Сомон-Хаирхан. Низкие гранитные скалы обступили нас, и машины заметались из стороны в сторону по кочкам песка, подминая под себя высокие кусты караганы, в судорожных попытках продвинуться вперед. След неизвестных машин шел и тут. Мы понимали его и сочувствовали неизвестным путникам, читая эти узорные полосы, проложенные через кочки, промоины и песок гнусного сухого русла. «Вот круто повернули машину в сторону,— значит, стреляли по дзерену, вот легковая бросилась налево, отыскивая путь, а грузовая хитрила, пытаясь миновать рытвины, но ничего не вышло...»

Безветренный день и тяжелый путь вселили в нас, несмотря на всю привычку, какое-то странное раздражение. Начали сбываться приметы «тяжелого дня» — понедельника: Намнан Дорж, а за ним и Рождественский промахнулись по дзерену, неподвижно стоявшему в какой-нибудь полусотне шагов. Обвинив друг друга, а затем оскорбленные насмешками зрителей неудачливые охотники разошлись по своим машинам и предались мрачному молчанию. Но и мы были наказаны, так как, выезжая задним ходом из одного непроезжего места, мы раздавили канистру с чудесной водой, вывалившуюся при рывке.

Кое-как выбрались на перевал. Прямо впереди нас стояли грозные бастионы Монгольского Алтая. Машины бодро бежали вниз по тропе, но впереди уже желтела лента неминуемых бугристых песков. Около песков стояла первая встреченная нами за все время пути юрта. По случаю достижения Монгольского Алтая был куплен баран и, предвкушая обильный ужин, мы смело ринулись в пески. Пронин с ловкостью циркового артиста крутил рулем, переключал скорости по нескольку раз в минуту, отчаянно газовал, и машина послушно вертелась вьюном по склонам высоких песчаных бугров. В какие-нибудь двадцать минут пески были побеждены, и мы направились в подъем по широкому бэлю Монгольского Алтая...



«Он взял его солнце» (если обгонит кто-нибудь в пути).

Поговорка

ГЛАВА V. ВДОЛЬ ПОДНОЖИЯ АЛТАЯ

Совсем другой мир был здесь, у подножия этого главного хребта всей Монголии. Пятна свежей травы зеленели там и сям, означая места выходов родников. Все чаще встречались дзерены. Впервые мы увидели куланов, целое стадо, числом не меньше полусотни, а однажды пронесся табун, в котором была добрая сотня голов.

Совсем другие породы — гранит, гнейсы, амфиболиты, слюдяные сланцы — слагали могучие, крутые стены хребта. Гигантские конусы выносов в устьях ущелий высыпали на бэль необъятное количество больших глыб этих горных пород. В сухих руслах резко выделялись светлые гранитные и гнейсовые валуны. Пересечение сухих русел здесь стало делом гораздо более трудным, так как дно их было завалено валунами и крупными глыбами.

Мы торопились до темноты стать на ночлег. Но нигде не виднелось ни кустика саксаула, а чтобы сварить барана нужно было топливо. Со всех сторон бежали дзерены или куланы. Их упорная гоньба наперерез машинам начинала раздражать. Куланы — худшие бегуны, чем дзерены,— перебегали дорогу чуть не под самым радиатором машины. В каждом стаде видно было много самок с жеребятами. Пыль от бегущих стад поднималась со всех сторон: и на юге, где виднелись красновато-желтые округлые вершины Сомон-Хаирхана и желтели пески, и с севера, под близкими грозными темно-серыми уступами огромного Алтаин-Нуру (Монгольского Алтая).

Чем ближе к хребту, тем больше наша дорога стала походить на «американские горы»: быстрый спуск вниз, в очередное глубокое и широкое русло, взлет вверх и сравнительно плавное движение по куполообразному увалу до следующего русла, где повторялось то же самое. В одном из русел нас встретил огромный волк, необычайно большой для местной степной породы. Зверь спокойно и даже с любопытством поднял свою массивную голову и, насторожив уши, следил за машинами, тихо спускавшимися в русло. Намнан Дорж заметался с винтовкой в кузове, выбирая прицел. Но в этот момент взревел мотор «Дзерена» — машина пошла на приступ противоположного склона. Серой молнией волк прянул в сторону и исчез, будто призрак,— где уж было человеку тягаться с такой поразительной быстротой! Продолжая путь, мы догадались, на какой пище мог откормиться серый «хозяин». Весь бэль на протяжении многих километров был изрыт норами тарбаганов, настолько большими, что они представляли опасность для колес машин. Пронин был убежден, что здесь живут медведи, а не тарбаганы, но я разуверил его. Ни медведи, ни лисы, ни другие хищники не могли бы жить такими скоплениями — иначе им осталось бы только пожрать друг друга.

Внезапно откуда-то из-за конуса выноса или из ущелья наш путь пересекла старая автомобильная дорога — вернее, как и все дороги в Монголии, автомобильный накат, проведенный по старой караванной тропе. Мы стали достаточно опытными, чтобы с первого же взгляда определить, что уже несколько лет ни одно колесо не катилось здесь под угрюмыми откосами Монгольского Алтая.

Дорога отвернула от подножия гор к центру впадины, где, как всегда в больших котловинах, шла длинная гряда холмов. Машины повернули на гряду, и в момент подъема я увидел поразительную картину — слева, на небольшой травянистой полянке (по-видимому, здесь близко была подземная вода) токовал большой черный тетерев! Две или три серенькие тетерки поодаль зачарованно смотрели на красавца. Мне неудобно было смотреть из-за плеча шофера, но и не хотелось останавливать машину на тяжелом подъеме. Видение мелькнуло и исчезло, и я до сих пор не знаю, в самом ли деле на пустынных гобийских равнинах иногда токуют косачи.

Дорога выпрямилась на гребне, но саксаула для топлива так и не было. Мы держали курс на запад под слепящими лучами низкого солнца, и невеселые думы одолевали меня. Отсюда предстоял еще далекий и безвестный путь вдоль огромного массива Ачжи-Богдоин-нуру, к впадинам Алак-нур («Пестрого Озера»). А качество автомобильной «дороги», по которой мы ехали, не выдерживало никакой критики. Старый накат был перерезан новыми руслами и промоинами, задут песками, засыпан камнями, и только отдельные его участки позволяли передвигаться на прямой передаче. Становилось ясным, что бо́льшую часть пути нам предстоит проделать по бездорожью с большим расходом бензина. Горючего, если считать восьмисоткилометровый обратный путь вдоль Центральной цепи Гобийского Алтая, оставалось совсем немного.

Солнце садилось низко, появившиеся на мертвом щебне крошечные кустики саксаула зажглись зеленовато-золотистыми огоньками, редко разбросанными на черной равнине. И внезапно пришло решение: оставить ненадежную «больную» машину — «Волка» где-нибудь у хорошей воды, а дальше пройти на одном «Дзерене», сократив свой маршрут до реальной возможности, т. е. ограничиться обследованием хребта Ачжи-Багдоиннуру и от него повернуть обратно. Хотя многое уже было сделано, но впереди еще ожидали нас большие трудности, а одна из машин уже оказалась тяжело поврежденной.

Черный щебень сменился красным песком, кустики саксаула стали гуще — и в закатных лучах солнца перед нами расстилалось море ярко-красного цвета с золотистыми вспышками саксаульной зелени. Всего несколько минут мы летели по горящему красному полю, и вдруг — словно задернули штору: снова начался черный щебень. Из небольшой лощины справа выскочил табун в десяток куланов. Они остановились и застыли перед надвигающимися машинами, только два диких осла ринулись вперед, надеясь перебежать нам дорогу. Машины шли быстро, и животные в панике пустились наутек впереди нас. Несколько минут они бежали прямо по дороге. Должно быть, плотно утоптанная ее поверхность помогала им ускорять бег. «Дзерен» шел со

скоростью пятидесяти пяти километров в час и легко догонял куланов. Мы приближались к ним. Стали отчетливо видны их в ужасе косящие назад глаза, прижатые уши, раздувавшиеся порывистым дыханием светло-серые бока. Все гикали и свистели, чтобы прогнать их с дороги, но два дурака продолжали бежать перед нами. Радиатор «Дзерена» был уже всего в десяти метрах от них, и бег куланов превратился в судорожные рывки. Тут мы притормозили, куланы свернули влево и остановились изнеможенные, а мы проехали мимо.

Вскоре на пути появилась юрта. Порыжелая и рваная кошма на ее крыше свидетельствовала о бедности владельца. Никто не выскочил в панике и не побежал в степь, как это бывало иногда в труднодоступных уголках Гоби. Степенно и медленно из юрты вышла молодая женщина с чайником и пиалой. Мы остановились, и аратка поднесла нам горячего чая по прекрасному старинному обычаю монгольского народа. Следом за женщиной выбежали два ее маленьких сына. Один, поменьше, вцепился в дели матери, а другой, лет восьми, осторожно подошел к невиданному огромному чудовищу. Мы отблагодарили хозяйку сахаром, а я быстро заключил дружбу с мальчишкой, который, как все мальчишки мира, не сводил глаз с диковинных машин. Взяв мальчонку на руки, я попросил Пронина завести мотор. Маленький арат сначала отпрянул, но тут же справился с испугом. Его живые черные глазенки заглядывали под открытый капот, силясь разобраться в устройстве мотора. Темнело. Мы распростились с минутными друзьями и двинулись дальше. Оглянувшись назад, я видел, что мальчишка, взбежав на холм, долго смотрел вслед нашим машинам, пока не превратился в невидимую среди сумерек точку. В свете фар показалось широкое сухое русло. Здесь росли высокие кусты саксаула — топлива было много. Наконец мы могли привести в исполнение мечту этого дня — поесть как следует и отдохнуть. Уже второй день мы ехали под сильным холодным ветром, не снимая ватников, поэтому ночью с удоволь-

ствием залезли в спальные мешки. Мы привыкли к страшной жаре южных равнин и здесь, близ несущих холод снегов Монгольского Алтая, очень зябли. С утра мы перегрузили обе машины, разделили бензин, продовольствие и вскоре подъехали к родникам Ихэ-Дзарман («Большой солончак»). Просторная впадина поросла густой зеленой травой, обрамленной чащей тамарисков. Найдя для «Волка» уютную полянку недалеко от воды, мы простились с товарищами и двинулись дальше. Остающиеся — Вылежанин и Сидоров — с грустью смотрели нам вслед. Скоро мы запутались среди кочек и мокрой глины, дорога исчезла. С огромным трудом мы пробились через влажную котловину. Тропа была найдена и повела нас по гребням бесконечных, безжизненных белых холмов. Солнце слепило глаза, отражаясь от белого щебня, покрывавшего землю, тонкая белая пыль казалась ядовитой. Слева, на юге, тянулся низкий хребет — западный конец Сомон-Хаирхана. До половины высоты его крутых склонов поднимались со дна котловины широкие шлейфы светло-желтых песков. Эти пески на черных горах, всползавшие на значительную высоту, производили прямо-таки страшное впечатление. Было очевидно, что хребет, стоящий поперек направления основных ветров, будет со временем весь засыпан, и океан песков займет южную часть котловины...

А справа по-прежнему уходила в неразличимую для глаза даль стена Монгольского Алтая, по-прежнему шли огромные бэли из нагромождения валунов светлых гранитогнейсов. По бэлям против крутых ущелий с чудовищными конусами выносов извивались огромные круто падающие русла. Алтай стоял неприступной крепостной стеной, и казалось, что нет возможности проникнуть в глубь этой исполинской горной массы.

Обнаженный, обдутый ветрами гранит появился под колесами машины. Мы поднялись на небольшое плоскогорье Дунда-Хурэн-Цаб-ула («Средняя гора коричневого ущелья») и остановились в удивлении. Необычайные формы выветривания гранитов покрывали вершину плоскогорья — воронки, низкие арки, широкие троны. Но на этих тронах заседали не духи и не ведьмы. Страшные ветры с Алтая высверливали гранит крутящимся при завихрениях песком. Громадные глыбы гранита с одинаковыми высверленными ямами казались головами попугаев или сов с черными глазными впадинами. Одна глыба была похожа на лемура с огромными глазами, продавленным носом и выступающими надбровными дугами, без лба. Такое чудовище-скала для первобытного человека, несомненно, была бы богом. К этому гранитному плоскогорью вплотную примыкали горы Мандал-ула («Молитвенная гора»), продолжавшие ту же гряду гранитных возвышенностей в центре котловины.

Гряда круто обрывалась в обширную саксаульную равнину, окаймленную с юга песками урочища Элэсуту («Песчаное»).

Спуск по обнаженным скалам был убийственным, и только искусство Пронина спасло нас от серьезной аварии. Дальше тропа оказалась совершенно уничтоженной бесчисленными свежими сухими руслами. Трудность дороги усугубили песчаные кочки, в которых приходилось даже прокапываться. Неожиданно в центре саксаульной равнины появилась быстрая речка, журчавшая с давно позабытой нами нежностью. Вдоль берегов шла узенькая кайма мягкой зеленой травы, неправдоподобно яркой среди серых стволов саксаула и темного щебня. Лишь с трудом нашлось место, где вода покрывала лежачего человека, и то после сооруженной наскоро запруды. Освежившиеся и умиротворенные, мы посидели на берегу покуривая.

А потом снова пошла борьба с песком и рытвинами, тревожные поиски постоянно исчезавшей дороги, почти целиком стертой вновь образовавшимися руслами. Дно котловины понижалось — горы Мандал-ула были последней оконечностью срединной гряды, место которой заняло теперь углубление, богатое подземными водами. Перед нами предстало обширное зеленое пространство, далеко протянувшееся на юг и на запад. Это был знаменитый оазис Цзахой («Краевой»). Мы с радостью устремились к веселой равнине, большие зеленые квадраты на которой явно обрабатывались человеком. Справа от дороги виднелся небольшой сарай, и невдалеке за ним мы встретили группу дюрбютов. Один ехал верхом на осле — редком для Гоби верховом животном. Угрюмые, дочерна загорелые лица равнодушно осмотрели нашу машину, когда мы остановились, чтобы расспросить дорогу. То ли они не знали путей на запад, то ли с ними не сумел сговориться наш переводчик Намнан Дорж, заносчивый и нередко путавший наши намерения, но мы не отъехали и десяти километров, как безнадежно увязли в огромных кочках и мокрой почве.

Проклиная воду, зелень, мошку и все прочие достоинства этого красивого места, мы едва выбились обратно к сараю. Отсюда мы выбрались на край бэля и оказались в привычной нам обстановке Гоби — на щебнистой черной равнине, на которой не росло даже травы, а только редкие маленькие кусты саксаула. Здесь машина пошла свободнее, и мы направились вдоль зеленого моря оазиса Цзахой. Обширные рощи евфратских тополей тянулись рядом, но теперь уже этот зеленый рай не привлекал нас. В нем не было места машине — нашему верному помощнику, без которого мы не могли работать.

Впереди поднялся синий двухвершинный массив Хатун-Хаирхан («Милостивая госпожа»), а за ним показался вдали воздушный голубой и призрачный хребет Ачжи-Богдоин-нуру — конечная цель нашего маршрута. Оттуда, с центральной части хребта, ботаник А. А. Юнатов рассматривал Джунгарскую Гоби. Перед ним в серой дымке лежала бесплодная пустыня Эллистын-

Минген («Серебряные пески»), дальше светились палевые блюдца глинистых котловин, а над всем этим белели далекие снеговые пики восточного Тянь-Шаня.

Солнце скрывалось уже за чугунным откосом Монгольского Алтая, когда мы нашли автомобильный накат. Обрадованные, полетели мы вперед, но — увы! — гигантское сухое русло пересекло путь, и в нем окончательно исчезли всякие следы и автомобиля и караванных троп. Стемнело, ехать при свете фар дальше стало опасно, и мы остановились на ночлег. Следующий день принес горькое разочарование. Сколько ни метались мы в поисках дороги — только сухие русла и сплошное море саксаула лежали впереди. Пробиваться вперед по такой тяжелой дороге на одной машине с ограниченным запасом бензина было слишком рискованно. На это можно было бы пойти, если позади нас лежала сколько-нибудь приличная дорога. Но там были десятки километров прямо-таки адского пути, затем восемьдесят километров хорошего участка до родника, где остался «Волк», а потом — многие сотни километров вьючных троп и бездорожья до котловины Нэмэгэту. Говоря военным языком, наш дальний рейд имел совершенно необеспеченный тыл.

А хребет Ачжи-Богдоин-нуру был уже хорошо виден в бинокль. На самой его верхушке слабо мерцали три снежных поля, а у подножия тянулась гигантская красноватая полоса, вероятно, гранитов, пересекавшая наискось всю центральную часть хребта. «22087»,— записал я показание спидометра в полевой книжке, с горечью обозначив конец незавершенного полностью маршрута...

Мы не даром так стремились во что бы то ни стало достигнуть Ачжи-Богдо. В красноцветных породах, окружающих его подножие, монгольские исследователи нашли в 1955 г. челюсть креодонта — древнего хищного млекопитающего. По всей вероятности, вокруг Ачжи-Богдо есть местонахождения самого интересного периода истории млекопитающих — эоцена...

День был знойный, ветер дул теперь в угон, и мы с наслаждением извалялись в речке, добравшись до нее к концу дня. Взобраться наверх, на обрыв Мандал-ула, отсюда оказалось невозможным. После первой же попытки я приказал повернуть вниз к пескам, где нашлась старая вьючная тропа. По ней мы лихо въехали на гранитную кручу Мандал-улы и к ночи вместе с оставшимися у родника Ихэ-Дзарман товарищами уже жарили свежую дзеренятину. В этот же вечер был отпразднован юбилей полугодового пребывания в Монголии. Завтра начиналось второе полугодие и с ним путь назад — на восток.

А утром при осмотре «Дзерена» выяснилось, что у него лопнул правый продольный брус рамы, и вчерашнее решение возвратиться в Центральный лагерь оказалось как нельзя более мудрым. Теперь обе машины были повреждены, и на обратном пути стало необходимо соблюдать большую осторожность.

Снова бежали стада куланов и дзеренов по зеленой равнине. Первый дождь, сильный и холодный, вынудил нас остановить машины: было невозможно различить дорогу. Мы искали старинную караванную тропу, которая шла через Легин-гол на Хуху-Хото. Проехав более ста километров, мы действительно выехали на большую тропу. В этот момент спидометр показал ровно тысячу километров от начала маршрута.

Тропа пошла в широкое сухое русло на перевал — низкую перемычку между Монгольским и Гобийским Алтаем. Это была древняя сквозная долина, заполненная красно-бурыми четвертичными конгломератами и прорезанная новейшим руслом. Дорога была необыкновенно тяжелой — вся засыпанная крупными валунами, между которыми отчаянно лавировали машины. Вся ширина русла, насколько хватал глаз вперед, была завалена гладкими глыбами гранита светло-стального цвета в рамке темных кирпично-красных берегов. Свежий запах цветущей полыни тянул по ущелью. Внезапно слева показался целый город развалин крупного монастыря Амор-Буянтин-хид («Обитель Спокойной Добродетели»). Хорошо сохранившиеся стены и башенки ступенями поднимались по склону. Окружавшие монастырь горные увалы производили странное впечатление необыкновенной чистотой своих склонов. Благочестивые паломники когда-то собрали вокруг все камни до последнего. Из этих камней были сложены основания расставленных всюду — и у тропы, и на вершинах горных увалов — своеобразных часовенок — каменных ниш из высоких гранитных или сланцевых плит. Внутри ниш яркими красками — синей, красной, желтой — были написаны изображения святых и выведены вертикальные ряды разноцветных тибетских букв.

Несмотря на дождь и пронизывающий ветер, мы решили осмотреть монастырь. В хмуром, бессолнечном свете, под нависшими облаками монотонные ступени глинобитных стен производили печальное впечатление. Полное безмолвие, ни малейшего признака жизни не было в узких переулках и на маленьких площадях, перерезанных низкими ступеньками из темно-серых камней. Времени у нас было мало, и ничего достопримечательного мы не обнаружили. Самое большое впечатление на нас, как на гобийцев, произвели огромные, до трех метров в поперечнике, колодцы, заполненные глубокой и чистой водой. По краям низких стен, обрамлявших каждый колодец, были положены продолговатые гранитные бруски. В твердом камне на ладонь в глубину врезались многочисленные канавки — следы от веревок, которыми вытаскивали ведра с водой. По одному этому можно было судить о древности колодцев.

Приходилось поскорее выбираться отсюда, потому что мы попали отнюдь не на Легингольскую тропу, а на старую дорогу к монастырю. Как бы то ни было, мы удачно поднялись на перевал

между хребтами, и для полного успеха оставалось еще суметь проехать отсюда на восток.

На восточном склоне ущелья Вылежанин обнаружил крутую, но отлично вымощенную дорогу, обложенную по сторонам белыми камнями. Этим «императорским», по выражению Вылежанина, въездом мы выбрались из долины, едва-едва преодолев крутизну подъема. Дальше шла грунтовая, расчищенная до последнего камешка дорога, которая привела на идеально ровную площадку, обложенную квадратом из крупных камней. Тут все следы благочестивых деяний кончились, и мы спустились в дикое русло, сплошь заваленное крупными камнями.

Около часа мы ворочали глыбы, прокладывая дорогу для машин. Спустя некоторое время встретилось второе такое же русло, потом третье. Наконец по узеньким тропам мы поднялись выше и поехали без всякой дороги по холмам слабо размытого плоскогорья между Монгольским Алтаем и южной цепью Гобийского Алтая. Плоскогорье поросло обычным желтым ковыльком. Над нами висела огромная темно-лиловая туча. Спустившееся солнце светило сбоку, в щель между горами и тучей. Вся равнина стала светло-золотой в кольце красных гор. Мы словно вырвались из плена холода, дождя и пасмурного неба. Светлая страна впереди обещала удачу. И точно: мы нашли большую караванную тропу, шедшую прямо на восток, по которой ехали до ночлега в урочище Кельтаг-Ноор (тюркско-монгольское — «Озеро в горах»).

Недалеко от нашей стоянки возвышались стены красных конгломератов, а из-под них выступали массивные граниты. Между конгломератами и гранитами мы увидели мощный слой ярко-красных пород около пятидесяти метров в толщину. Это были обогащенные железом продукты атмосферного выветривания гранитов, так называемые латериты. Такие породы могли образоваться только в жарком и влажном климате. Наша находка означала, что в начале эпохи нижнего мела, а может быть, и раньше, в конце юрского периода, эти граниты залегали на поверхности и подвергались выветриванию в тропическом климате. Следовательно, здесь сто миллионов лет тому назад была суша и были тропики.

Рождественский еще с вечера ликовал, полагая, что теперь по найденной тропе мы доберемся чуть ли не прямо до Нэмэгэтинской котловины. Однако, как это всегда бывает, дело оказалось не столь уж простым. Тропа исчезла, упершись в высохшую речку Сухайту-гол («Жилая речка»), на дне которой кое-где оставались еще лужи воды. Проезжавший мимо молодой арат не знал вообще никакой дороги, а в речке — он предупредил нас — вязнут даже верблюды. Поразительное незнание местности, проявленное аратом, заставило усомниться в истине его слов. Мы посовещались, побродили с шоферами по дну русла и решили все же подниматься вверх по речке.

Русло прорезало огромную толщу нижнемеловых глин и сланцев и местами было совершенно сырым от выбивавшихся родников. Однако все двенадцать километров подъема мы преодолели без задержки и выбрались на перевал, где две скалы из черного базальта стояли воротами неведомой страны, а между ними проходила большая старинная тропа. Основной признак давно брошенной и заросшей тропы — несколько полос дерисовых кочек, ленты которых выделяются своим соломенным цветом на серой степи. На склонах тропа — это промоина, обрамленная дерисом. В урочищах-впадинах, заросших дерисовыми кочками, тропа совершенно теряется, и ее нужно искать на буграх и склонах, где ее видно издалека. Все эти признаки были у вновь найденной тропы, но и она не была Легингольской хотя мы проехали по ней прямо на восток, к самому подножию высочайшей горы Гобийского Алтая — Ихэ-Богдо.

Машины шли быстро, солнце ярко светило, и настроение, удрученное вынужденным отступлением, понемногу начало подниматься.

— Смотрите, как умно проведена тропа,— наклонился ко мне Пронин.— Ведь она идет по совсем ровной плоскости между двумя грядками скал! Они нарочно взяли подальше от больших гор: там все сильно размыто сухими руслами. И в то же время не спустились в котловину, где кочки, пески и всякая дрянь...

Я полностью согласился с наблюдением водителя. Как геолог я мог бы добавить, что тропа идет по твердому древнему гобийскому плоскогорью, на котором выветривание уничтожило все крупные неровности. Плоскогорье сохранилось между двумя молодыми поднятиями — северной и южной ветвями Гобийского Алтая. Здесь, на этом плато, не было ни больших размывов, ни новых наносов — в общем, тут было хорошо машинам, но плохо диким животным, количество которых резко уменьшилось по сравнению с Монгольским Алтаем. Это объяснялось, по-видимому, малым количеством воды — на высоком плато не было родников: они выходили ближе к склонам горных цепей.

Юрты аратов встретились нам только у родников Баян-Хобур («Богатый маловодный колодец»), где мы и заночевали. Араты рассказали нам, что по пути, немного в стороне от дороги, живет старик, который знает все кругом и чуть ли не всю Гоби. Один из аратов любезно взялся проводить нас к этому старику. Едва мы выбрались из русла Баян-Хобур, как у тропы перед нами предстала древняя могила. Необтесанная длинная глыба серого слюдистого мрамора была поставлена вертикально и у подножия окаймлена квадратом из четырех поставленных ребром плит. Почти стершиеся китайские иероглифы, написанные черной тушью, покрывали вертикальными столбиками все четыре стороны обелиска.

Юрта старика стояла к северу от тропы, недалеко от родника Цаган-Булак («Белый ключ»). Родник оправдывал свое название, потому что вытекал у подножия мраморных скал белого и серого цвета. Тут находилась древняя каменоломня с испещренными китайскими надписями стенами. Правее, на выпуклой и гладкой мраморной скале, были высечены древние «писаницы» — раскоряченные человеческие фигурки с копьями в руках и след лошадиного копытца. «Писаницы» принадлежали, видимо, людям конца каменного века. Рядом были высечены и крупные китайские иероглифы. Посередине скалы проходил желобок с гладко отполированной поверхностью, совершенно как детская ледяная горка. Какому назначению служила эта короткая и скользкая дорожка — мы не смогли отгадать. Намнан Дорж, неосторожно ступивший на нее, грохнулся и улетел вниз в жидкую грязь родника. Пронин подвергся той же участи, но скатился на другую сторону скалы, где росло какое-то адское растение, видом похожее на коноплю, но по свойствам — зловреднейшая крапива. Эти два приключения охладили наши поиски древних надписей, и мы направились дальше вдоль мраморного хребтика к сведущему старику.

Ему оказалось восемьдесят два года. Это был худой и ветхий, но удивительно милый и приветливый человек. Он, действительно, знал очень много, так как более тридцати лет водил чайные караваны из Внутренней Монголии в Синцзян Сын старика, уже пожилой и с виду суровый, тоже оказался знатоком местности и согласился быть нашим проводником. Оба — и старик и сын — утверждали, что они ничего не слышали о наличии каменных костей в красных породах у подножия Ихэ-Богдо. Между тем Намнан Дорж устремлялся именно туда, так как ему сообщили, будто бы там была найдена огромная «человеческая» голова, о которой даже знали в аймаке. Однако оба знатока отрицали это и говорили, что много костей находится только в Нэмэгэту и Алтан-уле. Очень важным для нас явилось их сообщение, что «кости дракона» есть и на северном склоне Алтан-улы, а также в обрывах по северному краю Занэмэгэтинской котловины у гор Баян-ула.

Я слушал старика, точнее перевод Намнан Доржа с живейшим интересом. Вдруг Намнан Дорж насупился и умолк. Но старик продолжал говорить, и нашему переводчику ничего не оставалось, как следовать за его речью. «Старик спрашивает, откуда вы родом?» — начал Намнан Дорж. Я ответил, что родился под Ленинградом, далеко на северо-западе от Монголии. «Он говорит что вы — русский, а чувствуется, что вы любите Гоби больше чем я — монгол»,— криво усмехаясь, объявил Намнан Дорж

Старик попал в точку: наш переводчик, родом из Хентея, не любил пустынь Южной Монголии... «Он удивляется, как мы ходим по всей Гоби без проводников?» — продолжал переводчик.

Старик повернул ко мне доброе лицо и, глядя прямо на меня потускневшими глазами, убежденно сказал:

«Потому и ходишь, что любишь страну!»

Мы с Рождественским переглянулись, глубоко польщенные признанием наших успехов. Теперь мы действительно почувствовали, что Гобийская Монголия не чужая для нас земля. Долго мы еще беседовали со старым вожаком караванов, пили чай и обсуждали дальнейший путь...

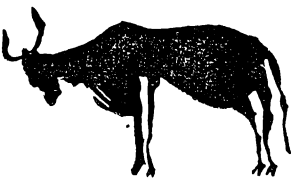
Мы все же решили посмотреть подножие Ихэ-Богдо и описали большую петлю, поднявшись на громадный бэль Ихэ-Богдо вдоль сухого русла Ичете («Враждебное») и спустившись вдоль «речки» Цаб-Чирин-гол («Речка журчащего ущелья»). Мы добрались до подножия горы Дунда-Богдо («Средняя Святая») — явно вулканического конуса с кратерным озерцом наверху. Сплошные покровы и потоки базальтов расстилались на десятки километров. Нагретый воздух клубился на их черной поверхности, и фотографические снимки у нас не получились. Расспросы встретившихся аратов-охотников и переговоры в юртах ни к чему не привели. Никто не слыхал здесь ни о какой «гигантской голове» (что я и думал с самого начала!). Интересный маленький вулканический конус, покрытый белыми и желтыми потеками натриевых солей и серы, вознаградил нас на обратном пути. Чтобы спуститься с бэля Ихэ-Богдо, нам пришлось проделать «высший пилотаж» — езду по гребням хребтиков и по бровкам таких круч, что у новичка волосы встали бы дыбом. Но закаленные гобийские водители Пронин и Вылежанин вертели рулями с такой же невозмутимостью, как и на широком асфальте московских улиц.

На «речке» Цаб-Чирин-гол оказались высокие обрывы красных конгломератов. Тысячи мелких ниш, обрамленных снизу и сверху выступами более плотных слоев, испещряли отвесные стены. Иногда по сторонам ниш были как бы выточены маленькие колонны. Я подумал, что, может быть, подобные местности послужили прототипом буддийских храмов с сотнями маленьких ниш, украшенных статуями будд и бодисатв. Здесь же, в выточенных ветрами нишах, были лишь гнезда птиц и зайцев, необычайно многочисленных в этой местности.

Ниже опять потянулась черная щебнистая равнина, на которой машины могли развить скорость. Справа примчалось стадо харасультов, как в Монголии называют джейранов, бежавших изо всех сил наперерез машинам. Намнан Дорж блестящим выстрелом на всем ходу срезал одну антилопу. Когда мы подъехали ближе, то увидели, что животное было убито мгновенно, но по инерции пролетело около двадцати метров, вспахивая черную щебенку. Широкая полоса светлой глины, протянувшаяся от места падения животного, свидетельствовала об этом. Плечо и бок харасульта были нацело ободраны камнями. Приблизительная скорость бега антилопы, судя по спидометру нашей машины,

была больше шестидесяти километров в час. Тут я впервые понял, насколько опасно для животных падение на таком необычайно быстром бегу. Оставалось лишь удивляться, как могут они носиться по изрытой и кочковатой Гоби!

Скоро мы были снова на нашей тропе. Проводник Нлидэлч разбил все наши прежние домыслы. Оказалось, что Легингольская тропа не поворачивает на юг, к Нэмэгэту, а проходит дальше на восток, в Баин-Далай сомон. На юг идет другая — меньшая и более короткая тропа из Китая к мраморным разработкам Цаган-Булака и расположенным около них древним золотым рудникам. Эта тропа проходит между Алтан-улой и массивом Нэмэгэту. Мы должны были обязательно попасть на нее, так как это был единственный путь для прохода к нашим лагерям в Нэмэгэтинской котловине. Машины взяли курс на юго-запад, отдаляясь все больше от Ихэ-Богдо. Владычица Гобийского Алтая с юга кажется гигантским длинным плато. Слева, с запада — острый пик, а правее — постепенно опускающаяся к востоку плоскость, с отдельными пятнами снега у ее края. Весь день над Ихэ-Богдо стояла ровная полоса облаков, висевшая неподвижно на высоте около пятисот метров над горой, параллельно ее поверхности. В освещении полуденного солнца вся Ихэ-Богдо окутана синей дымкой, сквозь которую просвечивают красновато-фиолетовые ребра скалистых круч. Там и сям на горе облачные тени — причудливые пятна глубокой синевы с фиолетовым оттенком.



Наверху, на плато Ихэ-Богдо, живет целая колония аратов, никогда не спускающихся вниз, на знойную равнину Орок-нура или в душную впадину Легин-гола. Там бродят стада наполовину одичавших сарлыков-яков. Раз в год работники багового управления и кооперации поднимаются на гору и снабжают «отшельников» товарами. День выдался очень жаркий, и, наблюдая в бинокль Ихэ-Богдо, я позавидовал живущим там, где всегда прохладно и много воды. Однако где они спасаются от страшных осенних бурь и зимних снегов — осталось для меня неясным.

Равнина неожиданно позеленела. Маленькие кустики растительности образовали причудливый узор на россыпях кусочков ярких голубых известняков. Большие куски чистейшего снежно-белого кварца — остатки размытых жил до одного метра в высоту — там и сям торчали на равнине ослепительно белыми столбиками и пирамидками. Слабый ветер нес резкий запах крупной

кустарниковой полыни, и я подумал, что запахи разных мест в Гоби как-то соответствуют окружающему ландшафту. Мертвые равнины, как Нарин-Хуху-Гоби, насквозь продуваемые ветром, вовсе не имеют запаха. Панцирь черного щебня днем всегда издает запах нагретого солнцем камня; в саксаульных сухих руслах — душный застоявшийся воздух, припахивающий глиной; участки сухих русел и впадины, поросшие серебристой полынью, издают свежий ее запах. По пустынным местам с зарослями лука отчетливо пахнет чесноком, заросли тамариска в цвету чуть-чуть припахивают сиренью. Особенно приятны светлые пространства с дерисом и мелкой полынью, по которым ветер разносит бодрящий, свежий запах, олицетворяющий воздух просторов Монголии.

Мы остановились на ночлег у невысоких мраморных гор Сультэин-Захир («Знаменный Управитель»), по преданию, таящих огромную пещеру с мумиями и сокровищами индийского племени аджаров. Намнан Дорж и Рождественский ринулись на поиски пещеры и... конечно, ничего не нашли, хотя мелких пещерок в этих горах было без числа. Я, не торопясь, пошел на прогулку вдоль гор и скоро остановился восхищенный. Передо мной расстилалась широкая равнина, в центре которой стоял огромный массив Ихэ-Богдо. От горы протянулась полоса густо-лиловых облаков, под которыми чередовались оранжевые, золотые и серебристые полосы света. Дальше, над самой горой и левее ее, в чистое голубовато-серое небо уходили легкие сиреневые облака, прорезанные огненно-алой лентой, которая вскоре скрылась за горой. Тогда массив Ихэ-Богдо стал легким, контуры грозных скал утонули в мягкой дымке, густо-синей и тонкой наверху, голубовато-серой и толстой внизу. С угасанием заката легкая дымка поднималась все выше, а над равниной легли особые гобийские сумерки. В вечерах Гоби есть замечательные полчаса, когда солнце почти угасло и только узкая его полоска еще видна над горами. Воздух становится очень прозрачен и в то же время как бы насквозь пронизан палево-голубым светом. Теней нет, все темное делается четким и как бы чугунным, далекое или светлое — легким, воздушным. Желтое становится бледно-малахитово зеленым, зеленое — теплым светло-фиолетовым, белое приобретает сиреневый оттенок, а очень белое (кварцевые россыпи, например) — голубовато-серебряный. Пески сухих русел лежат бирюзовыми лентами. И все вокруг необычайно чисто, свежо, спокойно в этом удивительно мирном освещении, полном отрешенности и покоя. Утром горы закрыты дымкой, очертания их мягки и сглажены, в то время как на равнине видна каждая кочка и каждый камень. Днем, под высоким солнцем, равнина сглаживается и в потоках горячего пыльного воздуха приобретает мутную однообразную поверхность. Зато горы снимают утренние покрывала и выступают мельчайшими подробностями.

У холодных стен Монгольского Алтая мы отвыкли от страшной жары южных межгорных впадин. И сейчас, по мере приближения к ним, становилось все жарче, и мы делались вялыми и туго соображающими. Древнее гобийское плоскогорье все еще продолжалось. Однообразные широтные гряды-хребтики высотой по сорок-пятьдесят метров были разделены плоскими впадинками. Гряды поросли ковыльком, и наши машины без всякого труда пересекали их поперек одну за другой, направляясь прямо на юг. Кое-где по сторонам высились группы островных гор со сглаженными округлыми формами.

У колодца Дзак-худук («Саксауловый колодец») мы расстались с нашим искусным проводником. Здесь находилась юрта его родственников, а дальше, как он сказал,— людей нет, и ему трудно будет вернуться домой. Мы горячо поблагодарили умного и наблюдательного арата. Он действительно оказался знатоком местности.

Снова без проводника, по собственному усмотрению, мы двинулись на юг по веселым и твердым холмам, пока не добрались до довольно больших гор Баян-ула («Богатых»), окаймлявших с севера громадную межгорную впадину, названную нами Занэмэгэтинской (позднее мы присвоили ей имя академика В. А. Обручева). Самая высокая островная группа этих гор, называвшаяся Ихэ-Баян-ула, угрюмо громоздила перед нами свои тяжкие оплывистые гранитные купола. Широкая сухая долина вела в глубь гор. Мы оглянулись в последний раз на синий маяк Ихэ-Богдо и направились в ущелье. Русло оказалось твердым, и мы скоро и быстро пересекли горный массив.

Перед нами, отделенные от нас огромной впадиной, встали знакомые кручи Алтан-улы, а левее — изученный до мельчайших подробностей зубчатый контур Нэмэгэту. Алтан-ула и Нэмэгэту казались отсюда очень высокими. Их фундаменты — бэли — поднимались над дном впадины на высоту, равную высоте всего хребта. Вдоль подножия Алан-улы шел пояс красных обрывов и ущелий, скрывавшийся далеко на западе в свинцово-серой дымке, курившейся над песками Эхини-Цзулуганай («Луговые истоки»). Там могли таиться большие научные ценности. А здесь, с северной стороны котловины, прямо под носом наших машин был такой же лабиринт обрывов, оврагов и сухих русел. Он уходил на восток на добрых пятьдесят километров вдоль борта котловины. Общий тон пород тут не красный, а светло-желтый и серый, гораздо более напоминающий породы Эргиль-обо в Восточной Гоби. Это могло означать, что северный лабиринт состоит не из пород мелового возраста, а из более поздних — третичных. Однако для обследования его у нас не было времени.

Сейчас перед нами стояла другая, не менее трудная задача,— найти в ущельях массива Нэмэгэту именно то сухое русло, которым мы пересекли хребет в 1946 году, направляясь из Нэмэгэ-

тинской котловины в Ширэгин-Гашун. Отсюда, с севера, Нэмэгэту имел иной облик, и мы с Прониным, два гобийских ветерана, долго совещались, рассматривая в бинокль чугунно-серые кручи казавшегося неприступным хребта.

Со дна котловины наплывала оглушающая жара, внизу под нами, там, где просвечивали сквозь серую поросль саксаула желтые пески, крутились пыльные смерчи. Измученные жарой, мы решили устроить чаепитие «для прояснения мозгов», как выразился Вылежанин, ехидно поглаживая свою раздвоенную профессорскую бороду. Внезапно с порывом сильного ветра налетел дождь. Мы забились под машину. Через несколько минут земля высохла, и тот же тяжелый зной, казалось, затопил все окружающее. Немного освоившись с жарой, мы двинулись дальше на восток по бэлю Баян-улы, стараясь не спускаться к центру котловины как можно дольше.

Поверхность бэля была усыпана сплошным, без единой травинки, покровом крупной гладкой гальки. Преобладала желтовато-белая кварцевая, смешанная с черной, лиловой, фиолетовой, красной, коричневой, зеленой — точно пестрая грубая мозаика. Обширная поверхность плато казалась россыпью крашеных пасхальных яиц. По этой незабываемой пестрой равнине там и сям были разбросаны светло-синие и голубые многогранники из полированной ветром очень твердой породы. Местность напоминала картины Билибина или Кустодиева в старорусском стиле. Так и хотелось увидеть богатыря или сказочную царевну на этом ярком праздничном ковре. А внизу, под обрывами, уныло стлалась жаркая котловина с вихрящимися столбами пыли, в которую приходилось спускаться нашим машинам.

Медленно, маневрируя по гребням отдельных хребтиков, мы понемногу съезжали вниз и в то же время упорно продвигались на восток. По нашим расчетам, следовало проехать не менее пятидесяти километров, чтобы оказаться напротив сквозного ущелья. Это был долгий путь в лабиринте крутых оврагов и сухих русел, заполненных рыхлыми песками. Иногда мы ныряли с крутых склонов так, что машина становилась чуть ли не вертикально. Как ни виляли мы по гребням увалов — все равно приходилось спускаться в сухие русла и пересекать их одно за другим. В одном русле обе машины завязли, и мы проехали только на досках, настилая их метр за метром пути. Спустившись в другое, опять засели и увидели, что ни вправо, ни влево пути нет — везде глубокий песок. Кроме шоферов, нас было всего пять человек, и я до сих пор не понимаю, как мы сумели втащить на руках обе наши трехтонки прямо на крутой откос песка. Это можно было сделать только с отчаяния. Но как раз отчаяния, насколько помню, и не было. Наоборот, мы, как обычно, смеялись и шутили. Брилев едва не уморил нас всех, с разбегу бросившись помочь машине, уже высоко поднявшейся на склон. ЗИС грузно осел. Брилева

отбросило назад. Он брякнулся в сухое русло, став на голову и потешно взбрыкнув ногами. Вылежанин чуть не вывалился из раскрытой кабины — управляя машиной, он следил за задними колесами и видел все происшедшее.

Как бы то ни было, мы пересекли русло, спустились еще ниже и очутились на краю бэля. Высокие кусты саксаула, как часовые, окружили нас. Мы находились близко от дна котловины, но уже значительно продвинулись на восток, оказавшись напротив восточного окончания Алтанулы.

Настала удивительно жаркая ночь. Измученные жарой и лошадиной работой по вытаскиванию машин, мы долго лежали нагишом на своих постелях, пока отдышались настолько, чтобы уснуть.

Зловещий рассвет разбудил меня. На западе от песков поднимались косые столбы отраженного мутного света. Мохнатые серые облака, драными клочьями свисавшие вниз, были освещены красным огнем зари. Налево виднелась необычайно крутая бледная радуга углом, а не дугой, как обычно. Подобной радуги я не видел никогда за все свои скитания и не слыхал о таком явлении. Впереди расстилалось море саксаула. Наступил решающий день — сегодня нужно было пройти в Нэмэгэтинскую котловину.

Снова мы с Прониным перебирали приметы и, наконец, решили, что ущелье находится не между Нэмэгэту и Алтан-улой, а восточнее, прямо в серых стенах массива Нэмэгэту. Как оказалось впоследствии, мы были правы. По невысокой гряде, протянувшейся по дну котловины, мы устремились на восток. Утренний ветер дул с востока, и это помогло нам увидеть редкостнейшее зрелище. Наша машина с разгона перевалила через довольно высокий холм. Внезапно Пронин затормозил. Прямо перед нами, в шестидесяти шагах, застыл маленький табун диких лошадей. Животные стояли не шелохнувшись, их напряженные тела казались отлитыми из бронзы. Правее, отдельно от табуна, вытянув шею и широко раздув ноздри, смотрел на машину вожак-жеребец. Видение продолжалось не более одной секунды. Повинуясь какому-то сигналу вожака, табун исчез за ближайшим холмом так быстро, что я не успел ни пересчитать лошадей, ни даже рассмотреть их как следует. Последнее, что я увидел, был развевающийся хвост жеребца и его повернутая назад голова с белой полоской оскаленных зубов... Подъехавшие на полминуты позже Рождественский с Вылежаниным уже ничего не увидели. Так судьба удостоила меня увидеть лошадей Пржевальского со столь близкого расстояния, с какого вряд ли кто из путешественников их видел.

Скоро мы достигли дна котловины. Тут выяснилось, что пугавшие нас пески на самом деле — безобидный желтый ковылек среди саксаула. По твердой щебнистой поверхности мы быстро проехали около пятнадцати километров и наткнулись на большую

тропу, подошедшую откуда-то слева. Это и была та самая тропа, которую мы в Нэмэгэту считали Легингольской.

Крутой подъем прямиком на бэль — и мы против ущелья у края желанного сухого русла, отворачивавшего параллельно хребту на восток. Маленькие обо по обеим сторонам тропы, а также выложенные цветными камнями огромные знаки, вроде двух ножниц, соединенных концами, подтвердили верность пути. Позади, на севере, опять показался характерный профиль Ихэ-Богдо. День был пасмурен и прохладен, временами на минутку-другую побрызгивал дождь. Густой голубой туман спустился в Занэмэгэтинскую котловину с запада и протянулся длинным языком по ее дну на восток. Через каких-нибудь четверть часа мы доехали до знакомого заброшенного колодца. Отвесные скалистые стены полукилометровой высоты обступили нас. Кое-где на возвышенных участках сухого русла сохранились на гальке следы наших машин, прошедших здесь в 1946 году. Мы остановились, вылезли с Прониным из машины и сели покурить, предавшись на несколько минут милым сердцу воспоминаниям.

Вдруг с шумом посыпались камни. Мы оглянулись и увидели двух козерогов, медленно карабкавшихся по немыслимо крутой стене. Намнан Дорж схватил винтовку, тут же подбежал Рождественский. Потрясающий гром, многократно повторенный эхом, прокатился по горам. От гулких ударов пуль обрушились камни, но не козероги, которые скрылись невредимыми.

Сухое русло поднималось к югу и постепенно из твердого стало рыхлым. Это означало, что уклон уменьшился и недалеко вершина подъема. Направо отошло узкое ущелье с крутыми стенами из слюдистых сланцев. В ущелье жили вороны. Стая мрачных птиц приветствовала нас зловещими криками, гармонировавшими с угрюмой пропастью и хмурым небом над ней. Но мы повернули налево и скоро вышли на простор бэля. Машины все более удалялись от стены хребта, а высшая точка перевала еще не была достигнута. Как почти во всех гобийских хребтах, ущелье было эпигенетическим. Иными словами, вершина водораздела лежала вне самой высокой части хребта, и стекавшие с этой вершины воды прорезали насквозь постепенно поднимавшийся рядом молодой хребет. Это было серьезным доказательством того, что совсем недавно в Гоби преобладали возвышенности с пологими, мягкими формами, как в Хангае.

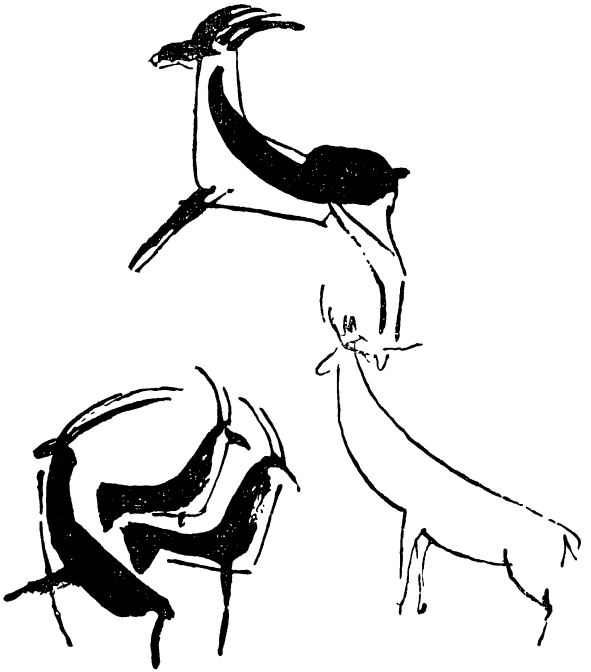
Насколько легко было пересечь хребет, настолько трудным оказалось преодоление водораздела на верхней части бэля. Глубокие русла, заваленные огромными камнями, преграждали путь, и мы долго блуждали между ними, пока, наконец, не выехали снова на тропу. Мы не узнали ее: утоптанный когда-то песок был разъезжен автомашинами. Не стоило труда догадаться, что здесь проложили дорогу для вывозки коллекций из Алтан-улы, с «Могилы Дракона». Мы не повернули направо, на запад к

Алтан-уле, а пошли вниз, в котловину, где должен был находиться Центральный лагерь.

Едва нас обступили бархатные красные холмы третичных отложений, как мы увидели палатки. Оказывается, лагерь сюда перевели из ущелий — поближе к Алтан-уле и к многоводному колодцу Ойдул-Худуку. В лагере давно услышали наши моторы, но не выходили встречать, так как думали, что это машины с Алтан-улы. И только когда мы, по обычаю, дали залп, тогда с приветственными воплями выскочили и запрыгали, радуясь, как дети, Лукьянова и Петрунин.

Всегда смуглая, Мария Федоровна в Гоби почернела, «как головешка», по непочтительному выражению Эглона, возраст которого давал право на известную фамильярность. Смоляные косы были распущены — впопыхах Лукьянова не успела их заплести. Пестрая клетчатая ковбойка и необъятные парусиновые шаровары составляли ее гобийский наряд. Под стать ей был Петрунин, до глаз заросший твердой щеткой рыжеватой бороды, с широко раскрытой от жары шерстистой грудью. Скоро мы уселись за удобным столом, поглощая чай.

Так закончилось наше первое путешествие по Заалтайской Гоби, и мы вернулись к ставшим обычными делам в котловине Нэмэгэту.



«По числу пройденных перевалов жизнь ценится».

Пословица

ГЛАВА VI. ГОЛУБЫЕ МАЯКИ ДОЛИНЫ ОЗЕР

Через два часа после нашего возвращения из Западного маршрута в лагерь подошли «Дракон» из Улан-Батора и «Тарбаган» с Алтан-улы. Таким образом, мы сразу оказались в курсе всех дел: узнали, что окончился весь запас леса и гвоздей, что масло для автомашин на исходе, что на раскопках в Алтан-уле полома-

лись о твердый песчаник все наши инструменты. В остальном дела обстояли благополучно. Выкопанные в Нэмэгэту коллекции были вывезены из ущелий и частью перевезены в Далан-Дзадагад. Оставшаяся часть стояла победной пирамидой на высоком бугре недалеко от бывшего Центрального лагеря. Сюда, во временный лагерь, свозились коллекции с «Могилы Дракона», еще не упакованные за отсутствием досок. Лукьянова заведовала этим лагерем, в шутку прозванным «Лукьян-сомоном». Несколько дней она провела тут в одиночестве, царицей всей западной части котловины. Потом в помощь ей был отряжен рабочий Намсарай.

Я отправился на «Могилу Дракона» на следующий же день после приезда, поговорил с Эглоном и убедился в безнадежности дальнейшего продолжения работы. Огромные плиты песчаника, содержавшие скелеты утконосых динозавров, не поддавались разделению на подъемные части, так как кости крошились и высыпались. Чтобы не погубить ценнейшей находки, следовало брать ее большими плитами по тонне и более весом, а значит — прокладывать сюда доступную для автомашин дорогу. Волей-неволей приходилось отложить раскопки «Могилы Дракона» до следующей экспедиции. Я до такой степени не люблю откладывать что-либо намеченное, что меня в этих случаях одолевает хандра. Но когда я ранним утром 7 июля вышел из палатки на «Могилу Дракона» и окинул взглядом невеселое место, то оно совершенно преобразилось. Отвесные кручи Алтан-улы стали темно-зелеными, очень густого цвета, с отдельными черными пятнами пустынного загара и серыми бороздами русел и рытвин. Прямо под ними — светло-серые бледные обрывы и останцы, подчеркнутые полосой ярко-оранжевых песков на уровне «Могилы Дракона». Как всегда, величественная и покойная красота пустыни утешила меня.

«Что же такое Гоби?» — подумалось мне. И тысячи километров пройденных путей образовали в памяти сменяющуюся ленту мысленных картин. В прежнем моем представлении Гоби была равнинной пустыней, каменистой или песчаной, с редкой растительностью и палящим зноем. При более близком знакомстве Гоби сделалась гораздо более сложным понятием.

Это прежде всего равнинные плоские впадины с песками и глинистыми площадками в центре, где мало обнаженной почвы, а все одето щебенкой, черной, коричневой или серой, мелкой во впадинах и крупной — в горах. Это мелкосопочник — сильно размытые, задернованные плоские холмы или небольшие горы. Это гряды обнаженных твердых пород с россыпями камней и невысокими ощеренными скалами. Это обширные светлые плоскогорья, покрытые редкой желтой травой — ковыльком, и это же — невысокие горы, вокруг которых вся поверхность иссечена мелкими промоинами и сухими руслами. Горы — то округлые, иногда засыпанные песками, то обнаженные, ощетиненные,

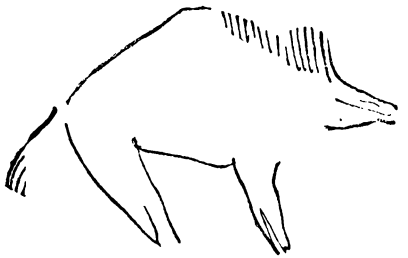
истерзанные ветром и зноем. И, наконец, Гоби пересечена грозными, голыми скалистыми хребтами. Мощные пояса из крупных камней и щебня охватывают эти бастионы безжизненной материи. Подступы к ним заграждены бесчисленными сухими руслами, в которых встречаются неожиданные оазисы могучих деревьев — хайлясов и евфратских тополей. Гоби — это бесконечные заросли саксаула, редких кустов караганы, лука и полыни. Пухлые глины и солончаки с жирной зеленью солянок и эфедры. Есть здесь и громадные полосы подвижных песков с барханами стодвадцатиметровой высоты, зловеще курящиеся даже на слабом ветре. И еще многое и многое можно сказать о Гоби...

Передать основное ощущение Гоби в целом можно двумя словами: ветер и блеск. Ветер, дергающий, треплющий и раскачивающий, несущийся по горам и котловинам с шелестом, свистом или гулом... Блеск могучего солнца на неисчислимых черных камнях, полированных ветром и зноем, горящие отраженным светом обрывы белых, красных и черных пород, сверкание кристалликов гипса и соли, фантастические огни рассветов и закатов, зеркально-серебряный лунный свет, блестящий на щебне или гладких «озерках» твердой глины...

Июль оказался самым прохладным и дождливым месяцем. Медленно шли дни в нашем лагере в центре котловины Нэмэгэту. Машины работали неустанно, вывозя коллекции и снаряжение в Далан-Дзадагад. В дождливые дни почва стала более мягкой, и машины продавили и накатали, наконец, дорогу из котловины в Ноян сомон. Теперь достижение сомона для машин с полным грузом было делом нескольких часов. Но дорога досталась нам недешево: все машины дымили, требуя смены колец, груда поломанных рессор на складе в Улан-Баторе все увеличивалась. Приходилось поочередно отправлять машины в Улан-Батор для ремонта. Первым ушел туда с легким грузом из бочек доблестный «Дзерен», рама которого, треснувшая в Западном маршруте, угрожающе прогибалась. Наличный состав экспедиции вновь разделился на два отряда.

Орлов с Эглоном и Новожиловым отправились на Цаган-улу, чтобы раскопать слой прессованных черепах, а также обследовать западный конец «Красной гряды» третичных пород, в которых все чаще и чаще находились пока еще неопределимые обломки костей. Лукьянова с другой партией рабочих отправилась снова в район бывшего Центрального лагеря Нэмэгэту для выемки так называемого «горбатого позвоночника» в Северо-Западной котловине. Над этим позвоночником мы с Эглоном и Громовым гадали в 1946 году. Здесь оказался целый скелет утконосого растительноядного динозавтра — зауролофа. Мы с Рождественским отвезли отряд Лукьяновой на «Драконе» и высадили их на краю красного лабиринта с запасом воды и пищи, словно зимовщиков в Арктике. Рождественский, Шкилев и я оставались в «Лукьян-

сомоне», трудясь над финансовыми расчетами и обработкой наблюдений Западного маршрута. Шкилев доставал особую тетрадь и размашистым почерком вписывал, что следует заготовлять для будущей экспедиции. Николай Абрамович не отличался хорошей памятью и не выработал системы записей. Делая заметки повсюду — на перечнях ящиков, квитанциях учреждений, расписках рабочих, он терял, по подсчету Рождественского, около 70% записей. Но трудно было сердиться на нашего Николая Абрамовича. Здоровый и спокойный, с мягким украинским юмором, Шкилев был хорошим товарищем. Несмотря на перенесенную весной тяжелую болезнь, он всегда охотно бросался помогать в погрузке огромных монолитов или вытаскивать застрявшую машину. Отзывчивый и совершенно лишенный стяжательства или жадности, Шкилев пользовался общим доверием и любовью, несмотря на «грешные» для хозяйственника забывчивость и бессистемность в работе. Спали мы прямо под открытым небом, и наши дюралевые койки стояли на окраине лагеря. Бесконечный черный простор гобийской ночи затоплял койку — маленький островок человеческой жизни в неоглядном океане темного воздуха. А вверху — вся звездная бездна и бесконечность вселенной, становившаяся тут как-то ближе и понятнее.



Действительно, в это прохладное время со слабыми ветрами ночи в Гоби стали великолепны. Охлажденный воздух прозрачен неимоверно, чист и свеж, как нигде в мире, а неприглядная земля прикрыта тьмой и загадочна. Вечерами на раскопке Лукьяновой загорался костер. Рабочий, встав перед ним с листом фанеры, открывал и закрывал огонь и сигнализировал нам, а мы, развернув единственную оставшуюся у нас машину, маленького «Козла», отвечали вспышками фар. Столь далекая видимость с возвышенных мест (наш лагерь находился на «Красной гряде», а раскопки — на бэлэ) навела меня на мысль в следующей экспедиции использовать ракетную сигнализацию.

Пасмурная холодная погода с продолжительными дождями упорно держалась. Котловина Нэмэгэту изменила свой облик. Темные облака обычно садились все ниже, пока их обрывки не

спускались прямо на бэль и стелились по подножию Алтан-улы. Огромные полосы синего тумана ползли по Нэмэгэту, а самые горы (Нэмэгэту и с юга — Хугшо, Шуша и Хурху) делались совсем темными, черновато-синими. Влажная равнина побурела и утратила прежнюю мутную и серую видимость. Все вокруг стало резким, с темными тонами, хмурым и в то же время свежим, новым, без дрожания раскаленных воздушных потоков, без пыли и тусклого марева, так скрадывавших расстояние в сухие и знойные дни.

Вернулся Цаган-улинский отряд, закончивший работу. Орлов рассказал о находке костей древних млекопитающих в «Красной гряде». Найдена целая челюсть, принадлежавшая, как определил Орлов, диноцерату. Диноцераты — странная группа древних зверей, живших около пятидесяти пяти миллионов лет тому назад. Они обладали признаками разных отрядов: черепом, похожим на череп медведя, коренными зубами, как у древних летучих мышей, лапами, как у копытных, но с когтями и т. п. Диноцераты до сих пор были известны только в Америке, и находка их в центре Азии представляла очень большой интерес. Орлов отправился с Эглоном, чтобы проверить место находки и определить возможность раскопок. Исследователи вернулись через день с заключением о нецелесообразности раскопок или задержки для дальнейших поисков. Я послушался их, не поехал на место сам, и это было моей ошибкой. На следующий, 1949, год мы провели исследование «Красной гряды», в результате чего были открыты интереснейшие, совершенно новые для Азии древнейшие млекопитающие, выкопаны целые черепа, части скелетов и, кроме того, неизвестные ранее черепахи и рыбы.

К 17 июля в лагере собрались все участники экспедиции, не было только Пронина с Брилевым: «Дзерен» чинился в Улан-Баторе. Объявив выходной день, мы долго делились впечатлениями и рассказывали о приключениях. Больше всего рассказов доставалось на нашу с Рождественским и Вылежаниным долю. «Герои» Западного маршрута рассказывали о страшной жаре на черных наклонных равнинах около Цаган-Богдо, о полной безжизненности глубоких впадин Заалтайской Гоби, о таинственных горах Эдеренгийн-нуру, о невероятном количестве дикой живности у Монгольского Алтая, об оставшемся недоступным хребте Ачжи-Богдо.

Обсуждались и научные результаты наших открытий — и прежде всего перспективы исследования огромного пояса меловых и третичных красноцветов, окаймлявших веером Алтан-улу и протягивавшихся далеко на запад. Здесь оставалось еще очень много дела, но мы не могли ограничиться работами только в Нэмэгэту. Следовало произвести раскопки древних млекопитающих, более поздних, чем найденные в Эргиль-обо в Восточной Гоби или около Далан-Дзадагада в Хашиату. Благоразумие

требовало начать поиски с изучения открытых американской экспедицией местонахождений и пройти в Долину Озер — большую межгорную равнину, между северным склоном Гобийского Алтая и южными предгорьями Хангая. Там находилось несколько озер — Цаган-нур («Белое озеро»), Орок-нур («Серое озеро»), Холбочжин-нур («Двойное озеро») и другие.

Было решено разделиться на два отряда. Один, под начальством Рождественского, шел прямо к Орок-нуру и начинал исследование местонахождений. Другой, под моим начальством, должен был обследовать котловины Дагшигуин-Шубуту («Непроходимая узкость») и Барун-Баин к северу от Далан-Дзадагада, составлявшие продолжение полосы отложений мелового периода, протягивавшейся на восток от Баин-Дзака. В центре этой полосы наша экспедиция 1946 года открыла местонахождение Олгой-Улан-Цаб, в твердых песчаниках которого остался лежать скелет гигантского динозавра — зауропода.

После возвращения в Далан-Дзадагад к моему отряду присоединился «Дзерен», который должен был прибыть к этому сроку из Улан-Батора починенным и загруженным бензином. Бензин следовало доставить на Орок-нур отряду Рождественского. По пути моему отряду предстояло еще обследовать впадину Ошинуру, заполненную нижнемеловыми отложениями. В ней американская экспедиция нашла два скелета маленьких попугаеклювых ящеров, группы пситтакозавров, которые произошли от общих предков с исполинскими игуанодонтами и утконосыми динозаврами.

За разработкой планов и разговорами мы засиделись до поздней ночи. Яркая луна осветила холмы, а небо постепенно затянулось легкими перистыми облаками. В луне они засеребрились тысячекрылой стаей больших птиц, между которыми особенно ярко горели звезды. А под серебристыми птицами, парившими между звездами, стелилась до горизонта темная земля...

Утром машины покинули котловину и увезли отряд Рождественского. В лагере стало тихо. Новожилов с Лукьяновой уныло бродили по холмам в поисках кремневых орудий древних людей. В этих сборах Рождественский был непревзойденным мастером и уже успел обобрать окрестности лагеря. Вечером мы с Новожиловым подводили итоги всей нашей работы.

Двадцатого июля из Далана за нами прибыли две машины— все, что нам смогли выделить. Однако имущества оказалось так много, что мы потратили на погрузку весь следующий день. Машины напоминали цыганские телеги: бочки, кадки, палки, кошмы, кастрюли были привязаны сзади, сверху, сбоку — везде, где только была возможность прочно укрепить вещи. Двадцать второго июля мы бросили прощальный взгляд на зеленую Алтан-улу, на угрюмые зубцы Нэмэгэту, величественную Хугшо и покинули Нэмэгэтинскую котловину.

Дождливый июль везде внес изменения. Пески Хонгор-Обо сомона плотно прикатались и легко пропустили машины. Высокогорный перевал через Гурбан-Сайхан зазеленел и запестрел цветами. Желтые поля альпийских плоскогорий стали нежнозелеными, а пологие холмы по сторонам сквозной долины совершенно малахитовыми. Эта редкая в природе окраска происходила от яркой зелени полыни, через которую просвечивали пятна синеватого на солнце щебня. Влажный ветер нес по ущелью запах полыни и цветов. Густые заросли пахучей цветущей мяты виднелись издалека огромными голубыми пятнами. Каменные откосы украсились ярко-желтыми пучками цветов камнеломки.

На северной стороне перевала первым встретился нам мрачный невозмутимый як, который презрительно игнорировал наши машины.

Холодным, совершенно осенним вечером мы прибыли на базу в аймак, застав Орокнурский отряд в унынии из-за отсутствия бензина. К вечеру подготовка машин к маршруту прервалась неистовым шквалом. Из низких белых облаков посыпался град в полкулака величиной. Все живое разбежалось, земля покрылась слоем льда — резко похолодало.

На следующий день Шкилев уехал в Улан-Батор на «Тарбагане». Следом выехал Орокнурский отряд на «Волке», «Кулане» и «Козле» в составе Рождественского, Эглона, Орлова, Намнан Доржа и других. Корнилов остался на базе для упаковки коллекций и отправки грузов.

Еще через день на «Драконе» отправились и мы, быстро достигнув котловины Дагшигуин-Шубуту, находящейся в ста тридцати километрах к северу от Далан-Дзадагада. Дно котловины размокло от дождей и превратилось в опаснейшую «машиноловку». Я много путешествовал на автомобилях, но еще никогда не видал такой невероятно липкой грязи, отодрать которую от колес было трудно даже острой лопатой. Пришлось осторожно обходить котловину вдоль ее борта. В задачу отряда входило капитальное обследование Улан-Ош, открытого Орловым, Громовым и Эглоном в 1946 году. К сожалению, проводника, водившего их, не было в аймаке. Приходилось положиться только на записи и рассказы самих открывателей. Можете представить мой ужас, когда оказалось, что никаких записей путешественники в свое время не сделали, не потрудившись даже записать расстояние по спидометру машины. Не лучше обстояло дело и с рассказами о пути по памяти: ничего внятного «открыватели» так и не сказали. Очевидно, всецело положившись на проводника, они продремали в машине до самого места. Разыскать это отсутствовавшее на картах урочище нам не удалось. Обрывов с красными породами нижнего мела и мелкими костями динозавров, похожих на Улан-Ош, нашлось довольно много.

К западу котловина, сужаясь, переходила в другую, вернее — в две, следовавших одна за другой — Цзун- и Барун-Баин («Восточный и Западный Богатый»). В начале Цзун-Баина стояло громадное старинное обо с тибетскими надписями и старинными китайскими монетами, аккуратно положенными на каменную полочку. Дальше на запад котловина расходилась крутыми обрывами серых углистых глин, которые на солнце казались ярко-голубыми и синими. Голубые стены прочерчивались полосами белых конкреций и мясо-красных глин. Мы лазили по обрывам до заката, когда пестрота крутых стен стала еще более красочным чередованием широких синих, узких багряных и совсем тонких розовых полос. Эту нарядную пестроту окружали угрюмоватые коричнево-красные обрывы и холмы. Цветистые отложения обманули нас — только отдельные обломки костей каких-то мелких хищных динозавров встретились нам на размытых холмах вместе с обугленными стволиками растений и обломками панциря черепах. В погоне за новыми находками мы храбро штурмовали крутые стены голубых глин, что закончилось блистательным полетом Лукьяновой с какого-то рыхлого карниза. К счастью, «парашютистка» отделалась царапинами и испугом.

Дальше к западу голубые породы исчезли. Котловина стала угрюмой, кирпично-красной. У подножия круч толпились высоченные красные конусы, увенчанные почти кубическими плитами песчаника с гнездами орлов наверху. Мы попали в какой-то особый красный мир, даже тени казались коричнево-красными. День выдался жаркий. Солнце палило нещадно, пока мы, проклиная судьбу, бродили в лабиринтах промоин.

Только на следующий день мы вырвались на простор Барун-Баина — обширной, открытой на запад котловины. Здесь были широкие сухие русла с группами хайлясов, широко раскидистых, словно акации африканских саванн. В душных оврагах Барун-Баина обитало почему-то множество пауков. Паутинные сети перегораживали ряд за рядом узкие овраги. В центре каждой из них сидел гнусного вида громадный паук с черным изображением скорпиона на спине. К вечеру в рощице хайлясов мы с Новожиловым набрели на птенцов орла в очень примитивном гнезде — ямке в пыли, у подножия дерева. Немного поодаль на вершине хайляса, стоявшего в центре очень тесной купы из шести деревьев, мы увидели исполинское гнездо метра полтора в поперечнике. Зоркий глаз Новожилова заметил в нем какое-то движение. Что-то большое и черное едва различимо шевелилось в чаще ветвей. Я снял с плеча винтовку и выстрелил в гнездо. На секунду оттуда вздыбилась черная масса, рухнула обратно и стихла. Новожилов отважно взобрался на верхушку хайляса и увидел в гнезде уже мертвого черного грифа. С трудом мы вытащили из гнезда огромную птицу. Кроме нее, в гнезде не было

ничего, и вообще, по-видимому, гнездо давно не использовалось. Зачем забрался сюда гриф — осталось непонятным. Новожилов уверял, что гриф был болен и попросту отлеживался в гнезде. Размах крыльев грифа достигал двух метров. Вокруг глаз и под клювом птицы были белые просветы, но общая окраска была настолько густа и черна, что по контрасту с ней эти белые участки казались ярко-голубыми.

Четыре дня мы странствовали по цепи котловин, исследуя бесчисленные красные обрывы в поисках пресловутого Улан-Оша. Если Улан-Ош и не удалось найти, то выяснилось много интересного. Цепь впадин к северу от Далан-Дзадагада протянулась полосой около двухсот километров длины и на западе доходила, по-видимому, до Арца-Богдо («Можжевеловая Святая»)— самой восточной из трех главных вершин Гобийского Алтая. Там находилась впадина Оши — открытое американцами местонахождение нижнемеловых динозавров. Вся цепь котловин была заполнена отложениями нижнемеловой эпохи, озерными или болотными. В них отсутствовали ископаемые русла, и поэтому не было богатых скоплений костей. Только в голубых углистых глинах Цзун-Баина, залегавших в небольшом древнем русле, находились незначительные количества костей динозавров и черепах, да и то сильно поврежденных. Вероятно, более мощное русло мелового периода находилось на месте Олгой-Улан-Цаба. Этот останец нижнемеловых пород, одиноко стоявший на засыпанной песками равнине западнее Барун-Баина, был исследован в 1946 году Орловым и Громовым и содержал кости крупных динозавров. Когда я впоследствии показал составленную мною карту котловин Орлову с Эглоном, то, по их догадкам, оказалось, что Улан-Ош располагался примерно в тридцати километрах к северо-западу от последней нашей ночевки, уже вне пределов Цзун-Баинской котловины.

Эта последняя ночевка находилась среди выступов красных обрывов, невдалеке от северо-западного края котловины Дагшигуин-Шубуту. На южной стороне котловины вечерний дождь спадал синими столбами из высоких серых туч. С запада надвигалась низкая красная туча. Докатившись до нас, она выбросила, точно щупальца, горизонтальные струи мелкого песка и пыли, несомые ураганным ветром. Мы поспешили по примеру далеких предков укрыться в пещерах, оказавшихся поблизости от машин. Здесь же была оборудована первобытная кухня. Втягивая запах варящейся баранины, мы устроились совсем уютно. На ровном полу пещеры мы расстелили постели и остались на ночлег.

Перед тем как стемнело, Новожилов вышел прогуляться и наткнулся на дикого кота — манула. Кот приветствовал его шипением и отвратительным воем, собираясь перейти в наступление, и Новожилов бежал. После этой встречи, с экспрессией расска-

занной Новожиловым, удобства ночлега сильно померкли. Новожилов клялся, что дикий кот непременно придет ночью за остатками ужина, и горе тому, кто нечаянно окажется на его пути. Лукьянова, а за ней и Безбородов, ложась спать, завернулись с головой в одеяла, чтобы защититься от грозного кота.

Утром мы с Безбородовым замерили бензин в баке — его оставалось примерно на двести пятьдесят километров, и ни капли более. До базы было не меньше ста пятидесяти километров. Нашему крейсированию по котловинам пришел конец, да и пора было возвращаться на базу. Отряд Рождественского поехал на Орок-нур с недостаточным запасом бензина и совсем ничтожным— масла, а путь предстоял им далекий и трудный. Первого августа мы прибыли в Далан-Дзадагад, к нашему ужасу не застав там ни одной машины. Однако в темноте подошел «Дзерен», который завяз в «машиноловке», в недавно покинутой нами котловине, и еле выкарабкался. Теперь дело было за «Тарбаганом»: бензин для отдачи долгов и маршрута на Орок-нур был именно на этой машине. Мы получили телеграмму о выходе машины из Улан-Батора и два дня ждали ее с тревогой.

Наступили жаркие и душные дни, чувствительные даже в прохладе глинобитного дома нашей базы. Четвертого августа утром явился «Тарбаган», запоздавший из-за поломки хвостовика. Начался спешный ремонт и разборка имущества. На следующий день «Тарбаган» снова ушел в Улан-Батор с грузом коллекций. Шестого августа выступили и мы к Орок-нуру на «Дзерене» и «Драконе». К сожалению, бензина доставили в обрез — всего десять бочек для больших маршрутов пяти машин. Мы везли нашим обильную почту и ящик свежих огурцов. Впервые в этом году мы с жадностью отведали свежих огурцов и свежей капусты, привезенной «Тарбаганом».

Среди почты были две срочные телеграммы Орлову. Он давно ждал известий из дому. Я предвкушал удовольствие быть приятным вестником там, на далеком Орок-нуре.

Мы быстро доехали по знакомой дороге до Баин-Дзака и нашли на отвороте тропы знак и письмо Рождественского. Теперь пробка радиатора «Дзерена» направилась, как на маяк, на острый конус вершины Булагиин («Родниковый»), выступавший углом к северу из массива Арца-Богдо. Приволье широкой и твердой равнины скоро кончилось. Мы принялись метаться и вилять между огромными буграми песков и крупным саксаулом. Наши орокнурцы не вполне удачно выбирали дорогу. Дальше их след оказался проложенным через пухлые глины и бугристые пески котловины Хурэн-Тойрим («Коричневая впадина»). Мы решительно отвернули направо, на север, к Цаган-Обо, и легко проехали по гребням холмов, целое море которых расстелилось вдоль края впадины. Поднявшись на широкое плато, мы снова взяли курс на конусовидную вершину Арца-Богдо,

быстро приближаясь к ней. Плато на десятки километров было засыпано щебнем кремнистых метаморфических известняков, на солнце казавшихся небесно-голубыми.

Одолев за день больше двухсот километров, мы заночевали в холмах у подножия Арца-Богдо. Скалы розовато-белых пегматитов ступенчато поднимались над нашим бивуаком, и в них кусками зеркал сверкали крупные кристаллы мусковита — белой слюды. Когда я уселся на нижнюю ступень, чтобы отдохнуть и покурить, серебряные зеркальца заискрились красными огоньками закатного солнца, белый кварц зарделся розовым, а большие кусты синих цветов слабо трепетали на ветру перед скалами.

Зверский предрассветный холод напомнил, что монгольское лето кончается. Необыкновенно высокая трава достигала бортов машин, но дорога оставалась хорошей. Ехать приходилось наугад — без проводника, подступы к впадине Оши были неизвестны. На траверсе верхушки Арца-Богдо я решил повернуть на север. Обширная всхолмленная равнина с покровом мелкого щебня сплошь поросла диким луком. Как и везде, в Нэмэгэту и в Восточной Гоби при езде по луковым равнинам слышался запах чеснока. Этот запах раздражал обоняние. Все мы к вечеру были голодны и мечтали о полузабытых деликатесах вроде любительской колбасы. Мощные слои базальтовой лавы покрывали там и сям вершины холмов. В одном сухом русле привлекли внимание красивые прослои в базальтах. В каждом прослое чередовались трех-пятисантиметровой толщины полоски ярко-красной яшмы, яшмы очень красивого бежевого цвета и, наконец, прозрачного опалесцирующего халцедона. Внизу, под обрывом базальта, валялось множество каменных орудий, вернее отходов производства орудий — нуклеусов и отломков. Пристальный осмотр окончательно убедил меня в находке мастерской каменных орудий. Здесь, непосредственно у месторождения яшмы и халцедона, доисторические обитатели Гоби занимались своим,

требовавшим большого искусства делом. У мастеров каменного века чувствовался художественный вкус. Они разделяли разноцветные слойки, выделывая орудия — ножички и стрелы какого-нибудь одного цвета, или же в более крупных орудиях — рубилах, ножах — красиво подбирали цвета, используя природную полосчатость. Я нашел несколько таких двухцветных красно-бежевых или бежево-белых стрел...

Еще около десяти километров мы поднимались постепенно все выше и вдруг с края обрыва увидели всю впадину Оши. Характерная особенность монгольских геологических обнажений проявлялась и тут. Впадина Оши была промыта в большой пологой возвышенности, остатком которой торчала гора Ошк-нуру, собственно представлявшая собою обрыв восточного края впадины. Около пяти километров мы проехали, выбирая место для спуска, и, наконец, очутились на дне против длинного останца красных пород, прикрытых пятнадцатиметровой толщей черного базальта с идеально ровной плоскостью наверху.

Мы провели два дня в лабиринтах обрывов и ущелий, но, несмотря на тщательные поиски и присутствие таких знаменитостей, как «Соколиный» и «Орлиный» глаза — Новожилова и Пронина нам удалось найти совсем немного костей динозавров. До вечера мы бродили в различных направлениях и каждый по намеченному участку, пока не выбивались из сил. Ветер редко достигал душного дна впадины, нагретые солнцем камни отдавали свой жар в застоявшийся воздух. Когда мы нашли следы лагеря американской экспедиции, которая провела здесь две недели, то удивились, зачем выбрали они такое плохое место для долгой стоянки. В первое посещение Оши в 1922 году американцам удалось сразу же найти два неполных скелета маленьких динозавров — пситтакозавров. За то в 1924 году усилия шестнадцати человек при двухнедельных поисках не дали ничего. Немногим больше повезло и нам, хотя, конечно, нам удалось обойти и сколько-нибудь подробно обследовать едва пятую часть всей сложной системы обрывов. Разгадку нашего неведения я нашел по ту сторону центрального останца. Здесь, впервые в Гоби, я увидел большие камни, покрытые лишайниками, и такой же замшелый щебень на склонах голых холмов. В гобийских горах Монголии нет древних камней и скал, какие часто встречаются у нас на родине — например, ледниковые валуны. Перед покрытыми мхом и лишайниками камнями как-то чувствуешь пронесшиеся над ними тысячелетия.

В гобийских горах камень обнажен и свеж, истерт песком, растрескан солнцем и морозом, изрыт ветром. Рыхлые породы оплывают глинистой коркой, как будто недавно облитые водой. Каждый обрыв здесь — как только что нанесенная земле рана. В зонах развития песков занесенные ими холмы и горы создают гнетущее впечатление победы рыхлой безликой пыльной материи

над чем-то твердым и гордым. А здесь, на Оши, покрытые лишайниками глыбы казались древним устойчивым островком среди хаоса размытого, вечно меняющегося камня. Это означало, что размыв и разрушение горных пород на Оши-нуру раньше, может быть, два-три тысячелетия назад, были более сильны, а теперь ослабли. Вместе с ослаблением размыва перестали вымываться и окаменелые кости. В местонахождении Оши не было захоронено костных скоплений, потому что во время отложения пород не было речных русел. Указание на сильное развитие косой слоистости — признака переменных речных потоков, сделанное американцами, нами не подтвердилось. Следовательно, в первое посещение Оши американская экспедиция собрала все то, что было вымыто за тысячи лет. Остатки же, погребенные и рассеянные в огромных массах песчаников и глин, найти было мало шансов.

Я долго бродил по Оши, пытаясь понять, как образовалось это местонахождение, при каких условиях и в какое время. Невероятные формы размывов со всех сторон обступали меня. Надменно выпятили красные груди утесы, сверху прикрытые броневыми плитами базальта цвета железа, словно вожди сказочных индейцев. У подножия обрывов — поразительный хаос камня — конкреций темно-коричневого песчаника. Шары, колеса, валы, колбасы, трубы, какие-то окорока — все темное и мертвое валялось на низких буграх. Выше камень делался светлее — красный, желтый, светло-серый. Его очертания на крутых стенах и выступах принимали облик живого: страшные рожи, птицы, звери хмуро глядели с высоты на карабкающегося по дну ущелья человека. Особенно поразителен был уступ на восточном конце Центрального останца, высоко над дном котловины. Низкая каменная скамья образовала полукруг, и на концах его стояли два четырехметровых каменных идола: правый (северный) — с грозно нахмуренным лбом, левый (южный) — с недоброй гримасой искривленного рта. Человеческое подобие этих фигур выветривания было просто поразительным. Еще более удивительна их «установка» на местности — настоящее древнее жертвенное место.

Новожилов нашел вертикальную конкрецию песчаника около семидесяти сантиметров высоты, в профиль очень похожую на задорную старушонку. Ниже ущелий Центрального останца ветвились менее крутые овраги, разделенные широкими и плоскими промежутками. Поверхность этих маленьких плато, равно как и дно ущелий, была завалена правильными шарами темного песчаника размером в среднем с человеческую голову. Почерневшие от пустынного загара шары удивительно походили на пушечные ядра, и местность напоминала поле необычайно жестокого старинного сражения.

На второй день пребывания на Оши Новожилов, Брилев и я совершили обход восточной части впадины. На вершине горы

Оши-нуру мы воздвигли обо, заложили в него обычную коробку с запиской об экспедиции и приступили к исследованию восточной системы обрывов и ущелий. Склон впадины спадал двумя гигантскими ступенями по сто метров высоты. Второй уступ образовали базальты. По их плитообразной поверхности змеились жуткие пропасти — обрывистые каньоны по пятьдесят-семьдесят метров в глубину. Верхний слой — черные и темно-коричневые отвесные базальтовые скалы, в трещинах которых пестрели яркие пучки синих цветов. Внизу валялись гигантские кубические глыбы базальтов.

Мы с трудом спустились в одну из таких пропастей. Базальты, раскалившись на солнце, дышали невыносимым жаром. Отсюда мы пробрались в ущелье глинистых пород с более пологими, но удивительно ровными и гладкими стенами. Серые породы казались откосами туго натянутой замши, красные— завесами бархата. Под ними вилась желтая лента русла, усеянная кустиками крупных оранжевых, синих и белых цветов. По ущелью струился их сильный аромат, особенно от оранжевых, которые носят у монголов замечательно поэтическое название — алтан дзула (золотая свеча). Они издавали запах лилии, но во много раз более сильный и пряный.

На самом дне котловины Оши идти было тоже нелегко. Душная жара, казалось, сгущалась. Песок с кустиками колючки хрустел под ногами, уступчиво оседая и замедляя шаг. Мы по очереди несли тяжелую кость огромного динозавра — зауропада, найденную в верхней серой толще. Но это были последние трудности. Исследование местонахождения закончилось, и непригодность его для раскопок сделалась очевидной. Отложения нижнемеловой эпохи, встреченные на Оши, чрезвычайно напоминали такие же отложения гор Хара-Хутул в Восточной Гоби. Те же базальты, серая надбазальтовая глинистая толща, множество конкреций песчаника в подбазальтовых слоях. Но Хара-Хутул был очень богат остатками растений и костями разнообразных динозавров. Там, как это уже говорилось, пролегало большое русло, и сохранившиеся вертикальные пни болотных кипарисов указывали на близость затопленного низменного берега, находившегося в километре от костеносного русла.

На Оши зона отложения песчаников и глин находилась дальше от берега. Вода, сносившая остатки динозавров и растений, из береговой области сюда не дошла. Только редкие трупы маленьких попугаеклювых динозавров заплывали сюда да еще попадали отдельные кости зауроподов — гигантских обитателей морских прибрежий.

Зона отложения Нэмэгэту находилась не ближе к берегу, чем Оши, но в Оши не было могучих рек, подводные русла которых заходили в море далеко от берега и приносили множество остатков обитателей суши.

Девятого августа мы начали штурмовать песчаный южный борт впадины, постепенно взбираясь с холма на холм. Насколько легок был спуск, настолько труден оказался подъем. С края котловины я еще раз окинул ее взглядом, проверяя направление сбросов, образовавших первоначально почти квадратную впадину, причудливо размытую затем временными потоками. Скоро мы вернулись к месту отворота, повернули направо, на запад, и, проехав двадцать пять километров, забрались на перевал между двумя невысокими горами. Опять небесно-голубой щебень известняка расстелился перед нами по наклонной равнине, спускавшейся к речке Хунгуй-гол («Безлюдная»). В жаркой впадине нас облепило неимоверное количество мельчайшего гнуса — мокреца. Машины стали оседать и проваливаться в пухлых глинах. Прямо-таки физическая духота чувствовалась среди этих пухлых глин, когда машину что-то хватало за задний мост, тянуло и осаживало назад. Трудно передать тревогу, с которой озираешься вокруг в поисках твердой почвы!

С трудом выбрались из ловушки и доехали до маленького бага. Там узнали, что автомобильный след, приведший нас в котловину, не принадлежал нашим машинам. Местность оказалась изъезженной машинами другой экспедиции, покрышки у которых, к несчастью, не отличались от наших. Я сфотографировал группу очень симпатичных мальчишек, выстроившихся передо мной верхом, наподобие трех богатырей Васнецова. Только вместо копий в руках у «богатырей» были укрюки — длинные палки с веревочными петлями на концах, употреблявшиеся для ловли лошадей.

Разыскав старую караванную тропу, мы направились через холмы прямо на Бага-Богдо — наш очередной маяк. По твердой почве машины пошли быстро, и огромная Бага-Богдо росла перед нами с каждым часом. А справа, с севера, приближалась гигантская заросль дериса, совершенно непроходимая для машин. Эта заросшая дерисом котловина неумолимо отжимала нас на юг, к крутой подошве Бага-Богдо. На речке Хонгорингол («Низинная речка») мы остановились на обед и нашли кол с письмом от Рождественского, который ночевал здесь 28 июля. Оказалось, что в это время два дня лил дождь. Стало понятно, почему следы наших машин казались старыми и мы их путали с какими-то чужими.

Вдоль подножия Бага-Богдо мы пробились через кочки и пески дальше к северо-западу, на широкую твердую равнину. Теперь маяком стала красавица Ихэ-Богдо, возвышавшаяся синей стеной далеко на западе. Гигантская Бага-Богдо протянулась в голубом тумане на юге вдоль всего нашего пути. Так сменяли друг друга наши голубые маяки. Всего лишь месяц тому назад мы находились по южную сторону этих гор, возвращаясь из Западного маршрута.

Вырвавшись на гладкую дорогу, мы поехали прямо на слепившее нас низкое солнце. Луковая степь с торчащими пучками лука на закате испещрилась длинными острыми уголками черных теней, а щебень на голых промежутках стал розовым. Мы долго мчались по этому узорному ковру из черных клинышков на розовом фоне, пока не пересекли следа наших машин, шедшего на север, и тут остановились на ночлег.

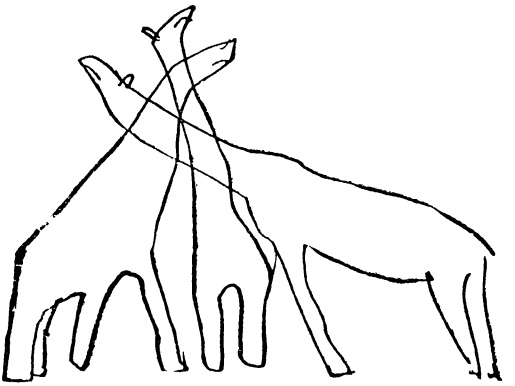
Утром, не пройдя и четырех километров, мы наткнулись на прежний лагерь отряда Рождественского у родника Лу («Дракон»). Здесь стояло обо с бутылочкой и стрелой, указывавшей вверх по широкому руслу Хзанда-гол («Сандаловая речка»). К северу местность все время поднималась, и я тревожно думала о том, как добрались к цели машины Орокнурского отряда при крайне ограниченном запасе масла.

Через несколько километров мы спустились в русло. Из-за поворота навстречу вылетел «Козел». Завизжали тормоза, радостные вопли приветствовали наше прибытие. Тут же мы стали вручать почту Орлову, Рождественскому и Эглону, которые оказались в машине. Александров, водитель «Козла», отошел от меня с разочарованным видом, но тут же был утешен Пронин, видимо, посвященным в уланбаторские секреты нашего Ивана Михайловича. Секреты эти, впрочем, знали все, но старались не смущать Александрова.

Я с торжеством протянул Орлову долгожданные телеграммы. Он жадно схватил их, распечатал одну, прочитал другую, и тут лицо его вытянулось. Просмотрев текст еще раз, Орлов отдал мне обе телеграммы, и через минуту все мы катались со смеху. Первая телеграмма, отправленная Московским центральным телеграфом, гласила: «В ваших телеграммах часто повторяется слово невмоготу тчк сообщите это географическое понятие или выражение чувств избежание ошибок дальнейшем». Вторая телеграмма из уланбаторского почтамта повторяла тот же запрос. Юрий Александрович любил писать в телеграммах место, где он в соответствующий момент находился. Добрый десяток телеграмм из Нэмэгэту, искаженного как «Невмоготу», привлек внимание московского телеграфа...

Через полчаса мы прибыли в лагерь Орокнурского отряда у колодца Анда-Худук («Колодец Друга»), закончив маршрут и пройдя от Далана четыреста двадцать семь километров. Впервые в Гоби лагерь стоял на зеленой поляне, на траве. Порывы ветра гнали не пыль и песок, а приносили лишь запахи полыни и лука, разводя по траве широкие волны. Издали как будто густая, трава на самом деле была редкой и легко вытаптывалась. Колеса машин оставляли после себя быстро желтевшие борозды. Орокнурцы дошли сюда на последних каплях масла, да и бензина оставалось так мало, что наша задержка из-за ожидания машин в даланской базе вызвала у них серьезную тревогу.

Отряд Рождественского обследовал основные местонахождения, раскапывавшиеся американской экспедицией. Главные работы сосредоточились в сухом русле Татал-гола («Огородная речка»), где в нижнетретичных отложениях мы нашли около пятисот черепов и челюстей грызунов, насекомоядных и хищников, живших около тридцати пяти миллионов лет тому назад. Там же раскопали две ноги величайшего наземного млекопитающего — носорога белуджитерия. Лапы стояли вертикально; очевидно, весь скелет был захоронен в стоячем положении. Последовавшим размывом весь верхний слой третичных песков был смыт вместе со скелетом. Остались на месте только стопы лап. Интересно, что американцы также нашли неподалеку в этих же отложениях четыре вертикально стоявшие лапы белуджитерия, оставшиеся от целого скелета.



В нижнемеловых сланцах, обрывы которых начинались у самого лагеря, вдоль подножия горы Ушуг («Пинок») заложили раскопку. Эглон добывал ежедневно несколько десятков отпечатков рыб. В общем, результаты не очень радовали — американские местонахождения не шли ни в какое сравнение с нашими южно- и восточногобийскими. Для более продуктивных раскопок теперь следовало срочно перебрасываться в другой район, чтобы не упустить оставшееся время полевого сезона.

Вечером собрался «военный совет», продолжавшийся почти до рассвета. Я предложил перебраться на Эргиль-обо и расширить там прежние раскопки, чтобы получить побольше материала по третичным млекопитающим. Разыскивать что-нибудь новое было поздно: для работ на западе у нас не было баз с бензином, а наличного горючего не хватило бы на поиски новых местонахождений. Приняли мое предложение. Как оказалось впоследствии, это решение было не лучшим, так как дополнительные раскопки на Эргиль-обо дали не так уж много материала —

нехватка бензина не позволила провести новые поиски в этом районе.

Рождественский с тремя машинами шел на юго-восток, до Далан-Дзадагадской дороги. Выйдя на нее, он останавливался. Одна из его машин шла в Далан-Дзадагадскую базу, забирала оттуда весь наличный бензин и часть коллекции и возвращалась к отряду. Снабдив его бензином и освободив от лишнего снаряжения и коллекций, эта машина направлялась в Улан-Батор. Рождественский продолжал свое продвижение на юго-восток, поперек всей Средней Гоби, по нашему маршруту 1946 года, до Улугей-Хиди и дальше на Эргиль-обо.

Я и Орлов с «Волком» и «Козлом» ехали в Улан-Батор, откуда Юрий Александрович срочно возвращался в Москву к началу занятий в Московском университете. Из Улан-Батора, загрузив «Волка» бензином, я должен был проехать на Эргиль-обо через Сайн-Шанду, доставив бензин отряду Рождественского, и, таким образом, описать огромную петлю на север.

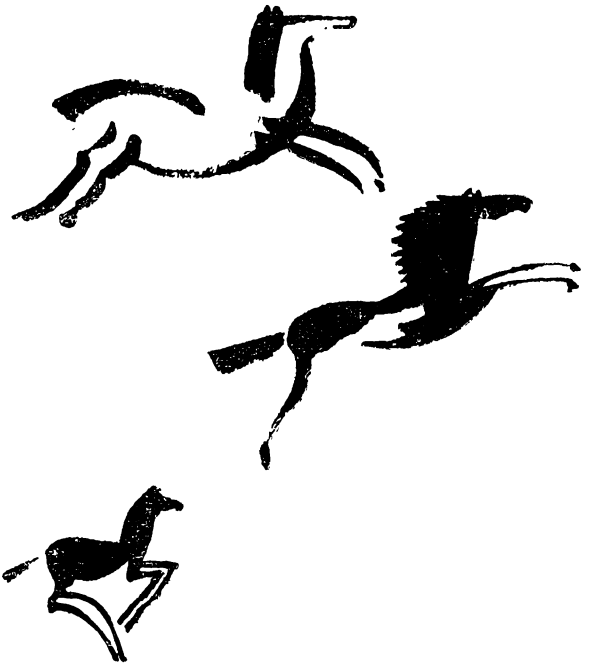
Несколько дней еще мы продолжали работу в «Долине Озер». «Волк» и «Дракон» ремонтировались, Эглон заканчивал раскопку рыб, а «научная сила» исследовала древнетретичные отложения озера Холбольчжиннур. Там, вблизи речки Тацаин-гол («Ракитовая»), пропилившей глубокое русло в базальтовом плато, ночью видели странное «гало» — огромную белую дугу на небе при ярком лунном свете. Дни стояли жаркие, с перепадавшими иногда дождями, с отдаленным громом и вспышками молний по ночам.

Орлову повезло на разные приключения. Однажды Юрий Александрович отправился на обнажение в одних трусах. Поднялся ветер, и Орлов прибежал в лагерь, едва дыша, жестоко исхлестанный песком и мелкими камешками. В другой раз внезапно налетевший вихрь подхватил пустую койку Орлова. Она взвилась вверх, отлелела на полсотни метров и плавно опустилась в глубокий овраг, став там на ножки, как ни в чем не бывало.

Экономя горючее, мы не посетили, как предполагали вначале, Орокнур — это классическое озеро Центральной Азии, привлекавшее внимание многих путешественников. По сообщениям аратов, Орок-нур теперь значительно усох и разделился на два озера. Лет шестьдесят тому назад, после ряда сухих лет, Орокнур тоже состоял из двух озер.

Картина происхождения Орокнурских местонахождений в общих чертах выяснилась. Найденные здесь ископаемые животные принадлежали к млекопитающим олигоценового времени и были характерны для сухих местностей. Этот животный мир был до крайности сходен, если не совершенно одинаков, с ископаемым животным миром тургайских степей Казахстана. Очевидно, там и здесь тридцать пять миллионов лет тому назад существо-

вали одинаковые условия жизни — обширные степи-саванны с отдельными группами и рощами высоких деревьев. Исполинские носороги — белуджитерии и индрикотерии — благодаря своему неимоверному росту могли питаться ветками и листьями этих деревьев и не зависели от выгоравших в конце сезона мелких растений. Одновременно с гигантами жило множество степных грызунов и насекомоядных, а также мелких хищников. Более редкими были саркастодоны и эндрьюсархи — самые громадные хищные млекопитающие, когда-либо обитавшие на земле. Они походили на гигантскую гиену с чудовищной головой в треть всей длины зверя. Эти хищники, несомненно, питались белуджитериями и подобными им исполинами. Однако вряд ли эндрьюсархи могли одолевать исполинских носорогов в бою при своих слабых лапах — скорее всего, они питались их трупами. Около тридцати миллионов лет тому назад в «Долине Озер» находились низовья небольших степных рек. Наводнения, изредка случавшиеся, топили множество мелких животных: древних зайцев, песчанок, ежей, сумчатых и охотившихся на них древних хищников — гиенодонов. Бесчисленные кости этих животных скоплялись гнездами в заводях речных низовьев. Тут же гибли исполинские белуджитерии, для которых хотя и не были страшны никакие степные наводнения, но зато были губительны зыбучие пески и плавуны речных низовий. Тяжелые животные погружались в зыбун. За миллионы лет речные пески становились песчаниками. Так получились необычайные захоронения — исполинские окаменелые скелеты, стоящие вертикально. Позднее извержения лав из вулканов Гобийского Алтая (Дунду-Богдо или Тэвш) прикрыли речные отложения слоем базальтовых лав и тем предохранили их от окончательного размыва во время общего подъема Хангайских гор.



«У знания нет вершины».

Пословица

ГЛАВА VII. ПО ХАНГАЙСКИМ СТЕПЯМ

Пятнадцатого августа мы заранее разделили имущество, снаряжение и бензин, хотя должны были идти вместе до центра Убур-Хангайского аймака — города Арбанн-Хере. Несмотря на дождь, начавшийся к вечеру, Новожилов отправился на поиски ископаемых по своему усмотрению. Почти в сумерках он нашел скопление костей, которое прозевали все исследователи, неоднократно топтавшиеся в том месте. Уже ночью неутомимый искатель притащил полупудовый обломок черепа мастодонта.

В темноте Новожилов упал и разбил находку на несколько кусков, но тут же собрал все осколки, ползая на коленях. Как обычно, по мелкой пакости судьбы, подобные открытия случались в последний момент, когда все уже было упаковано и готово к отправке. На следующее утро Эглон, Орлов и Новожилов поехали на место находки мастодонта. Они нашли там несколько костей мастодонтов и носорогов, однако сочли, что раскопок ставить не стоит. Тогда я отдал приказ о выступлении.

День хмурился, по ветру плыли облака — гладкие и округлые, как громадные валуны. Мы въехали в сухое русло, окунулись в запах полыни и цветов и начали бесконечно длинный подъем на окаймлявшее «Долину Озер» плоскогорье. За ним голубели южные вершины Хангая — обетованной земли аратов. После перевала мы спускались наугад несколько километров без всякой дороги на беспредельную равнину, покрытую настоящей травой. Хотя преобладали ковыль и полынь, но уже пестрели разные цветы, а в низинках колыхались по ветру пушистые головки пырея. Это была уже не Гоби, а настоящая степь, похожая на южнорусскую или казахстанскую.

Справа показалась кристально прозрачная быстрая речка Аргуингол («Северная мелкая речка»). На берегу стояли юрты и несколько деревянных построек. Здесь помещался Гун-Нарин сомон («Глубокий узкий сомон»), относившийся уже к Убур-Хангайскому аймаку. Степь из-за отсутствия пыли и вихрей горячего воздуха казалась изумительно просторной. Впереди поднимались все выше южные предгорья Хангая. Над ними ползли тяжелые дождевые тучи, мрачны в сравнении с солнечным простором равнины. На востоке даже в бинокль не виднелось высоких гор, к большому удовлетворению Рождественского. Только примерно в двадцати километрах от сомона можно было различить скопище острых голубых скал Барун-Ошиин Чулу («Западные Разрушенные Камни»), теснившихся странным частоколом на ровной степи.

Мы направились вверх по долине Аргуин-гола и попали в радостный мир сверкающей воды и свежей травы в рамке ярко-голубых скал. Невысокие обрывы кремнистых известняков были серовато-голубые, голубые и даже светло-синие. Иногда голубой обрыв нависал над сверкающим и струящимся кристаллом речки. Россыпи голубых плит выделялись на серебристых ковыльных склонах. Дальше голубые зубцы и острия увенчивали верхушки зеленых холмов. С неохотой оставили мы долину Аргуин-гола и полезли наугад прямо в отроги Хангая, в россыпи громадных гранитных камней, издали производивших впечатление то стад, то скопления юрт. Склоны гор мягко зеленели — действительно, здесь был простор аратским стадам и большие запасы корма для любой породы домашнего скота. Еще более высокие склоны преградили нам путь. Мы невольно заколебались,

ехать ли дальше. Без проводника у нас не было уверенности в правильном выборе пути. Подъехав «в упор» к склонам, мы внезапно выехали на превосходный автомобильный накат. По этой дороге, извивавшейся у подножий горных отрогов, мы в какие-нибудь полтора часа пролетели семьдесят пять километров и очутились в широкой долине реки Онгиин-гола («Плодородной реки»).

Еще по дороге встречалось множество цветов, среди которых преобладали бледно-лиловые ромашки с узкими лепестками. Они росли по пологим ложкам вдоль склонов и выделялись широкими лиловыми полосами среди серых гранитов и свежей зелени трав. В долине было много ярких синих и желтых цветов, и по всей степи шел узор цветистых пятен. Самые красивые цветы, какие я только видел в Монголии, встретились мне здесь. Это был особый вид ежовника — высокие тонкие стебельки, увенчанные густо-синими шариками соцветий размером с небольшое яблоко. Эти шары удивительно яркого и теплого синего цвета растут поодиночке и гордо торчат вверх, чуть покачиваясь. Издалека вся степь ровная и зеленая, а над ней, на высоте нескольких сантиметров, как бы реют в воздухе чудесные синие шарики.

Огромные стада овец и коров подтверждали богатство этой, новой для нас, области Монголии. Там и сям сновали всадники и всадницы в нарядных, ярких дели. Нам, привыкшим к безлюдью недоступных мест Гоби, такое многолюдство казалось невероятным. Араты весело приветствовали нас, но не задерживались и проезжали мимо по своим делам — видимо, наша автоколонна здесь никого не удивляла. Стада мохнатохвостых сарлыков (яков), то блестяще-черных, то серовато-белых, пристально рассматривали проносящиеся машины, нисколько не пугаясь. Один крупный, свирепого вида бык упорно гнался за концевой машиной.

Убур-Хангайский аймак — небольшой, но с хорошими деревянными домами, с красивыми воротами и заборами. Появились телеги, много автомашин. Приветливые аймачные начальники отвели нам для ночлега просторный дом, что было как нельзя более кстати — ночью был сильный холод и бурный ветер.

Я заинтересовался переводом названия аймака: Арбаин-Хере по-монгольски означает «Ячменный бугор». Однако никаких посевов ячменя здесь от сотворения мира не производилось. Объяснение дал местный учитель — любитель истории. На бугре, где сейчас стоит аймак, был похоронен один из коней Чингис-хана — Арбаин. Гнедая масть по-монгольски обозначается как ячменная — арбаин, и это слово было именем коня.

Эглон с Петруниным на следующий день к вечеру привезли с лесозавода прекрасные кедровые доски. Кедровый лес, прочный и необычайно легкий, был наиболее подходящим материалом для нужд экспедиции.

Восемнадцатого августа мы все вместе выступили из аймака, чтобы через несколько километров разлучиться. За аймаком быстро несла свои воды широкая река Онгиин-гол. Переезжать ее вброд было страшновато, но неизбежно — большой мост оказался подмытым недавним наводнением. Я много работал в Сибири и в горах Средней Азии — в местностях, изобилующих многочисленными и быстрыми речками. Поэтому как-то особенно приятно было слышать шум большой реки, чувствовать запах и влажность воды. С большой неохотой отрываешься от почти гипнотизирующего созерцания быстробегущих струй, отблесков солнца, неверных зыбких очертаний разноцветных камней на дне. Не верилось, что Онгиин-гол дальше на юге попросту теряется в песках, никуда не впадая. Здесь, где ее бег был таким быстрым и мощным, казалось невероятным, чтобы такая масса воды полностью исчезала через сто пятьдесят — двести километров.

Наша колонна остановилась на равнине за рекой. Здесь мы распрощались. «Дзерен», «Дракон» и «Кулан» пошли на юго-восток, а «Волк» и «Козел» налево, к северо-востоку, по тракту на Улан-Батор. Дорога поднялась резко в гору. На длинном подъеме мы еще долго видели наши машины, тянувшиеся по ровной степи. Они шли довольно быстро и походили на маленьких черных насекомых.

Через пятьдесят километров мы выехали на высокое плоскогорье, уставленное гранитными скалами. Каменные башни, штабеля кубических глыб, наклонные плиты — словно самой природой созданные противотанковые надолбы. Отдельные скалы покрупнее принимали облик лежащих львов и драконов. Здесь, несомненно, были священные для древнего человека места. Между высокими глыбами колыхались цветы, которые позже я видел осенью в Гоби — белые колокольчики с лиловыми каемками, а также белые крестообразные цветки с длинными пестиками, одиноко поднимавшиеся на высоких ножках. Здесь же росло интересное растение — стеллерова полынь — крупные белые цветы на длинных стеблях с сильным дурманящим запахом, в первый момент приятным, а затем кажущимся отвратительным. По монгольским поверьям, стеллерова полынь растет в местах, где происходили волчьи свадьбы. Отсюда и название растения — чоноин хубилга («вольче кувырканье»).

Дорога извивалась между каменных гряд. Спуски, подъемы и косогоры шли непрерывной чередой, не позволяя развивать ход. Там и сям встречались группы деревянных построек — бывших монастырей. Как правило, это скопления маленьких избушек — келий, окружающих двухэтажный храм. Все помещения умно приспособлены к новой жизни Монголии — заняты сомонами, складами и мастерскими. За плоскогорьем мы спустились в громадную котловину — солончак, всю изрытую ямами, и пересекли ее уже в сумерках. Ураганный ветер поднялся на закате,

и мы ехали все дальше, выискивая укрытое от него место ночлега.

Наконец, черная стена гранитного хребта заслонила от нас западное небо. Ветер утих. Наступила светлая и свежая лунная ночь. Намнан Дорж выскочил из машины, намереваясь найти удобное для стоянки место, и пошел в тень горного обрыва. Внезапно раздался его испуганный вопль. Я поспешил выйти из кабины и с пистолетом в руке готов был прийти на помощь переводчику, как вдруг издал такой же крик испуга: правая нога провалилась в глубокую яму. Я вытащил ее, шагнул два раза, провалился левой и упал на четвереньки. Оказалось, что вся местность изрыта громаднейшими норами — видимо, тарбаганьими. Тут были целые пещеры по полметра в поперечнике. Подсвечивая передовой машине фарами сзади, мы осторожно продвинулись до самых гранитных обрывов. Скалы образовали высокий амфитеатр, в котором жутко перекатывалось усиленное и умноженное эхо моторов. Я взял винтовку и выстрелил в середину полуцирка. В ответ послышался такой страшный гром, что как-то больше не захотелось нарушать покоя величественных скал и холодной осенней ночи.

Утром выяснилось, что мы забрались в самый центр огромного полуцирка гранитных обрывов со ступенчатыми отдельностями. У подножия — ряды древних могил и курганов, которые полосой протягивались от скал в уходившую на восток зеленую равнину. Скалы, могилы, грозное перекатывающееся эхо — все это полностью оправдывало название гор — Онгон-Хаирхан («Заповедный»). Место, примечательное для нас, было не менее примечательным и для древних, устроивших здесь кладбище. Погребения, обложенные камнями с двумя вертикально стоявшими плитами на концах могилы, были приблизительно трехтысячелетней давности. За Онгон-Хаирханом потянулись гряды вы-

соких холмов. На вершинах перевалов стояли среди полей зеленой травы плиты светлого гранита с художественно высеченными тибетскими надписями — буддийской священной формулой «Ом мани падме хум»[1]. Такая плита с красивыми и четкими буквами, одиноко стоящая среди пустой степи на плоском гребне холма, производит сильное впечатление. Что-то величественное и подвижническое есть в этом свидетельстве труда человека, воздвигнутом на безлюдном просторе у древней тропы и как бы ободряющем путника в его стремлении вперед.

На пути попадались древние могильники — вертикальные глыбы камня до двух метров высоты, окруженные всегда квадратами более мелких, поставленных ребром камней. От этих могильников тоже веет каким-то особенным ощущением силы и тайны прошлых времен — так резко выделяются они в монотонности степных равнин и холмов. В конце длинного спуска показалось ущелье Алтан-обо («Золотое обо») с симметричными, правильными склонами, совершенно как ворота. Это и в самом деле были ворота — за ними кончались горы, и дорога выходила в большую долину реки Толы. У подножия скал, в устьях боковых промоин, снова виднелись ряды древних могильников.

Едва мы въехали в длину Толы, как на нас повеяло запахом сырости и растений. Пахло прямо-таки северными огородами — сельдереем, укропом. Для нас, истосковавшихся по овощам, воспоминание о летнем супе с картошкой, петрушкой и прочей зеленью было очень острым. По этому поводу мы вели в кабине с Вылежаниным мечтательные гастрономические разговоры. Доехав до реки, мы остановились и предались, несмотря на назойливую мошку — бич всех этих хороших мест, очарованию струящейся воды. Трудно все же нам, северянам, долго не видеть рек.

От Толы мы повернули на старую дорогу, чтобы избежать лишних трех перевалов, и к вечеру подъехали к моей уланбаторской квартире.

Тридцатого августа мы отправляли в Москву Ю. А. Орлова, и тут весь руководящий состав экспедиции едва не погиб. Наш Юрий Александрович торопился домой, с трудом попал на ближайший самолет и очень нервничал, опасаясь дождливой, нелетной погоды. Как на грех, в ночь перед отлетом пошел проливной дождь. Мы, позвонив в аэропорт, решили выехать пораньше, не надеясь на изношенные в Гоби баллоны «Козла». Орлова поехали провожать я и Шкилев. Мы летели по знакомому шоссе к месту через Толу, когда внезапно сквозь пелену дождя я увидел на дороге нечто желтое, показавшееся мне при слабом свете фар новым мостом. Я проезжал тут всего четыре дня назад и твердо знал, что никакого моста здесь быть не могло. Едва я раскрыл рот, чтобы сказать об этом сидевшему за рулем

[1] О, сокровище в цветке лотоса.

Александрову, как он сам заметил неладное. От резкого торможения дремавшие на заднем сидении Орлов и Шкилев полетели вперед, на нас. Машина остановилась в полутора метрах от края огромной промоины. Высокую насыпь шоссе промыла лившаяся со стороны Толы вода, грозно журчашая на дне образовавшегося маленького оврага. Приближалось наводнение, и нам нельзя было медлить.

Мы объехали промоину по старой дороге, на которой было уже полметра воды, снова взобрались на насыпь к мосту и двинулись дальше. Наша машина была единственной, которая в тот день прошла из города в аэропорт. Мы позвонили в автоинспекцию, чтобы предупредить возможные катастрофы. Александров принялся перевозить пассажиров в аэропорт от промоины. Машины, шедшие из города, останавливались на размытом шоссе, пассажиры самолета, сняв ботинки и штаны, переходили через воду вброд и здесь грузились на нашего «Козла». Александров, при своем громадном росте и силе, не боялся бурного потока и распоряжался переправой, по-своему командуя весьма именитыми пассажирами. Самолет отправился без опоздания, а мы отважно проехали по подводному шоссе и все-таки выбрались в город часам к одиннадцати дня.

Я тотчас же забрался в постель, решив отдохнуть от всех приключений. Через двадцать минут около моих дверей послышался страшный грохот и крик. В ярости я выскочил и столкнулся с приятелями — генералом и советником Министерства транспорта, которые с криками: «Наводнение, курорт Сангино тонет! Давайте лодку!» — ворвались ко мне. Пришлось ехать на склад, доставать резиновую лодку и отправлять на ней спасательную партию на курорт, расположенный в пойме реки Толы и затопленный наводнением. К вечеру наводнение окончилось, и на следующий день только снесенные юрты напоминали о вчерашних приключениях.

Как всегда, переписка телеграммами, получение всяких там разрешений — железнодорожных, таможенных, финансовых — затянулись, и только пятого сентября я смог выехать в Восточную Гоби. Ехать было давно пора, потому что работавший на Эргиль-обо отряд Рождественского наверняка израсходовал свой запас горючего. Отстутствие бензина означало отсутствие воды, а следовательно, катастрофу.

Наконец мы с Вылежаниным выехали на «Волке», загруженном бензином. Приходилосо спешить. Чойрена мы достигли совсем рано, обогнав по дороге караван монгольских ЗИС и ГАЗ-51 другой советской экспедиции. После чая и короткого отдыха мы понеслись дальше. Вылежанин умудрялся держать скорость даже на сложных поворотах за Хара-Айрик сомоном. Нога его как бы приросла к педали газа, а профессорская борода надменно торчала вперед, мотаясь в такт толчкам машины.

Светлые равнины перед аймаком теперь покрылись редкой зеленой травой, и белизна их исчезла. Только дорога оставалась по-прежнему белой. Росшие вдоль нее полосы полыни в зависимости от высоты солнца казались то стальными, то голубыми. Синей речкой змеилась дорога, просекая блеклую зелень равнины на десятки километров. Кое-где пятна лиловых или почти белых ромашек стелились яркими коврами. С одного из таких «ковров» вскочил одинокий дзерен, немедленно пустившийся наперегонки с нашей машиной, в обычном стремлении, пересечь дорогу. Мы с Вылежаниным решили определить выносливость животного и стали держаться с ним наравне, постепенно замедляя ход. Скорость падала с шестидесяти пяти до пятидесяти пяти, потом до пятидесяти, наконец, до сорока пяти километров в час. Дзерен все бежал, худея у нас на глазах — бока антилопы как-то провалились, а шея вытянулась. Гонка продолжалась четырнадцать километров, опровергнув распространенные представления о том, что дзерен может бежать быстро лишь очень короткое расстояние. Наверное, дзерен бежал бы и дальше, но мы побоялись, что дальнейшая гонка может сильно повредить животному, и, увеличив ход, оставили его позади.

Восточногобийский аймак мы прошли без остановки, пронеслись по «лесовозной» дороге мимо Баин-Ширэ, пересекли красную котловину «Конец Мира» и углубились в горы Дулан-Хара. Нашу одинокую машину обступили черные скалы с блестящим пустынным загаром. В центре хребта, в расширении сухого русла, среди низких бархатно-серых холмов, мы встретили четырех архаров. Вылежанин стал проклинать им же самим придуманное удобное устройство винтовки над спинкой сиденья. Пока он извлекал ее оттуда, животные исчезли в скалах.

На южной стороне гор показалось знакомое зрелище угрюмых песков, все цвета стали резко контрастны. Только черные пятна — скалы и желтые полосы — пески. К югу от этих гор до развалин старого монастыря простиралась пустынная «слепящая» равнина. Как в прошлый раз, в марте, так и сейчас, в сентябре, после проезда ее начали болеть глаза. На обед остановились под остатком стены в развалинах. Ничто не нарушало поразительного одиночества этих полустертых следов человеческой жизни. Огромные пни хайлясов торчали безжизненными изжелта-серыми обрубками и только подчеркивали, что все живое навсегда покинуло безотрадное место. Но наша машина, была исправна и прочна, и нам незачем было подаваться трагической меланхолии молчаливой и заброшенной впадины, сжигаемой знойным солнцем.

Подремав в тени, мы двинулись дальше, удачно прошли пески, на полном ходу пронеслись при заходящем солнце через Агаруту сомон и долго ехали ночью, пользуясь яркой луной, хорошо помогавшей свету зисовских фар старого типа. Не обошлось без

«посадок» в песчаных сухих руслах, но при помощи досок и благодаря накопленному опыту мы удачно и быстро выбирались, несмотря на недостаточность рабочей силы, состоявшей только из одного начальника экспедиции.

Наконец в ярком лунном свете мы увидели справа похожий на нос корабля восточный выступ обрыва Эргиль-обо и повернули с дороги по тропе. Однако ехать здесь ночью было небезопасно, тем более, что луна зашла, и мы, как ни хотелось дотянуть до лагеря, заночевали. Всего мы проехали от Улан-Батора шестьсот девяносто три километра, поставив рекорд скорости рейса на груженой машине ЗИС-5, а также выносливости и искусства шофера. Я не мог сменять Вылежанина, так как в этом году вообще не водил машины из-за воспаления нерва правой руки.

Рано утром мы как снег на голову обрушились в лагерь. Товарищи никак не могли поверить, что мы доехали сюда за одни сутки. Секрет прост — одиночная машина идет всегда быстрее колонны, в которой неизбежны задержки, отставания, больше вероятности для мелких поломок, смены баллонов и т. п. Зато колонна представляет собою силу, которая пробьется практически везде и везде сделает нужную работу. Она несет с собой запасы горючего, резины, запасных частей, воды, продуктов. Огромное значение имеет взаимопомощь машины буксировкой и то, что с колонной в экспедиции всегда едет довольно много людей.

Работа на Эргиль-обо заканчивалась. Весенняя раскопка теперь расширилась до самой стены обрыва и дала несколько хороших находок. Внизу, на холмах, Новожилову посчастливилось найти еще один череп, а также кости древнейших предков носорогов — ценолофов. Обрыв плато был обследован к западу на пятьдесят километров. В тридцати километрах от лагеря Пронин нашел два полных панциря слоновых черепах. Стало очевидным, что если мы хотим получить еще материал, потребуются длительные поиски. А времени больше не было: собранные коллекции надо было перевозить к железной дороге и отправлять в Москву, а после того успеть законсервировать экспедицию до будущего года, организовать зимнее хранение машин и многое другое. И мы решили заканчивать полевые работы 1948 года... В 1956 году А. К. Рождественскому пришлось снова побывать в Монголии. Он устанавливал в Государственном музее Улан-Батора скелет гигантского хищного динозавра, переданный монгольскому народу Академией наук СССР из находок нашей экспедиции. Рождественскому удалось совершить поездку на самую крайнюю западную оконечность обрыва Эргиль-обо и выкопать там два полных прекрасно сохранившихся черепа титанотерия — протэмболотерия.

В последний раз я взобрался на раскопку. Свежие разрезы пород создавали красочные и замысловатые переплетения перекрещивающихся прослоев: вверху преимущественно желтых, в

середине — серых и внизу — охристо- или малиново-красных. Это сплетение прослоев так явственно отражало пульсацию и перемещение фарватера реки, что я, как наяву, увидел перед собою эту игру древних, давно исчезнувших струй. Свежая рана раскопки обрамлялась причудливыми фигурами выветривания — тысячами косых маленьких столбиков, пересеченных поперек торчащими тонкими пластинками. Покуривая, я смотрел сверху на свернутый лагерь и думал, что три собравшиеся здесь машины пойдут недогруженными. Осенняя добыча на Эргиль-обо была слишком мала. И тут меня осенило — я вспомнил гигантский ствол окаменелого дерева, который так хотелось взять в 1946 году. Сейчас это стало возможным — всего несколько километров бокового маршрута от дороги к Шарилин-Хиду, и в музее встанет исполинский ствол из нижнемеловых лесов Гоби весом около шести тонн.

Так и было сделано. Несмотря на великие трудности погрузки огромных чугунно-серых кусков железистого кремня, заместившего собою древесину, мы исполнили план. Дерево стоит сейчас в Палеонтологическом музее в Москве, хотя выставить его целиком пока не удалось — не хватает высоты помещения...

Тяжело нагруженные, мы вернулись в Улан-Батор.

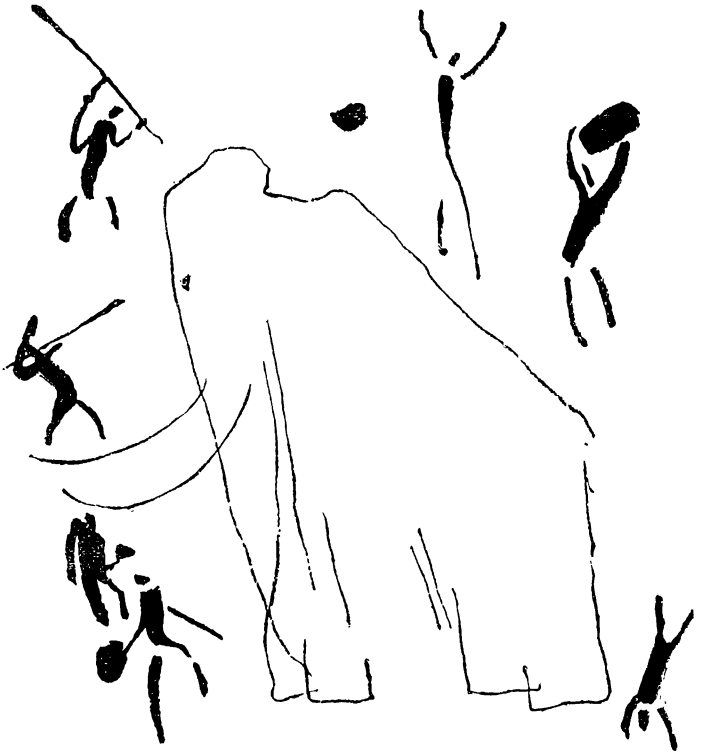
Пожалуй, впервые мы смогли оценить сделанную работу тогда, когда увидели во дворе нашего склада громадные штабеля ящиков с коллекциями, громоздившиеся, как дом. Большинство ящиков было размерами с кровать, часто с двухспальную. Сколоченные из толстых брусьев, окованные железными пластинами и наугольниками, эти тяжелые монолиты — по две-три тонны весом — будили еще совсем свежие воспоминания об отважной и умелой работе на погрузках в ущельях Нэмэгэту на бэле Алтан-улы, под кручами обрыва Эргиль-обо. Умелые шоферы и рабочие не жалели сил вместе с научным и техническим персоналом экспедиции. Действительно, чтобы поднимать трехтонные тяжести маленькой кучкой людей и упрятывать их в машины, надо было не щадить себя. Примером для всех являлся Пресняков — инвалид войны, с серьезно поврежденным плечом: он ворочал тяжести, не уступая никому.

Нам не удалось бы вывезти коллекции на железную дорогу к сроку подхода вагонов, если бы не дружеская помощь Министерства транспорта МНР, предоставившего нам несколько своих четырехтонных машин. Напомню читателю, что в 1948 году железная дорога оканчивалась в городе Сухэ-Батор, в трехстах тридцати километрах от Улан-Батора. В октябре закончилась вывозка коллекций, и экспедиция снова собралась вся вместе на главной базе в Улан-Баторе. Теперь я мог выполнить свой старый долг: еще в Гоби я обещал шоферам и рабочим рассказать о достижениях нашей экспедиции и дальнейших планах на будущие годы. Сейчас действительно уже многое выяснилось.

Мы исследовали и раскопали отложения различного геологического возраста, от нижнемеловой эпохи до конца третичной — плиоцена. Где бы мы ни вскрывали богатые местонахождения — в Восточной, Южной или Средней Гоби,— везде мы находили богатую фауну — крупных и многочисленных животных: динозавров, черепах, птиц или млекопитающих. Если мы углублялись в древние горизонты — нижний мел или нижнетретичные породы, то находили новых неведомых науке животных. Эти животные оказывались предками для многих появившихся позже в совершенно других местах и даже на других материках. Все это доказывало, что межгорные впадины Монголии — остатки не какого-то маленького островка суши, а обширного материка, ибо только на большом материке могла развиваться и умножаться столь богатая наземная жизнь. В полном соответствии с предвидением наших ученых — П. П. Сушкина, А. А. Борисяка и других вымершая фауна Монголии оказалась одинаковой с ископаемой фауной нашей Средней Азии и Казахстана. Но из-за поднятий громадных горных хребтов отложения, заключавшие множество остатков ископаемых животных, на нашей территории было уничтожено эрозией — размывом. Лишь кое-где уцелели отдельные их островки. В Монголии подъем горных хребтов начался позднее. Те пологие горные гряды, которые составляют сейчас водоразделы и истоки временных рек, были сравнительно невысокими и не могли обусловить энергичного размыва горных пород даже в более влажную древнюю эпоху. Современные острые хребты, пропиленные насквозь руслами водных потоков, образовались очень недавно. Я думаю, что эти хребты были лишь в зачатке в то время, когда в Египте уже строили пирамиды. Хребты поднялись к наступлению сухого периода и разгородили скалистыми заборами древнюю страну Монгольского плоскогорья. Воды с этих хребтов не смогли уничтожить верхний покров рыхлых осадочных отложений с остатками ископаемых животных. Когда хребты поднимутся еще выше, выйдут за снеговую линию, покроются ледниками и начнут питать многочисленные ручьи и реки — тогда палеонтологические сокровища Монголии быстро исчезнут. В настоящий момент грозные хребты Гоби только стоят на страже этих сокровищ.

...Экспедиция прекратила работу. Во дворе базы выстроилась вся доблестная автоколонна, защищенная брезентами, досками и фанерой, неподвижная и заснувшая до будущей весны. Я обошел в последний раз наглухо запертый огромный склад со снаряжением, осмотрел высокие штабеля пустых бензобочек и груду оставшихся до следующей экспедиции досок и брусьев. Безлюдно и тихо было в этом месте, прежде оживленном и шумном. Рабочие и шоферы уехали, один Александров остался присматривать за нашим имуществом.

Белесые тучи ползли с заснеженных склонов Богдо-улы. На мерзлую землю сыпался сухой снег, немедленно сдувавшийся резким ветром... Завтра улетал и мой самолет. Завершался одиннадцатый месяц моего пребывания в Монголии. Все мы — участники экспедиции не только выполнили стоявшие перед нами задачи, но многому научились и полюбили эту страну, где испытали уже много радостей, огорчений, труда и забот. Двое из нас — Шкилев и Рождественский — тяжело переболели здесь, один — в начале экспедиции, другой — в конце ее, но, как и все другие, уже думали о предстоящем новом годе экспедиционных работ.



«С добрым подружиться — путь луны пройти».

Поговорка

ГЛАВА VIII. НА ДАЛЬНИЙ ЗАПАД

Новый экспедиционный год наступил так быстро, что мы едва успели управиться с делами по разборке коллекций и обработке полевых наблюдений в Москве. На этот раз мы запоздали и начали подготовку к полевым работам только с мая 1949 года в Улан-Баторе. Экспедиция выехала почти в том же составе, как и в 1948 году. Малеев поправился за зиму в Москве и опять ока-

зался в нашем коллективе. Новым членом экспедиции был кинооператор Н. Л. Прозоровский — бывалый путешественник, оказавшийся отличным товарищем и неутомимым работником.

В начале июня мы приступили непосредственно к исследовательским работам. Рождественский выехал из Улан-Батора во главе отряда, чтобы начать изучение местонахождений на крайнем западе республики. Я оставался временно в Улан-Баторе вместе с Новожиловым из-за досадного нездоровья — «прострела», полученного во время перелета из жаркой Москвы через холодную Сибирь.

Еще в 1932 году геолог Е. Э. Разумовская посетила впадину озера Бэгер-нур («Почка-озеро») в Гоби-Алтайском аймаке. Исследовательница была поражена количеством костей ископаемых животных: носорогов, мастодонтов и трехпалых «лошадей» — гиппарионов. В задачу отряда Рождественского входило обследование и раскопки Бэгер-нурской котловины. Отсюда его отряд должен был пройти в огромную впадину Шаргаин-Гоби («Палевая Гоби»). Края впадины составляли обширные лабиринты размывов красноцветных пород гобийского типа. В них могли залегать богатые местонахождения, и у нас были все основания ожидать новых и интересных находок.

Рождественский собирался организовать опорную базу с запасами горючего, продовольствия и упаковочных материалов в центре Гоби-Алтайского аймака — Юсун-Булаке («Девять ключей»). Сюда должны были подойти машины моего отряда и, в зависимости от результатов раскопок в Бэгер-нуре и поисков в Шаргаин-Гоби, двинуться дальше на запад, к гигантским озерам Хиргис-нур («Киргизское озеро») и Хара-усу («Черная вода»). Между этими двумя озерами существовала протока, по которой воды озера Хиргис-нур перетекали в озеро Хара-усу. Быстрые воды протоки преграждали путь всем животным, которые должны были предпринимать обход на многие сотни километров вокруг того или другого из озер, чтобы пройти на юг или, наоборот, на север. Только волки перебирались через протоку. Поэтому она получила меткое народное название Чоно-Хайрих («Волчий прыжок»).

Крутые берега Чоно-Хайрих сложены красноцветными отложениями, заключающими кости третичных млекопитающих, как и в Бэгер-нуре: мастодонтов, носорогов, гиппарионов. На старом Хобдосском тракте, поблизости от великих озер, экспедиция геолога И. П. Рачковского открыла невысокую гряду Оши с остатками таких же животных. К огромным озерам мы и должны были направиться из Юсун-Булака. По дороге следовало осмотреть Дзергенскую котловину, где тоже могли быть ископаемые животные.

Еще в Москве мы мечтали побывать на великих озерах запада Монгольской Народной Республики. Особенно ярился Эглон —

страстный рыболов. По сведениям наших путешественников, озера эти пресные и очень богаты рыбой. Легко понять энтузиазм, с которым Эглон готовил к путешествию 1949 года резиновую лодку, бредень, удочки. Но судьба, как это мы увидим, разрушила все мечты.

Кроме великих озер Монголии, мы еще с прошлого года стремились увидеть знаменитого Менгэн-Тэмэ («Серебряного Верблюда») или Менгэн-Дэш («Серебряную Наковальню»). В горах Байтак-Богдо, на западной границе МНР (Синцзян-уйгурский автономн. р-н КНР), на широкой равнине между двумя параллельными хребтами лежит огромный камень, отливающий серебром на сглаженных и отполированных ветром выступах. Это не камень, а сплошная глыба железа — судя по цвету, с большим содержанием никеля,— очевидно, гигантский метеорит. Его еще не осматривал ни один специалист, но если размеры глыбы не преувеличены очевидцами, то «Серебряный Верблюд» — один из величайших в мире метеоритов. Я предложил Метеоритной комиссии Академии наук взять с собой их сотрудника и доставить его к месту залегания метеорита. Метеоритная комиссия размышляла над этим простым делом так долго, что мы не дождались ее решения до конца экспедиции и этим ожиданием упустили время, когда смогли бы побывать там сами. Будем надеяться, что «Серебряный Верблюд» — возможно, величайший метеорит Азии — все же скоро удостоится внимания тех, кому надлежит этим заниматься!

Приключения отряда Рождественского описаны в его книге «На поиски динозавров в Гоби», в ней же приведены данные о его маршруте и работах. Чтобы не повторяться, я буду говорить лишь о своих впечатлениях. Две недели спустя после отъезда Рождественского, 21 июня 1949 года, я выступил из Улан-Батора на трех машинах: «Волк» и «Дракон» были ветеранами экспедиции, третья машина — полуторка ГАЗ-АА, названная «Олгой-Хорхой» по имени страшного червяка гобийских легенд, была взята нами специально для работы в ущельях Алтан-улы на «Могиле Дракона». Управлял ею рабочий прошлой экспедиции, здоровенный Коля Брилев, получивший за зиму шоферские права. Новожилов облюбовал себе эту машину. «Иван Козлиный» (Александров) упросил взять его в маршрут в качестве рабочего и помощника Безбородова. «Дракон», по нашим расчетам, должен был идти обратно в Улан-Батор сразу же из Юсун-Булака. Еще одним новым членом нашей экспедиции стал только что прибывший из Москвы юный препаратор И. А. Дурненков — очень старательный, работящий и веселый паренек, пришедшийся по душе всему коллективу экспедиции.

Под дождем мы выехали на Сухэ-баторское шоссе и на двадцать втором километре свернули налево, на Арахангайскую дорогу. Сильный дождь перешел в град. Похолодало. Хмурая погода

длилась до самого вечера, пока мы ныряли по зеленым холмам с перевала на перевал. К вечеру мы спустились в огромную котловину заросших песков, прошли автостанцию Хадассан («Частокол») и остановились на ночлег, сделав около двухсот пятидесяти километров. На следующий день мы должны были добраться до центра Архангайского аймака — города Цецерлэг («Цветок»), но ничего не получилось. При переезде через речку «Волк» завалился в трясину. Мы провозились с ним около трех часов и доехали только до озера Угэй-нур («Источниковое озеро»).

Угрюмые тучи нависли над нами, посыпался град. Стало холодно, темно; по дороге, покрытой белым слоем льда, потекли мутные ручейки. Мокрые холмы, ухабистая, залитая водой дорога — вид был совершенно, как в подмосковном проселке в ноябре. Но за перевалом из-за тучи появилось синее небо, и мы спустились в низину, где множество круглых луж на желтой дороге казались зеркалами синего стекла — так ярко отражали они небесную синь. Множество мелких белых цветов рассыпалось среди зеленых полян полыни. Озеро Угей-нур, около десяти километров в длину, было как бы разделено на три части.

Середина — в тени облаков — графитно-серая и шероховатая от ветровой ряби. Оба конца озера гладкие, без ветра, блестели синевато-зеленым стеклом. За озером потянулись низкие гранитные увалы, а справа от дороги поднялся довольно высокий хребет. Между увалами — широкая долина речки Цецерлэг, очень похожая на среднеазиатскую речушку, заросшая ивняком и высокими тополями, засыпанная крупной галькой, сверкавшей на солнце, как темное стекло. Казалось, что милионы бутылок разбиты здесь на огромном пространстве. В сырых ложка́х между холмами появлялись яркие синие поля незабудок, иногда окаймленные огненно-желтыми лютиками. Название города и речки — «цветок» — оправдывалось. Склоны ближних гор тоже испещрены белыми точками цветов и выглядели очень нарядно в ярком солнце. При подъезде к Цецерлэгу встретились узкие хребтики, усаженные пирамидами голого камня на равных расстояниях друг от друга, совершенно точно воспроизводившие спины доисторических ящеров — стегозавров.

На одном из перевалов мы обогнали двух верховых охотников со старинными ружьями и сошками за плечами. Охотники гнали трех сарлыков, а один вез поперек седла маленького белого

сарлычонка. Тот покорно лежал и, поднимая свою до комичности короткую и тупую, почти кубическую мордашку, бесстрашными черными глазами провожал наши машины.

Цецерлэг — самый приятный из всех виденных мною аймаков. Это настоящий городок, есть и двухэтажные каменные постройки. Много домов с садами и кустарниками в палисадах, везде заборы из распространенной и в Улан-Баторе неокоренной лиственицы. Над городком господствуют серые кручи гор — обнаженные скалы, кое-где утыканные редкими лиственицами. У этих круч — большой монастырь с четырьмя храмами тибетской архитектуры. Теперь от них остались только пустые стены, окруженные множеством крохотных деревянных домиков — отдельных келий. Над монастырем, на середине высоты скалистой кручи, большое изображение бурхана — Будды, высеченное внутри овала из какой-то удивительно прочной красной краски, покрывающей поверхность скалы. Рядом еще два меньших изображения.

Перед Цецерлэгом — округлый зеленый бугор, совершенно скрывающий аймак с востока. Но стоило нам подняться на его вершину, как весь городок оказался прямо под носом. Сразу за аймаком, на западе, начинался подъем на перевал. С левой стороны к дороге подходил чудесный свежий лес — лиственицы, изредка кедры с полянами, усеянными желтыми и белыми цветами.

Необычайно длинный извилистый спуск за перевалом привел нас в горную долину. Густой лес хмурился с обеих сторон дороги. Кричала кукушка, верещали сойки, и стало казаться, будто мы совсем не в Монголии — настолько слился для нас облик страны с гобийскими пустынями. Спуск продолжался двадцать четыре километра. Дорога, покрытая ярким охристо-желтым песком, вилась по свежей зеленой траве вдоль темной стены леса с пятнами заледеневшего снега в тенистых местах. Наконец горы расступились, и мы выехали в широкую безлесную котловину. Опять встретились среднеазиатские речные долинки: широкая галечная россыпь, вдоль русла — заросли тополей и у самой воды — ивняка. Деревья росли прямыми рядами, как будто нарочно посаженные. Кое-где виднелись белые домики, и повсюду — много юрт. Дальше лес занимал лишь северные склоны. Иногда деревья торчали частоколом на самом гребне хребтов иногда лес спускался почти до подошвы гор. Большое впечатление оставила одна гора, могуче возвышавшаяся над дорогой на краю широкой равнины. На верхушке горы — гряда обнаженных скал, с северной стороны которой висел над кручей маленький клок леса,— низкие раскидистые лиственицы.

Безлесные горы Хангая другие, нежели горы Гоби. Тут мало голого камня — это мягкие по очертаниям увалы, сплошь заросшие редкой бледно-зеленой травой. Природа Хангайских гор оправдывает название «Хангай» («обильный», «сытый»).

Здесь даже обнаженные скалы округлы, с выпуклыми боками, сглаженные ветром, добродушного светлого цвета. Кажется, что самые горы — сытые. Гобийские скалы ощерены, со впалыми боками, почерневшие от пустынного загара — у них действительно голодный вид.

Вдалеке перед нами — серые пологие купола высоких гольцов. Их склоны, как рубцами, были покрыты косыми висячими долинами, в которых лежал снег. Белые ребра гольцов сияли неимоверно ярко в голубой небесной дали.

Множество сарлыков встречалось на нашем пути, и мы хорошо познакомились с этими интересными животными. Прежде всего привлекали внимание их пушистые лошадиные хвосты. Они уморительно задирали их вверх, и тогда пышные султаны жестких волос развевались по ветру, как флаги. Хвосты яков имеют серьезное биологическое значение, служа сигналами, необходимыми для стадных животных, чтобы издалека распознавать своих ближних и двигаться один за другим в темноте и в бурю. Для этой же цели служат, например, белые «зеркала» на заду у оленей, антилоп и других животных. Фигура сарлыка своеобразна и отлична от обычного рогатого скота, особенно когда животные пасутся. Шея у яков посажена сравнительно низко, передний край холки отвесный. Очень забавны скачущие сарлыки. Они мчатся прыжками, высоко задирая хвост. Самые большие быки, с шерстью, свисающей от брюха до земли, обычно невозмутимы и неподвижны. Рога яков — велики, тонкие, острые и высокие, часто нелепо закручены — один рожище вниз, другой вверх или вперед. Это придает животным устрашающий вид, хотя и комолые их собратья тоже имеют суровый облик с своими мохнатыми, широколобыми головами и притупленными мордами.

Мы ехали после заката, стараясь дотянуть до станка Хурмэин («Базальтовый»), расположенного среди цветущих незабудками и лютиками мочажин в небольшой котловине у входа в грозное ущелье. Вечер становился все холоднее, и хотелось заночевать в доме. Однако помещение станка оказалось занятым рабочими геологической экспедиции. Мы повернули на широкий склон долины и по крутому подъему подъехали к самой опушке корявого низкого леса.

Тепло большого костра заменило нам ночлег под крышей. Только вставать утром было трудновато: ночью хватил порядочный мороз, и все покрылось инеем. Почему-то я долго не мог заснуть. Глядя на освещенный луной склон гигантской горы на противоположной стороне долины, я смотрел, как удлинялась ее многокилометровая тень, и думал о пройденном пути.

Около Арахангая я видел такие же отложения, как и в Южной Гоби около Ноян сомона. Мощные пласты глыбовых песчаников, чередуясь со слоями углистых сланцев и массивами конгломератов, образовывали исполинскую толщу континентальных пород.

Теперь для меня было ясно, что американские геологи, назвавшие эти отложения «серией Цеценван» (по китайскому названию города Цецерлэг), допустили серьезную ошибку, определив возраст их как юрский. На самом деле толща континентальных пород около Арахангая относилась к концу палеозойской эры и, вероятно, к эпохе нижней перми. Здесь породы имели несколько другой вид, чем в Гоби, так как не были покрыты коркой черного пустынного загара. Обширные массивы базальтов, долеритов, порфиритов и других основных эффузивных (излившихся на поверхность земли) пород свидетельствовали о столь же сильном вулканизме, как и в Южной Гоби. Я уверен, что в области развития Арахангайской толщи должны найтись древние вулканические конусы.

Мы не успели отъехать и нескольких километров от ночлега, как нас встретила сплошная наледь, вытянувшаяся вдоль дороги у русла реки. Резким, пронизывающим холодом дуло по ущелью. Здесь, в тени огромной горы, было мрачно, и мы попали сюда с солнечного плато совершенно, как в погреб. Начинался подъем на громадный перевал, называвшийся Ихэ-даба («Великий перевал»). Двадцать шесть километров поднимались мы по убийственной дороге из гранитных плит, по ребрам крупных камней и россыпям остроугольных кусков кварцевых и диоритовых жил. Спуск был не лучше и еще более длинен. Машины, неистово раскачиваясь и содрогаясь, тащились на второй или третьей передачах. При каждом резком толчке нога шофера невольно сильнее прижимала газ. Машина отвечала на это более сильным воем передач. Совпадение толчка и воя давало полное впечатление живой реакции измученного существа. Наполненные бензином бочки глухо рокотали в кузове, и обычные опасения все сильнее беспокоили меня. Течь в протершихся бочках, попадание бензина на раскаленную выхлопную трубу и страшный пожар машины — вот о чем не перестаешь думать, когда везешь бензин в бочках в дальнем маршруте и по плохой дороге. А здесь, на страшных камнях высоченных перевалов, эта тревога особенно вырастала.

У высшей точки перевала стояло обо в несколько метров высоты — куча камней в десятки тонн весом. Со всех сторон нас обступили исполинские платообразные гольцы — удивительно ровные столовые горы. У крутых, как ножом обрезанных, краев их плато в каждом углублении склона сверкали снеговые пятна. Кое-где виднелись остатки размытых корытообразных долин, или отрогов, и широкие полуцирки, называемые геологами «кары», врезанные в верхние края столовых гор. Это означало, что здесь когда-то были горные ледники, вероятно, в эпоху более влажного климата.

Еще долго шла безотрадная дорога по большим белым камням, как по костям. Еле ползущие машины выли и содрогались, как в судорогах, под холодным резким ветром и бледным высоким

небом. Потом светлые граниты сменились красными роговиками и кремнистыми сланцами. Камни стали мельче, но перевалы, хотя и менее высокие, шли один за другим. Русла полувысохших речек пересекали дорогу. Заваленные крупной галькой, серой вперемешку с белой, они казались полосами грубой ткани.

Мы с Вылежаниным ушли далеко вперед и остановились на самом верху перевала, чтобы подождать отставших товарищей. Отойдя в сторону от перегретой машины, мы растянулись на земле. Позади нас, на востоке, далеко вниз уходила извилистая долина и без конца тянулись гряды низких безлесых гор вплоть до ровной стены гольцов. Впереди, на западе, горы становились ниже, и удаленная равнина тонула в дымке нагретого воздуха. По сторонам уходили за горизонт слабо всхолмленные зеленые равнины плоскогорья. Поразительное одиночество и пустота как бы отрезали нас от всего мира. Одинокая машина на высоченном плато стояла наедине с небом и облаками, ползущими на уровне земли. Это незабываемое зрелище могло служить символом борьбы человека с бесконечными просторами Монголии.

Наконец показались наши машины, и мы покатились вниз с большого спуска к невысоким хребтикам, заросшим травой и сплошь утыканным пирамидами и конусами черного камня. Местность начала принимать гобийский вид. Исчезли все следы леса, почва стала сухой, речки встречались все реже, появились скалы с черным пустынным загаром. Гладкая дорога позволила развивать ход, и мы быстро достигли Дзаг сомона. Уже само название — «саксаульный сомон» — говорило, что мы покинули пределы Хангая.

После ночлега у колодца Цаган-Тологойн мы приблизились к долине реки Дзабхан. Вдоль северной стороны долины шли поразительно пестрые низкие горы с разнообразными конически-ступенчатыми формами. Вскоре в еще прозрачном с утра воздухе стали видны постройки Цаган-Олома. Цаган-Олом («Белый брод») стоял на самом берегу реки Дзабхан. Настоящая хорошая река с прозрачной и мягкой водой с шумом бурлила на перекатах, обещая замечательное купание. Однако как раз для купанья-то и не было времени: мы хотели сегодня же поспеть в Юсун-Булак — теперешний центр Гоби-Алтайского аймака. Впрочем, когда стих ветер, налетело множество кусачей мошки, и желание купаться поостыло.

Наскоро пообедав в местной столовой, мы отправились по хорошей дороге прямо к югу и через сорок пять километров прибыли в аймак. Он стоял в безотрадном месте. Жители испытывали сильную нехватку воды и страдали зимой и осенью от неистовых ветров. Все признавали, что аймак поставлен неудачно. Его прежнее расположение в Цаган-Оломе было несравненно удобнее. Последний стоит на перекрестке разных дорог, на большой реке,

а в смысле приближения к своим районам сорокапятикилометровое расстояние от Цаган-Олома до Юсун-Булака — совершенно пустяковая выгода, по монгольским масштабам.

В полутемном строении мы нашли Петрунина и рабочего Илью Жилкина, уныло валявшихся на груде запасного снаряжения. В письме Рождественский сообщал, что на Бэгер-нуре его постигла неудача. Местонахождение, столь расхваленное геологами, на взгляд палеонтолога оказалось очень бедным, хотя и содержало какие-то новые, еще неизвестные науке виды. Раскопки за несколько дней дали незначительное количество костей носорогов и обломок черепа мастодонта. Этого было достаточно, чтобы установить геологический возраст и условия образования местонахождения. Только накануне нашего приезда отряд Рождественского ушел из аймака по прямой дороге в Шаргаин-Гоби.

Взвесив все обстоятельства, я принял решение — перенести базу в Цаган-Олом и затем выйти наперерез Рождественскому по Хобдосской дороге и заехать в Шаргаин-Гоби с запада через Тонхил сомон («Находящийся в выемке»). Немедленно погрузившись, мы сдали помещение, поблагодарили хозяев и к вечеру пришли в Цаган-Олом. Пока искали начальство, совсем стемнело. Наконец получили помещение под базу — длинный глинобитный дом, недалеко от берега Дзабхана. Устраивались уже ночью, в полной темноте, и только во втором часу утра закончили этот многотрудный день.

Двадцать шестое июня мы простояли в Цаган-Оломе, устраивая базу и распределяя грузы. «Дракон» и «Кулан» отправились в Улан-Батор с грузом коллекций, пустых бочек и лишнего снаряжения. Со мной, кроме «Волка», осталась только полуторка — «Олгой-Хорхой». Чтобы избежать убийственной дороги через Арахангай, я направил наши машины в Улан-Батор по южной дороге, через Баин-Хонгор и Убур-Хангай. Расчет был правильным — машины дошли легко и быстро. На Цаган-оломской базе оставили Дурненкова и с ним одного рабочего — наиболее молодого и слабосильного. Дурненков приуныл. В самом деле, сидеть здесь и «куковать» на складе в почти пустом поселке, в девятистах пятидесяти километрах от Улан-Батора, было совсем невесело. Выяснив, что у какого-то из местных жителей имеется гармонь, Дурненков немного повеселел. Вечером, уже в темноте, после окончания всех работ шоферы решили купаться. Я сидел, покуривая козью ножку, и поджидал Новожилова, искавшего мочалку для купанья. Внезапно сквозь тьму с реки донесся вопль, затем второй и невнятные испуганные крики. Сердце у меня заколотилось. Я представил, что кто-то тонет в быстрой реке, и бросился к берегу. Где-то впереди журчала река, и узкая полоска воды поблескивала в свете звезд совсем близко. Вдруг я полетел куда-то в темноту, тяжело брякнулся

на песок и оказался у самой воды, скрытой береговой террасой. С нее-то и сверзился Вылежанин, растянув сухожилие на ноге, а затем я, отделавшийся более счастливо. В общем, наш «Волк» захромал и продолжал хромать до самого возвращения в Улан-Батор.

Рано утром двадцать седьмого июня мы направились по долине Дзабхана. Дорога вилась по ущельям и склонам холмов, потом отошла от реки и направилась поперек необыкновенно мрачной котловины. В ней стояли одинокие шатровидные останцы, а с юга высились конические горы с редкими полосами снега наверху. За длинным перевалом началась большая котловина — восточная оконечность Гуйсуин-Гоби («Гоби смерчей», «Вихревая Гоби»). У самого начала впадины находились развалины монастыря Могойн-хурэ («Змеиный монастырь») — целый город пустых стен и станция для проезжавших машин. От развалин монастыря через всю «Вихревую Гоби» виднелась огромная гора Часту-Богдо («Снежная святая») в четыре тысячи двести двадцать пять метров абсолютной высоты. Ее снежный плоский купол как бы парил над затянутыми фиолетовой дымкой плохо различимыми темными склонами. Часту-Богдо представляла собою форпост снеговых гигантов Монголии, выдвинутый далеко на юг, в область Гоби. К середине дня над горой собрался облачный покров и повис над ней неподвижной плоской тучей, так же как над Ихэ-Богдо.

«Вихревая Гоби» — это огромная, совершенно плоская и поразительно жаркая впадина. В центре котловины — остров страшных пухлых глин, и вообще вся подпочва этой Гоби — глинистая. Нигде — ни признака воды, ни сухого русла. Только жаркие ветры гуляли, вздымая пыльные смерчи, на всем стокилометровом протяжении Гуйсуин-Гоби. Вдалеке на севере в тусклом мареве виднелись цепи гигантских барханов подвижных песков Монголын-Элисун — «Монгольские пески». Они казались палево-желтыми, словно накаленными на подножиях черного мелкосопочника.

Дорога здесь была хорошая, и машины неслись, отсчитывая безотрадные километры и приближаясь к концу этой жаркой пустыни. Обычная для монгольских дорог «гребенка», т. е. поперечные валики и выбоинки, заставляла нас вилять из стороны в сторону, выбирая менее тряские участки. Простора для езды здесь было много, и Вылежанин небрежно поворачивал руль, чему-то ухмыляясь про себя. В этом году он не отпустил бороды, и его узкое «староверческое» лицо не было столь представительным, как в прошлую экспедицию.

— Вспоминаете вчерашний полет с террасы? — осведомился я.

— Нет, я все думаю о вчерашнем разговоре.— Вылежанин подразумевал нашу вечернюю беседу. Я рассказывал, какие

задачи стоят перед нами здесь и каких вымерших животных мы будем тут раскапывать.

— Так что же вас веселит? — заинтересовался я.

— Если кому сказать, куда едем и зачем! Вот, скажем, спросит кто-нибудь встречный. А ему так, по чистоте сердца, и ответить: в Хобдо за носорогами и за жирафами. Это будет правда? Правда! А от такой правды за сумасшедшего примут! В лучшем случае скажут — ну и брехун!

Я подумал, что если бы действительно, без подробных разъяснений, объявить, что мы едем добывать здесь носорогов, жирафов, мастодонтов, то, кроме смуты, такое сообщение ничего бы не вызвало. А ведь мы рассчитывали добыть именно эти породы животных, только ископаемых...

Из-под рыхлых глин показались низкие пологие бугры черных коренных пород — «Гоби Смерчей» окончилась. С бугров открывалась перед нами обширная котловина Баин-Гола («Богатая речка»), вся желтая и светлая от высокого дериса. Котловина подходила к подножию Цасту-Богдо. Дерисовый кочкарник кончался у пологих красных холмов, выше которых поднимались черные ребристые горы первой высотной ступени Цасту-Богдо. Еще выше громоздились грубые глыбы разрезанного ущельями плато. Они высились гигантскими кубами, затянутыми нежно-голубой дымкой, испещренные под верхним краем мелкими пятнами снега. Еще дальше и выше желтели светлые склоны центрального массива, поднимавшегося плоским удлиненным куполом, покрытым сплошной гладкой шапкой ослепительно белого снега. Узкие полоски снегов сползали по дну глубоких ущелий. Вечером весь массив Цасту-Богдо затянулся синей дымкой, и детали уступов исчезли, но снег продолжал быть столь же ярким и чистым и приобрел серебряный оттенок. Будто необычайно плотное белое облако улеглось на синевато-фиолетовом воздушно-легком троне.

В станке Баин-Гол, расположившемся на бугре у скрещения нескольких дорог, мы были ошарашены сообщением, что наши крытые фургонами машины прошли здесь два дня назад, двадцать пятого числа! Эта новость означала, что в Шаргаин-Гоби отряд Рождественского ничего не делал, а попросту пронесся сквозь нее. Впоследствии выяснилось, что Рождественский, узнав от сведущих людей в Гоби-Алтайском аймаке о большом количестве «каменных» костей в Дзергенской («Эфедровой») котловине, устремился туда и попросту бросил работу в Шаргаин-Гоби. Он спасся от ответственности только тем, что ему, действительно, удалось найти крупное местонахождение. Но Шаргаин-Гоби осталась неисследованной и ждет ученых.

Мы направились в Дзергенскую котловину, в погоню за чересчур проворными исследователями. Как на сказочном перепутье, три дороги предстали перед нами. Мне очень хотелось пое-

хать по правой, потому что она шла на перевал с манящим названием Алтан-Хадас-даба («Перевал Полярной Звезды», вернее — «Золотого кола», как эта звезда называется у монголов). Но туда шла старая дорога, в обход Дзергенской впадины, и мы поехали по средней в бывший сомон Алтан-Тээли («Золотой шпенек»), где узнали, что крытые машины прошли дальше на запад. Слева от нас гигантской стеной шел вдоль всей Дзергенской котловины хребет Батыр-Хаирхан («Милостивый Богатырь»), понижавшийся лишь далеко на севере. Его огромные конусы выноса слились в наклонный бэль, по краю которого вилась дорога. Большая ледниковая долина прямо против нас позволяла разглядеть в центральной части хребта плоский снеговой купол.

Мы прошли около четырех километров за поселок Алтан-Тээли и остановились у дороги в зарослях берез. Всех нас порадовала неожиданная встреча с любимым деревом русского человека. Маленький ручеек журчал по мшистым камням, тонкие белые стволы раскачивались на ветерке, а листва шептала нам про родину. Мирно и спокойно стало на душе. Устали мы за этот день порядочно, так как проехали триста пять километров.

Дзергенская котловина была неширока. На восточной ее стороне, на расстоянии двадцати — двадцати пяти километров, поднимался бэль хребта Бумбату-Нуру («Курган-гора»), шедшего параллельно Батыр-Хаирхану. Большие красновато-желтые пятна — размывы гобийских пород — виднелись у подножия Бумбату. Как оказалось, именно там Рождественский обнаружил большие скопления ископаемых животных. Местонахождение было названо по сомону — Алтан-Тээли. Под нами на дне котло-

вины протягивалось к северу узкое болото с кое-где поблескивавшими лужами воды. Чувствуя, что наши товарищи где-то близко, я решил попробовать подать им сигнал ракетами, которыми мы запаслись в этом году. Один за другим два ослепительно белых огня взвились над погрузившейся в ночную тьму впадиной. Эффект был потрясающим. В болоте внизу поднялся надсадный птичий гомон. Кричали утки, цапли, журавли, заухали низкими голосами еще какие-то большие птицы, вероятно пеликаны. Где-то заблеяли и замычали домашние животные. Но товарищи, находившиеся в этот момент в ущельях бэля Бумбату-Нуру, на противоположной стороне котловины, ничего не заметили.

Продолжая путь на север, мы благополучно доехали до Дзерген сомона и здесь получили сведения, что две крытые машины прошли дальше на север. Перебраться на другую, восточную, сторону котловины у сомона, чтобы посмотреть там выходы красноцветов, было невозможно, и мы поехали дальше. В северном конце котловины дорога близко прижалась к хребту. Здесь бэль был узок и покрыт сплошь черным щебнем, среди которого отдельные группы больших угловатых камней сверкали в низком солнце почти ослепительно, как полированный металл. Это сияние черных предметов, столь характерное для Монгольской Гоби, поистине удивительно!

Стена хребта Батыр-Хаирхана необычайно крута и непрерывна. Выше стены — скалистые ребра, двугранные и черные, они тянутся на всю высоту хребта и заканчиваются вверху блюдцеобразными впадинами. По впадинам веерообразно развертываются к вершинам мелкие русла, сливающиеся книзу в одну глубокую долину. В этом месте хребет так близок к дороге, так крут и высок, что его исполинская масса, надвигающаяся на зрителя, кажется почти нереальной — очень уж велика. Впечатление усиливает едва заметная голубая дымка, одевающая склон от подножия до вершины. В этой дымке круча хребта как бы всплывает вверх, над головой. Позади, на юге, хребет теряет свою стенообразную монолитность и рассекается темными глубокими долинами, дно которых снизу не видно и таинственно. Зато сквозь долины видны светлые куполы гольцов со снежными полями. Черные от пустынного загара глыбы камней на конусах выноса означали, что эти выносы — старые остатки древнего, прекратившегося здесь размыва гор. Свежие, современные выносы громоздились высокими конусами, а валуны и щебень на их поверхности были совсем светлыми.

Центр котловины занимала низина с озерками и зарослями камыша. Сотни уток, гусей, розовых фламинго, белых цапель раззадорили наших охотников, однако позорно бежавших от комаров и слепней. Оазис богатейшей птичьей жизни был узок (два-четыре километра), зажатый между бэлями параллельных хребтов.

К северу от Дзерген сомона появилось огромное поле светлых гранитных валунов, разбросанных с почти равными промежутками на пространстве около четырех квадратных километров. Машины наши лавировали между глыбами. Местность казалась сказочной, как будто сошедшей с былинных картин Рериха. В больших камнях, разбросанных по степи на зеленой траве, всегда есть что-то очень привлекательное. Таков типичный для русской равнины ледниковый ландшафт, где испокон веков жили, сражались и умирали наши предки...

Через пятьдесят километров от сомона бэли Батыр-Хаирхана и Бумбату-Нуру сомкнулись, глубокая впадина между ними исчезла. Мы повернули направо, поднялись над дном Дзергенской котловины и через пятнадцать километров достигли гряды Оши («Водопой»), за которой высился хребет Чжиргаланту («Счастливый»).

Вдоль гряды проходил не то канал, не то речка (как мы узнали потом — и то и другое), по которому быстро текла пресная вода из озера Хара-усу. Мы заметили телеграфные столбы на старой Хобдосской дороге и, так как нигде не было видно ни машин, ни белых палаток, решили доехать до озера. За кочкастой низменной котловиной Боро-Дуруни-Ама («Дождливого Облака Пасть») в мутном воздухе засветились воды озера Хара-усу. Но мы так и не увидели всю эту огромную водную гладь. Лишь небольшой залив врезался углом сюда, в безотрадную песчаную равнину, которая, несомненно, раньше была дном этого же ныне уменьшившегося озера. Я сразу понял, что наши мечты о закидывании сетей в озеро порождены незнанием. Отсюда, с юга, подходов к озеру почти не было. Вся прибрежная зона озера имела всего лишь полуметровую глубину с топкой грязью на дне. Становилась совершенно ясной несостоятельность рыболовных стремлений нашего Яна Мартыновича.

Увидев, что дорога уходит в пески, я остановил машину. Вдали показался небольшой верблюжий караван, ползший извилистой цепочкой по однообразной и ровной поверхности впадины. Араты, ведшие караван, утверждали, будто своими глазами видели две крытые машины, проходившие дальше на Хобдо. Что-то было не так. Каким бы прытким ни оказался Рождественский, он не мог без исследования проскочить всю Дзергенскую котловину и миновать гряду Оши. Вероятно, мы гнались за мифом. Я решил набрать воды в колодце, купить у аратов в стоявших неподалеку юртах барана, вернуться на гряду Оши и заняться ее исследованием в ожидании, пока наши товарищи не объявятся сами.

Едва полуторка ушла к колодцу, а мы с «Волком» растянулись под машиной, как услышали надрывный вой мотора. Нас догнали Рождественский и Прозоровский на «Дзерене». Пронин был что называется весь в мыле: они гнались за нами около ста километров. Недоразумение вышло потому, что Рождественский не удо-

сужился поставить у отворота с дороги каменную пирамидку — обо. Он попросту начертил на песке большую стрелу, которую мы на быстром ходу вовсе не заметили. Эта небрежность обернулась нам напрасным шестисоткилометровым пробегом машин. Впрочем, не совсем напрасным, потому что я осмотрел почти весь район наших работ на западе.

После соответствующего, выражаясь по-морскому, «раздрая» мы направились обратно и к вечеру прибыли в лагерь отряда, находившийся в ущельях бэля хребта Бумбату, в семи километрах от автомобильной дороги.

Лагерь был поставлен на краю сухого русла, близ колодца. С таким удобством мы стояли только на Анда-Худуке, в Орокнурском походе прошлого года. В лагере я застал множество «инвалидов». У повара воспалились обожженные сковородкой пальцы, Рождественский хромал, а препаратор Пресняков, прозванный рабочими за любовь покрикивать «комендантом», скрючился от прострела. Один из рабочих — Александр Осипов, бывший гвардеец и снайпер с лихими усами, работая полуголым, сжег кожу на спине и теперь уныло сидел в палатке. Другой рабочий, необычайно могучего сложения, прозывавшийся «Толя-Слоник», лежал в жару без всяких симптомов. К «инвалидам» в последний момент присоединился Новожилов, который стал ссылаться на боли в почках.

На раскопках стали помогать шоферы. Пронин и Вылежанин заменяли также и повара. К счастью, в экспедиции больные быстро выздоравливают. Не прошло и трех дей, как все «инвалиды» поправились, за исключением повара, серьезное нагноение у которого требовало хирургического лечения. Пока, до врача и больницы, его лечили спиртовыми и содовыми компрессами. Только несокрушимый Эглон сиял и цвел по обыкновению, однако и он едва не погиб от... кислого молока. У нас был трофейный немецкий алюминиевый бидон с герметически запирающейся крышкой. Кинооператор, ездивший на съемки в сомон, привез в этом бидоне кислого молока и поставил в палатку. В знойный день бидон очень сильно нагрелся. Пришедший на обед Ян Мартынович захотел полакомиться кисленьким. Едва успел он сбросить защелку запора, как бидон буквально взорвался. Крышка хватила ошеломленного Эглона по зубам, мощная струя простокваши залепила очки и глаза. Мы застыли в испуге, но через минуту все уже весело хохотали вместе с пострадавшим и составляли заговор на кинооператора, чтобы подсунуть ему такой же нагретый бидон.

В первый же момент нашей встречи Эглон стал жаловаться, что у него окончились гипс и доски для монолитов. Я думал обрадовать его сообщением о привозе большого запаса, но Эглон презрительно фыркнул, заявив, что все это ни к чему, так как все находки будут исчерпаны через два дня. Рождественский прямо

завопил от негодования: он считал найденное местонахождение очень богатым. Последующие дни я изучил строение костеносной толщи и выяснил условия образования местонахождения. Рождественский был совершенно прав: Алтан-Тээли оказалось самым богатым из всех местонахождений ископаемых млекопитающих в Монгольской Народной Республике.

Чередующиеся слои желтых песчанистых глин и грубых конгломератов общей толщиной около двухсот метров залегали здесь не горизонтально, а наклонно, смятые в складку при подъеме хребта Бумбату-Нуру. Слой песчанистой глины в середине разреза был особенно богат костями. Прослои конгломератов, торчавшие под углом к поверхности бэля, в размывах образовали длинные гряды, склоны которых составляли более мягкие слои желтых глин. Там и сям, по всей длине желтых гряд, белели кости. Черепа, челюсти, ребра, позвонки, кости лап были беспорядочно перемешаны и нагромождены отдельными скоплениями, как бы кучами, в костеносной желто-бурой глине. Чаще всего встречались носороги из вымершей группы хилотериев, трехпалые гиппарионы, крупные жирафы, реже хищники вроде крупных гиен.

Подобные большие скопления одних и тех же животных объяснялись только катастрофами. На месте Дзергенской котловины около пятнадцати миллионов лет тому назад существовала большая, значительно более широкая, межгорная впадина. Там обитало огромное количество животных: носорогов, жираф и гиппарионов, находивших обильный корм на влажной почве впадины. Время от времени, возможно раз в сотни лет, случались сильнейшие и продолжительные ливни, вызывавшие наводнения. С прилегающих гор во впадину устремлялись потоки воды и грязи, губившие тысячи животных. Остатки этих животных сносились потоками к центру впадины и нагромождались там вместе с массами ила. Таким путем накопилась мощная залежь остатков вымерших млекопитающих, которую мы теперь раскопали. Во время образования Алтан-Тэлли горы, с которых стекали губительные потоки, находились гораздо дальше на востоке, чем хребет Бумбату-Нуру. Этот последний поднялся в совсем недавнее геологическое время, прорезал и согнул в складки красноцветные отложения Алтан-Тээли. И в настоящее время примерно раз в четверть века в Гоби случаются страшной силы ливни. Именно они и размывают бэли хребтов, создают лабиринты ущелий и оврагов в рыхлых, легко разрушаемых породах мелового и третичного периодов. В эпоху образования Алтан-Тээли климат был гораздо более влажным, и сила катастрофических ливней во много раз превосходила современные.

Местонахождение Алтан-Тээли вопреки прежним высказываниям Эглона могло дать коллекций не на четыре бывшие с нами машины, а на четыреста машин. Поэтому следовало провести здесь раскопки, которые полностью загрузили бы наш тран-

спорт, и доставить в Улан-Батор коллекцию, достаточную для полного изучения животных этого геологического горизонта.

Пришлось провести в ущельях Бумбату одиннадцать дней, считая с момента моего приезда. Эглон и Малеев производили раскопки. Новожилов, Рождественский и я бродили по горам, изучая отложения. Кинооператор Прозоровский и наш новый переводчик, молодой студент Уланбаторского университета Туванжаб, составляли особую группу. Почти каждый день они спускались в котловину, добывали лошадей и ездили в окрестные сомоны и баги, чтобы получить киноматериал о жизни монгольского народа в местах, близ которых работала экспедиция. Сообразно своей деятельности Прозоровский и Туванжаб отличались наиболее щегольским видом. Они в своих галифе, спортивных курточках с молниями, кепках и начищенных сапогах выглядели очень импозантно среди нас, запыленных, повязанных платками, постоянно испачканных в пыли и глине.

Туванжаб — такого же юного возраста, как наш прошлогодний переводчик Очир, держался гораздо более уверенно. Широкое лицо с заостренным подбородком было еще детским, но твердо сжатый рот и прямая осанка делали его старше. Туванжаб любил европейскую одежду, не в пример старомодному Очиру, и в этом сошелся со старавшимся приодеться «при народе» кинооператором. Прозоровский выглядел даже картинно, когда вместе с Туванжабом спускался на лошади к подножию хребта, перед увенчанной снегами величественной стеной Батыр-Хаирхана.

Все другие не бывали в населенных местах. Мало времени оставалось для работы: предстоял еще длиннейший путь возвращения на главную базу в Улан-Батор. Погода не благоприятствовала успешному ведению раскопок. В Южной и Восточной Гоби мы привыкли успешно справляться с главными затруднениями — безводьем, жарой и сильнейшими ветрами. Здесь ничего этого не было, кроме, пожалуй, ветра, но зато нам мешали почти каждодневные дожди. Иногда дождь был настолько силен и продолжителен, что сухое русло, на берегу которого стоял лагерь, превращалось в быструю речку, а передвижение по крутым склонам из размокшей глины становилось невозможным. В проливной дождь с холодом и ветром 6 июля пришлось прекратить всякие работы.

На горах, по всей цепи Батыр-Хаирхана и на Бумбату, выпал снег, серые плотные тучи спустились почти до уровня котловины. Расчищенный нами в ответвлении русла колодец замело песком. Я забрался в пустую машину, стоявшую у края русла, и, завернувшись в одеяло, старался согреться.

Поток желтой воды несся мимо с характерным пощелкиванием и шорохом катящейся гальки. Лагерь будто вымер — все живое попряталось в палатки. Только неутомимые шоферы возились у машин, прикрываясь брезентами. Внезапно из-под моей

машины раздался крик, перешедший в злобный рев и закончившийся разнообразными проклятиями. Испуганный, я выглянул из машины и увидел Пронина, державшегося одновременно за голову и поясницу. Он увлекся работой, но тут порыв ветра свалил прислоненный для укрепления брезента брус, который ударил шофера по ноге. От боли Пронин дернулся, стараясь высвободиться из-под машины, и рассадил спину о кронштейн подножки. Не взвидя света, несчастный водитель вскочил и с размаху треснулся головой о выступающий болт кузова. Это было уже слишком. Наш добродушный «Дзерен» так разозлился на судьбу, что несколько минут вертелся на месте от боли и ярости, походя на умалишенного.

В такой исключительно дождливый день ни у кого из «научной силы» не было занятий, и в палатке шла картежная игра в «короля» или подкидного дурака. Почему-то эти безобидные игры разжигали страсти. Особенным азартом отличались Прозоровский и Рождественский — самый искусный игрок из всех нас. Но едва наступало хоть малейшее прояснение погоды, Прозоровский без отдыха и срока носился повсюду, стараясь наснимать побольше эффектных кадров. Он побывал и в ущельях Цасту-Богдо, и на крутых склонах Батыр-Хаирхана, участвовал в экспедиции Новожилова к развалинам монастыря Сутай-Хурэ («Обитель Мудрецов»).

В районе развалин все подножие Цасту-Богдо было сложено древнепермскими породами, сходными с встречавшимися нам около Арахангая и Ноян сомона. Как и в Ноян сомоне, у Сутай-Хурэ мощные пласты песчаников чередовались с углистыми и глинистыми сланцами. Вся пермская толща имела мощность — совокупную толщину всех пластов — не менее двух километров. Слои были смяты в складки и поставлены почти вертикально, «на голову», как говорят геологи. У подножия Цасту-Богдо не было пустынного загара. Очень светлые песчаники прорезывались черными полосами углистых прослоев и железистых сланцев. Издалека, с высоты, чередование пород казалось шкурой полосатого зверя. Повсюду лежали окаменелые черные бревна — стволы кордаитов, такие же как в Ноян сомоне. Кордаиты, как я уже упоминал, были необычайно широко распространены в палеозойскую эру на южных материках и в Сибири. Эти большие деревья образовали леса на необозримых пространствах, подобные современной тайге северных стран, тоже представленной однообразными деревьями на тысячи километров.

Новожилову удалось найти прекрасные отпечатки глоссоптерисов — очень древних высокоорганизованных растений, близких к высшим — покрытосемянным. Глоссоптерисы возникли и распространились двести пятьдесят миллионов лет назад на южных материках — в Южной Африке, Южной Америке, Австралии, Антарктиде, затем в Индии. Другой важной находкой

Новожилова оказались интересные породы — угольные конгломераты с плоской галькой из окатанных кусочков угля. Перед нижнепермскими отложениями Сутай-Хурэ, так же как и в громадах пермских гор западнее Ноян сомона, мы, палеонтологи, чувствовали себя в преддверии большой загадки азиатского материка. Здесь должны были сохраниться кости самого древнего наземного населения Азии — четвероногих позвоночных.

Находка нижнепермских отложений, состоящих из пород, обогащенных растительными остатками и темными солями железа с флорой южных материков конца палеозойской эры, здесь, в центре Азии, поднимала крупные научные вопросы. Рассматривая эти отложения (названные гондванскими — по стране гондов в Южной Индии) как отложения умеренных климатических поясов, приходилось признать, что климатические пояса нашей планеты в верхнем палеозое распределялись совершенно иначе, чем современные. Гондванские нижнепермские отложения южных материков связывались с Азией через Индию. Другая колоссальная область распространения гондванских отложений с такой же кордаитовой «тайгой» находилась в нашей Сибири, в Тунгусском (правобережье Енисея) и Кузнецком бассейнах, заполненных мощными материковыми отложениями. Развитие таких же отложений в Центральной Азии — Монголии — соединяло гондванские отложения Индии и Сибири, а следовательно, Сибири и южных материков. Получалась как бы гигантская полоса, протянувшаяся с севера на юг от Антарктики до Арктики. Если эта полоса означала климатический пояс, то, значит, климатические пояса верхнего палеозоя располагались перпендикулярно к современным и экватор пермского времени стоял «вертикально», как наш современный меридиан. Следовательно, ось нашей земли лежала в плоскости эклиптики, в плоскости вращения планет вокруг Солнца, подобно тому, как вращается в настоящее время планета Уран. Само собой разумеется, что решение проблемы потребует еще длительной большой работы. Астрономы, пока упорно верящие в незыблемость планетных осей, будут находить всяческие возражения и авторитетно «опровергать» нас, геологов... Как бы то ни было, вопрос был очень интересен и открывал широкие горизонты. Было над чем думать под шум дождя, барабанившего по брезенту машины в лагере на Бумбату.

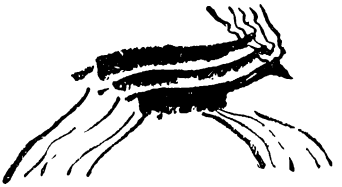
И другие, может быть, не столь крупные, вопросы геологии заставляли заниматься их выяснением. Изучая бэль хребта Бумбату, я заметил на нем три отчетливо выраженных уступа, каждый высотой от сорока до семидесяти метров. Эти уступы проходили вдоль всей котловины на абсолютной высоте от тысячи шестисот до тысячи семисот пятидесяти метров. Хотя во многих местах они были разрушены выветриванием и размывом, остатки их уцелели. Такие же уступы отмечались на гряде Оши, у подножия хребта Чжиргаланту. Я прослеживал эти уступы, все

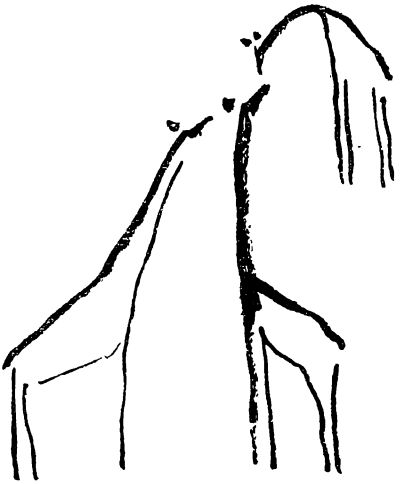
более убеждаясь в правоте географа Э. М. Мурзаева, считавшего, что они являются озерными террасами, т. е. выработаны на склонах гор волнами озера. Значит, когда-то озеро Хара-усу распространялось гораздо дальше на юг, и Дзергенская котловина представляла собой его южный залив. Восточный берег этого залива обрамлял хребет Бумбату-Нуру. Хребты впоследствии поднялись, а озеро сократилось, и теперь террасы, на которых плескались озерные волны, находятся на высоте больше ста метров над дном Дзерганской впадины. После маршрута по Бумбату моя догадка превратилась в уверенность. Я вернулся в лагерь, чтобы вычертить расположение террас на карте и посмотреть их совпадение с границами древнего озера. Лагерь стоял пустой: все, кроме спавшего в палатке больного повара, были на раскопках.

Линии террас легли на карте, как нужно, но я не успел насладиться торжеством ученого. Налетевший смерч сокрушил мою палатку, унес пачку оберточной бумаги, две алюминиевые сковородки и штаны Новожилова, сохнувшие после стирки. Веревки лопнули, верхний горизонтальный кол переломился, а задний угостил меня по шее в то время, как я прикрыл собой драгоценные дневники и карты. Страшнейшая пыль с пола засыпала мне глаза, нос и рот. Через секунду все кончилось, и я выбрался из-под тяжелой материи ползком. Помочь поставить палатку было некому, одному при ветре это сделать не под силу. Ничего больше не оставалось, как, пользуясь ясной погодой, снова уйти в маршрут.

Рождественский на полуторке ездил к местонахождению Оши. Закончить исследование ему не удалось из-за поломки динамо. Однако он установил, что Оши очень похоже на Бэгер-нур. Там нашлись такие же твердые стяжения из гравия, заключавшие кости животных, большей частью разрозненные. На Оши совсем не было остатков трехпалых лошадей-гиппарионов, зато встречались кости мастодонтов, которых не было в Алтан-Тээли. По-видимому, и Оши и Бэгэр-нур образовались в более постоянных потоках — реках, приносивших издалека остатки животных. На это указывали находки мастодонтов. Эти слонообразные, на самом деле по строению зубов более близкие к свиньям и бегемотам, животные были обитателями рек. Только самые последние (американские) мастодонты, ставшие современниками человека, по образу жизни сделались совсем похожи на настоящих слонов. Мастодонты, обитавшие в Монголии, были речными или болотными жителями.

Всякому, кто побывал бы на наших раскопках в Алтан-Тээли и увидел целые штабеля носорожьих черепов, залегавшие один на другом в глинах, стало бы легко представить неисчислимое богатство животных на древней монгольской земле пятнадцать миллионов лет тому назад.





«Длинного черного коня
никаким арканом не удержишь»
(река).

Загадка

ГЛАВА IX. ЧЕРЕЗ РАЗЛИВЫ РЕК

Раскопки закончились, но, вычислив вес всего нашего снаряжения, продовольствия, горючего и коллекций, я установил, что можно взять еще около трехсот килограммов. Малееву досталось срочное задание — в оставшиеся два дня найти и раскопать пару хороших черепов. К вечеру того же дня нашлись три черепа носорогов и один — ископаемого верблюда, великолепно сохранившийся. Раскопщики, работая до полной темноты, спешили изготовить монолит. К раскопкам для ускорения вывозки проложили крутой «императорский» (по нашим воспоминаниям

1948 года) въезд, и машины могли грузиться непосредственно на месте раскопок.

Странное зрелище представлял собою наш лагерь в эти пасмурные дни. Бэль хребта Бумбату, на уступе которого стояли палатки,— светлый и желтый, без угрюмой гобийской черноты. Низкие облака с утра стелились по подножию хребта на уровне лагеря, иногда сползая еще ниже к дороге в котловину. Напротив нас Батыр-Хаирхан утопал вершинами в массе облаков, и только фиолетово-темные бэли выступали снизу из-под клубящейся белой массы. Вечером четвертого июля суровая погода порадовала поразительным зрелищем. Низкие клочковатые тучи закрыли все небо над котловиной от хребта до хребта. Вдруг на западе, в тот момент, когда солнце садилось за невидимый горизонт, облачная мгла разошлась и открыла волшебную игру красок. Вокруг лагеря на бэле все казалось четким и обыкновенным, как днем. Хребты утопали в глубокой фиолетовой дымке, а нижние уступы отсвечивали над темной долиной чистым червонным золотом. Золотые краски поднимались все выше, и, наконец, оба хребта сделались отлитыми из золота. Только восточные концы гор остались фиолетовыми — еще темнее и мрачнее от контраста. Из-за холмов бэля с запада взвились в высоту алые языки огня — так окрасились вертикальные космы и столбы туч. Огненная завеса стояла до тех пор, пока от подножия хребтов не поднялась фиолетовая мгла. Только вершины еще золотились. Цвет золота был необыкновенно ярок и чист. Три краски обрисовывали все окружающее — золотая, синяя и фиолетовая. Наконец все угасло, и наступили сумерки.

В последний день нашего пребывания на Алтан-Тээли стало очень холодно. С утра завыл ветер, огромные тучи нависли прямо над головой. На горах снова выпал снег. В панике, что новый дождь опять задержит нас, мы изо всех сил «добивали» погрузку и раскопки. К обеду тучи разошлись. Несмотря на азартный авральный труд, нам не удалось закончить и погрузить «заказной» — последний монолит. Мы с Туванжабом сложили большое обо из обломков гранита и заложили внутрь неизменную записку об экспедиции и местонахождении. Вечером прибыл наш друг Шарын Иэнхорло — единственный арат, посещавший нас в нашем горном уединении. Этот симпатичный пожилой человек пас поблизости стадо и часто приезжал в лагерь, интересуясь нашими работами, расспрашивал о самых различных вещах, от ископаемых костей до устройства автомобилей.

В качестве прощального подарка арат приволок большую упитанную овцу. Хотя его стадо состояло преимущественно из коз, а нам для еды послужила бы и коза, Иэнхорло не мог нанести такой обиды своим русским друзьям. По монгольским обычаям, домашний скот разделяется на тепломордый и холодномордый. Дарить тепломордый — значит, выражать теплую дружбу.

Подарки холодномордого скота вообще не делаются, потому что такой дар оскорбителен. Тепломордый скот — это овцы и лошади, холодномордый — козы, верблюды и рогатый скот. Этот обычай настолько еще силен в Монголии, что, когда в период Отечественной войны монголы посылали скот в дар Советской Армии, то просили пересчитать всех коров и яков по весу на овец и записать, как дар овцами, дабы не дарить холодномордых.

Скот в Монголии имеет и символическое значение для выражения людских чувств и характеров. Овца — символ глупости, лошадь — дружбы, верблюд — покорности, корова — упрямства, коза — злости, хитрости и всяческого сквернодушия.

Иэнхорло попрощался, вышел из палатки, бережно поднял угол нашего спущенного флага и громко сказал: «Уунийг узуулэгч!» (Друг на всю жизнь). Арат вскочил на лошадь и грустный направился вниз по сухому руслу.

Девятого июля мы погрузили последний монолит и в двенадцать часов покинули лагерь. Но после выезда на дорогу пришлось почти час дожидаться «Тарбагана» и полуторку. День был знойным, и мы скучились в короткой тени под машинами. Даже ноги надо было убирать в тень — сапоги накалялись на солнце. Оказалось, что у полуторки в пятидесяти метрах от лагеря отлетел кронштейн задней рессоры — совершенно такая же авария, какая была у нас в 1946 году со «Смерчем», тоже в самый момент выезда. Повсюду замечались следы сильных дождей. Дорога сделалась тяжелой, моторы нагревались. Даже в Гуйсуин-Гоби центральная впадина с пухлыми глинами оказалась затопленной. Озерцо пришлось объезжать, осторожно выбирая дорогу на взбухшей глинистой почве.

Мы ночевали на станции в развалинах Могойн-хурэ и простились со снежными горами (Цасту-Богдо) только на следующее утро. У хозяина станции я увидел тощую кошку — животное, редко встречающееся у монголов. На мой вопрос, почему в Монголии не держат кошек, хозяин улыбнулся и рассказал старинное поверье о собаке и кошке. Собака будто бы каждое утро приходит посмотреть, жив ли ее дорогой хозяин, а кошка по утрам смотрит — не умер ли хозяин. Возможно, что это старинное поверье и сыграло какую-либо роль в отсутствии кошек. Однако, я думаю, дело проще. Кошка при кочевом хозяйстве бесполезна: нет запасов зерна, которые надо охранять от грызунов.

На первом большом перевале мы обнаружили, что плоскогорья покрылись совсем молодой травкой. Со всех сторон торчали зубчатые скалистые горы бледно-серого цвета с пятнами рыжих лишайников. Над ними — низкое холодное небо, сплошь закрытое ровной облачностью — вид очень суровый, но полный какой-то необычной для Монголии свежести. На мрачной равнине с шатровыми останцами я увидел древние могильники. Они настолько

вросли в почву, что были заметны только издалека, с возвышенности. Очевидно, эти гранитные надгробия в виде поставленных вертикально остроугольных глыб или кругов из камней были древнее всех других. Холодное безлюдье продолжалось и дальше. Все мы обрадовались, увидев на небольшом плоскогорье близ самой дороги две недавно поставленные юрты.

Остановка, чтобы покурить, потолковать с аратами и погреться, была оправдана замеченными Малеевым древними надписями. Травянистый склон, подходивший к дороге с юга, круто поднимался к подножию отвесных гранитных скал, а на них, на высоте около ста метров, отчетливо виднелись громадные буквы — не то тибетские, не то еще какие-то неизвестные иероглифы. Прозоровский с Рождественским вошли в раж и вызвались сбегать наверх и исследовать надписи. Я высказал предположение, что, может быть, это не надписи, но его с негодованием отвергли. Не говоря ни слова, я извлек бинокль, направил его на скалы и увидел только трещины гранитных отдельностей. Невооруженному глазу опять виделись загадочные буквы. Я промолчал о своем открытии, чтобы немного охладить ярых спорщиков. Через четверть часа оба явились, взмокшие от пота и сконфуженные. Велико же было негодование исследователей, когда я поднес им бинокль и они смогли еще раз убедиться в отсутствии надписей. На град упреков я хладнокровно отвечал сентенциями о необходимости пользоваться современной техникой.

Однако пора было двигаться дальше. Я вынул часы, было уже четверть одиннадцатого, и предложил садиться в машины. Высунувшийся из кабины Эглон возразил, что мои часы никуда не годятся: у него — пять минут двенадцатого. Решили проверить время. Вся «научная сила» и шоферы извлекли свои часы. Восемь штук этих коварных механизмов показывали самое различное время, с расхождением до одного часа. Лишь на телеграфе в Цаган-Оломе мы запросили Улан-Батор о точном времени и установили, что единственно верными часами обладал Рождественский. Хорошо, что мы не были путешественниками прежних времен, когда точность съемки зависела от верности хода часов!

За мрачной равниной, миновав небольшой перевал, мы попали в круглую впадину — зеленую, ровную котловину, окруженную синими, поразительно яркого цвета горами. Горы имели мягкие очертания, их бэли, покрытые свежей травой, казались аквамариновыми. Цепь густо-синих гор на аквамариновых фундаментах, высившаяся за зеленым простором под хмурым бессолнечным небом, выглядела совершенно сказочной. Впереди над горами виднелся узкий голубовато-стальной просвет — там пролегала долина Дзабхана. При спуске в долину дорога пошла по необычайно черным горам. В отличие от обычных гобийских гор, черных от пустынного загара, эти низкие, сильно разрушенные горы

состояли из насквозь черных пород. Такая внутренняя, а не внешняя чернота сразу чувствуется на взгляд, и мне пришла на память монгольская поговорка: «змеиная пестрота — снаружи, человечья пестрота — внутри»...

На вершине перевала, на маленьких ступенчатых площадках, стояло множество очень острых и высоких пирамидок с узкими основаниями. Это были редкой формы обо, столь же черные, как все зубцы, стены, откосы вокруг. Впереди и внизу в черных воротах уже виднелся сверкающий Дзабхан. По крутому, выпуклому косогору мы стали съезжать в долину. Машина опасно кренилась и раскачивалась. Я заметил, что дорога проведена неладно — нужно было бы немного потрудиться и вскопать косогор.

— Ну кому здесь копать! — с досадой воскликнул Вылежанин, прижимая тормоз. Машина обогнула поворот — и... перед нами около двадцати рабочих усердно вскапывали косогор.

В Цаган-Оломе нас ожидала радостная встреча. Бедняги Дурненков и юный рабочий Никита истосковались от вынужденного сидения и по-детски радовались приходу машин. Немедленно началась перегрузка. Учитывая потрепанное состояние и тяжелый груз наших машин, я решил возвращаться в Улан-Батор не через Арахангай, а по южной дороге, через Баин-Хонгор и Убур-Хангай («Южный Хангай»). Эта дорога не считалась магистральной и не имела мостов через мелкие речки. Поэтому при наступивших дождях был известный риск задержек на переправах. Так оно и оказалось впоследствии. Правда, мы потеряли всего два дня, так как южная дорога была короче.

Мелкий моросящий дождь продолжал преследовать экспедицию. Горы на востоке за Цаган-Оломом стали теперь ярко-синими. Конусовидный мелкосопочник казался издалека скопищем темно-синих или темно-фиолетовых волн. Это всегда бывает в гобийских районах Монголии, когда влажно и пасмурно. Трудно представить себе более яркие и чистые оттенки синего цвета. Этот цвет, именно в его наиболее ярких тонах, больше всего любят в Монголии.

Перед Дзаг сомоном начался длиннейший подъем, незаметный и похожий на плоскость. Машина стала «задыхаться» на третьей передаче и пришлось переходить на вторую. После нескольких километров пути и отчаянных попыток двигаться на третьей передаче мы с Вылежаниным остановились. Осмотрели баллоны, тормозные барабаны, начали гадать, что такое приключилось с мотором. Пока мы дознались, что машина в полной исправности, нас догнал Пронин и принялся издеваться над премудрыми механиками. Лихачев со своим дымившим «Тарбаганом» отстал, и Пронин высказал ядовитое предположение, что Лихачев разбирает мотор, будучи не в силах понять простую вещь. Однако Лихачев скоро догнал нас, высунул из кабины взлохмаченную голову и закричал, сияя застенчивой улыбкой:

— А я уже решил, что мой мотор совсем отказывает! Потом смотрю — нет, вы тоже едва плететесь!

Действительно, такого длинного и незаметного подъема я еще не видал. Машина без разгона становилась беспомощной и еле ползла. Зато с какой поразительной легкостью машина брала с разгона крутые подъемы.

Проливной дождь замыл дорогу, и мы нашли убежище в школе Дзаг сомона. Дождь лил всю ночь и продолжался на следующий день — двенадцатого июля. Сначала мы прошли тридцать один километр по арахангайской дороге, затопленной в глубоких ямах и лужах. Затем отвернули на восток, в ущелье между гор, по слабому следу на россыпях синеватых, в мокром виде — совсем синих, кварцитов. Дорога пошла по дну типичной хангайской долины, покрытой слоем почвы и сплошь заросшей травой. Дно долины тоже было задерновано — это никогда не встречается в Гоби. Крутые зеленые откосы, блестящие от мокрой травы, поднимались по сторонам. Здесь, на большой высоте — свыше двух тысяч метров — серые клочья туч низко теснились по гладким бокам гор. Машины устремлялись в сплошную завесу мглистого дождя по неизведанной дороге.

Весь день шли мы по сказочному царству тумана, в подоблачной стране. Долина сузилась, склоны гор сделались скалистыми, по дну зазмеилась маленькая речка Убуртэлиин-гол («Южная Петлястая»). Слева, на вершинах теснившихся округлых гор, появились высокие обнаженные скалы, напоминавшие циклопические постройки. Клочья облаков проплывали между горами, то закрывая, то открывая таинственные черные башни. Будто, замки, касающиеся в тумане низкого облачного неба, населенные неведомыми обитателями.

Дальше потянулись странные горы, осыпавшиеся мокрыми, холодно поблескивающими плитами синего камня. Ниже по долине у русла речки появились очень плоские зеленые холмики, на вершинах которых круглые или квадратные могильники с вертикальными плитами до двух метров высоты. А у подошвы скал, по обеим сторонам долины, непрерывной цепью тянулись меньшие могильники. И так — на тридцать километров пути! Вылежанин удачно назвал эту долину — «Долиной старой смерти». Ближе к речке, почти на краю ее террас, одиноко маячили среди тумана огромные, по три-четыре метра высоты, грубо обтесанные квадратные столбы красного гранита. Вокруг этих угрюмых памятников — маленький холм из камней, на столбах широкими желобками высечены какие-то знаки — круги, косые линии, очертания заостренного книзу щита.

Странное ощущение возникало при виде этих памятников, стоявших здесь под низкими облаками, забытыми более двух с половиной тысяч лет. Что, какие мысли и желания хотели выразить ими люди того времени? На что надеялись они, предпринимая

такие большие труды? И казалось — вот-вот, сроднясь с древним, поймешь забытый смысл, но машина проходила дальше, и могильник за могильником скрывался в тумане, как бы расплываясь в разделявших нас тысячелетиях.

А вверху плыли и плыли мутные слои облаков, разрывались, показывая стометровые заостренные столбы гранитов, стоявшие грозным частоколом, как зубы дракона. Эти страшные зубы рвали в клочья облака и заграждали им путь. Мотор ревел, машина раскачивалась и тряслась на камнях, холод проникал в щелястую кабину. Капли воды струились по стеклам, еще более смягчая и без того нерезкие в дымке тумана очертания скал и могильников. Огромные грифы тяжко взлетали с могильных камней почти перед самой машиной и, распластав черные крылья, ныряли в низко плывущие облака.

И вдруг за поворотом огибающей скалу дороги открылся простор зеленой равнины, рассеченный последовательно, один за другим, как декорации в театре, прорвавшимися из облаков столбами солнечного света. В одном из золотых столбов стояла на свежей траве белая юрта. У ее двери молодая девушка в голубом шелковом дели держала под уздцы рыжего коня. Ее круглое лицо и темные, как вишни, глаза приковались к нам с радостным удивлением. Необычайное зрелище — процессия огромных машин, спустившихся с гор неизвестно откуда!

Чудесный контраст юной, полной жизни фигурки с красивым конем перед нарядной юртой после отрешенности путешествия по хмурой стране тумана!

Множество серых камней и плит впаялись в почву среди зеленеющей травы. Местами пучки жесткой темно-зеленой осоки еще резче оттеняли их цвет. Безмятежно, не обращая внимания на дождь, паслись журавли. Огромное стадо баранов усеяло крутой черный склон. Внизу стадо сгрудилось плотной белой массой во всю ширину склона. Выше, до самой вершины, овцы казались белыми точками, испятнавшими гору до самого края облачного покрова. Когда большое стадо движется по склону, то кажется, что оно течет, струится.

Большущие собаки внезапно вырвались из гущи стада и с невероятной злобой бросились под колеса, так что Вылежанину пришлось вилять рулем, чтобы не задавить псов, пытавшихся вцепиться зубами в баллоны. Мокрый пастух, верхом на уныло поникшей лошади, помахал нам рукой. После долгого пути в совершенно безлюдной заколдованной стране тысяч древних могил долина создавала впечатление очень населенной.

Дорога взвилась на перевал, и мы очутились в фантастическом мире причудливых гранитных скал: башен, животных, статуй, идолов, навесов. Все — серое, мокрое и в серой же дымке тумана. Слева обнаженный бок гранитной горы был усажен, как щеткой, наклонными конусовидными утесами — получилась не-

вероятных размеров колючая чешуя. Под навесом скалы промаячила священная тибетская надпись синими, черными и зелеными буквами. С другой стороны дороги непрерывной цепью попрежнему шли древние могильники. Между этими древнейшими и старыми отжившими отзвуками религиозных эпох оказались мы на ЗИСах с московскими номерами. Три мира, три измерения времени встретились тут, на подоблачном перевале в далеком пути!..

Под перевалом дорогу преградила вздувшаяся от дождей речка. Крупные круглые камни на дне покачивались бурным течением. У шоферов волосы поднялись дыбом — из всего состава экспедиции только Вылежанин и я имели опыт переправ на машинах через быстрые реки Средней Азии. Короткое совещание в кабине — и Вылежанин бесстрашно повел своего передового «Волка» вниз по течению, пересекая речку наискось. Как всегда, на таких переправах из кабины казалось, что автомобиль крутится и беспомощно сплывает вниз — так сильно впечатление от быстро несущейся под машиной воды. Огромные камни глухо грохотали под колесами, ЗИС кренился и тяжко оседал, но опасная переправа закончилась благополучно и для всех остальных машин. За речкой мы повернули налево, в большую сквозную долину, и к пяти часам прибыли в аймак Баин-Хонгор. Аймак стоит необычайно красиво — на широкой возвышенности среди высоких зеленых холмов. Глядя на него, вспоминались легенды о первых городах наших предков, ставившихся на «семи холмах» среди диких просторов. Повсюду, в ущельях и на зеленых буграх, виднелись древние могильники, хотя и не столь частые, как в долине Убуртэлиин-гола.

На ночевке в аймаке, прислушиваясь к шуму ночного дождя, я снова и снова переживал впечатления от «царства туманов». Существенной чертой скоплений древних могильников было то, что они находятся всегда там, где есть плиты гранита и, кроме того, множество причудливых скал, каменные палатки и скалистые отроги, вдающиеся от гор в степи. Это связано, без сомнения, с тем, что отдаленные наши предки — люди каменного века— искали убежищ именно в подобных местах. Ощущение убежища, передававшееся из поколения в поколение в преданиях, сказках и обрядах, сделало эти места в последующие времена священными. Здесь находили убежище уже не живые люди, как в каменном веке, а мертвецы более поздних племен, широко расселившихся по степям и удалившихся от гор.

К этим размышлениям примешивались другие, более тревожные. Дождь все лил, а на пути было много речек. В самом деле, первое же русло за аймаком встретило нас на следующий день несколькими потоками воды, прибывающей буквально на глазах. Вокруг на горах лежал свежевыпавший снег, а день, как на грех, выдался теплый и ясный. От таяния снегов вода прибывала по сантиметру в минуту. Приступили к переправе с серьезной под-

готовкой. Сняли ремень вентилятора, чтобы его пропеллер не забрасывал воду на мотор. Обмотали изоляционной лентой свечи и крышки трамблеров, закрыли фанерками радиаторы спереди. Машина ЗИС-5, при всех своих превосходных качествах, боится бродов из-за глубокой посадки двигателя и низко расположенного трамблера. С принятыми мерами предосторожности мы лихо переправились через русло, выбросив на берег огромные всплески воды, в которых забарахтались довольно крупные рыбешки. Только «Дзерен» (Пронин поленился снять вентиляторный ремень) заглох посередине русла и должен был просушивать свечи, прежде чем смог тронуться дальше.

По широким зеленым холмам с могильниками мы доехали до следующей речки Харганаик-гол («Речка черных обрывов»). Едва мы спустились в ее долину, как чувство безнадежности охватило нас. Широким разливом быстро мчалась прибывающая вода. Мы принялись исследовать брод, сняв сапоги и шлепая по воде, сначала достигавшей немного выше щиколоток. Впереди выступал Новожилов в своей нарядной кожаной курточке, изящно придерживая пальчиками приподнятые штаны. Пойменная терраса, сплошь залитая наводнением, внезапно окончилась, и Новожилов рухнул в самое русло реки, где вода была выше головы. Отчаянно уцепившись за какой-то кустарник, Новожилов вылез, мокрый до последней нитки, и в тот же момент раздался вопль выше по течению — это свалился в воду водитель полуторки Николай Брилев. Тогда приступили к поискам брода Лихачев и я, предусмотрительно раздевшись.

Широкоплечий, с выступавшими сильными мускулами, Иван Иванович ходил осторожно, переваливаясь, как медведь, на крупных камнях русла. Но вода неслась слишком сильно, громко журча в подмывах и издавая характерное шипение по траве и кустам. В одном месте Лихачева сбило с ног течением. Нигде не нашли брода: в самом мелком месте вода была выше уровня трамблера. Приходилось оставить мысль о переправе. Пока исследовали брод, струя воды обошла позади наших машин и образовала новый рукав. Пойма превратилась в топкое болото, и мы едва выбрались назад на склон долины. Надо было обождать, пока обтают снега на горах.

Машины выстроились в ряд у подошвы широкого склона, по которому вверх к гранитным скалам тянулись могильники. Меня осенила счастливая идея. Двадцать один человек — состав нашего отряда — представляли собою серьезную рабочую силу, и ее можно было использовать для раскопки одного из могильников в помощь монгольским археологам. Опыт раскопки и полученные при удаче материалы могли оказаться полезными для национального музея в Улан-Баторе.

Мы наметили большой кольцевой могильник около тридцати метров диаметром с четырьмя огромными вертикальными глыбами,

установленными против стран света по периметру круга. В центре лежал маленький холмик замшелых камней.

Я произнес короткую речь об археологических раскопках и постарался картинно расписать замечательные случаи находок драгоценных кладов. В каждом участнике экспедиции пробудилась душа кладоискателя. Через несколько минут рабочие, шоферы и научные сотрудники бешено раскидывали камни на холмике. Никогда еще работа не производилась с таким азартом, но холмик оказался предательским. Под насыпью сравнительно мелких камней пошли все более укрупнявшиеся плиты, которые мы отворачивали с большим трудом. Плиты были уложены шатрообразно в четыре слоя, и все промежутки между ними забиты камнями. Последнюю плиту сначала хотели зацепить машиной, но все же соединенными усилиями подняли и отвалили в сторону. Под ней оказалась еще большая плита, в шесть квадратных метров, которую ни ЗИС, ни весь состав нашей экспедиции не смогли бы перевернуть. Пришлось копать рядом с плитой траншею и подходить под нее сбоку.

Непосредственно под плитой в слое рыхлого песка оказался скелет мужчины громадного роста, старше шестидесяти лет. Он лежал на спине головой на запад, с запрокинутым вверх лицом. Странным образом у скелета отсутствовали кисти обеих рук. Вместе с покойником не было найдено абсолютно ничего. Ни одного осколка посуды, обломка оружия, следов каких-либо украшений или одеяний, так как если бы человек был похоронен совершенно голым. Высказывались предположения, что тут похоронили какого-то раба или врага, но, в таком случае, все это гигантское сооружение было бессмысленным. Такие огромные плиты могли перетаскиваться лишь доброй сотней человек, и то под кнутом.

Кости покойника сильно разрушились водой, затекавшей со склона под плиту, но Эглон пропитал их столярным клеем. Мы взяли череп, бедро и необыкновенно массивные поясничные позвонки. Судя по черепу, покойник был не монголом, а представи-

телем европейской расы. С большой осторожностью мы упаковали кости, пролежавшие под плитой около трех тысяч лет, и передали их впоследствии археологам экспедиции профессора С. В. Киселева. Рабочие сильно разочаровались — никакого клада и даже ничего мало-мальски интересного. Как бы то ни было, за день была проделана поистине гигантская работа.

На следующий день мы успешно форсировали речку и, пройдя около восьмидесяти километров, опять застряли перед речкой Туин-гол («Галочья речка»). Эта многоводная речка имела устрашающий вид: больше чем на километр разлились многочисленные протоки с неистово несущейся черной водой. Под чистейшим небом Монголии самые прозрачные реки кажутся темно-синими, почти черными. Четыре часа подряд искали брод, но два главных протока были совершенно непроходимы. Однако вода быстро шла на убыль, и на следующий день можно было попытаться форсировать препятствие. Остановка оказалась кстати. У моей «командирской» машины — «Волка» отломился кронштейн подрессорника, и машина стала крениться на крутых поворотах и косогорах. Усилиями всех механиков удалось устроить хитрое приспособление из бревен, двух кусков старой рессоры и большого количества проволоки, с которым машина благополучно пришла в Улан-Батор. Началась всеобщая стирка (купание состоялось ранее, при поисках брода). Вечером я отправился в геологическую экскурсию вверх по реке и вернулся только в сумерки, застав в лагере полное смятение.

В мое отсутствие к нам приехали гости — несколько аратов. На лошадях гостей наша молодежь устроила скачки. Обогнал всех Коля Брилев, а не в меру азартный Пресняков грохнулся на всем скаку с лошади, уцелев прямо-таки чудом. Седло свернулось под брюхо коня, и тот, напуганный, долго носился по долине, пока не превратил седло в клочья и щепки. Владелец коня — старик — пришел в страшное огорчение. Нервно куря трубку за трубкой, он рассказал, как на этом седле, служившем ему уже тридцать лет, он ездил в Китай, к Тибету и к границам России,— последнее путешествие он проделал с войском национального героя Монголии Сухэ-Батора. В общем, за седло старику пришлось заплатить семьсот тугриков, и Пресняков месяц отрабатывал свою попытку состязаться с аратами в верховой езде.

С утра на следующий день вся экспедиция, за исключением Эглона, Малеева и повара, разделись догола. Эглона освободили от трудной работы по возрасту, Малеева — по больному сердцу, а повара — из-за нарывающих рук. Мы решили поддерживать машины в воде и подталкивать их, что облегчало переправу. С нашими тяжело груженными машинами переправа была нелегким и довольно рискованным предприятием. Рождественский поторопился и, не обладая опытом в переправах, утопил полуторку в глубокой протоке. Мы поспешно спустили груз

машины — бочки с бензином — вниз по течению. Сняли аккумулятор и вытащили полуторку «вручную» на косу. Приходилось торопиться, так как вода снова начала прибывать. Все же мы провозились около четырех часов, пока вылили воду и масло из мотора полуторки, промыли и запустили машину.

Еще две неприятные речки — у Барун-Ульцзейту сомона («Западный сомон знака счастья») и Тацаин-гол («Ракитовая речка») форсировали с хода, даже не снимая вентиляторных ремней, только с замотанными изоляционной лентой приборами зажигания.

Хорошо запомнились два дня — четырнадцатое и пятнадцатое июля, прошедшие в борьбе с водой. Шум несущейся на перекатах воды, боль в глазах от ослепительного блеска солнца на речках, яростный рев моторов, огромные всплески от тяжелых ЗИСов и, главное, дружная, веселая, ни на минуту не ослабевающая работа всех участников экспедиции...

Вода — наша мечта в Южной Гоби — здесь превратилась в опасного врага, но и этот враг остался побежденным.

Еще на спуске в долину Туин-гола на юге вдали виднелась голубая призрачная Бага-Богдо. Теперь на всем пути были прекрасно видны три наших «маяка» 1948 года: Ихэ-Богдо, за ней чашеобразная Тевш (Дунда-Богдо) и угрюмая Бага-Богдо. В стороне Ихэ-Богдо, на скатах последних отрогов Хангая, виднелись огромные базальтовые поля, протягивавшиеся к подножию трех Богдо. Эти черные плоскогорья голубели от марева нагретого воздуха, и казалось, что за остроконечным мелкосопочником сразу начинается сияющее голубое море.

На плоскогорье за Тацаин-голом, на пологих зеленых холмах, торчал высокий зубчатый гребень кварцевой жилы, словно хребет снежно-белого дракона. Повсюду разбросаны куски абсолютно белого кварца, точно снежные глыбы среди зеленой травы. А справа продолжали реять над мрачными базальтовыми плато воздушно-голубые призраки трех высочайших гор Гобийского Алтая, столь хорошо знакомые нам по очертаниям.

Еще две-три речки не были препятствием: вода спала, но нас донимала зловредная мошкара. Для спасения от нее мы остановились на ночлег на вершине перевала в две тысячи двести метров абсолютной высоты у горы Хан-ула. Больше препятствий до Убур-Хангая не было. Но там протекал Онгиин-гол — река, по размерам несравнимая с теми, какие мы едва преодолели. Разлив на Онгиин-голе исключал всякую возможность переправы.

На наше счастье, мост починили, и мы в одну минуту пересекли грозно вздувшуюся реку. Только у края долины оказалась протока, в обычное время сухая. Сейчас вода в ней доходила до колен. Однако «Тарбаган» умудрился получить сильное повреждение: Лихачев сунулся в протоку с хода, машина подняла огромный вал, вода ударила в радиатор, который

Лихачев поленился прикрыть фанерой, погнула лопасти вентилятора, а тот распорол несколько трубок на задней поверхности радиатора. Пришлось снимать его и запаивать трубки. В этом рейсе «Тарбагану» вообще не везло. Он еле полз на длинных подъемах и жег неимоверное количество масла — кольца в моторе сильно подносились. Вчера пробило якорь динамо, а сегодня — новая авария. Четыре часа были потеряны и вместе с ними — надежда доехать завтра до столицы Монголии. Мы остановились на ночлег на гранитном плоскогорье, как раз на месте нашего обеда в 1948 году. Все было на месте — и лужа, из которой тогда брали воду, и незабудки, которые собирала Лукьянова, и угольки от нашего костерчика. Казалось, что мы побывали здесь только вчера — так медленно течет время в монгольских просторах.

На следующий день в заповедном месте у Онгон-Хаирхана, где Прозоровский решил снять несколько кинокадров, мы остановились на обед.

Машины выстроились на равнине у гранитного полуцирка. Большая туча наплывала с запада, оттуда порывами дул холодный ветер. Усталые люди растянулись на земле, я тоже укрылся от ветра под радиатором своего ЗИСа. Разговоры умолкли, ветер монотонно шелестел жесткой полынью. Звонко капала вода из разбитых дальней дорогой радиаторов, и, словно в такт им, кто-то перебирал струны гитары, издававшей редкие звенящие ноты. Совсем рядом высились грозные зубцы Онгон-Хаирхана, и свежий запах молодой полыни затоплял все плоскогорье. Таков был последний рабочий день далекого Западного маршрута. Переночевать пришлось в долине Толы, а назавтра у ворот нашей базы в Улан-Баторе я записал в полевой дневник показания спидометра «Волка» 30297 — 27328 (показание при выезде) = 2969 километров маршрута. И доблестная машина пошла на ремонт в наш гараж во дворе краеведческого музея.

«На последнем верблюде — самый тяжелый груз».

Пословица

ГЛАВА X. МОГИЛА ДРАКОНА

Значительная доля работы, запланированной на 1949 год, осталась позади. Как всегда, это не был тот успех, который представлялся в первоначальных планах. Жизнь внесла свои неумолимые поправки: Шаргаин-Гоби и Чоно-Хайрих остались неисследованными. Правда, было открыто крупное местонахожде-

ние Алтан-Тээли, и восемь тонн добытых из него ценных коллекций лежали на нашем складе.

Теперь надо было браться за главную задачу этого года — раскопки «Могилы Дракона». К ним мы подготовились, как смогли. Две лебедки, тали и длинные тросы для подъема тяжелых плит из ущелья, горные клинья, ломы и молоты для разламывания песчаника составляли наше вооружение. Лесозавод в Иро напилил специально для экспедиции толстые доски и брусья, необходимые для упаковки плит с костями и для настила дороги по песчаному склону на выходе из ущелья. Улан-баторский механический завод отковал нам стальные скобы и накладки, а также заершенные костыли для скрепления брусьев. Напоследок добыли еще двутавровую стальную балку для подвески талей. Снаряженные таким образом, мы могли теперь взяться за «Могилу Дракона».

Попутно с этой работой мы собирались продолжать обследование гигантских размывов костеносных красноцветов как в самой Нэмэгэтинской котловине, так и вне ее — в Ширэгин-Гашуне и в котловине В. А. Обручева. Но более всего меня занимала красная гряда глин и песков, проходившая по центру котловины Нэмэгэту. За предыдущие годы мы нашли здесь ничтожное количество костей, вернее обломков. Но эти находки говорили, что «Красная гряда» содержит остатки очень древних млекопитающих и таких, какие еще не находились в Азии. Если бы удалось обнаружить скопление остатков этих животных хорошей сохранности, то это, без сомнения, явилось бы крупным научным открытием и позволило бы определить геологический возраст таинственных, но, несомненно, кайнозойских красных пород. Вот почему я хотел во что бы то ни стало провести тщательное обследование «Красной гряды» в западной части котловины, где нам предстояло работать. Если бы удалось выполнить всю намеченную программу, то мы могли бы считать год удачным. Тогда на будущий, 1950 год нам осталось бы подробное исследование Восточной Гоби и маршрут к дальнему юго-западу в Джунгарскую Гоби. На этом последнем маршруте мы ликвидировали бы оставшиеся за нами «долги» 1948—1949 годов — исследование Ачжи-Богдо и Шаргаин-Гоби. Продуманные во всех отношениях планы предусматривали все, за исключением одного — работам 1950 года не суждено было состояться...

После очередного ремонта машин — смены рамы, радиатора и переднего моста у «Кулана» и мотора у «Тарбагана» — стало возможным начать перевозку людей и снаряжения в Далан-Дзадагад. Пока ремонтировались машины, от геологов из Восточной Гоби пришло сообщение о находке скелета небольшого ящера в меловых отложениях. Немедленно туда отправился Эглон на «Дзерене» и привез неполный скелет неизвестного древнего крокодилообразного. В Южногобийский аймак поехал Новожилов на

«Драконе» и полуторке с грузом леса. Отослав «Дракона» обратно, Новожилов направился на Баин-Дзак и остался там до подхода всей автоколонны. Новые наблюдения Новожилова привели к очень интересным заключениям.

Оказалось, что американцы, нашедшие здесь черепа маленьких плацентарных млекопитающих, впали в серьезную ошибку. Нам давно казалась сомнительной находка столь высокоорганизованных животных в таких низких горизонтах верхнего мела, как на Баин-Дзаке. Теперь Новожилов установил, что остатки млекопитающих вовсе не залегают в меловых отложениях, а высыпались из вышележащих отложений палеоцена при их размыве. Множество мелких конкреций, среди которых попадаются и конкреции с костями, образовывали прослой среди пурпурных глин и красных песков палеоцена. Почти такие же конкреции, но несколько более крупные и содержащие измельченную слюду, во множестве встречались в верхних слоях меловых песков. При общем размыве палеоценовых глин и меловых песков миллионы конкреций смешались и ссыпались к подножию обрывов Баин-Дзака. Так, кайнозойские млекопитающие были найдены вместе с яйцами динозавров.

Этих последних мы нашли много. Правда, цельные, нетронутые кладки находились крайне редко. Но большие куски скорлупы, видимо от вылупившейся молоди или от съеденных, вернее, выпитых, яиц, встречались гораздо чаще. Мелкие обломки битой скорлупы были найдены нами в громадном количестве — целые прослойки скорлупок залегали среди желтых песков в верхней части обрывов. Еще больше было их на так называемом «Западном Поле», недалеко от старого колодца.

Строение скорлупы было очень различным. Мы находили толстые и тонкие скорлупки, покрытые бугорками, прямыми гребешками, волнистыми бороздками. Все это указывало на принадлежность яиц к разным видам, а вовсе не к одному виду динозавров — протоцератопсов, как это определили американские ученые. Самая принадлежность всех яиц динозаврам встала под сомнение. Крайняя редкость находок ископаемых яиц, современных динозаврам, противоречила массам захороненных остатков и вообще неисчислимому количеству этих животных, обитавших по всей земле. Между тем только в Монголии, да еще в самое последнее время в Северо-Восточном Китае,— только в двух местах мира — были найдены учеными ископаемые яйца. Как бы ни было велико разнообразие условий захоронения, миллионы поколений миллиардов динозавров оставили бы такое множество скорлуп яиц, что она попадалась бы довольно часто. Поэтому напрашивается предположение о наличии у динозавров мягкой, кожистой скорлупы яиц, как у современных змей и ящериц. Твердая скорлупа яиц могла принадлежать крупным черепахам. В настоящее время во многих реках Южной Америки, как,

например, в Ориноко, водится еще невероятное количество водных черепах. Они откладывают миллионы яиц преимущественно на островках и песчаных отмелях. Яйца служат предметом промысла целых индейских племен, которые добывают из них так называемое черепашье масло — ценный пищевой продукт. В меловой период реки, без сомнения, нисколько не меньше, а, пожалуй, еще больше кишели черепахами. Скопления их яиц могли сноситься водой и образовывать прослои битой скорлупы или, оставаясь на месте, залегания целых кладок. Естественно, что у нас возникло предположение о том, что яйца, находимые в Баин-Дзаке, принадлежат нескольким видам крупных водяных черепах. Громадные количества их остатков, как, например, найденный нами в Цаган-уле черепаший слой, говорили о богатстве черепашьего населения в меловой период на Центрально-Азиатском материке. Это предположение не подтвердилось, и американцы оказались правы в отношении принадлежности яиц динозаврам.

Впоследствии сотрудник Института морфологии животных Академии наук СССР А. С. Садов произвел микроскопическое изучение скорлупы яиц «динозавров» или «черепах». Некоторые яйца действительно могли быть черепашьими. Другие же скорлупки походили на птичьи. Птицы — наиболее близкие родственники динозавров. Поэтому и яйца должны были принадлежать мелким динозаврам. Большой интерес вызвало открытие Садовым цветного пигмента на многих скорлупках. Испятнанные пигментом яйца представляют собой приспособление для маскировки яиц под окружающую почву и, следовательно, служат верным признаком открытых кладок. Нашим современным пресмыкающимся, всем их группам — крокодилам, черепахам, ящерицам, змеям — свойственны закрытые кладки: отложенные яйца закапываются в песок или листья. Поэтому все яйца пресмыкающихся одноцветные, белого или очень бледного серого цвета. Пятна окраски на яйцах из Баин-Дзака говорят за еще одно сходство монгольских динозавров-протоцератопсов с птицами, выраженное в устройстве открытых гнезд.

Вот какие вопросы занимали Новожилова во время его одинокого пребывания у «Пылающих скал» Баин-Дзака и колодца Хашиату. Теперь его наблюдения и мысли превратились в печатный труд, опубликованный Академией наук наряду со многими другими работами, посвященными нашим открытиям.

Первого августа в Нэмэгэту выехала первая партия. Малеев, Эглон, Лукьянова, Пресняков и Дурненков должны были вести работы на Цаган-уле, пока мы с Рождественским не подвезем лебедки, лес и прочее снаряжение для «Могилы Дракона». Новожилов, перевезенный с Баин-Дзака в Нэмэгэту, получил особое задание: исследовать «Красную гряду» в ее западной части. Там среди красных глин выступали грубые белые и серые пески, в

которых могли залегать скопления остатков, так как пески отложились в древнем речном русле.

Прозоровский, Рождественский и я оставались в Улан-Баторе. Кинооператор проявлял свои пленки, а мы с Рождественским тосковали по Гоби и возились с отчетностью, которую Академия наук из года в год усложняла. Машины вернулись одиннадцатого августа, и мы собрались в отъезд. Неожиданно к нам прибыл крупный советский археолог — профессор А. П. Окладников. Ученый был приглашен монгольским Комитетом наук для консультации по изучению каменного века—эпохи, по которой Окладников был ведущим специалистом. Наибольшее количество кремневых орудий каменного века встречалось в Гоби, и Окладников обратился к нам, уже считавшимся знатоками тамошних мест. Мы с Рождественским показали профессору кое-что из наших коллекций кремневых орудий, а когда я рассказал о найденной нами недалеко от впадины Оши «мастерской», Окладников пришел в восторг. Еще молодой и необычайно живой, профессор нам понравился. Мы предложили ему ехать с нашей автоколонной до Южногобийского аймака, взявшись показать оттуда дорогу к важнейшим местам находок кремневых орудий. Окладников с радостью принял предложение. Еще больше обрадовался его шофер, только что прибывший из Москвы и опасавшийся неведомой для него Гоби.

Четырнадцатого августа мы, наконец, выступили. Все шло «нормально» — ужасающий ливень с утра, выключившийся накануне, в разгар укладки, электрический свет... В Мандал-Гоби был разгар надома — праздника, и мы оставили там Прозоровского с Туванжабом и «Козлом» для киносъемок. Отсюда Туванжаб должен был вернуться в Улан-Батор, так как истекал срок его отпуска в университете.

Как обычно, у развалин Олдаху-хида нас встретила гобийская жара, тягостная после прохладной погоды в Улан-Баторе. Зной нисколько не смущал нашего нового спутника. Энергичный археолог на каждой остановке бегал по равнине и находил все новые и новые каменные орудия древнего человека. Мы, считавшие себя «стреляными воробьями», только диву давались. Окончательно сразил нас Окладников, когда на всем ходу остановил свою машину и поднял с дороги обломок каменного топора — первого, найденного в Гоби.

Торопясь добраться до аймака, мы долго ехали ночью. На дороге спали птицы — преимущественно копытки. Быстро идущая машина налетала, как буря, на несчастных птиц, перед радиатором взвивалось облако крыльев и перьев, иногда птицы ударялись о радиатор или лобовое стекло. Секунда — и безвестные жертвы оставались позади, а машина мчалась и мчалась вперед без остановки. Иногда лисы метались на дороге в свете фар, а глаза встречных зверей или скота загорались жуткими огонь-

ками. Неистово прыгали на светлой пыли длинноногие тушканчики...

При ночной езде по ровной дороге кажется, что машина идет все время под спуск. За ограниченным светлым пятном фар — темнота и почему-то видится спуск. При подъеме свет разливается вверх по склону, и дорога производит впечатление ровной.

Безлунная ночь веяла холодом, но ногам от мотора было тепло.

В Далан-Дзадагаде мы расстались с профессором Окладниковым и оставили «Кулана» для сопровождения «Козла» с Прозоровским, когда тот придет из Средней Гоби. У «Дзерена» сгорели два генератора — старый и только что поставленный запасной, оказавшийся с браком. Пронин храбро пошел в Нэмэгэту без динамо, на одном аккумуляторе.

Дорога ухудшилась от дождей. Перед Ноян сомоном на дорогу нанесло еще больше песка, чем в прошлом году. Заночевали в сухом русле, не добравшись до сомона, на второй день пути. Ветер всю ночь заносил нас мелким теплым песком, неумолчно шуршавшим по брезенту машин и спальных мешков. Из щелей каменных скал к нам ползли мелкие серые скорпионы.

Понятно, что мы обрадовались рассвету. Щебнистая ровная котловина за руслом озарилась лучами раннего солнца. Сильно выгоревшая растительность (в Южной Гоби в этом году была засуха — черный дзут, в то время как мы мокли под дождями в Хангае и в Западной Гоби) казалась совершенно желтой. У стоявших кольцом гор плавала голубая дымка. Я ехал по хорошо знакомой дороге и думал, что повторные наблюдения, многократные восприятия далеко не всегда ведут к изощрению, детализации, тонкости прочувствованного или продуманного. Очень часто виденное в третий, четвертый, пятый раз уже не вызывает внимания, не находит отклика в душе и безразличной тенью проходит мимо. А в то же время первое восприятие было остро, свежо и верно так, что повторение не смогло ничего добавить. Подобная утомляемость восприятия должна обязательно учитываться при обучении или анализе творчества ученого или художника.

В Ноян сомоне мы задержались по обычным делам: нужны были верблюды для подвозки воды на «Могилу Дракона» и вывозки накопанной «добычи» из узких оврагов Цаган-улы, а также — бараны. Я пошел смотреть на отбор животных и в сотый раз поражался, как помнят и узнают скот араты. Каждый узнает своих верблюдов, лошадей, овец и в тысячном стаде, углядит издалека своего коня в целом табуне. Такая память и узнавание по совершенно неуловимым для нас признакам кажутся чудом. Я пробовал отыскивать даже в небольшом стаде какую-либо только что показанную мне овцу, но всегда оказывался беспомощным. Должно быть, тысячелетний опыт и привычка многих поколений выработали у монгольского народа эту поразительную способность... Ночью ветер как-то особенно заунывно завыл в горах, обступив-

ших сомон. Мне не спалось — одолевали беспокойные мысли. Как выбрать наиболее верное направление дальнейшей работы?

Я вышел из юрты, стараясь не разбудить хозяев. Было самое глухое время — «час быка» (два часа ночи) — власти злых духов и черного (злого) шаманства, по старинным монгольским суевериям. Странные ноянсомонские горы громоздили вокруг свои гребнистые спины. В глубочайшей темноте, затоплявшей ущелье, звонко шелестел по траве и невидимым камням ветер. Сквозь скалистую расселину на юге горела большая красная звезда — Антарес, и звездный Скорпион вздымал свои сверкающие огоньками клешни. Высоко под звездами мчались длинные полупрозрачные облака. Угрюмая местность не испугала, а даже както подбодрила меня. Впервые я отчетливо понял, что успел полюбить эту страну, и теперь душа останется привязанной к ней. Теперь всегда дороги Гоби будут стоять перед моим мысленным взором, и каждая местность будет не просто впадиной, хребтом, сухим руслом, а участком огромного поля научных вопросов, какое представляет собою Монгольская Гоби. Вот, например, на западе, где скрыт во тьме срезанный кратер Ноян-Богдо, за кручами хребтов Тосту и Алтан-улы, за песками Эхини-Цзулуганай, находится море красноцветных пород, для полного исследования которых понадобится не один год. А сколько подобных мест стало известно нам теперь в Гоби!

Дорога «Академии наук», проложенная нами в 1948 году, отлично сохранилась и только кое-где в руслах оказалась перемытой. Уже к трем часам мы прошли Ойдул-худук, или бывший «Лукьян-сомон». Ничего не напоминало о большом лагере, находившемся здесь в прошлом году. Ветер развеял все следы экспедиции, кроме твердо накатанной дороги. Продолжая наш путь на запад, мы прибыли к следующему колодцу, Даацхудук («Большой грязный колодец»), к пяти часам и тут встретили полуторку с Эглоном и Лукьяновой, шедшую на Алтан-улу. Раздались приветственные выстрелы, отчаянно залаяла собака, сопровождавшая Эглона с Улан-Батора. Новости были самые приятные. Прежде всего, Новожилов сообщил с Наран-Булака («Солнечного ключа»), вытекавшего из белых песков в «Красной гряде», что им найдены целый череп, челюсть и несколько костей какого-то неизвестного млекопитающего. Итак, значит, «Красная гряда» уступила настойчивым поискам и появились первые настоящие находки. На Цаган-уле Эглон, Малеев и Лукьянова копали каждый в своем отдельном овраге. Первый добыл множество черепах, а оба последние — каждый по скелету гигантского хищного динозавра. Нашлись и остатки утконосых динозавров и мелких хищников. Малеев уже закончил свою долю и перебрался на Алтан-улу, так как был назначен начальником лагеря на «Могиле Дракона». Мы направились к Алтан-уле все вместе, куда и прибыли к девяти часам вечера.

На плоскогорье бэля мы поставили лагерь не у самых обрывов, близ «Орлиного утеса», на краю сухого русла, где стояли в 1948 году, а на три километра ниже, где наметили спуск для машин. Здесь и был организован Главный, или Перевалочный, лагерь 1949 года.

В течение трех последующих дней мы занимались оборудованием Перевалочного лагеря и лагеря на «Могиле Дракона». Полуторку спустили в сухое русло. На склоне русла была прокопана и выложена толстыми досками подъемная дорога. Уклон оказался настолько крут, что машине нечего было и думать подняться своим ходом. Но это нас не смутило. Напротив дороги установили лебедку, и полуторку под одобрительные крики вытащили наверх двое рабочих. Подъем происходил медленно и занимал двадцать пять минут. Для ускорения мы увеличили диаметр барабана лебедки и стали вытаскивать машину с грузом за шестнадцать минут. Отряд рабочих отправился в ущелье, расширил отмеченные заранее повороты, срыл ступеньки, и полуторка пришла на «Могилу Дракона», к восторгу находившихся там «отшельников». Скоро путь с «Могилы Дракона» представлял собой накатанную фантастическую дорогу по узкому сухому руслу с бесчисленными извилинами, тесными проходами под башнями и гротами из выветрелого красного песчаника. По мере того как машина углублялась все дальше в лабиринт горных ущелий, возникало странное чувство — точно мы вторгались во что-то запретное для человека. И сама «Могила Дракона» — усыпанная чудовищными костями площадка среди оранжевых и палево-бледных уступов мертвого песчаника, нещадно палимого солнцем, казалось, принадлежала той отдаленной эпохе, когда только одни драконы и царствовали на земле.

Теперь огромные плиты, от половины до двух тонн весом, могли быть доставлены по сухому руслу к Перевалочному лагерю, а там подняты лебедкой вместе с машиной и перегружены на ЗИСы для доставки в Улан-Батор.

Восемнадцатого августа подошли «Козел» (с кинооператором) и «Кулан», а на следующее утро Эглон вместе с Прозоровским отправились на Наран-Булак для пробных раскопок найденного Новожиловым места. Самого Новожилова привезли оттуда в Перевалочный лагерь: беднягу схватил свирепый прострел, и я взялся за его лечение.

На «Могиле Дракона» собралось научное совещание, происходившее в эффектной обстановке. Вокруг нас, как безмолвные часовые, стояли башни песчаника, над головами выступал утес ярко-оранжевых песков, а еще выше закрывала полнеба скалистая темно-зеленая круча Алтан-улы. Дымя махорочными цигарками, участники совещания расположились в живописных позах на вздыбленных плитах песчаника, попирая ногами обломки разрушившихся костей.

Материала здесь действительно было много, но совсем неравноценного. Все кости по краю площадки были разрушены выветриванием и морозом. Нам не было смысла их брать, так как восстановление костей потребовало бы уйму времени и усилий. Решили выбрать «Могилу Дракона» лишь частично, взяв только лучший материал — залегавшие в центре площадки скелеты и черепа.

Вечером все собрались в Перевалочном лагере и со смехом вспоминали разные приключения, случившиеся во время нашего отсутствия. Особенно запомнился один поход Новожилова. Нестор Иванович отправился с Цаган-улы в дальнюю экскурсию к западной оконечности Алтан-улы. Он выбрал себе в спутники молодого рабочего Юру Борисова, и тот с охотой согласился. Путешественники вернулись поздно ночью. Борисов клялся, что никогда в жизни он не испытывал таких мучений и что больше он ни за что не пойдет с Нестором Ивановичем. Оказывается, Новожилов, хорошо тренированный для гобийских походов, ошибся в оценке расстояния. До дальних размывов было примерно двадцать пять километров, следовательно, маршрут туда и обратно составил пятьдесят. По жаре, с малым запасом воды, для непривычного человека это было убийственно. С тех пор Новожилов стал внушать нашим рабочим суеверный страх. Только самые крепкие отваживались пускаться с ним в пешие маршруты. Своей мелкой, семенящей походкой Новожилов отсчитывал километр за километром по сыпучим пескам, кручам обрывов, по дну раскаленных сухих русел. Благодаря его героическому походу мы получили сведения, которые иным путем было бы очень трудно добыть ввиду недоступности этого места даже для верблюдов. На дальних размывах Алтан-улы Новожилов обнаружил выветрелый скелет карнозавра, часть скелета зауропода и другие кости.

Очевидно, там мы могли рассчитывать на хорошую добычу при систематическом обследовании и раскопках. Однако у нас и здесь был полон рот хлопот. Помимо основных раскопок на «Могиле Дракона», следовало продолжать изучение «Красной гряды» и хотя бы очень поверхностно осмотреть бесконечные размывы у западного конца Бумбин-нуру и северной стороны Алтан-улы. Кроме того, мы намеревались снова посетить Ширэгин-Гашун. После экспедиции 1946 года мне удалось встретиться с Б. М. Чудиновым и допросить с пристрастием автора мнимого кладбища динозавров. Чудинов уверял, что кладбище динозавров подлинно существует, но находится в северной пловине впадины, а мы в 1946 году изучили только южную. Он снова перечислял свои приметы: останец в виде сфинкса, близ него — широкая тропа, спускающаяся на дно впадины к колодцу между красных бугров, неподалеку множество огромных, никем не исследованных пещер. Действительно, в 1946 году мы подошли к Ширэгин-Гашуну с

юга, останец Цундж — сфинкс — видели издалека в бинокль, а к центру впадины пробились лишь с трудом на разгруженной полуторке. Может быть, на самом деле мы не дошли до сказочного кладбища драконов и обязаны это сделать теперь!

Двадцатого августа закончилась перевозка имущества и запасов на «Могилу Дракона». Над кухонной палаткой поднялся ароматный дымок, лебедка для переворачивания плит и затаскивания их на машину заняла свое место на противоположном берегу русла. Для верблюдов нашли удобное плато, перегнали их туда, и Малеев со всем своим отрядом окончательно перебрался в лагерь на «Могилу Дракона». Я установил код ракетной сигнализации между двумя лагерями (на расстоянии шести километров по прямой) и составил график работы автомашин на все время раскопок.

Ночью прибыл Эглон с Наран-Булака с замечательными новожиловскими находками. Череп с нижней челюстью принадлежал необыкновенному зверю, похожему одновременно на хищника и травоядного, на медведя и носорога из группы страннорогов или диноцерат, до сих пор известной только в Америке. Эглон с Лукьяновой на «Драконе» были отправлены в Наран-Булак для ведения раскопок.

С «Тарбагана» сняли динамо, переставили на «Дзерена». Я на «Дзерене», а Рождественский с Прозоровским на «Козле» направились на последнюю рекогносцировку Ширэгин-Гашуна. Такое построение рекогносцировочного отряда оказалось наилучшим. Тяжелая машина несла на себе запас горючего, воды, снаряжения и продовольствия, достаточный для продолжительного пребывания вдали от лагеря и колодцев. Легковая машина высокой проходимости позволяла проникать в труднодоступные районы и вести подробные исследования. По опыту ширэгингашунского похода мы стали строить в дальнейшем все ответственные рекогносцировочные поездки.

Мы всегда несколько опасались Ширэгин-Гашуна. Эта низкая впадина, защищенная от сильных ветров, была настоящей раскаленной печью. В 1946 году мы попали в Ширэгин-Гашун в октябре и то страдали от зноя, влачась по пухлым глинам и сыпким обрывам. Сейчас, в августе, Ширэгин-Гашун не сулил нам ничего доброго. Однако нами не был учтен совершенно новый фактор — наличие кинооператора. Еще в западном маршруте старожилы говорили нам, что не запомнят лета с такой плохой погодой. Совершенно необычайная для Гоби пасмурность очень мешала съемкам Прозоровского. Так случилось и в Ширэгин-Гашуне. Все дни, за исключением последнего, сопровождались дождями, хмарью и небывалой прохладой, вернее даже холодом. Исследование страшного Ширэгин-Гашуна превратилось в приятную поездку. Я поклялся, что отныне во все наиболее жаркие страны буду ездить только с кинооператорами.

Рано утром мы направились на восток, к выходу из ущелья, стараясь держаться как можно выше по бэлю, несмотря на громадные камни, усеивавшие поверхность плато. Выехали прямо к колодцу у ворот ущелья, набрали триста литров воды и покатили вниз по сухому руслу под сильным дождем. Старый колодец в середине ущелья оказался расчищенным. Близ него стояла юрта, однако ее обитатели отсутствовали. Едва перед нами открылся простор котловины В. А. Обручева (Занэмэгэтинской), как вдали мы увидели голубую и величественную Ихэ-Богдо. Мы спускались по «легингольской» тропе более десяти километров, пока не выехали на выровненную щебнистую поверхность центральной гряды. Здесь мы построили высокое обо, чтобы на обратном пути легче определить место поворота. Невольно я сравнивал нашу прошлую поездку в Ширэгин-Гашун в 1946 году и теперь. Теперь мы шли без проводника, со спокойной уверенностью в своем знании Гоби и умении проводить по ней машины. И действительно, Ширэгин-Гашун был достигнут легко и в тот же день. Машины шли местами по пятьдесят километров в час по увалам, сплошь покрытым мелкой галькой из третичных конгломератов. Грозная и совершенно безводная котловина В. А. Обручева не пугала путешественников. Напомню, что в 1946 году мы шли от Алтан-улы до Ширэгин-Гашуна с неимоверными трудностями два дня — вот что значит правильный выбор пути по гобийскому бездорожью.

Мы остановились у западного края Ширэгин-Гашуна. На следующий день, холодный и дождливый, низкие лиловые облака скрыли все горы. Мы оказались беспомощными, потеряв горные ориентиры, и не смогли выбрать направление на пресловутый сфинкс Цундж. Нет гор — нет и ориентиров в Гоби для мест, не нанесенных на карту. В последний момент перед выездом я внезапно увидел «сфинкса» в бинокль. Но взятое по компасу направление не помогло: надо было объехать выступающий на запад угол впадины.

Заморосил мелкий непрекращавшийся дождь, и мы как бы повисли в мутном, беспросветном пространстве. Спустившись на «Козле» на дно впадины, мы исследовали ее северную окраину. К вечеру погода несколько прояснилась. Я взобрался на одинокую красную горку. С нее хорошо просматривался обрыв Барун-Ширэ, где стояла наша экспедиция в 1946 году, а левее — мрачные холмы Чоноин-Шорголга. Останца Цундж нигде не было видно.

Вечерние тени протянулись к центру впадины от ее обрывистых краев. Ветер проносился почти беззвучно над увлажнившейся почвой. Ни малейшего признака жизни я не заметил на всем огромном пространстве. Только древнее столетнее обо на безвестной горке напоминало о человеке. Кто и зачем складывал его здесь, в забытом углу, в стороне даже от местных колодезных

троп? Печальным покоем повеяло на меня от этой, ниесть когда и с какими надеждами сложенной кучки камней, которую только безлюдье Гоби сохранило во времени. Здесь, на холме, посреди безводной впадины, одолевало тоскливое чувство заброшенности, и я с удовольствием спустился к товарищам, к шелесту мокрых кустов и привычному фырчанью мотора.

В пасмурном облачном покрове на следующий день появились большие порывы, временами позволявшие увидеть горы. Удалось рассмотреть Нэмэгэту, Гильбэнту, Сэвэрэй и, стало быть, ориентироваться. Ихэ-Богдо неожиданно показалась вся в снегу. Вот какова была причина свирепого северного ветра и необычайного холода в огненном Ширэгин-Гашуне!

Двинулись на юг, и внезапно, как из-под земли, выросла черная голова сфинкса. Через полчаса мы карабкались по спине легендарного чудовища, а кинооператор снимал это восхождение. Останец Цундж был совсем не таким большим, как описывал его Чудинов и каким он казался в бинокль. Высота сфинкса не превышала двенадцати метров, длина — тридцати. Эта случайно образовавшаяся в результате размыва скала песчаника была похожа на лежащего с вытянутыми передними лапами и поднятой головой льва. Сходство, в особенности в некотором отдалении, было совершенно поразительно. У самых «лап» Цунджа я нашел грубо отделанное доисторическое орудие из очень темного кремня.

Отсюда начались поиски примет Чудинова. Нашли чуть заметную тропу, спускавшуюся на дно котловины по широкому сухому руслу через подобие ворот в красных обрывах. Справа и слева шли гряды причудливых размывов, внизу щетинился саксаул, и еще дальше, в самом низком участке котловины, краснели пухлые глины. Напротив виднелся обрыв Цзун-Ширэ и, поодаль, Барун-Ширэ.

Все совпадало с приметами, на которых так настаивал Чудинов. Оставалось отыскать колодец, легендарные пещеры, а затем и кладбище динозавров. Мы спустились на «Козле» вниз по сухому руслу, пересекли саксауловую рощу и на ее южной «опушке» среди гигантских песчаных кочек по пятнадцати метров высотой в зарослях тамарисков нашли колодец с чистой, но тухлой минерализованной водой. Он был закрыт козлиной шкурой и завален стволами саксаула. Мы набрали воды для машин и проехали к западу. В изрытых и крутых обрывах обнаружили несколько пещер, из них три глубокие и длин-

ные. Однако пещеры представляли собой простые промоины карстообразного типа в известково-глинистых песчаниках и, видимо, весьма недавние. Ждать здесь археологических находок не приходилось. Итак, пещеры и колодец нашлись, теперь дело было за динозаврами, т. е. за главной целью нашего путешествия.

За два дня — двадцать четвертого и двадцать пятого августа — мы исследовали всю северную часть дна впадины Ширэгин-Гашун. На первых же низких буграх из красных глин и конгломератов валялись кости конечностей мелких динозавров и обломки панцирей черепах. В группе более высоких холмов Прозоровский обнаружил отдельные, сильно выветрившиеся кости конечностей утконосых динозавров. В залегавших ниже слоистых оранжевых пестрых песках Рождественский сделал замечательную находку — полный череп с частью скелета и панциря крокодила. После научной обработки этот крокодил оказался предком современных аллигаторов. Таким образом, находка в Ширэгин-Гашуне говорила, что аллигаторы — азиатского происхождения и что современный китайский аллигатор древнее американских и является потомком древней ветви азиатских крокодилов.

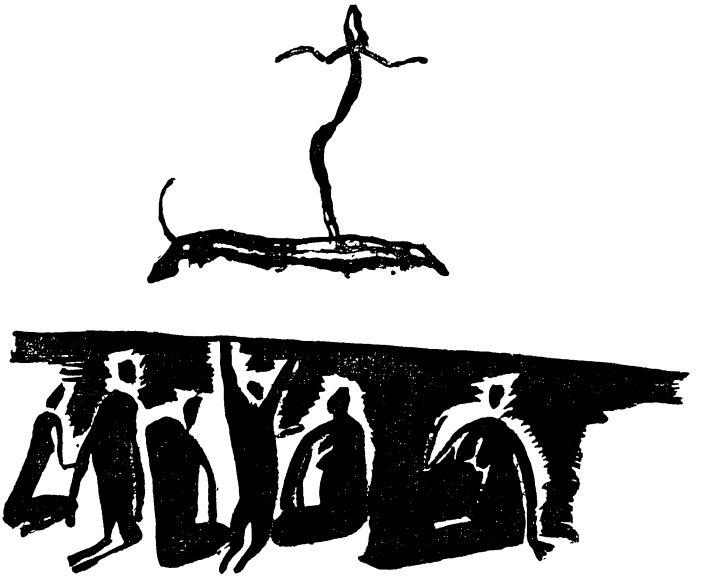
У крайнего северного останца я нашел рассыпавшийся скелет гигантского динозавра — зауропода, а Рождественский — кусок черепа панцирного динозавра — очень редкого в Нэмэгэту анкилозавра. Мы обошли все бугры, останцы и участки дна впадины. Нашлось много сильно разрушившихся крупных костей, обломков черепов и челюстей, но нигде не было больших скоплений и вообще сколько-нибудь хорошо сохранившихся скелетов. Недалеко от колодца я наткнулся на сильно разрушенный череп и несколько громадных костей. Кости залегали в крепких футлярах железистого песчаника, растрескавшихся от выветривания и заключавших в себе уже только костяную труху. Вероятно, это и было место, обнаруженное Чудиновым.

Ширэгин-Гашун был несравненно беднее Нэмэгэту. Рассеянное залегание костей невыгодно для раскопок, хотя здесь, несомненно, можно было добыть нетронутые выветриванием и хорошо сохранившиеся кости. Для постановки раскопок местонахождение приходилось признать нерентабельным по сравнению с Нэмэгэту. Теперь наш долг в отношении Ширэгин-Гашуна можно было считать выполненным, и мы могли возвращаться назад. В последний день Рождественский и Прозоровский поехали на «Козле» к холмам Чоноин-Шорголга, чтобы достичь западного конца барханов Хонгорин-Элисун («Светло-рыжие пески») и заснять их на кинопленку. Мы с Прониным проехали на «Дзерене» к югу и продолжали исследование центральной части Ширэгин-Гашуна. Заросли саксаула здесь отличались особенной густотой: саксауловый лес казался огромным и вели-

чественным среди окружавшего мертвого простора. Я собрал замечательные пустынные многогранники, до сих пор неизвестные ни в какой геологической коллекции. Огромные кости динозавров от выветривания распались на продолговатые куски. Эти кусочки, обточенные ветром с песком, приняли пирамидальную форму. Не менее интересны были находки доисторических орудий из еще невиданного голубого зернистого кремня.

Рождественский с Прозоровским заблудились в барханах и приехали поздно ночью и то благодаря искусству Александрова, сумевшего в темноте провести машину по очень трудному пути. После ночных передряг мы выехали в обратный путь лишь в полдень. Опять безбрежные поля щебня и гальки стелились перед нами в потоках и столбах горячего воздуха. Непогода окончилась: нещадный зной повис над котловиной. Мы очень своевременно покончили с Ширэгин-Гашуном; предполагавшийся «подвиг» превратился в нормальную и вовсе нетрудную работу. Как после этого было не благословлять присутствие кинооператора Прозоровского!

Зной становился все сильнее, редкие ящерки-круглоголовки влезли на кустики, ища спасения от жара накалившейся почвы. Серые призрачные тени появились в мареве слева, мчась наперерез. Машины шли быстро, тени превратились в стадо куланов. Рождественский и Александров дружным залпом свалили хорошо упитанного самца — подарок работникам на раскопках, куда мы прибыли, потратив на весь путь из Ширэгин-Гашуна всего четыре с половиной часа!



«Именно делите мир не по северу и по югу, не по западу и по востоку, но всюду различайте старый мир от нового!»

Наставление из тибетских сказок

ГЛАВА XI. РАЗГАДКА „КРАСНОЙ ГРЯДЫ“

В лагере нас встретило необычайное многолюдство и приветственная стрельба. Только что прибыл Малеев с «Могилы Дракона», вернулись Эглон с Лукьяновой из Наран-Булака.

Ян Мартынович, сияющий и торжественный, вручил мне письменный рапорт об успехах раскопок в Наран-Булаке. Нашли несколько черепов и челюстей диноцератов, невиданную целую черепаху и другие сокровища. Давно я не испытывал такой радости. Тайна «Красной гряды» раскрылась, уступая нашим

упорным трудам. Новая фауна древнейших млекопитающих, черепах и даже рыб нижнего эоцена — эпохи начала третичной системы, закончившейся около сорока миллионов лет тому назад, открылась глазам ученых. Следовательно, все красные отложения центральной гряды Нэмэгэтинской котловины были эоценовыми, т. е. очень важными для отечественной палеонтологии, потому что на нашей родине породы этого возраста очень редки. Нашим долгом было продолжать раскопки и поиски.

Место, где мы вынужденно поставили Перевалочный лагерь (именно вынужденно, без выбора), оказалось открытым страшным ветрам, дувшим вдоль Нэмэгэтинской впадины. В лагере на «Могиле Дракона» ветер чувствовался не так сильно, но здесь он дул по целым неделям и сильно раздражал нас. Без прикрытия буквально ничего нельзя было делать. При курении за воротник и в глаза летели жгучие искры, при чтении рвались немилосердно трепавшиеся страницы, при еде миска с супом была полной песку и пыли. Беспрерывная вибрация натянутой палатки очень надоедала, но еще больше мешала въедливая тонкая пыль, желтым туманом стоявшая внутри. Я изобрел себе другой род жилища. Из остатков фанеры и обрезков досок мы сколотили небольшую будку, такую, чтобы в ней едва-едва можно было поместиться. Эта будка на ветреном юру лагеря оказалась очень уютной. Не раз сюда собиралось «местное население» послушать патефон, пописать дневник или привести в порядок аппараты и приборы. Поставленная на краю обрыва будка удерживалась четырьмя проволочными растяжками, противостоявшими самым злобным шквалам. Опыт удался как нельзя лучше: будка была гораздо лучше защищена от ветра и песка, чем палатка. Позднее мы сделали в будке задвижную дверь и поставили двойную, не прогреваемую солнцем крышу. Такие будки я могу горячо рекомендовать для продолжительной лагерной жизни в Гоби. Как часто во время ранних осенних ночей, в холодном мраке и реве ветра я сидел в своей будке за пишущей машинкой, звук которой заглушался ветром, и не мешал никому в спящем лагере. С одной стороны вдоль стенки, на ящиках с ценными приборами и патронами,— доски, на них — постель. Напротив — столик с двумя подсвечниками. По стенам — узенькие полки и гвозди, на которых размещено научное имущество — фотоаппараты, бинокли. В углу — винтовка, а по другой стенке — вьючные чемоданы с документами. Над столом на стене — табель-календарь, график движения машин и таблица ракетной сигнализации. В общем — вполне приспособленная для работы и отдыха каюта...

Наступил сентябрь, ночи становились необычайно холодными даже для Гоби в это время года. Мы не рассчитывали на такой сильный холод и не оборудовали палатки переносными печками. Единственной отрадой работавших на «Могиле Дракона» стала

кухонная палатка. У нас в Перевалочном лагере и этого не было. Днем во время работы мы забывали о ночном холоде, но едва только солнце закатывалось, как он подступал — неумолимый и неизбежный. Крепко досталось мне в одну из ночей четвертого сентября. Мы с Новожиловым определяли истинный меридиан по звездам с помощью теодолита. Звезды никак не «хотели» сходиться. К четырем часам мы закоченели так, что едва смогли закончить наблюдения. Новожилов принес изготовленную им «целебную» тинктуру — крепчайшую водку, настоенную на семи сортах полыни. С помощью этой зеленой жидкости ужасающей ядовитости и горечи нам удалось согреться.

Работа шла споро, как заведенные часы. Машины даже из самых дальних рейсов в Улан-Батор прибывали точно по графику. Новожилов совершил несколько поездок на «Козле» в котловину Обручева и на западный конец Бумбин-нуру («Банка-Хребет»). К сожалению, выделить ему в помощь грузовую машину никак не удавалось, а кратковременные наезды на одном «Козле» не принесли серьезных результатов, кроме общей ориентировки. Интересным было открытие Новожиловым резко смятых красноцветных костеносных пород с северной стороны Алтан-улы. Слои песчаников были резко загнуты вверх и поставлены вертикально, параллельно оси хребта, показывая тем самым направление и характер поднятия.

Рождественский отправился в дальний маршрут в Номогон сомон («Тихий сомон»), на юг от Далан-Дзадагада. Еще в 1946 году мы слыхали о нахождении там «драконовых костей». Однако Рождественский вернулся ни с чем: в Номогон сомоне не было не только костей, но даже отсутствовали красноцветные осадочные породы мела или кайнозоя. На поверку оказалось, что кости встречались не у Номогон сомона, а в горах Номогон-ула, на северной окраине Номиин-Гоби («Лазоревая Гоби»), на восток от аймака — вдоль границы с КНР. Пришлось отложить исследование на следующий год работы экспедиции (так и не состоявшейся).

Опыт этих поисков показал, насколько трудно достижимо каждое серьезное открытие. Ничего не давалось с налета, а только в результате продолжительных поисков и тщательной подготовки. Неудача последних разведок явилась уроком для нашей научной молодежи, стремившейся все вперед к новым местам, не доделав еще начатого. Наука требует прежде всего систематичности. Я вел неукоснительную борьбу с этими тенденциями к «великим открытиям», а заодно и с «слабохарактерностью» при раскопках.

Эглон, копавший на Наран-Булаке, посылал мне с каждой оказией записки о том, что там пора прекращать работу и перебрасываться на новое место. Последнюю записку доставил наш рабочий на верблюде. Он попал под проливной дождь, верблюд

стал падать на скользкой почве, и Тимофеев едва добрался до нас. По дороге он наблюдал трагическую гибель одиноко пасшегося верблюда. Огромный и сильный самец неосторожно подошел к краю узкого оврага и соскользнул по склону из размокшей глины. Верблюд не разбился, но упал на спину вверх ногами и никак не мог встать. Животное билось всего несколько минут и умерло от напряжения или страха, прежде чем Тимофеев подоспел к нему на помощь. Этот случай показал, насколько верблюд, необычайно выносливый в привычных для него условиях, становится беспомощным при других обстоятельствах. Правы ли биологи, считая верблюда особенно выносливым? Это животное выносливо лишь к жаре, безводью и грубой пище — специальным условиям пустыни. На самом деле, верблюд обладает малым запасом жизненной энергии и легко гибнет в случаях, требующих огромного напряжения и неутомимости.

Пришлось ехать к Эглону, в его лагерь среди высоких белых стен ущелья Наран-Булак. По дороге мне удалось убить харасульта — очень кстати, так как у Эглона окончилось мясо. Но и привезенный харасульт не утешил упавшего духом раскопщика. Из четырех заложенных нами пробных раскопок все оказались пустыми, за исключением первого, открытого Новожиловым скопления. Если кости здесь залегали разрозненно или редкими гнездовыми скоплениями, то неудача наших раскопок еще ничего не значила. Мы избаловались исключительным богатством монгольских местонахождений. Я напомнил Эглону, как четырнадцать лет назад мы с ним копали пермские местонахождения в Поволжье. Там кости и скелеты редчайших пресмыкающихся, живших около двухсот миллионов лет назад, залегали в костеносном песке очень рассеянно. Мы применили вскрытие костеносного пласта большими площадками, до двухсот квадратных метров, и добились крупного успеха. Сейчас мы не могли делать большую раскопку — работа на «Могиле Дракона» отнимала все силы и к тому же затягивалась из-за неимоверной крепости песчаника. Я упросил Эглона сделать еще одну контрольную раскопку и дал согласие на его возвращение в Перевалочный лагерь. Рабочие его отряда должны были усилить отряд Малеева на «Могиле Дракона».

Тонна за тонной песчаниковых плит, переполненных костями траходонтов, прибывали с «Могилы Дракона». Песчаник в глубине раскопки стал очень твердым. Весь горный инструмент поломался, и походный горн горел целыми днями для кузнечной работы. В плитах песчаника мы находили отпечатки шкуры утконосых ящеров. Кожа их была усеяна круглыми костными бляшками разной величины — от горошины до грецкого ореха. Песчаник сохранил все складки и морщины кожи исполинов. Не поддавались объяснению отпечатки с рядами загадочных круглых ямок, возможно, отверстий каких-нибудь кожных желез.

К северу, в глубь обрыва, твердые плиты переходили в плотный песок, служивший границей скопления скелетов. Совершенно очевидно, что порода сцементировалась вокруг костей химическим действием продуктов гниения органических веществ. Крепость песчаника разочаровала нас. Препаровка, т. е. освобождение из породы окаменелых костей, при такой твердости песчаника должна была занять в Москве многие годы. Как ни трудно извлекать скелеты крупных динозавров, залегающие в рыхлом песке, но это окупается быстротой их препаровки, а следовательно, и научной обработки. Материал с «Могилы Дракона» требовал многих лет тяжелой работы, прежде чем мог стать пригодным для научной обработки и музейной экспозиции. По всем этим соображениям мы перестали жадничать и оставили на месте как разрушенные выветриванием кости, так и залегавшие в самой твердой плите. Один череп около метра длины, лежавший на боку, плохо сохранился, но я хотел взять его, чтобы выставить в музее без всякой препаровки, в естественном залегании. Однако неимоверно крепкая плита, больше метра толщины, не позволила этого сделать. Череп и по сие время скалит свои многочисленные зубы в ущельях Алтан-улы.

На левой половине площадки Малеев открыл громадный тоже лежавший на боку череп от другого скелета. На границе песка обнаружили превосходно сохранившийся череп маленького — молодого — зауролофа. Чтобы отделить его от плиты, поочередно били молотами самые сильные люди экспедиции — шоферы Брилев и Лихачев, рабочий Толя-Слоник и я. Мы любовались работой Брилева. Обнаженный до пояса, он широко и свободно размахивал двадцатикилограммовой кувалдой, могучие мышцы выступали пластинами на его широченной груди, вздувались буграми на прямых плечах, перекатываясь под гладкой смуглой кожей. В конце концов плита уступила. Когда Малеев уехал в Улан-Батор, а его место на раскопках занял Эглон, при помощи лебедки перевернули последнюю остававшуюся нетронутой плиту. Под ней вскрылся исполинский череп, лежавший на темени нижней челюстью вверх. Все эти три черепа уже отпрепарированы и дополнили выставку Палеонтологического музея Академии наук СССР. Два из них принадлежали таким гигантам, какие еще не были известны среди утконосых динозавров-зауролофов. В естественном положении — стоя на задних ногах — эти животные достигали девяти метров высоты, а по массивности костей не уступали самым громадным ящерам — зауроподам. Маленький череп показывает, что вместе со старыми животными захоронились и очень молодые. Такое захоронение могло случиться только при какой-то катастрофической, внезапной гибели стада утконосых динозавров. Что это было: наводнение, эпизоотия или отравление газами? На этот вопрос условия залегания скелетов не дали нам никакого ответа.

По числу добытых и разрушенных черепов мы установили, что на «Могиле Дракона» было погребено не меньше шести скелетов крупных взрослых особей и седьмой — молодого индивида. Все скелеты принадлежали одному и тому же виду животных — зауролофу узкорылому, описанному Рождественским по нашим находкам.

Четвертого сентября в Улан-Батор отправились Малеев с Лукьяновой. Малееву следовало возвращаться в Москву для защиты диссертации, а Лукьянова должна была вести в Улан-Баторе препаровку части наших коллекций для государственного музея МНР. Суета в Перевалочном лагере прекратилась.

На следующий день, когда мы мирно сидели в пустой машине и хлебали горячий суп, я воспользовался свободным временем, чтобы ответить на наиболее частый вопрос, задававшийся нам— палеонтологам — нашими рабочими, шоферами, приезжими аратами. Каким образом мы, ученые, распознаем погребенных в толщах горных пород зверей, если эти звери вымерли, когда еще на земле не было человека?

— Существует наука анатомия,— начал я,— без которой ни один хирург не мог бы сделать операции или врач — определить болезнь. Анатомия подробно изучила, как устроены у человека кости, кровеносные сосуды, нервы, кишки, мозг. Из анатомии родилась сравнительная анатомия. Эта наука изучает строение не только человека, но и других животных, сравнивает их между собой, находя одинаковые системы органов, устанавливая различия в действии пищеварительной системы, зубов, органов движения — конечностей. Животные, приспособившиеся к одинаковым условиям существования, всегда похожи друг на друга. Например, крупная рыба — акула, вымерший морской ящер — ихтиозавр и современный морской зверь — дельфин обладают почти одинаковой формой тела. Однако их внутренние органы — скелет, дыхательная система, воспроизведение потомства — очень сильно разнятся.

На основании данных сравнительной анатомии мы можем по строению даже отдельных частей животных, например скелета, установить, с каким родом животных мы имеем дело. У пресмыкающегося никогда не будет таких костей, как у млекопитающего или у рыбы, рыба будет отличаться от всех других позвоночных животных и так далее.

Но этим еще не исчерпывается могущество сравнительной анатомии. Изучая строение органов в их действии, функции, как говорят ученые, мы узнаем, какому назначению отвечает тот или другой орган.

Копыта лошади, зебры или осла — приспособление к продолжительному бегу на твердой почве. Парные раздвоенные копыта жвачных или свиней служат для передвижения по

более мягкой, топкой почве, хотя отлично служат антилопам и в сухих степях.

Широкие мозолистые ступни верблюда, расширенные пальцы-лапы страуса, толстые, с короткими ногтями-копытцами ножки нашей копытки — все это приспособления для ходьбы по рыхлым, сыпучим пескам пустыни.

Слон, носорог и бегемот обладают круглыми, столбообразными ногами, хотя и являются разными, не родственными друг другу животными. Строение их конечностей одинаково только потому, что столбообразные ноги наиболее выгодны для огромных животных с большим весом тела и, следовательно, выполняют одинаковое назначение — функцию.

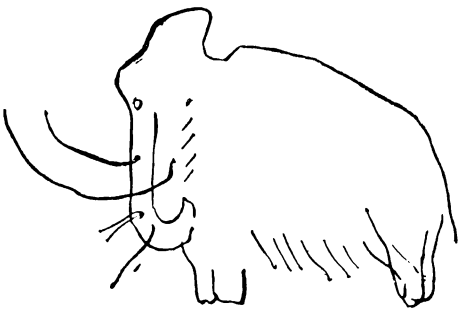
Зная назначение и действие каждого типа органов у современных животных, мы можем, находя такое же строение у вымерших животных, определить, к чему они были приспособлены, выяснить образ жизни давно исчезнувших с лица земли тварей. Тем самым мы получаем важнейший ключ для воссоздания условий жизни в прошлых геологических эпохах и для выяснения условий образования горных пород. Для палеонтолога чрезвычайно важно, чтобы современные животные были подробно изучены зоологами и биологами. К сожалению, изученность строения современных животных крайне недостаточна. Для палеонтологов особенно нужно изучить животных древнего типа, которые еще живут в наше время. Именно эти животные наименее изученны, потому что живут в труднодоступных районах тропиков и субтропиков. Именно там уцелели пережитки прошлого населения нашей планеты. Таковы древние хищники — кунице-кошки горной Азии, Центральной Америки и Центральной Африки, крокодилы, исполинские тропические ящерицы, слоновые черепахи, тапиры, бегемоты, носороги, слоны, гиены, трубкозубы, броненосцы, ленивцы, сумчатые, однопроходные, панголины и многие другие. Все эти животные изучены очень плохо. Предстоит еще колоссальная работа, прежде чем биологи будут знать их анатомию с нужными подробностями.

Но дело не только в анатомии. Для того чтобы понять действие и назначение устройства органов этих животных, надо во всех подробностях знать их образ жизни: движение, питание, размножение, поведение в условиях той местности и страны, где они живут. Поэтому нужны десятки лет терпеливых и длительных наблюдений над жизнью этих животных. Эти наблюдения есть. Они накоплены тысячелетним опытом охотничьих народов Африки, Южной Азии, Австралии и Южной Америки. Самые знаменитые следопыты Африки — бушмены — знают в мельчайших подробностях жизнь диких зверей и птиц. То же самое можно сказать о даяках Индонезии, индейцах Центральной и Южной Америки, охотничьих племенах Индии. Именно

у этих и у многих других народностей мы можем почерпнуть сведения о биологии животных, которые заменят столетие научных наблюдений. Однако расовые бредни, презрение европейских ученых к цветным приводят к тому, что ученые капиталистических стран даже не думают об этом. Здесь не только величайшая нелепость, но и прямое преступление перед будущими поколениями человечества. Охотничьи народы быстро исчезают. В условиях колониализма они превращаются в городских или сельских рабочих и навсегда отходят от промысла предков. Не менее быстро вымирают и сами животные, исчезая с лица земли.

Необходимы совершенно срочные меры, чтобы не упустить навсегда богатство народного опыта охотничьих племен и поставить его на службу науке.

Оратор сильно воодушевился, сев на любимого конька, но лекция прервалась. Неожиданно показались три машины: к нам приехали гости из ЦК Монгольской народно-революционной партии, совершавшие поездку по южным районам республики. Мы повезли гостей на «Могилу Дракона», засняли на кинопленку и подробно разъяснили, как лучше выехать к северу через «наше» Нэмэгэтинское ущелье.



Работы на «Могиле Дракона» заканчивались. Подошло время перебазировать раскопки и лагерь в другое место. Около двадцати тонн плит с костями динозавров лежало в Перевалочном лагере и дожидалось окончания раскопок. Только тогда можно было разобрать деревянную подъемную дорогу и пустить брусья на упаковку. Я настоял, чтобы Рождественский и Новожилов отправились еще раз на «Красную гряду» осмотреть необследованный участок между Наран-Булаком и горой в форме юрты к юго-западу от колодца Даац-худук. Поисковики вернулись уже к обеду и сообщили, что нашли два черепа и множество обломков костей древнейших млекопитающих в обрывах прямо на борту главного русла Эхини-Цзулуганай, к северу от родника Улан-Булак («Красный родник»). Пригодность «Красной гряды»

для раскопок подтвердилась еще раз, и я решил переводить лагерь туда.

Недалеко от «Могилы Дракона» были найдены два развалившихся размытых скелета крупных хищных динозавров. Такого материала у нас хватало, и мы не стали продолжать алтанулинские раскопки. Также пришлось отложить до будущего времени выемку находок Рождественского, ездившего к самым западным размывам массива Нэмэгэту. Судя по найденным костям крупных и мелких хищных динозавров, там мог бы быть еще один центр раскопочных работ.

В ночь на седьмое сентября налетела особенно сильная буря. Находившиеся в Перевалочном лагере Рождественский и Новожилов забились ко мне в будку. Наперекор буре мы завели патефон. Фанерная каморка чисто резонировала и усиливала звук. Заглушая рев ветра, неслись звенящие ноты «Липы вековой» и могучие звуки серебряных труб из вступления «Лебединого озера». Мы представляли себе, как были бы потрясены путники, качавшиеся на верблюдах в ночную бурю в безлюдной Гоби, если бы ветер донес к ним из темной дали чудесную музыку Чайковского.

На следующий вечер мы закончили переброску лагеря с «Могилы Дракона» и окончательно подняли полуторку наверх. Сняли лебедку, разобрали деревянную дорогу и приступили к упаковке вывезенных наверх песчаниковых плит. Стальная балка для талей была более не нужна, везти ее назад не имело смысла. Мы глубоко вкопали ее на месте лагеря. На стороне, обращенной к северу, Дурненков насверлил надпись «АН СССР, МПЭ, 48—49 г.». На полметра от поверхности, с той же северной стороны балки, закопали тщательно закупоренную бутылку с бумагами, указывавшими лагери, расстояния до мест основных раскопок и перечислявшими участников экспедиции 1949 года. Стальная балка послужит прочным ориентиром на многие годы для будущих исследователей. Такой знак был гораздо лучше простого обо, воздвигнутого в Центральном лагере 1948 года. Правда, под обо там закопали испорченный походный горн, а внутри обо положили бутылку со сведениями об экспедиции и советскими газетами 1948 года...

Уже в сумерках я вышел на обрыв сухого русла, чтобы немного отдохнуть и оглядеться. Ненужные больше верблюды были пригнаны с «Могилы Дракона» и завтра возвращались в сомон. Внизу, в сухом русле, на сером песке светилась тусклым белым фонариком палатка погонщиков-аратов. Вокруг виднелись темные пятна лежащих верблюдов. Взошла яркая луна, в палатке потух огонек, и она стала голубовато-белой пирамидкой на свинцовых песках, а черное плато засветилось лунными бликами.

Восьмого сентября мы надолго, если не навсегда, покинули бэль Алтан-улы. Ветер скоро развеет щепки, обрывки бумаги и

сотрет все следы нашей жизни. Останется только укатанная дорога, глубокая выемка в склоне сухого русла, да еще несокрушимый стальной столб будет выситься, шлифуемый свирепым ветром, как памятник труда горсточки советских людей. Глядя на опустошенный лагерь, было трудно поверить, что совсем недавно здесь стояли ряды палаток, штабеля досок и брусьев, ящиков с припасами. По вечерам звучал веселый смех, звуки гитары и патефона спорили с однообразным шумом ветра. Возвращаясь из рейсов, машины выстраивались за лагерем. Их громоздкие кузова казались прочной стеной, прикрывавшей нас с востока. С наступлением темноты в установленный час хлопали выстрелы ракетного пистолета и плоскогорье озарялось вспышками ослепительного зеленого, голубого или белого света. Аварийных красных ракет, к счастью, не пришлось пускать ни разу... Одну-две минуты спустя под гребнем Алтан-улы возникала звездочка, одна, другая, светившие как будто из глубины горной громады. Это отвечал лагерь «Могилы Дракона». Если мы выпускали две зеленые ракеты, то спустя полчаса из ущелья огненными глазами дракона показывались фары полуторки. Это спешил за долгожданной почтой Малеев: две зеленые ракеты означали приход машин из Улан-Батора...

Я долго возился с перевозкой лагеря и поломкой машины — у «Тарбагана» сломался хвостовик. Запасные части у нас были, и авария означала лишь задержку. Только ночью мы с Прозоровским наконец отправились на «Козле» в новый лагерь. Мы без конца петляли по путаным сухим руслам, спускаясь на дно котловины. Ночная таинственная Гоби была океаном холодного ветра. Фары «Козла» вырывали из мрака кусты саксаула, выступы обрывов, ровные скаты широких русел. Прозоровский согнулся на заднем сидении, жадно осматриваясь. Иногда раздавался тоскливый вопль кинооператора: «Эх, кадры, кадры!» И как я сочувствовал ему, много раз силясь запечатлеть, передать другим величие или краски чудесных видений, мелькавших передо мной на путях по Гоби с неподдававшейся осмысливанию быстротой!

В лагере у подножия останца в русле Эхини-Цзулуганай, близ родника Улан-Булак, уже стояли три палатки. Моя фанерная будка встала на высокой площадке — уступе холма над руслом. Только на Алтан-уле она стояла на буро-желтых меловых песках, а здесь — на белом песке эоцена. Взошла луна. Я уже не раз замечал, что здесь, и вообще на юге, луна голубее северной, та — более каленосеребряная. От голубого лунного света белые пески утратили сероватый оттенок и засеребрились. Серебряные холмы, склоны и уступы со всех сторон окружили новый лагерь, а площадка перед моей будкой напоминала роскошную серебряную плиту. На моем столике загорелись свечи, и стало опять хорошо работать, как будто и не было переезда с

высокого бэля Алтан-улы сюда, на дно котловины, к саксаульным буграм. И ветер завывал по-прежнему, хотя и не с таким остервенением, как на открытом плоскогорье.

С рассветом в лагере возобновилось оживление. Часть рабочих продолжала разборку перевезенного и в спешке выгруженного кое-как имущества. Другие грузили машины коллекциями и пустыми бочками. «Волк», «Дракон» и «Тарбаган» шли в Далан-Дзадагад, а «Тарбаган» после выгрузки в аймаке должен был идти с Рождественским в Орок-нурский район. Мы рассчитывали, что дождливое лето 1949 года принесет нам новые сборы костей мелких млекопитающих, вымытых из третичных отложений на Татал-голе. Кроме того, Рождественский собирался раскопать место к югу от лагеря Анда-худук, где Новожилов в 1948 году нашел остатки мастодонта. Оттуда Рождественский возвращался прямо в Улан-Батор, а «Тарбаган» немедленно шел нам навстречу в Далан-Дзадагад с полным грузом бензина, которого осталось в обрез. Поиски и раскопки Рождественского не увенчались успехом, и я до сих пор раскаиваюсь, что послал его туда, а не на Улан-Ош. В последнюю далекую разведку к горам Улан-Дэль-ула («Красная грива»), в ста километрах к югу от Баин-Далай сомона, отправился Новожилов на полуторке. Там находились большие размывы красноцветных пород.

Рабочие сосредоточенно долбили раскопку — холодная осенняя Гоби уже поднадоела им всем, и ребята стремились в Улан-Батор. Прозоровский занимался съемкой растений и мелкой гобийской живности — мышей, змей и ежей. Я принялся за геологические исследования третичной толщи «Красной гряды».

Эглон с Александровым открыли замечательный костеносный горизонт на небольшом плато к северу от лагеря, названного нами «Северным Полем». На всей поверхности плато выходил слой грубых гравийников и мелких конгломератов, а в нем попадалось множество конкреций — стяжений того же гравийника, образовавшихся вокруг костей древних млекопитающих, остатков черепах и скелетов рыб. Открытие пришлось как нельзя более кстати. Мы теперь подготовились для серьезной схватки с «Красной грядой». Раскопки на месте находок вдоль русла очень быстро истощились. Небольшие пробные площадки, заложенные в разных местах, оказались пустыми. Сделать большую двухсотметровую раскопку не хватило бы времени. А тут — целое большое поле, богатое этими, с таким трудом дававшимися находками!

На следующий день мы с Эглоном проследили распространение горизонта «Северного Поля» на южный берег сухого русла, прямо к моей будке. В одной из промоин открылась громадная плита, сплошь покрытая скелетами крупных рыб из рода ильных рыб, или амий, и по сие время живущих в реках юга Северной Америки. Извлечение и упаковка находок на «Северном

Поле» продолжались до четырнадцатого сентября. Я в это время обследовал окружающие останцы и ущелья. К северо-западу от лагеря древнее русло, заполненное конгломератом, было врезано в серые меловые песчаники. Прямо под красными третичными породами залегал неполный скелет крупного хищного динозавра. Это означало, что после мелового периода наступил размыв, вероятно, происходивший в палеоценовую эпоху. Возобновившееся в эоценовую эпоху отложение осадков сформировало породы «Красной гряды», которые легли на размытую поверхность меловых песчаников. Часть мела была смыта вместе с палеоценом. Размыв дошел до средних горизонтов верхнемеловой эпохи. Позднее Новожилов прошел с маршрутом дальше меня и открыл береговую линию эоценового бассейна.

Четырнадцатое сентября оказалось днем, богатым событиями. С утра отправили «Козла» с Эглоном и Прозоровским. Они должны были заснять Баин-Дзак, не посещенный Прозоровским. Оттуда Эглон ехал прямо в Улан-Батор, а по дороге высаживал кинооператора в Мандал-Гоби для съемки каких-то недостававших для кинофильма кадров. Я должен был забрать Прозоровского на пути в Улан-Батор около двадцатого сентября. Население лагеря собралось проводить Яна Мартыновича, которого любили все без исключения. Маленькая машина была уморительно нагружена. На заднем сидении устроился Прозоровский, защемленный и утопленный по шею в груде постелей и киноснаряжения. Я с наслаждением сфотографировал кинооператора и напомнил его жалобы в начале экспедиции. «Кинооператора возят, как собаку», полушутя-полусерьезно ворчал тогда Прозоровский, карабкаясь в кузов грузовой машины. Но там он восседал в уютном мягком гнезде со всеми аппаратами под рукой и просторным обзором. Теперь наш Николай Львович вкушал сомнительную сладость дальнего путешествия на легковой машине.

К обеду прибыли две уланбаторские машины — «Дзерен» и «Кулан». Обе едва-едва дотянули до лагеря. На спуске с Гурбан-Сайхана у «Дзерена» вырвало кардан, который разбил аккумулятор, бензобак и сам согнулся в дугу. Уже в лагере выяснилась еще более серьезная авария. От удара кардана лопнул картер маховика. К счастью, именно у «Дзерена» на борту был прибит запасной кардан. С ним машина ходила уже второй год, и теперь он пригодился. У «Кулана» окончательно рассыпался аккумулятор, но Пронин брался восстановить его из трех разбитых старых. Вечером явился «Олгой-Хорхой» с Новожиловым. У полуторки поломалась передняя рессора, серьга задней и рассыпался кузов. В довершение беды полуторка сожгла весь свой запас бензина — двести пятьдесят литров. Бензина для возвращения на базу в аймаке осталось в обрез — восемьсот литров на пять машин. В конце концов, здесь, в насквозь

знакомых местах, недостача горючего не была опасной. На случай нехватки мы могли заранее встать под перевалом Гурбан-Сайхан и послать полуторку в аймак за бензином.

До поздней ночи мы с Новожиловым сидели в моей будке и, ежась от холода, рассматривали карты. Лагерь спал, слабый ветер катился по руслу, на «Северном Поле» гулко кричал филин: «Шубу! Шубу!» Шуба, действительно, очень требовалась.

Новожилов осмотрел на Улан-Дэль-уле много обрывов, но осталось неизученным еще несметное количество. Его находки исчерпывались двумя обломками костей таза, по которым ничего нельзя было сказать. В неудачах новых маршрутов истинным утешением являлись успехи в лагере. Одно только «Северное Поле» дало три тонны интереснейших находок. Слой конкреций за моей будкой разработал Дурненков и нашел черепаху, крупные челюсти и части черепов. Я нашел большой череп диноцераса рядом с раскопкой Эглона и был немало изумлен этим обстоятельством. Подобная же история случилась с Новожиловым. Он вторично обследовал большой останец к востоку от лагеря, в свое время осмотренный Рождественским, который абсолютно ничего там не нашел. Новожилов открыл на останце целое костеносное поле, названное «Восточным». Подобные неожиданности как нельзя лучше свидетельствовали о необходимости самого тщательного исследования таких мест, в которых исследователь не рассчитывает побывать вторично.

На гребне останца, возвышавшегося над лагерем, я установил теодолит. Вскоре на топографическую схему точно легли важные для раскопок подробности. Появились останцы «Восточный», «Контактовый», «Хайлясовый» и «Западный». Немного дальше, за «Западным», поднимался останец, возглавлявший гряду меловых пород, уходившую в направлении к Цаган-уле. Этот останец, названный «Столовым Массивом», и другие, следовавшие за ним до Цаган-улы, вероятно, были выступами извилистой береговой линии третичной, превратившейся в озеро, впадины. На севере «Столовый Массив» смыкался с обширной площадью мела, почти не осмотренной нами. Здесь имелись отличные перспективы для будущих раскопок.

Новожилов исследовал западные останцы и нашел в них множество костей динозавров. Нам, палеонтологам, казалось странным, почти невероятным, такое скопление остатков гигантских ящеров в непосредственной близости от местонахождения третичных млекопитающих. Однако если вдуматься поглубже, то не было ничего удивительного: русла третичных потоков, отлагавших «Красную гряду», пересекли более древнее большое русло мелового периода. Так встретились два случая захоронений вымерших животных, по времени разделенные промежутком в двадцать миллионов лет.

В трубу теодолита я долго обшаривал противоположный, северный край Нэмэгэтинской впадины. Засечки на заметные вершины, азимуты и углы возвышения для точной установки раскопок на картах уже были промерены. Оставалось разыскать Перевалочный лагерь и тем самым связать оба места главных работ 1949 года. Стекло зрительной трубы выхватывало из почти не различимой глазом дали отдельные промоины, склоны обрывов, кусты саксаула, темные впадины под обрывами — все затуманенное и перевернутое «вверх ногами». Часы шли, я не раз протирал слезившиеся от напряжения глаза, по нескольку раз уже был просмотрен каждый километр удаленного бэля, а столб в Перевалочном лагере никак не находился. Я позвал Новожилова с его соколиным зрением, но и тот, пробившись с полчаса, объявил, что ничего не видит. Отчаявшись, я почти примирился с перспективой отказаться от точной увязки обоих лагерей. Внезапно я заметил у самого края поля зрения крохотную черточку, отличавшуюся от всего другого резкой определенностью очертаний. Едва дыша и осторожно вращая микрометренный винт, я перегнал черточку в центр поля и тут убедился окончательно, что это был наш столб. Мы переоценили его размеры и потому так долго мучились с поисками. На этом расстоянии высокий рельс даже в трубу теодолита казался не больше короткой щетинки.

Раскопки завершались. Кончался наш запас гипса и ящиков, подъедались и продукты. Мы могли бы похвалиться поразительно точным расчетом всех запасов, если бы это совпадение не было случайным. Солнечные и холодные дни были напоены бодрящей свежестью, и все работали не покладая рук. Ремонт машин шел на полный ход. Пронин после долгих размышлений стянул разбитый картер мотора «Дзерена» железными лентами. Мы рассчитывали на пресловутую прочность ЗИСов и надеялись, что машина дойдет до Далан-Дзадагада, куда «Тарбаган» подвезет новый картер.

У Новожилова и у меня накопилось много геологических наблюдений. Теперь загадок «Красной гряды» больше не существовало. В «Красной гряде» мы открыли четыре костеносных горизонта и по смене пород проследили восемь этапов ее образования. В первом этапе происходил общий размыв меловых пород. Образовалась узкая котловина, в которой отлагались конгломераты и нижние грубые пески. Скорость потоков была слишком велика, и остатки животных, не задерживаясь здесь, выносились куда-то дальше и там разрушались. Вскоре в котловине образовалось озеро, скорость потоков резко упала, и они стали приносить только тонкоотмученный материал. Отложились пурпурные глины без остатков животных, которых не могли принести медленные (слабые) потоки.

Затем наступило усиление приноса с частичным размывом уже отложенных пурпурных глин. В бассейн начали поступать

кости нижнего костеносного горизонта, и отложилась нижняя песчаниковая плита. Еще большее увеличение скорости приносящих потоков вызвало отложение гравийника и множества костей второго нижнего горизонта. Течение было настолько сильным, что размывало рыхлые гравийные осадки, оставляя нетронутыми только участки, сцементировавшиеся вокруг костей. Так образовался слой конкреций с костями млекопитающих. Эти же потоки несли множество трупов крупных рыб и водяных черепах, погребавшихся вместе с конкрециями.

В следующую, пятую, фазу отложения образовались продольные речные русла и в них накопились десятиметровой мощности слои белых песков с редкими рассеянными костями. Шестая и седьмая фазы — это вновь образование сравнительно глубокого озера с отложением в нем коричневых глин и бурых глинистых песков. Это отложение было прервано седьмой фазой с усилением приноса, отложением желтых песков и верхней песчаниковой плиты, а также с костями млекопитающих верхнего костеносного горизонта. В последнюю, восьмую, фазу озерный бассейн распространился гораздо шире прежней узкой котловины и достигал в ширину не менее двадцати километров с севера на юг.

Такова была геологическая история «Красной гряды», прочитанная нами в смене различных пород и в распределении остатков животных. Потоки, приносившие кости, текли из лесов, окаймлявших озеро или ранее — котловину. Множество мелких древесных обломков, встреченных нами в костеносных горизонтах, говорило об этом. По-видимому, найденные нами древние млекопитающие обитали вдоль рек на опушках лесов. Попадая в воду, их остатки смешивались вместе с трупами речных обитателей — рыб и черепах — и сносились в ту котловину, которая пятьдесят миллионов лет спустя сделалась «Красной грядой» и вместилищем их окаменелых остатков.

Найденные в «Красной гряде» диноцераты, по описанию профессора К. К. Флерова, были представителями совершенно новой ветви азиатских диноцерат, названных монголотериями (в переводе с греческого — «монгольский зверь»). Это были травоядные, размером с крупного теленка, животные, еще не потерявшие общего облика хищника. Широкие лбы и узкие теменные гребни их черепов напоминали медведей. Еще большее сходство с медведями придавали стопоходящие когтистые задние лапы, позволявшие животным легко вставать на дыбы. Длинные клыки, торчавшие вниз из верхней челюсти, как у современной кабарги, но гораздо более длинные, походили на клыки саблезубых тигров.

Другие найденные здесь звери принадлежали к группе пантоламбд, также до сих пор известных только на американском материке. Величиной с собаку, они обладали замечательными

зубами, похожими одновременно и на зубы травоядных и на древних насекомоядных — летучих мышей. Совершенно новыми были и черепахи, по-видимому, предки современных тропических черепах Африки и Южной Америки. Недаром так привлекала нас «Красная гряда». В ней, в самом сердце Азии, оказались скрытыми документы наземной жизни начала кайнозойской эры, и эта жизнь была в общем такой же, как и на удаленном американском материке. Следовательно, развитие древних млекопитающих, вопреки установившимся взглядам, было широким и повсеместным уже на заре кайнозоя.

С семнадцатого сентября ночные крики филина прекратились. Вместо них стал раздаваться печальный волчий вой. Сияющая гобийская красавица луна ущербилась, ночи стали темными. Восемнадцатого сентября мы принялись свертывать лагерь и грузить «Дзерена». В три часа дня «Дзерен» ушел на Даланн-Дзадагад, чтобы не задерживать всю колонну, так как из-за разбитого картера он не мог идти быстро. Четыре тонны драгоценной добычи из «Красной гряды» были погружены на «Волка» и «Кулана». Полуторку забили бензобочками, а «Дракона» — тяжелым снаряжением. Как назло, «ходовой» день — девятнадцатое сентября — выдался жарким. Необыкновенный палевый туман застлал все горы и лег на бэли котловины Нэмэгэту еще со вчерашнего дня. Ветер дул в хвост колонны, моторы перегревались, но машины шли довольно быстро. К двенадцати часам достигли родника Даба. В последний раз я посмотрел на Нэмэгэту, но палевая дымка не дала мне проститься ни с ней, ни с Хугшо, несмотря на то, что дорога проходила у самого подножия последней. Осталась позади и дикая серая стена Хана-Хере. Здесь не было дымки, и чудовищные «Три Чиновника» с их необычайными вырубленными формами нависли над нами в свете низкого солнца. Глубокие черные провалы, торчащие утесы, отвесные скалы... Две западные горы с наклонной столовой поверхностью были как бы грубо обтесаны с четырех сторон, а восточная — вздымалась исполинским горбом с длинными пирамидальными ребрами.

К четырем часам мы были в Ноян сомоне. Прощание с друзьями и знакомыми отняло два часа, и мы дошли в свете фар только до больших песчаных кочек, в которых отстаивался «Дракон» в 1948 году.

Пестрые горы в тридцати километрах к востоку от Ноян сомона поразили меня своей запыленностью. Мягкими, как бы подернутыми дымкой, были цвета горных пород: малиновый, охристо-серый, грязно-зеленый, буро-шоколадный, красно-серый и серовато-белый. Причудливо сочетались низкие конусы и выровненные площадки перечисленных цветов, испещренные пятнами черных камней и черно-зеленых кустов гобийского миндаля. Пыль и песок покрывали всю местность, лежали тонким

слоем на склонах холмов. В руслах и долинках песок насыпан глубоким и рыхлым одеялом. При виде этой картины легкая тревога омрачила мне радость возвращения. Пески явно наступали на весь район наших работ в Южной Гоби. Они заносили и область пестрых гор у Ноян сомона и запад Нэмэгэтинской котловины около Цаган-улы, где появлялись новые и новые барханы. И было приятно вспомнить, что наша дорога в Нэмэгэту — трудная, трясучая, много раз проклинавшаяся, пересекает котловину высоко на бэле, в безопасности от песчаного нашествия.

Мы приближались к Цаган-Дерисуни. Знакомые черные холмы были испещрены почти горизонтальными тенями от низкого солнца. Сочетание скопища холмов и теней создало впечатление какой-то толпы, в быстром беге устремленной на запад, навстречу нашей колонне. Машины шли быстро, бензину хватило, и мы приехали в аймак к полудню, снявшись с ночлега в семь утра. Пронин добрался благополучно и разбирал мотор, никак не ожидая нас так скоро. Ночью пришел «Тарбаган» с бензином и картером для «Дзерена».

Двадцать первого сентября мы догрузили машины, насколько это было возможно, и выехали в Улан-Батор. За Олдаху-хидом внезапно отстали «Волк» и «Кулан». Мы долго ждали их. Равнина в засуху стала совершенно мертвой. Ни единой травинки не было на красновато-желтой глине, покрытой серым щебнем. Ветер поднимал столбы рыжей в закатном солнце пыли. Отставшие машины подошли только ночью. У «Волка» сломалась крыльчатка помпы, у «Кулана» — трамблер. К полудню двадцать второго сентября мы добрались до Мандал-Гоби. Машины остановились у столовой, а я на «Драконе» поехал разыскивать Прозоровского. Надо было видеть, с какой радостью наш кинооператор выскочил из дома, едва услышав гул машины. Он истосковался от ничегонеделанья, поджидая нас. Уже в полной темноте мы доехали до большого обо на перевале шестьдесят восьмого километра от Улан-Батора.

Дальше шли опасные спуски, крутые повороты и косогоры. Шоферы наших машин, поврежденных в долгих маршрутах, с плохими тормозами, решили заночевать. Ледяной ветер пронизывал ватники. Мы разожгли большой костер и, погревшись, расхрабрились дотянуть до Улан-Батора еще сегодня на «Драконе» и полуторке. Машины пошли от веселого костра вниз в кромешную холодную тьму. Мгновение — и мир перестал существовать. Какие-то рытвины и бугорки виднелись впереди в свете фар. На самом деле это были спуски, подъемы и опасные косогоры, чувствовавшиеся только по мотору. Впереди нас шла полуторка. Пыль светлой стеной летела позади нее в свете наших фар. Когда полуторка удалялась, то только слабое пятно желтого света двигалось впереди в необъятной тьме. И этот слабый свет мгновенно исчезал, когда машина ныряла под спуск, и тогда

«Дракон» двигался одинокий, словно затерявшийся в огромной вселенной. От его сильных фар по сторонам дороги ложился отсвет. Стоявшая за этой чертой тьма, как всегда, казалась огромнейшим лесом. Деревья с правильными интервалами выстроились ровной линией вдоль освещенной дороги. Отчетливо виделись огромные ветви почему-то не с листьями, а с хвоей, простертые на громадной, примерно семидесятиметровой высоте. Галлюцинация выдавала себя тем, что очертания деревьев не изменялись, несмотря на быстрый ход машины.

Еще не было часа ночи, как мы подъезжали уже к нашей базе в Улан-Баторе. Эглон и Рождественский ожидали нас с шестнадцатого сентября. К утру прибыли и все остальные машины. Последний гобийский маршрут 1949 года закончился. Оставалось вывезти базу в Далан-Дзадагаде, а затем перебросить все на железную дорогу в Сухэ-Батор.

Так закончилась третья палеонтологическая экспедиция в Монгольскую Народную Республику 1949 года.

Еще больше узнали мы Гоби, еще больше полюбили эту пустынную и суровую страну. Наивно было бы думать, что теперь мы покончили с предварительным обследованием гобийских межгорных впадин. Огромные пространства: Джунгарская Гоби, Хони-Усуни-Гоби, впадина озера Алак-нур, Шаргаин-Гоби, пространство между Далан-Дзадагадом и Улугэй-хидом вдоль границы с КНР — все это простиралось на десятки тысяч неисследованных квадратных километров, которых еще не касались колеса наших машин. Да и в посещенных местах оставалось много неизвестного. Особенно на западе, где наши маршруты протянулись лишь одной длинной ниточкой.

Примером может служить рассказ старика арата, встреченного нами уже в Улан-Баторе. Старик арат рассказал нам о «каменных костях», которые он видел в двух местах недалеко от Цаган-Олома, к востоку от дороги на Юсун-Булак и к западу нее, близ Шаргаин-Гоби. Описание, данное старым аратом, не оставляло никакого сомнения в полной правдивости его слов. Я и раньше не раз замечал, что монголы, когда говорят о деле, не стремятся что-либо прибавить или приукрасить. Все указания и советы, которые мы от них получали, были совершенно точными. Таким образом, в маршруте этого года мы прошли между двумя интересными местонахождениями, не подозревая об их близости. А теперь, с сообщением старика, выяснялся новый интересный район, смежный вдобавок с Шаргаин-Гоби, на которую я не перестаю и сейчас возлагать большие надежды.

Подобных сообщений из мест, смежных с районами наших раскопок, за годы, прошедшие со времени работы экспедиции, поступило еще несколько. Были присланы и кости громадных нижнемеловых травоядных динозавров — игуанодонтов и больших титанотериев из Восточной Гоби как раз из оставшейся

неисследованной области между Баин-Ширэ, Хара-Хутул и Эргиль-обо.

Наступил день, и я вышел прощаться с автоколонной экспедиции, уходившей на север для погрузки и возвращения в Советский Союз. Пронизывающий ветер — самый первый спутник монгольских просторов, встречающий каждого жителя этой страны при рождении и провожающий его при смерти,— трепал изодранные тенты машин. Последние рукопожатия, приветственные взмахи рук, шум дружно заведенных моторов... И вот они пошли мимо: МГ-41-15 — «Тарбаган»; МГ-41-16 — «Волк»; МГ-41-17 — «Дзерен»; МГ-40-83 — «Дракон»; МЛ-05-10 — «Кулан» и другие, более мелкие «звери». Если вы встретите их на улицах Москвы, доживающих свой век в честной работе,— помяните добрым словом и эти машины и их водителей. Это они, пробиваясь сквозь пыльные бури, знойные ураганы, в жестокий мороз и сильную жару через пески, горные хребты, глинистые котловины Гоби, дали возможность советским ученым совершить интересные научные открытия.

Я смотрел вслед исчезавшей вдали колонне и думал о том, что трудное путешествие обогатило не только науку, но и нас самих. В пустынной Гоби широко раскрыта книга геологической летописи как бы в дар человеку за суровость и бесплодие природы. У нас на зеленом, богатом водою Севере листы этой книги плотно сомкнуты — закрыты лесами, болотами, зелеными коврами равнин.

Здесь, в Гоби, как нигде, чувствуешь, насколько насыщена земля памятью своего прошлого. В самых верхних ее слоях — орудия, черепки сосудов и другие предметы человеческого обихода. Глубже — стволы древних растений, кости вымерших животных. А еще ниже, в пока недоступной нам глубине, таятся древние химические элементы — огарки звездного вещества...

Бродя по бесконечным лабиринтам красных ущелий, извлекая из-под тяжелых пластов песчаников, глин и конгломератов остатки жизни прошлого, мы все глубже проникали в великую книгу геологической летописи. Трудно передать ощущение, охватывающее тебя, когда кладешь пальцы на желобки в истертых зубах диноцераса, мастодонта или динозавра, сделанные пищей, съеденной десятки миллионов лет назад. Или стоишь перед раскопанным скелетом чудовищного ящера, стараясь разгадать причину его гибели по положению, в котором захоронилось животное. Или отчетливо видишь на окаменелых костях следы заживших ран — сломанных и сросшихся переломов, отметины странных заболеваний. Кажется, что с глаз спадает какая-то пелена и они глядят прямо в глубину времени, а современная человеческая жизнь соприкасается с прошлым, давно исчезнувшим, но совершенно реально осязаемым. И тогда приходит отчетливое понимание, насколько важно познание прошлого. Без этого знания мы никогда не поймем, как появились, как исторически сложились среди всей остальной жизни мыслящие существа — мы, люди!

Только прикоснувшись к познанию прошлого, мы можем по-настоящему понять истинную ценность жизни. Великая история возникновения человека прежде всего поражает необычайной жестокостью. Сотни миллионов лет, в смене неисчислимых поколений плескался на нашей планете океан бессмысленной, нерассуждающей жизни. Невообразимое число самых разных животных гибло, истребляемое голодом, микробами, хищниками, стихиями. В последовательной смене поколений происходило приспособление организмов к условиям существования, создание все более совершенных энергетических систем жизни, приобретение частичной независимости от воздействия окружающей физической среды. Как необходимость проявляется через сумму бесчисленных случайностей, так и высшие организмы — млекопитающие — постепенно вырабатывались из мелких, частных приспособлений. Наконец, организм животного со сложнейшими системами химической, физической и нервной регуляции, биологической защиты, пищеварения, воспроизведения потомства оказался в состоянии нести нагрузку в виде большого мозга. Это развитие на нашей планете потребовало семьсот миллионов лет. Только за это время исторически сложились животные, из которых труд и речь создали людей. Самый последний этап становления человека продолжался около двух миллионов лет.

Убогими и наивными кажутся перед этой величественной картиной религиозные легенды о мгновенном сотворении человека и животных. Однако не менее наивны и предположения современных «ученых»-метафизиков о быстром, внезапном появлении разных видов, возникающих по мановению ока из совершенно других организмов.

Драгоценным созданием материи является человечество, появившееся в результате безмерно огромного и трудного исторического пути. Поэтому непростительно преступны все призывы к истребительной атомной войне, грозящей гибелью всему живому. Только отвратительное невежество, породившее фашистский расизм, только безродная империалистическая идеология в безответственном самодовольстве может не думать о грозной истории возникновения человека, неотвратимо определяющей его дальнейшие судьбы.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прошло пятнадцать лет. Уже закончена научная обработка почти всех сборов нашей экспедиции. Несколько томов научных статей в изданиях Академии наук посвящены материалам из монгольских местонахождений. В Палеонтологическом музее Академии наук стоят гигантские скелеты карнозавров, утконосого и панцирных динозавров. Выставлено множество громадных черепов, костей скелетов, яиц динозавров и черепах. Отдельные витрины занимают ископаемые монгольские крокодилы, носороги, титанотерии. Особняком выставлена замечательная фауна «Красной гряды», подготовляется к монтировке целый скелет азиатского диноцерата. Часть коллекций передана Государственному музею Монгольской Народной Республики. Среди них—целый скелет исполинского хищного динозавра из Нэмэгэту, который поставлен в Улан-Баторе в специально выстроенном для находок экспедиции зале.

Эти научные ценности, добытые экспедицией для нашего и монгольского народа, составляют лишь одну сторону ее работы и результатов. Другая сторона — научное значение сделанных открытий. Древний азиатский материк, в состав которого входила гобийская территория Монгольской Народной Республики, оказался вовсе не стародавней, чуть ли не извечной пустыней.

Около ста миллионов лет назад, в конце юрского периода, там находилась суша с тропическим влажным климатом и массой растительности, образовавшей угольные бассейны. Затем в нижнемеловую эпоху произошло погружение с образованием больших озер. В верхнем мелу бассейны обмелели и превратились в огромные заболоченные пространства, богатые растительностью. Неподалеку на юге находился берег настоящего моря. Верхне-

меловые низменности простирались из Монголии далеко на запад и составляли типичный ландшафт материка, единого с нашей Средней Азией. Здесь развивалась богатая наземная жизнь. Десятки тысяч разнообразных динозавров кишели в болотах и прибрежных лесах. Некоторые группы динозавров, как, например, анкилозавры — панцирные ящеры-танки возникли здесь, на азиатском материке. Также азиатское происхождение, по-видимому, имеет и вся группа утконосых динозавров.

Анализ захоронения динозавров показал, что каждый род этих исполинских ящеров занимал особую, присущую только ему, зону обитания. Прежние представления, рисовавшие жизнь динозавров всех вместе, в одной куче,— неверны. Главные группы динозавров обитали в трех разных зонах.

Самые большие ящеры — зауроподы — были жителями низменных открытых побережий. По таким побережьям, очень широко распространенным в меловую эпоху, ходили громадные приливные волны. Никакие другие животные, кроме гигантских зауропод с их тяжелыми костями и страшными когтями, не могли противостоять напору этих волн. Утконосые динозавры, также достигшие гигантской величины, укрывались в глубоких протоках среди затопленных прибрежных лесов. Они не были четвероногими, как зауроподы. Стоя на задних ногах и балансируя передними, снабженными плавательными перепонками, как веслами, эти ящеры не боялись и шестиметровых глубин.

Исполинские хищные динозавры — карнозавры — не могли следовать на такую глубину за утконосыми. Они обитали в более возвышенных областях низменностей и здесь охотились на других травоядных — меньших размеров и не приспособленных к обитанию в глубоких болотах. Такие травоядные — панцирные и рогатые динозавры — обладали тяжелым защитным вооружением, сильно ограничивавшим аппетиты хищников.

Таковы три главные зоны обитания динозавров, по которым теперь и нужно распределять всех этих исполинских ящеров. Проблема размножения динозавров в свете условий их существования стала особенно интересной. Очевидно, что утконосые динозавры и зауроподы обязательно должны были выходить на сушу для откладывания яиц в каких-то специальных убежищах.

Мы не смогли проследить горизонты самых последних моментов мелового периода. Они, может быть, сохранились в Восточной Гоби, исследование которой не было выполнено, так как экспедиция не доработала один год по плану. Великое вымирание динозавров — вопрос следующей экспедиции в Монголию. Однако уже сейчас мы можем сказать, что оно не было таким повсеместно внезапным, как это представлялось раньше.

Вероятно, на территории азиатского материка одновременно существовали области, в которых жили динозавры,— преимущественно болота и дельты рек, а также области, населенные млекопитающими, жившими в сухих и возвышенных местах, возможно, и на деревьях. Таково вероятное соотношение последних слоев верхнего мела и палеоцена. В эоцене древние млекопитающие все еще обитали вдоль рек и озер, на опушках лесов.

Растительноядные звери питались преимущественно мягкой, связанной с водными бассейнами растительной пищей. Таковы древние группы диноцерат, корифодонтов, аминодонтов и другие. Напомню, что в палеоцене Монголии найдены остатки так называемых южных копытных — странных зверей, доселе известных только в Южной Америке. Это важное указание, говорящее о том, что в начале кайнозоя млекопитающие уже широко расселились по всем материкам.

В олигоцене и позднее — в неогене, во второй половине третичного периода, фауна млекопитающих Монголии становится совершенно одинаковой с фауной нашей Средней Азии, Сибири и Казахстана. Материк с сухими степями — саваннами простирался на всю площадь Азии.

К востоку от Монголии, в Китайской Народной Республике, продолжаются те же самые отложения, как и в МНР, содержащие динозавров и млекопитающих. Однако в Китае лучше представлены юрские отложения с огромными зауроподами.

Тесная связь истории кайнозоя в СССР и в Монгольской Народной Республике еще раз подтвердилась совсем недавно, уже после окончания работ нашей экспедиции. В Казахстане открыты титанотерии и исполинские хищники типа эндрьюсархов. На другом конце азиатского материка, в нашем Уссурийском крае, в углях тоже найдены титанотерии и болотные носороги — аминодонты.

История животного мира, восстановленная на основании находок в геологических отложениях, позволяет нам определить последовательность и условия отложения горных пород. Так получается история геологического прошлого азиатского материка, очень важная для практических нужд геологии полезных ископаемых.

В эту работу наша экспедиция внесла свою долю, продолжив славные традиции русских ученых в деле изучения Азии.

Теперь, после произведенных исследований, яснее становится, как много нужно еще сделать. Наша экспедиция едва затронула межгорные впадины Гоби. На территории Монгольской Народной Республики еще много неосмотренных нами мест. А дальше, к югу, в пределах Китайской Народной Республики, простираются обширные гобийские впадины Внутренней Монголии.

Не менее интересна и много обещает знаменитая «Долина Бесов» у восточной окраины Тянь-Шаня и провинция Гань-Су. Огромные поля красноцветных отложений есть в котловинах Синьцзян-Уйсурского автономного р-на у подножия Куэнь-Луня и по северной окраине Тибетского нагорья.

Задача исследования древней наземной жизни азиатского материка имеет интереснейшие перспективы, но скорое выполнение ее под силу только соединенным трудам ученых двух великих стран — Советского Союза и Китая. Еще величественнее будут достижения, если к исследованию прошлого мира Азии присоединится третья ее великая страна — Индия.

СПРАВКА-СЛОВАРЬ

Встречающиеся в книге научные термины, географические названия и технические выражения в большей части разъясняются по ходу изложения. Для слов, оставшихся необъясненными, дается настоящий словарик.

1. ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ

Геологическая шкала времени

В книге мы встречаемся только с тем отделом шкалы, который включает историю планеты, когда на ней уже развилась жизнь. Эта история распадается на три эры: 1) *палеозой* (эру древней жизни), начавшийся около 600 миллионов лет тому назад и длившийся около 400 миллионов лет. В книге упоминаются отдельные периоды этой эры: силурийский, девонский и пермский; 2) *мезозой* (эру средней жизни), начавшийся после пермского периода палеозоя около 200 миллионов лет назад и длившийся около 110 миллионов лет. В книге упоминаются все три периода этой эры: триасовый, продолжавшийся 25 миллионов лет и сменившийся юрским такой же длительности, и меловой период, закончивший эру и длившийся около 60 миллионов лет; 3) *кайнозой* (эру новой жизни), начавшийся после мелового периода, 55—60 миллионов лет назад, и продолжающийся еще в настоящее время. Кайнозой делится на древние отложения, или палеоген, и новые, или неоген. Также встречаются названия третичные и четвертичные отложения. Первые составляют почти весь кайнозой, а четвертичный период — только самый последний этап этой эры — период великих оледенений, длившийся около миллиона лет. Самые древние отложения кайнозоя — это палеоцен и эоцен, продолжавшиеся свыше 20 миллионов лет, затем следует олигоцен длительностью в 16 миллионов лет, потом миоцен — в 12 миллионов лет и, наконец, перед четвертичным периодом был плиоцен, длившийся 6 миллионов лет. Названия всех перечисленных эр и периодов встречаются почти в каждой главе книги.

Отдельные геологические названия

Бэль — монгольское слово, вошедшее в науку,— высокий цоколь горного хребта, образовавшийся из продуктов его разрушения и окаймляющий подножие хребта. Характерен для пустынных областей.

Висячие долины — долины, русло которых не спускается постепенно в главную долину, а обрывается уступом. Встречаются в областях недавних поднятий.

Висячий маршрут — маршрут на большое расстояние, не имеющий опорных баз, кроме исходной точки начала маршрута.

Габбро-норит — «основная» глубинная изверженная порода.

Долериты — древние базальты; основные лавы с раскристаллизованной массой.

Диориты — породы со средним содержанием кварца, переходные от «кислых» (т. е. с большим содержанием кварца) пород — гранитов к «основным» породам (с малым содержанием кварца).

Зеркало скольжения — пришлифованная плоскость на камне от сброса, т. е. вертикального смещения пород по трещине.

Конус выноса — нагромождение продуктов разрушения хребта у его подошвы, в устье крутой горной долины. Обычно имеет вид правильно насыпанного конуса.

Кривая эрозии — уклон долины, по которой идет размыв хребта, или для больших областей — уклон от верховьев речного бассейна до моря.

Кварц-порфиры — излившиеся изверженные породы с отдельными кристаллами, рассеянными в стекловатой массе (порфиры), и с большим содержанием кварца.

Кора выветривания — зона поверхностного изменения горных пород от влияния атмосферы, воды, температуры и солнца. Проникает на различную глубину, в тех местах, где размыв незначителен, может достигать толщины в несколько десятков метров.

Конгломерат — горная порода, составленная из галек, сцементированных песчаником или известняком.

Конкреции — стяжения песчаника, мергеля или известняка, обычно вокруг каких-либо органических остатков.

Метаморфические кварциты — слово «метаморфические» означает породы, подвергшиеся последующим изменениям от погружения в глубь земной коры или от соприкосновения с расплавленными изверженными породами. Кварциты — песчаники, в которых зерна песка спаяны кремнем.

Мергель—известняк с большим содержанием глины.

Останец — одиноко стоящая возвышенность, оставшаяся от размыва гор.

Пластовая интрузия — излияние расплавленных пород между слоями осадочных пород, принявшее форму пласта.

Сбросы — вертикальные перемещения участков земной коры по разломам-трещинам.

Структурные единицы — в геологии так называются участки земной коры, характеризующиеся определенным строением, например, область складчатых гор, зоны опускания или поднятий и т. д.

Халцедон — скрытокристаллический натечный кварц.

Фации — совокупность условий отложения тех или других осадочных пород. Различаются морские, материковые, озерные фации и т. д.

Филлиты — тонколистоватые метаморфизованные сланцы.

Элювиальная дресва — грубый песок, или гравийник, образовавшийся от разрушения пород здесь же, на месте, без переноса.

Эпигенетическое ущелье, участок—часть долины, захваченная недавним поднятием и характерная крутыми склонами.

Яшма — разноцветный скрытокристаллический кварц, или кремень.

2. МОНГОЛЬСКИЕ ТЕРМИНЫ И НЕКОТОРЫЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

Аргал — сухой помет скота.

Айком — аймачный (областной) комитет Монгольской народно-революционной партии.

Бодисатва — божество буддийской религии, святой высшей степени.

Баг — низшая административная единица (типа нашего сельсовета).

Дели, или дэли,— национальная монгольская верхняя одежда, вроде халата со стоячим воротом. Одинакова у мужчин и женщин.

Дарга — начальник по-монгольски.

Дюрбюты — западномонгольская народность.

Копытки, иначе саджи,— пустынные птицы, похожие на куропаток с расширенными вроде копытец коготками на лапах для хождения по песку.

Лама — буддийский монах.

Орнитолог — ученый, изучающий птиц.

Рунические надписи — руническое алфавит — особая древняя письменность с угловатыми, палочковидными начертаниями букв. Был распространен у древних скандинавов и тюрков.

Сарлык — як, порода, рогатого скота, выведенная в горной Азии.

Субурган — каменная постройка в виде башенки с кубическим основанием и шпилем наверху. Такие постройки окружали буддийские храмы и монастыри и служили хранилищами священных предметов.

Сомон — средняя административная единица в МНР, соответствующая нашему району.

Тон — верхняя деревянная часть юрты в виде выпуклого колеса, прикрывающаяся специальным клапаном из кошмы.

Такыр — участок затвердевшей глинистой поверхности, гладкий и без растительности. Название из нашей Средней Азии.

Фаланга, или, вернее, сольпуга — крупный прыгающий паук с длинными задними конечностями.

Цирик — название монгольского солдата.

Уртон — пробег почтовой лошади и расстояние между почтовыми станциями в старину. Равен примерно 30—35 километрам.

Средняя Гоби. Корабли пустыни прошлого и настоящего

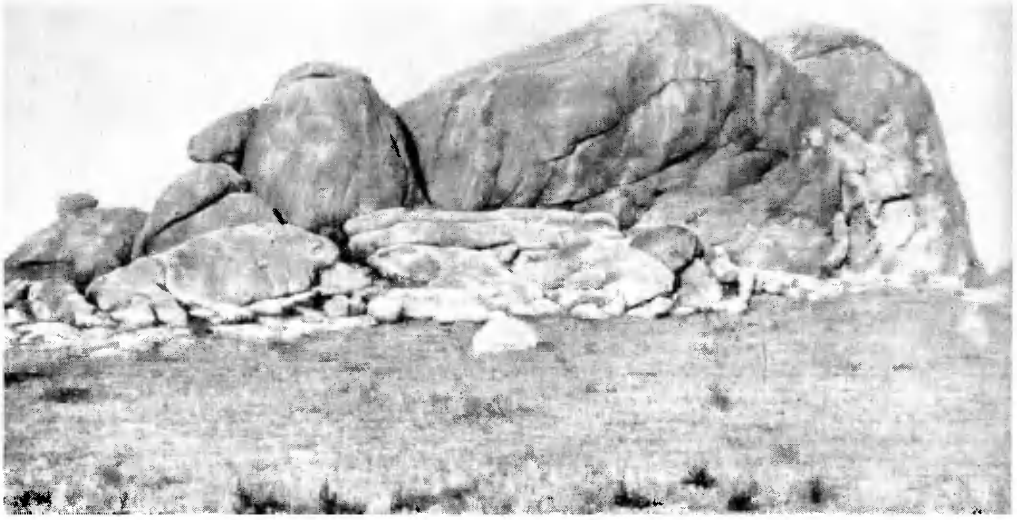
Один из небольших западных барханов песков Хонгорин-Элисун

Красными и оранжевыми башнями вздымаются обрывы «Пылающих скал» (Баин-Дзак)

Сквозь хребет Нэмэгэту. Возвращение из Ширэгин-Гашуна. Вдали гора Ихэ-Богдо

Так спускали монолит с обрывов Нэмэгэту

Как гигантские доисторические животные, охраняют подступы к Чойрену серые гранитные скалы

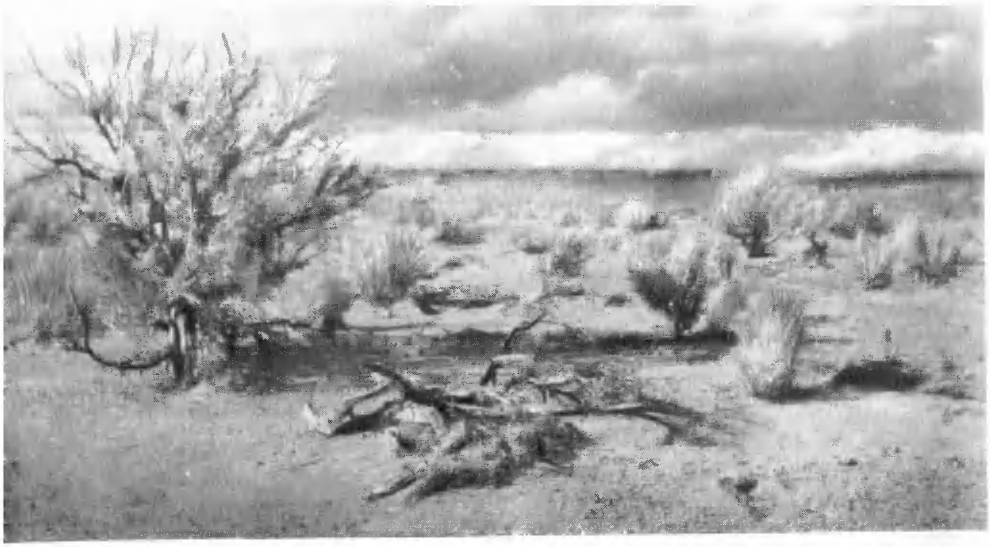


Между низких гор южного холма на пути из Долины Озер

Раскалены под гобийским солнцем черные базальтовые плато Долины Озер (район Орок-Нура)

Межгорные равнины Хангая поросли настоящей травой, а не редкими колючками Гоби

Извилистая дорога по Хангаю. (Район Убур-Хангайского аймака)



Древний саксаульник на дне впадины Шаргеин-Гоби (Полевая Гоби)

Сарлыки мирно паслись в болотистых долинах Арахангая

Высоко небо и необъятен простор Гоби (Запад МНР)

Огромные валуны усыпали бэль. Хребты Батыр-Хайрхан

У подножия хребта Батыр-Хайрхан

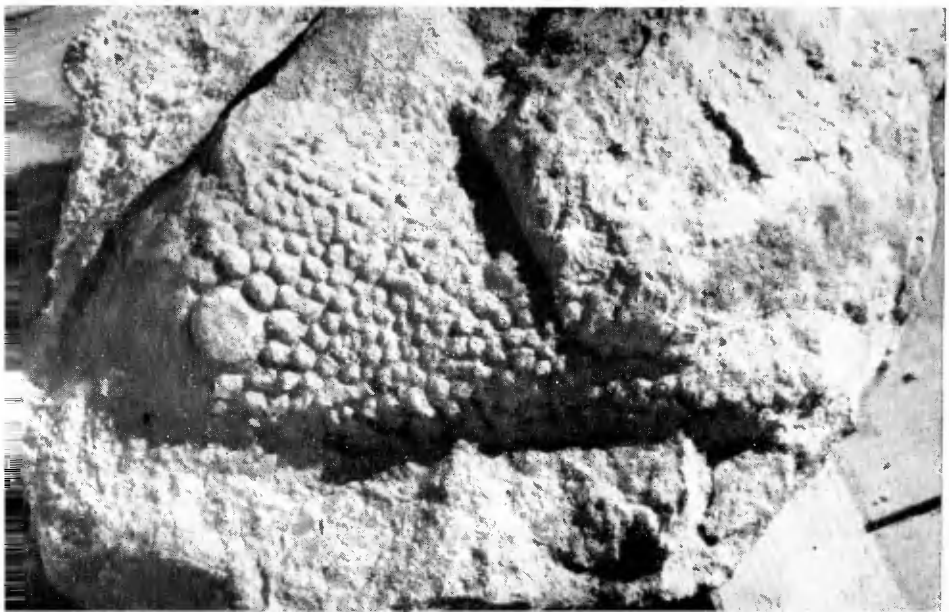
Причудливые гранитные скалы на плоскогорье Хангая

Машины стали на краю стены за кольцевыми могильниками трехтысячелетней давности

Древнейший могильник под стеной «Западного Хребта» (Ойгон-Хайрхан)

М. Ф. Лукьянова трудилась над скелетом утконосого динозавра на могиле Дракона

Отпечаток ноги утконосого динозавра-зауролофа с могилы Дракона (Алтан-Ула, котловина Нэмэгэту)



Яйца динозавров, собранные экспедицией в обрывах «Пылающих скал» (Байн-Дзак)

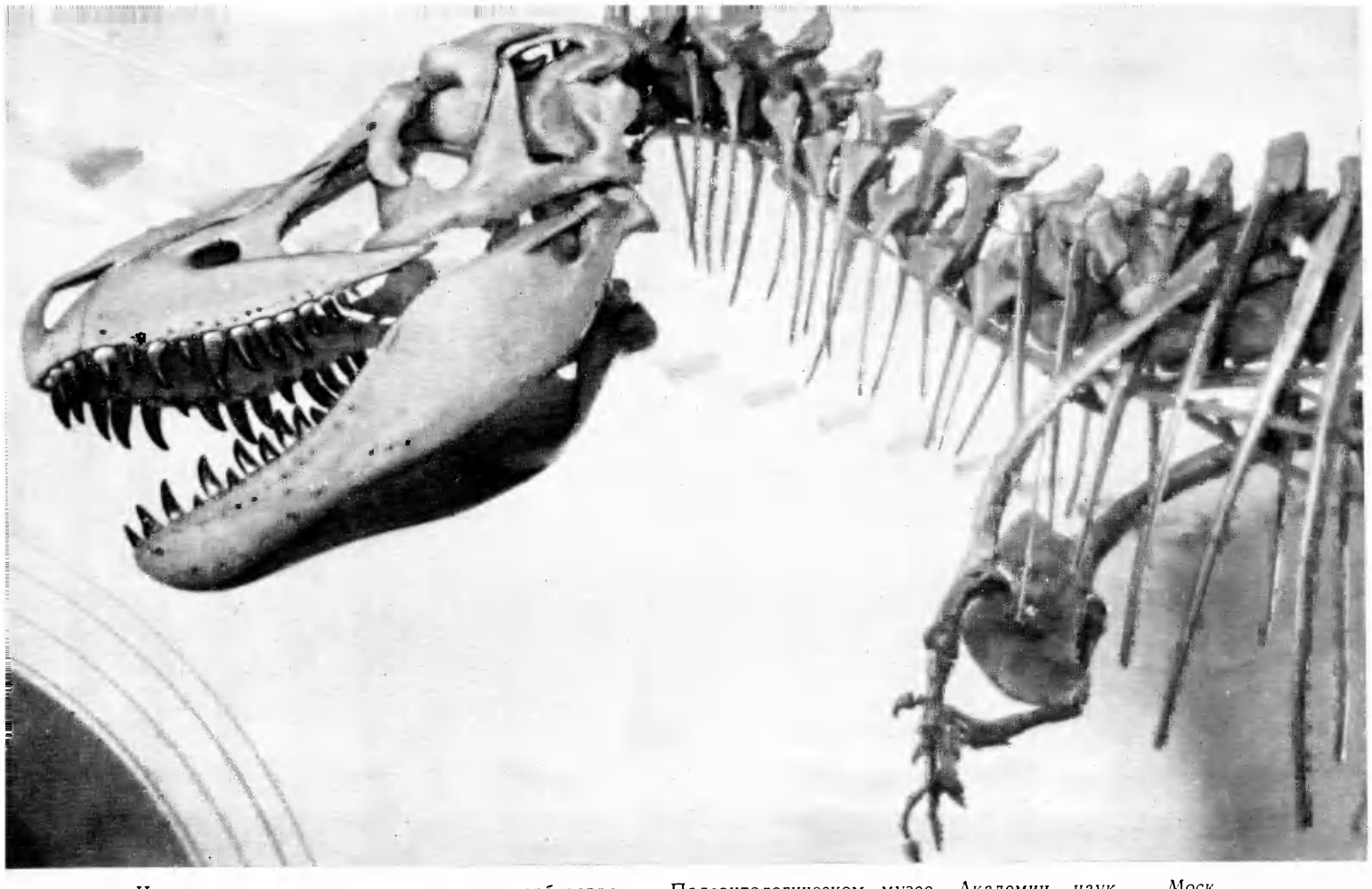
Погрузка монолитов на машину. Могила Дракона (Алтан-Ула)

Утконосый динозавр-зауролоф из Нэмэгэту. Реконструкция проф. К. К. Флерова

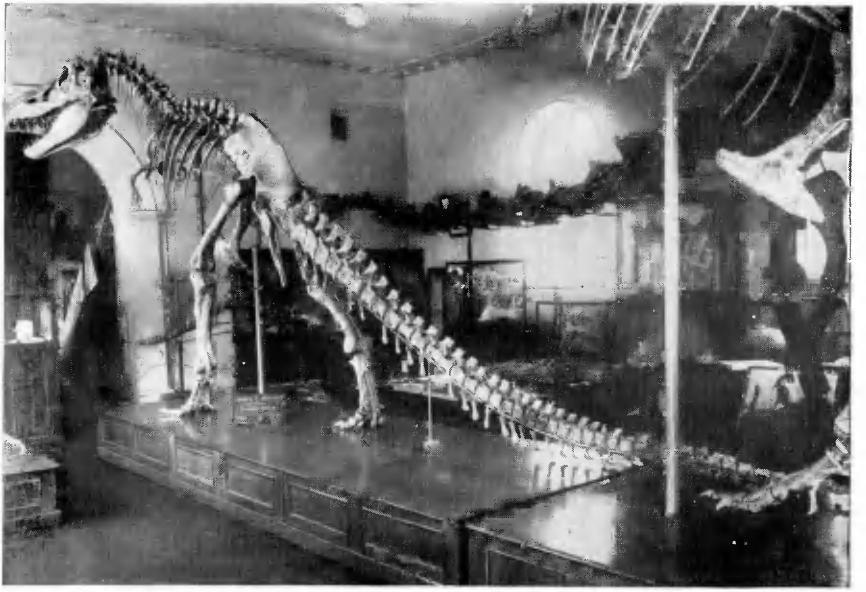
Белуджитерий (Орок-Нур) Реконструкция проф. К. К. Флерова

Мастодонт (Реконструкция проф. К. К. Флерова)

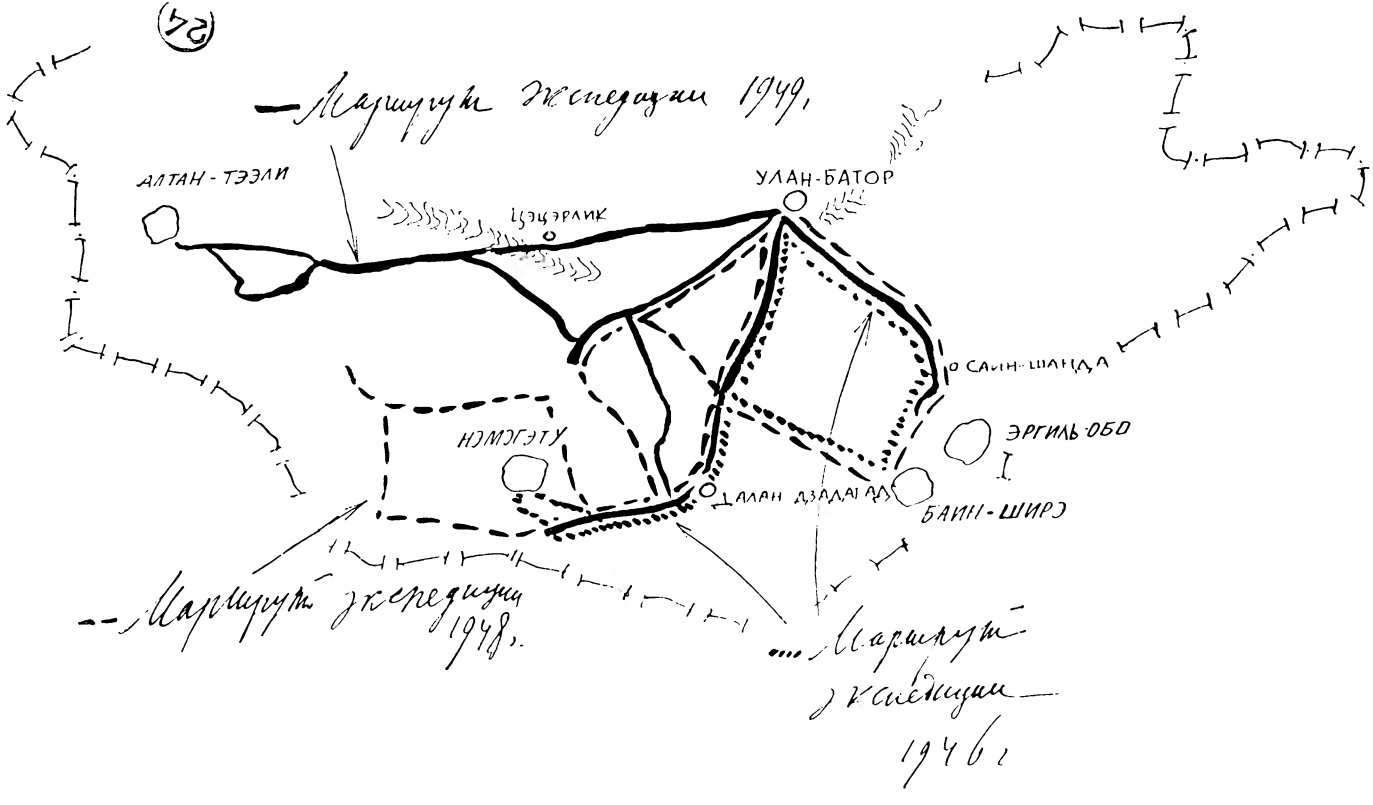
Динозавры (Реконструкция проф. К. К. Флерова)



Череп скелета хищного динозавра-тарб завра Палеонтологическом музее Академии наук Моск



Скелет хищного динозавра-тарбозавра
из Цаган-Улы. Палеонтологический музей
Академии наук в Москве


Маршрут экспедиции 1949 г.
АЛТАН-ТЭЭЛИ
ЦЭЦЭРЛИК
УЛАН-БАТОР
САИН-ШАНДА
ЭРГИЛЬ-ОБО
НЭМЭГЭТУ
АЛАН ДЗАЛАГАД
БАИН-ШИРЭ
Маршрут экспедиции 1948 г.
Маршрут экспедиции 1946 г.